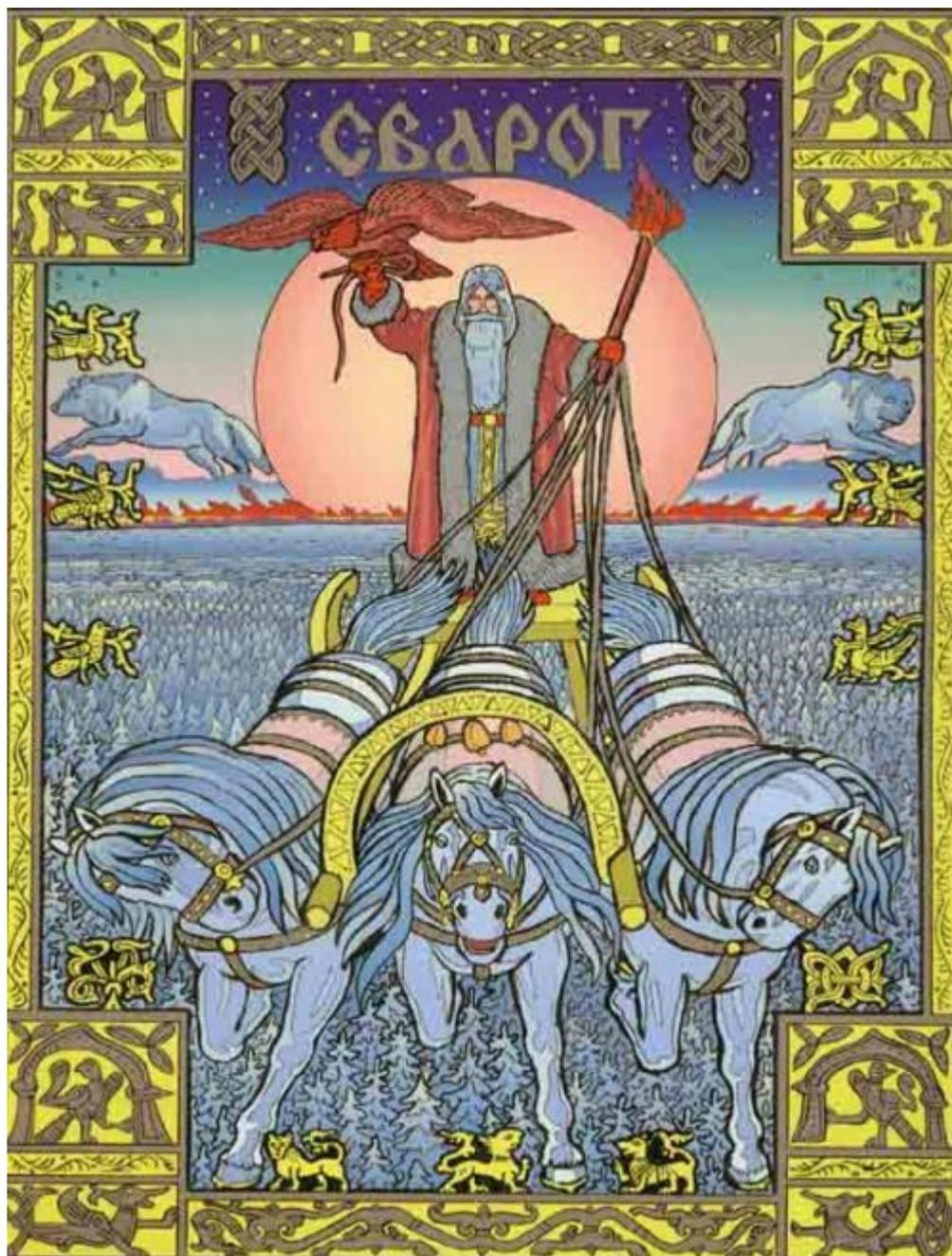

ТАКЕР РОБЕРТ

СТАЛИН – ПУТЬ К ВЛАСТИ

Роберт Такер.

Сталин. Путь к власти

Предисловие

Перефразируя известные слова Лютера, Россия могла бы сказать: "Здесь я стою, на рубеже между старым, капиталистическим, и новым, социалистическим, миром, здесь, на этом рубеже, я объединяю усилия пролетариев Запада с усилиями

крестьянства Востока для того, чтобы разгромить старый мир. Да поможет мне бог истории". (Из выступления И. В. Сталина в Баку в ноябре 1920 г.)

У биографической литературы о Сталине есть свои традиции. Авторы обычно начинают с описания Закавказья — региона, расположенного южнее Кавказского горного хребта, между Черным и Каспийским морями, как исторического места смешения народов Европы и Азии. Затем они вкратце рассказывают о Грузии и грузинском городке Гори, где в 1879 г. появился на свет мальчик Иосиф Джугашвили, позднее известный всему миру под фамилией Сталин. После этого повествование следует в хронологическом порядке. Хотя предлагаемая книга тоже биографического жанра, она построена несколько по иному принципу, обусловленному спецификой самой темы: личность и общественно-политическая сфера. Я ставил себе целью не просто пересказать биографию конкретного лица, но и высветить ее связь с историей. Будучи жизнеописанием человека, который в зрелые годы стал таким неограниченным правителем, какой до тех пор не встречался ни в одном современном крупном государстве, эта книга может быть также названа исследованием процесса формирования диктатора и условий, способствовавших установлению деспотического режима. Появившиеся после смерти Сталина в 1953 г. многочисленные разоблачительные материалы не оставляли никаких сомнений относительно того, что его имя войдет в историю как символ тирании. Ставшие достоянием гласности факты неопровержимо доказывают, что Сталин был человеком с диктаторскими наклонностями. Но, к сожалению, как это часто бывает, многое, ныне очевидное, в то время не привлекло внимания. По всем признакам в партийной олигархии, которая правила Россией в первые годы Советской власти, мало кто видел в Сталине потенциального диктатора. В лице Ленина советское руководство имело сильного, но не деспотического лидера, которого окружала целая плеяда прославленных революционных деятелей рангом пониже: Лев Троцкий, Григорий Зиновьев, Лев Каменев, Николай Бухарин, Карл Радек и другие. По сравнению с ними Сталин не был столь известен вне высших партийных кругов, где многие считали его посредственной личностью, которой нечего опасаться. Сталин выдвинулся в дореволюционном большевистском движении как организатор партии, один из ее "комитетчиков", работавших в российском подполье. В ноябре 1917 г., когда партия взяла власть в свои руки, Сталин стал в ленинской республике Советов заметной фигурой, хотя еще и не лидером самого верхнего эшелона. Однако прошли какие-то пять лет, и вот он уже руководитель высшего ранга. Помимо деятельности в главных органах управления, где вырабатывалась политика, Сталин в качестве Генерального секретаря ЦК занял в партии ключевую позицию, обеспечившую ему огромное влияние в низовых партийных организациях. И все же в высших большевистских кругах на него продолжали смотреть сверху вниз. Все это помогает объяснить, почему руководство ничего не предприняло в связи с предостережением Ленина. В конце 1922 г. Ленин тяжело болел, и его тревожило будущее партии. К тому времени он пришел к выводу, что некоторые свойства характера Сталина — прежде всего "грубость" и склонность поддаваться в политике "озлоблению" — делали дальнейшее его пребывание на исключительно важном посту Генерального секретаря опасным. В письме (названном позднее "завещанием") Ленин рекомендовал партийному съезду заменить Сталина на посту генсека другим человеком, "более терпимым, более лояльным, более вежливым и более внимательным к товарищам, меньше капризности и т. д.". Вопрос о личных качествах, добавил он, может показаться ничтожной мелочью, однако это та мелочь, которая может приобрести решающее значение. После смерти Ленина в 1924 г. его вдова передала документ партийному руководству. Однако оно предпочло

оставить совет Ленина относительно Сталина без последствий. Позднее большинство из партийных руководителей поплатилось за это решение жизнью. Выступая в феврале 1956 г. на закрытом заседании XX съезда, Н. С. Хрущев зачитал завещание Ленина, касавшееся Сталина, и добавил: "Как показали последующие события, тревога Ленина не была напрасной". Затем он рассказал об этих "последующих событиях". Он, в частности, поведал о том, как Сталин, заполучив в 20-е годы место верховного лидера партии, в 30-е годы начал превращать олигархическую однопартийную систему в подлинную автократию, в которой сама правящая партия была подчинена контролируемым Сталиным органам НКВД. В годы партийных чисток он организовал настоящее истребление кадров. Расстреляли или отправили в лагеря не только тех, кто раньше выступал против Сталина, но тысячи и тысячи других "врагов народа". При помощи массовых чисток и террора Сталин создал систему личной диктатуры, при которой один человек принимал все важные решения, а остальные члены руководящих органов были вынуждены только послушно поддакивать. Свою деспотическую власть Сталин использовал для самовосхваления, например втайне ото всех редактируя текст своей биографии таким образом, чтобы подчеркнуть собственное величие. Будучи одним из ближайших помощников диктатора с начала 30-х годов и до его кончины и основываясь на личном опыте, Хрущев в докладе на закрытом заседании XX съезду подробно охарактеризовал личные качества Сталина. Он говорил о нетерпимости Сталина к критике и инакомыслию, о готовности обречь на страдания и смерть любого человека, которого ему случалось принять за "врага", о его крайней мнительности и подозрительности, о жажде похвалы и славы, а также о том, что ему повсюду мерещились заговоры. Указывая на "отрицательные качества" Сталина, Хрущев отметил, что они "все более развивались и за последние годы приобрели совершенно нетерпимый характер". Короче говоря, он нарисовал классический портрет тирана — портрет, пополнившийся с тех пор новыми штрихами, которые добавили самые разные люди, во многих случаях также исходившие из личного опыта. К ним относятся: руководители партии; генералы, служившие под его началом во время второй мировой войны; советские журналисты и писатели; старые большевики, пережившие лагеря и оставившие свои мемуары; видный югославский политический деятель Милован Джилас, встречавшийся со Сталиным в 40-е годы; дочь диктатора Светлана воспоминания которой тем более ценны, поскольку написаны непосредственно членом семьи; историк Рой Медведев, включивший новые биографические данные в свою книгу о Сталине "К суду истории". Однако еще предстоит в более полной мере изучить весь доступный ныне богатый материал. Пока же исследователи едва приступили к анализу личности Сталина и тех психологических мотиваций, которые побуждали его с помощью чисток и террора добиваться неограниченной, автократической власти. Еще недостаточно изучен сложный механизм взаимодействия этих психологических мотиваций с политическими целями и идеями Сталина. Не уделялось должного внимания и проблеме формирования политического облика Сталина в юности, хотя относящиеся к делу многочисленные факты давно были под рукой. Что сделало его марксистом? Почему он бросил духовную семинарию в 20-летнем возрасте и избрал карьеру революционера? Отчего стал большевиком, сторонником Ленина, в то время как большинство грузинских марксистов предпочли меньшевизм? Каковы были его личные цели в революционном движении? Все эти вопросы остаются открытыми. Но на них важно получить ответ, если мы хотим лучше понять поступки зрелого Сталина. Такие ведущие психологи нашего века, как Карен Хорни и Эрик Эриксон (не говоря уж об их предшественнике Зигмунде Фрейде), стремились к глубокому проникновению в эволюционирующую природу

личности. Особенности характера и мотивация не являются неизменными качествами. Они развиваются и меняются в течение всей жизни, в которой обычно присутствуют и критические моменты, и определяющие будущее решения. Более того, сформированная в юности индивидуальность, или (по выражению Эриксона) "психосоциальная идентичность" обладает перспективным, или программным, измерением. Она содержит не только ощущение индивидуума, кто и что он есть, но также его цели, четкие или зачаточные представления относительно того, чего он должен, может и сумеет достичь. Поэтому более поздние жизненные переживания не могут не оставить глубокого следа на его личности. Осуществление или неосуществление внутреннего жизненного сценария обязательно влияет на отношение индивидуума к самому себе, и именно это отношение и составляет основу личности. Более того, успех или неуспех жизненного сценария не может не влиять на взаимоотношения человека с другими, важными для него людьми и, следовательно, на его и их жизнь вообще. Все вышесказанное одинаково применимо и к тем, кто становятся диктаторами, и к тем, кто — нет. Поэтому, исследуя подобную биографию, нужно изучить стремления индивидуума в годы его становления и затем попытаться раскрыть отношение данного индивидуума, достигшего среднего возраста, к уже прожитой им части жизни. Следовательно, говоря о "диктаторской личности", я не имею в виду какой-то гипотетический психологический синдром, который появляется у индивидуума в ранние годы и функционирует потом без изменений. Подобная точка зрения противоречила бы концепции эволюционирующей личности, а также фактам рассматриваемого нами классического случая. У молодого Сталина уже можно заметить задатки будущего тирана. Однако в то время его личность как личность диктатора еще полностью не сформировалась. Данное обстоятельство помогает понять, почему в начале 20-х годов, когда Сталину едва перевалило за сорок, многие окружавшие его люди оказались не в состоянии увидеть надвигающуюся опасность. Также не следует думать, что сам Сталин, и в тот момент, и раньше, твердо нацелился на диктаторство. Нельзя с уверенностью утверждать, что он стремился стать тираном. По всем признакам Сталин жаждал политической власти, а с нею и роли признанного вождя большевистского движения, второго Ленина. Теперь ему хотелось стать преемником, так же как в период возмужания хотелось стать ближайшим соратником того человека, который в ранние годы служил для него моделью и прообразом. Сталин страстно желал войти, подобно Ленину, в историю в качестве героя. Естественно, что при осуществлении данного жизненного сценария свои роли предстояло сыграть многим людям, и прежде всего тем, кто назывался большевиком. Отсюда вытекает, что в подобном исследовании нужно рассматривать как самого индивидуума, в котором заложена вероятность появления диктатора, так и внешние условия, а также их взаимовлияние. Следует учитывать исторические факторы, включая и ту роль, которую индивидуум ставит себе целью занять. Большевики по доброй воле признали и даже чттили Ленина как своего вождя. Его особое положение в партии не регулировалось законодательно, подобно американскому президентству. Он, по существу, выполнял роль неформального лидера. И тем не менее в партийной практике и в коллективном сознании, т.е. в том, что сегодня назвали бы политической культурой, роли Ленина отводилось вполне определенное и чрезвычайно важное место. Роль Ленина в партии обрела свои конкретные черты за четверть века существования большевизма как революционного движения, которое он создал и направлял. Поэтому предлагаемое исследование начинается с попытки описать заново природу этого движения и роль Ленина как его руководителя. Основная тема данного тома — Сталин до 1929 г., когда он завершил свой долгий путь к

политическому верховенству и добился от партии признания в качестве преемника Ленина. Однако я не всегда придерживался хронологической последовательности, считая себя вправе привести факты и эпизоды более поздних лет, если они имели существенное значение для освещения интересующих нас вопросов, и опустить некоторые темы 20-х годов (например, развитие сталинской концепции внешней политики), чтобы рассмотреть их в связи с деятельностью Сталина в 30-е годы. Новая биографическая форма, которую Эриксон назвал "психоисторией", открывает заманчивые перспективы, но и таит в себе определенные опасности. Одна из них состоит в том, что, уделяя чрезмерное внимание личности лидера, можно нарисовать слишком однобокую картину той роли, которую данный фактор играл, оказывая влияние на направление или темпы исторического развития. В таком исследовании недостаточно систематически и углубленно изучать саму личность лидера. Нужно также вскрыть связи и взаимодействия личности с социальным окружением и политической ситуацией, которые тогда позволяют личностному фактору обрести историческую значимость. В рассматриваемом нами случае объяснение причин прихода Сталина к власти и его деспотизма кроется как в характере Сталина, так и в характере большевизма, как политического движения, в характере той исторической ситуации, в которой оказалась Советская власть в 20-е годы, в характере самой России — страны с традицией самодержавного правления и примирением народа с фактом такого правления. Но, только уяснив сложное взаимное переплетение всех этих факторов, мы окажемся в состоянии понять, почему так получилось, что личные качества (как верно, но слишком поздно предсказал Ленин) оказались мелочью решающего значения. Русский пролог "Я не ворон, я вороненок, а ворон-то еще летает"¹ В начале нынешнего столетия, когда в большинстве стран Европы уже восторжествовала конституционная власть, в России все еще господствовала абсолютная монархия. Статья 1-я Основных законов Российской империи, принятых в 1892 г., гласила: "Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти, не токмо за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает". Царь, разумеется, не мог единолично принимать все важные политические решения, а если он так поступал, то и тогда находился под влиянием им же самим избранных советников. С учетом этих оговорок можно тем не менее утверждать, что в данном случае внешняя форма, в общем-то, совпадала с реальным положением вещей. Высшие правительственные учреждения являлись придатками царской самодержавной власти. Так, Государственный совет, этот законодательный орган, чьи заседания проходили за закрытыми дверями, формировался из высших сановников, назначаемых царем, и выполнял лишь консультативные функции. Только царь выносил окончательное решение, утверждая или отклоняя какой-либо закон. При этом он часто прислушивался к голосу не большинства, а меньшинства среди своих советников или действовал, не спрашивая мнения Государственного совета. Комитет министров не был правительством в обычном смысле слова, а был всего-навсего координирующим совещанием министров. Последние полностью ответственны только перед царем, с которым напрямую и независимо от других министров имели дело по проблемам, входившим в сферу их компетенции.² Внешняя политика, например, определялась исключительно царем и министром иностранных дел или каким-либо другим лицом, с которым царь считал нужным проконсультироваться. Правительство как таковое не только не решало вопросов внешней политики, но даже и не обсуждало их. По словам Горчакова, одного из министров иностранных дел России XIX века: "В России есть только два человека, которые знают политику русского кабинета: император, который ее делает, и я, который ее подготавливаю и выполняю". Характеризуя собственную роль, Горчаков

говорил, что "он только губка, которая впитывает в себя высочайшие указания"³. Русское государственное устройство было и бюрократическим и авторитарным. Огромной империей — от Балтийского моря до Тихого океана управляла из Санкт-Петербурга преданная царю бюрократия в чиновничьих мундирах. Губернаторы назначались министерством внутренних дел и были ему же подотчетны. Вместе с подчиненными чиновниками в губернских столицах они выполняли роль представителей центральной власти. Иметь самоуправление в рамках империи народам нерусской национальности не разрешалось; исключением была Финляндия. Гражданские свободы существовали только на бумаге. Политические партии были запрещены и могли действовать только нелегально. Например, собрание, на котором в 1898 г. в Минске образовалась Российская социал-демократическая рабочая партия, проходило тайно. Все публикации подлежали официальной цензуре. Оставалась в силе внутренняя паспортная система как средство контроля за передвижением населения. Вездесущая русская тайная полиция, или "Охранка", располагала широко разветвленной сетью осведомителей, которые были ее глазами и ушами. Русская православная церковь, которой управляло государственное учреждение (Святейший синод), представляла собой официальную религию и пользовалась соответствующими привилегиями и покровительством. По существующим правилам правительственные чиновники были обязаны посещать божественную литургию по крайней мере раз в год и официально удостоверить свое посещение. Александр II осуществил ряд социально-экономических реформ, начав в 1861 г. с указа об отмене крепостного права. Хотя реформы 60-х годов и положили начало созданию земств (органов местного самоуправления), самодержавная основа русской политической структуры осталась без изменений. В 1861 г. Александр II в беседе с Бисмарком заявил, что конституционная система правления не соответствует русским политическим традициям. Всякая попытка ограничить самодержавную власть, утверждал он, подорвала бы веру простого народа в монарха — в "поставленного от бога отеческого и неограниченного господина"⁴. Если сегодня дать стране конституцию, заметил он по другому случаю, то завтра Россия распадется. По иронии судьбы, в тот самый момент, когда Александр II пересмотрел свои взгляды и готовился в 1881 г. даровать стране парламентскую хартию, он был убит революционерами. Этот террористический акт ознаменовал начало периода жестокой реакции и репрессий, характерных для правления Александра III. Потребовалась революция 1905 г., чтобы вырвать у несговорчивой царской власти конституционные свободы. Политические партии получили право на легальное существование, и появился в основном избираемый национальный парламент — Государственная дума. Но и тогда Николай II пытался, по-прежнему неумело и неэффективно, выступать в роли "неограниченного монарха", которого Основные законы провозгласили самодержавным императором Всероссийским. Подлинный парламентский государственный порядок так и не сложился, царизм сохранил свои позиции, чтобы быть сметенным революционным ураганом, который пронесся над русской землей в 1917 г. Но даже народное восстание подобного размаха не в состоянии полностью все переменить. Ведь и в любой новой политической системе продолжают присутствовать, например, такие глубоко укоренившиеся элементы старой политической культуры, как отношение населения к правительству. Сотни лет царского самодержавия с его официальным культом правителя постепенно сформировали у значительной части простого народа, и особенно у крестьян, монархический склад ума. А гибель, уничтожение и бегство за границу в революционные годы многих представителей и без того немногочисленных высших и средних слоев населения позволили классу крестьян приобрести еще больший вес. Следует добавить, что промышленные рабочие,

количество которых быстро возросло во второй половине XIX века (когда индустриализация в России набрала темп), во многих случаях сохранили тесные связи с родной деревней. "Без царя — земля вдова", "без царя народ сирота". В этих пословицах нашел свое отражение миф о царе-батюшке. По-разному эту же самую мысль передают многие другие старые русские пословицы и поговорки ("Бог знает да царь", "Все во власти Божьей да государевой", "Богом да царем Россия сильна")⁵. Совершенно очевидно, что политическая лояльность русского крестьянина связывалась не с абстрактным учреждением (государством), а с конкретной личностью правителя. Самодержавие вкупе с русским православием представлялось крестьянину составной частью того естественного порядка вещей, который (на более высоком, государственном уровне) соответствовал привычному патриархальному авторитаризму семейной жизни в деревне. (Подобные чувства в народе стали ослабевать только в самом конце царского правления.) Крестьянин постоянно испытывал многочисленные глубокие обиды и временами был готов во всеуслышание о них заявить или даже отреагировать насилием. Но обычно он направлял свое негодование на ближайших виновников несчастья, в первую очередь на помещиков, и снимал всякую вину с самого царя. Разве не окружали царя министры и советники, которые обманывали его и держали в неведении относительно людских страданий? Так рассуждал крестьянин и вкладывал особый смысл в следующие слова: "Царь далеко, а Бог высоко". Стойкая вера в царское великодушие поддерживала в народе традиционное стремление рассказать ему всю правду, обратиться лично к нему с петициями о восстановлении справедливости. Именно в соответствии с данной традицией священник Георгий Гапон возглавил 9 января 1905 г. демонстрацию рабочих, которых повел к Зимнему дворцу с иконами, чтобы просить у Николая II реформ и заступничества. Царь не принял своих верноподданных, войска открыли огонь по шествию, и 9 января вошло в историю России как Кровавое воскресенье. Эта бойня привела к революционному взрыву 1905 г. и значительно подорвала веру в передававшуюся из поколения в поколение русскую сказку о царе-батюшке. Глубокий смысл данного события для воспитанного на традициях русского ума выразил Гапон трагическими словами: "Нет больше царя"⁶. Крупные народные бунты, которые время от времени сотрясали Россию на протяжении всей ее истории, свидетельствуют, что даже в самые мятежные периоды крестьянин обычно сохранял лояльность по отношению к царю или, во всяком случае, к идее царского правления. Известны восстания под руководством Ивана Болотникова и других крестьянских вождей в смутное время (1605-1613), бунт Степана Разина (1667-1671). Через столетие, во время царствования Екатерины II, вспыхнуло восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Чернявский говорит о "царецентризме"⁷ этих повстанческих движений, подчеркивая тем самым тот факт, что они были направлены против помещиков и государственных чиновников, но под царским знаменем. Ни один предводитель бунтовщиков не заявлял, что движение враждебно царю. Напротив, они, как правило, утверждали, что на их стороне царь или какой-либо другой член царской семьи, или же стремились убедить, будто сами являются царями. Так, Разин уверял, что вместе с мятежниками вверх по Волге движется старший сын царя и наследник престола царевич Алексей, а Пугачев выдавал себя за царя Петра III, убитого мужа Екатерины II. Именно из уважения к этой сложившейся традиции республиканцы-декабристы⁸ призвали войска к выступлению от имени предполагаемого "истинного царя" великого князя Константина. История сохранила для нас и другие поучительные примеры. Когда в 70-е годы прошлого столетия представители радикальной интеллигенции "пошли в народ" и стали проповедовать крестьянам социализм в

антимонархическом духе, последние заявили о многих из них в полицию. Таким образом, отсутствие в социалистической пропаганде молодых образованных радикалов идеи монарха помогает объяснить негативное отношение крестьянства к народникам. Положение изменилось лишь на рубеже нового столетия. К тому времени русские крестьяне, а также рабочие — выходцы из крестьян стали более восприимчивыми к революционной пропаганде немонархического характера. Примечательно, что и в рассуждениях интеллигенции на первых порах присутствовали определенные монархические тенденции, несмотря на то что для нее было характерно довольно прохладное отношение к царизму. Эта тонкая прослойка критически мыслящих русских первоначально состояла из получивших образование отпрысков земельной аристократии. Однако уже к середине XIX века в нее стало вливаться все большее число разночинцев из числа тех немногих, которым посчастливилось получить высшее образование. Их волновал прежде всего "социальный вопрос", который до указа об освобождении 1861 г. в основном сводился к проблеме отмены крепостного права; но и здесь некоторые представители интеллигенции возлагали свои надежды на монархию как организатора этой важной реформы. Почему бы прогрессивному царю не отменить крепостное право, действуя сверху вопреки сопротивлению крепостников, которых Александр Герцен — выдающийся представитель интеллигенции 40-х и 50-х годов XIX столетия — назвал "плантаторами"? Таким образом, аболиционистски настроенная интеллигенция вместе с либеральными представителями русского общества из среды государственных служащих отдавала предпочтение не конституционной программе, осуществление которой, по их мнению, лишь усилило бы политическое влияние землевладельцев, а идее прогрессивного самодержавия. Виссарион Белинский, прогрессивный литературный критик и мыслитель 40-х годов, колебался между надеждой на всеобщее восстание крепостных крестьян и упованием на диктатуру царя, действующего во благо народа и против знати⁹. Писатель и критик Николай Чернышевский, в 50-е годы принявший на себя духовное руководство интеллигенцией, в 1848 г. записал в дневнике, что России нужно самодержавие, чтобы защищать интересы низших классов и подготавливать будущее равенство. Затем он добавил: "Так действовал, например, Петр Великий, по моему мнению. Но эта власть должна понимать, что она временная, что она средство, а не цель"¹⁰. Проживавший в эмиграции в Западной Европе Герцен мыслил в том же направлении. Революция 1848 г. во Франции рассеяла его иллюзии и побудила пересмотреть прежние увлечения Западом. Исходя из старого славянофильского представления о русских как о "социальном народе", он выдвинул идею о том, что русский крестьянин — это инстинктивный социалист, что мир (традиционная деревенская община в России) — это ядро будущего русского социалистического общества. Если, дескать, во Франции человеком будущего являлся работник, то в России человек будущего — мужик. И быть может, рассуждал он, именно экономически отсталой, еще не вступившей на капиталистический путь развития, но сохранившей старинные деревенские общины России предопределено самой судьбой повести весь славянский мир к социализму¹¹. Здесь как бы еще в зародыше предстаёт социалистическая идеология революционного движения народников, возникшая в среде радикальной интеллигенции в конце 50-х и в 60-е годы. Примечательным является то, что в первые годы царствования Александра II у Герцена так называемый "русский социализм" уживался с теорией прогрессивного самодержавия. Он призывал Александра II стать "коронованным революционером" и "земским царем", продолжить преобразования Петра Великого и порвать с петербургским периодом столь же решительно, как Петр I порвал с московским периодом. Наставник народников и теоретик анархизма Михаил Бакунин какое-то время заигрывал с

идеей революционного монархизма. В 1862 г. он писал: "Александр II мог бы так легко сделаться народным кумиром, первым русским земским царем". И далее: "Опираясь на этот народ, он мог бы стать спасителем и главой всего славянского мира... Он, и только он один, мог совершить в России величайшую и благодетельнейшую революцию, не пролив капли крови"¹². Четырьмя годами ранее к Александру II со страниц издававшегося Герценом в Лондоне сборника "Голоса из России" обратился в том же духе молодой русский социалист Николай Серно-Соловьевич, который предложил царю использовать собственную абсолютную власть для претворения в жизнь социалистической программы передачи под эгидой российского государства помещичьих земель деревенским общинам. "На русском престоле, — заявил этот революционер, — царь не может не быть, сознательно или несознательно, социалистом"¹³. Представление о "якобинце Романове", осуществляющем из Санкт-Петербурга социалистические преобразования в России, было абсолютно утопическим, и радикалам со всей очевидностью пришлось бы испытать разочарование даже в том случае, если положения земельной реформы 1861 г. не оказались бы такими неудовлетворительными и не повлекли бы за собой серьезные крестьянские волнения. Последнее обстоятельство, однако, дало толчок росту революционного народничества 60-х годов, объявившего войну казенной России и видевшего в Александре II, которого сам Герцен раньше назвал "царем-освободителем", главного врага русского народа. Чернышевский и других революционные народники, отказавшись от всяких надежд на народного царя и прогрессивную автократию, стали утверждать, что российский монарх — это только верхушка аристократической иерархии и чем скорее она "погибнет", тем лучше. Серно-Соловьевич, например, стал одним из создателей революционного тайного общества "Земля и воля", предтечи организации "Народная воля", члены которой в конце концов убили Александра II. Перелом в умонастроениях нашел наиболее четкое отражение в прокламации студента Каракозова, в которой он разъяснял причины покушения (правда, неудачного) на царя в 1866 г. Русская история, говорилось в ней, показывает, что лицом, действительно виновным во всех страданиях народа, является не кто иной, как сам царь. Каракозов, в частности, писал: "Цари завели себе чиновников... и постоянное войско. Назвали их (чиновников) дворянами... и начали им раздавать земли... Сообразите это, братцы... и вы увидите, что царь есть самый главный из помещиков, никогда он не потянет на мужицкую руку, потому — он самый сильный недруг простого народа"¹⁴. Поскольку выстрел Каракозова символизировал собой тот факт, что радикальная интеллигенция рассталась с представлением о прогрессивном самодержавии, по-видимому, данный рубеж можно было бы считать вполне подходящим для того, чтобы на нем закончить историю русского революционного монархизма. Однако теперь мы подошли к одной из тех метаморфоз в истории политической мысли, которая ясно иллюстрирует ее внутреннюю сложность. Отказавшись от концепции прогрессивного самодержавия, народники 60-х и 70-х годов тем не менее вновь возродили ее в новом обличье, радикально изменив форму, но сохранив существенную часть прежнего содержания. Из устаревших представлений о диктатуре царя, действующего в интересах народа и против аристократии и преобразующего Россию сверху на социалистических принципах, некоторые народники выбросили фигуру царя, заменив ее организацией революционеров. В результате место идеи о прогрессивном самодержавии заняла идея о том, что за революционным захватом власти снизу последует диктатура революционной партии, которая использует политическую власть для осуществления сверху социалистического преобразования российского общества. Сторонники теории революционной диктатуры приобрели известность как "русские якобинцы". Эта идея была сформулирована еще в 1862 г. в

прокламации народников "Молодая Россия". Ее автор, П. Г. Заичневский, являлся руководителем подпольной группы революционного общества "Земля и воля" в Московском университете. Более обстоятельно данную концепцию разработали такие видные деятели народнического движения 70-х годов, как Петр Ткачев и Петр Лавров. По мысли Ткачева, правящая элита из революционеров-интеллектуалов, захвативших политическую власть после "революционно-разрушительной" деятельности снизу, использует эту власть для "революционно-устроительной" работы сверху. Воздействуя на массы главным образом методом убеждения, а не принуждения, используя средства пропаганды, эти люди постепенно преобразуют страну на социалистических принципах, превращая крестьянскую общину в подлинную коммуну, экспроприируя частную собственность на средства производства, утверждая равенство и развивая народное самоуправление до такого уровня, на котором революционная диктатура окажется ненужной. Руководители "Народной воли" предполагали также образовать "временное революционное правительство", которому предстояло сверху довести социально-экономическую революцию до конца. Ее результаты подлежали утверждению национальным парламентом народных представителей. Так выглядело русское якобинство на фоне народнического движения. Одним из его истоков (конечно же, неосознанно) являлась старая идея о прогрессивном царском самодержавии. Учение русских якобинцев оставило глубокий след в истории, прежде всего благодаря тому влиянию, которое оно оказало на политическое мышление Ленина. Среди народников 70-х годов возник раскол по вопросу революционной тактики. Одни выступали сторонниками постепенного привлечения на свою сторону крестьян через просвещение и призывали "идти в народ", другие же ратовали за пропаганду "делом", имея в виду террористические акции. Последние считали русского крестьянина потенциальным бунтовщиком против всякой власти и доказывали, что акция, подобная покушению на царя, способна как искра разжечь в сельской местности большой пожар, который был бы значительнее и успешнее пугачевщины. Однако убийство в 1881 г. Александра II одним из членов организации "Народная воля" не вызвало у крестьян подобной реакции, а стало причиной еще более жестких репрессий в период правления его преемника Александра III. После этого многие радикалы из лагеря народников отказались от тактики террора и утратили веру в крестьянство как революционную силу. Между тем на арену выходила другая потенциальная революционная сила в лице небольшого по численности, но постоянно растущего русского промышленного пролетариата, который к концу столетия насчитывал свыше трех миллионов человек¹⁵. Неудивительно, что в сложившихся условиях определенная часть интеллигенции оказалась восприимчивой к идеологии пролетарской социалистической революции, которую пропагандировали Карл Маркс и Фридрих Энгельс. К этому времени в ряде европейских стран уже существовали социал-демократические партии, исповедовавшие марксизм и действовавшие от имени промышленного пролетариата, своей главной опоры. В 1883 г. ставший марксистом народник Плеханов основал в Женеве, где он в то время проживал, группу "Освобождение труда" и тем самым положил начало русскому марксизму как организованному движению. Первоначальным импульсом движения, наставником и организатором которого стал Плеханов, были поиски новых путей в русской революционной политике. В основу легли направленные против народничества труды Плеханова "Социализм и политическая борьба" и "Наши разногласия". В них он обрушился на "русских якобинцев". По его словам, концепция захвата власти тайной заговорщицкой организацией представляла собою "фантастический элемент" программы "Народной воли". Вызывала возражение уже сама идея "временного

революционного правительства", выполняющего роль опекуна в отношении народа, который строит социалистическое общество. Диктатура революционной партии была ненужной и нежелательной; рабочие-де не захотят одну форму надзора заменить другой, и им не понадобятся наставники, когда они в будущем окончат революционную школу политического самовоспитания. Вместе с тем преждевременный захват власти какой-либо организацией вроде "Народной воли" (даже если предположить, что это осуществимо) неизбежно закончился бы крахом из-за отсутствия достаточной поддержки народа. А если такое правительство сохранило бы власть и попыталось бы ввести социализм сверху с помощью декретов, то результатом был бы "патриархальный и авторитарный коммунизм" или "перувианский (то есть иерархический и авторитарный) коммунизм". Поэтому революционному движению следовало отказаться от идей захвата власти в результате заговора и также от изобретения "социальных экспериментов и вивисекций" над русским народом с помощью диктатуры какой-либо революционной партии¹⁶. Что касается русских марксистов, то им следовало бы объединиться с другими оппозиционными слоями общества, включая либералов, в политической борьбе и свергнуть царский абсолютизм, а затем учредить в стране свободные политические институты. Подобная демократическая революция, по мнению Плеханова, ускорила бы темпы экономического развития России и позволила бы растущему индустриальному пролетариату создать собственную независимую политическую партию, похожую на социал-демократические партии Западной Европы. В ходе будущей социалистической революции рабочие взяли бы власть уже как класс. Как оказалось впоследствии, в своих ранних работах Плеханов заложил теоретические основы не всего русского марксистского движения, а лишь его меньшевистского крыла. Противостоящее ему большевистское крыло, которое возглавил Ленин, находилось под влиянием тех самых идей, которые критиковал Плеханов. Однако это выяснилось лишь значительно позднее. Когда работа "Социализм и политическая борьба" увидела свет в Женеве в 1883 г., Ленин был беззаботным тринадцатилетним юношей, Владимиром Ульяновым, который рос в волжском городе Симбирске (ныне Ульяновск). Его отец, инспектор и директор народных училищ Симбирской губернии и в известной мере сам принадлежавший к аристократии, умер в 1886 г. В следующем году старший брат Владимира Александр, студент Петербургского университета, присоединился к новообразовавшейся группе народовольцев, замысливших отметить шестую годовщину убийства царя Александра II покушением на Александра III. Заговор закончился неудачей. Юношу, который, несмотря на мольбы матери, из принципиальных соображений отказался просить царя о помиловании, казнили. Это событие во многом предопределило дальнейший революционный путь Владимира. Брат-мученик стал его героем, а уничтожение царизма — неизменной целью¹⁷. Вскоре после поступления осенью 1887 г. на юридический факультет Казанского университета Владимира исключили за участие в студенческой сходке. Затем полиция выслала его в имение дедушки, расположенное в Казанской губернии. В конце 1888 г. Владимир получил разрешение на проживание в Казани, куда к нему переехали мать, сестры и младший брат. Через год семья переехала еще дальше вниз по Волге в Самару (ныне Куйбышев). В 1891 г. он сдал экстерном экзамены за юридический факультет Петербургского университета и затем недолго работал в Самаре помощником присяжного поверенного. В течение всего этого времени, однако, его целиком занимала и являлась предметом его читательского интереса вовсе не юриспруденция, а революция. Среди книг, в которые он погрузился с головой, были труды народников 60-х и 70-х годов. К любимым произведениям Александра, а теперь и Владимира, принадлежал социальный роман "Что делать?", который

Чернышевский написал в 1862 г. в заточении в Петропавловской крепости в Петербурге. В галерее портретов радикально настроенных мужчин и женщин, описанных в романе, особо выделяется легендарная личность Рахметова. По воле автора, он происходил из помещичьей семьи древнейшей аристократической фамилии. Вскоре после приезда в 16-летнем возрасте в Петербург для учебы в университете Рахметов, встретившись с молодым человеком радикальных взглядов, в корне меняется и всю дальнейшую жизнь посвящает делу революции. Он необычайно много читает. Путешествуя по Западной Европе, настаивает на передаче большей части унаследованного состояния выдающемуся, но бедному мыслителю и создателю новой философии ("какому-то немцу"). Занимаясь гимнастикой, соблюдая специальную диету (ветчина и черный хлеб) и даже работая бурлаком на Волге во время скитаний по России, он развивает в себе огромную физическую силу. Живет аскетически, не употребляет вина и отвергает любовь молодой женщины, на которой, возможно, охотно женился бы. Однажды он испытывает свою способность переносить боль, проведя ночь на ложе из острых гвоздей. О Рахметове и людях, подобных ему, Чернышевский писал: "Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине, от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли". Роман служил источником вдохновения нескольким поколениям русских радикалов. То, что роман вдохновил и Владимира Ульянова, подтверждается, помимо прочего, еще и тем фактом, что написанное им в 1902 г. революционное произведение — пожалуй, одно из наиболее исторически значимых — он озаглавил "Что делать?". Беседа с друзьями в январе 1904 г. в одном из женевских кафе, Ленин подтвердил, что поступил так, памятуя о романе Чернышевского. Он с возмущением реагировал на пренебрежительный отзыв о художественных достоинствах романа и признал, что произведение оказало на него огромное влияние, особенно при повторном прочтении после казни брата. Ленин, в частности, сказал: "Он (роман) увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепахал. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь". Затем Ленин добавил: "Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления"¹⁸. Марксистское самообразование Ульянова началось осенью 1888 г. в Казани, где он изучал "Капитал" Маркса и установил связь с марксистским кружком. Интенсивное самообразование продолжалось и после переезда семьи в следующем году в Самару. Здесь он также участвовал в работе марксистских кружков. Но ими его интересы не ограничивались. Он встречался и подолгу беседовал с политическими ссыльными в Самаре, бывшими членами "Народной воли". В разговорах с оставшимися в живых представителями героического периода народничества Ульянов проявлял особый интерес к прежним "русским яacobинцам", в том числе к Заичневскому и его программе революционной диктатуры из прокламации "Молодая Россия". "В разговорах со мной, — писала много позднее одна из бывших ссыльных, — Владимир Ильич часто останавливался на вопросе о захвате власти — одном из пунктов нашей яacobинской программы... Я теперь еще больше, чем раньше, прихожу к заключению, что у него уже тогда являлась мысль о диктатуре пролетариата"¹⁹. Много можно сказать в пользу такой точки зрения. Хотя Ленин вначале и принял идею Плеханова о двух фазах революции в России, его мысль, однако, постоянно

двигалась в направлении безотлагательного создания диктатуры революционной партии в целях преобразования российского общества на социалистических принципах, — той самой диктатуры, которую он учредил в 1917 г. Так, в 1905 г. Ленин выступил против меньшевистской тактики поддержки либералов в буржуазно-демократической революции, направленной на свержение царизма и придерживался плана слияния обеих фаз революции под "демократической диктатурой пролетариата и крестьянства"²⁰. Более того, вернувшись в апреле 1917 г. в Россию, Ленин отстаивал стратегию дальнейшего продвижения от демократической революции, воплотившейся во Временном правительстве, к социалистической революции путем захвата власти и установления "диктатуры пролетариата". Пытаясь теоретически обосновать данную позицию, Ленин вновь обратился к марксистской литературе и, скрываясь в подполье в 1917 г., написал "Государство и революцию", свой главный труд в области политической теории. Основная задача "Государства и революции", как выразился Ленин, состояла в том, чтобы возродить "революционную душу" марксизма, которую изъяли руководители тогдашней социал-демократии, подобные Карлу Каутскому в Германии. В этой же книге доказывается, что душой классического марксизма, у истоков которого стояли Маркс и Энгельс, было учение о том, что революционная диктатура пролетариата является необходимым политическим инструментом, обеспечивающим переход к социализму и (в будущем) к коммунизму. Чтобы считаться истинным марксистом, писал Ленин, еще недостаточно признать теорию классовой борьбы. Следовало также признать и доктрину о диктатуре пролетариата — цели и конечного пункта этой борьбы. На практике, однако, диктатура пролетариата означала бы диктатуру революционной партии, действующей в интересах пролетариата. "Воспитывая рабочую партию, писал Ленин, — марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии"²¹. Следовательно, партия, захватив власть и управляя как диктатор в интересах построения социалистического общества в России, ни в коем случае не погрешила бы против марксизма. Таков был практический вывод, который проступал сквозь строки ленинского, на первый взгляд чисто теоретического сочинения, содержащего марксистскую концепцию государства Революционная душа, которую Ленин вновь вдохнул в марксизм, была душой сугубо русской. Безусловно, учение о диктатуре пролетариата имеет важное значение в классическом марксизме. Правда, впоследствии марксисты социал-демократического толка, включая самого Энгельса (в конце своей жизни), предпочитали несколько преуменьшить значение этого учения. Но это учение не занимало того центрального места, которое отводил ему в марксизме Ленин. И диктатура пролетариата, которую имели в виду Маркс и Энгельс, не была диктатурой революционной партии, действующей в интересах пролетариата. Они вовсе не считали, что взявшим власть трудящимся для строительства новой жизни на социалистических принципах потребуется партия в качестве "учителя, руководителя, вождя". Возвышение диктатуры пролетариата до "сути"²² марксизма (как позднее сделал Ленин) и концепция диктатуры как государства, в котором правящая партия опекает трудящихся, все это свидетельствовало о глубокой духовной связи Ленина с революционными традициями русских народников. Ленинизм — это отчасти воссозданное внутри марксизма русское якобинство. Должно быть, это понимал Ленин. Не совсем ясно, однако, осознавал ли он, что косвенным образом его точка зрения отражала также

я влияние русской самодержавной традиции, которая, казалось, исчерпала себя в 1917 г.

Примечание_1

- 1 Пророческие слова, приписываемые Емельяну Пугачеву, казненному предводителю крестьянского восстания, которое в 1773 - 1775 гг. охватило Поволжье и было подавлено властями. (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1950, т. 9, ч. 1, с. 78).
- 2 Wallace Donald Mackenzie. *Russia. L.*, 1912, p. 374, 392 — 393.
- 3 Нольде Б. Э. *Петербургская миссия Бисмарка, 1859 — 1862. Прага, 1925, с. 39.*
- 4 Нольде Б. Э. *Указ. соч., с. 259.*
- 5 Даль В., *Пословицы и поговорки русского народа. В 2-х тт. Т. 1. М., 1984, с. 189 — 191.*
- 6 Сверчков Д. Ф. *Три метеора. Л., 1926, с.52. Гапон возглавлял петербургское общество рабочей взаимопомощи, созданное при содействии правительства для того, чтобы направить недовольство рабочих в более безопасное русло.*
- 7 Chernavsky M. *Tsar and People: Studies in Russian Ruler Myths. New Haven, 1961, p. 70.*
- 8 Так называли группу офицеров знатного происхождения, которые под влиянием конституционных идей Запада (в ряде случаев усвоенных во время службы за границей) безуспешно пытались после кончины Александра I организовать 14 декабря 1825 года выступление армейских частей в Петербурге. Некоторые из них были казнены, другие отправлены в Сибирь на каторжные работы. В последующие годы их выступление стало считаться началом русского революционного движения XIX века.
- 9 Venturi Franco. *Roots of Revolution. A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia. N. Y., 1960, p. 49.*
- 10 Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939, т. 1, с. 121 — 122. Биография Чернышевского, его взгляды, ранние надежды на прогрессивного царя, последующий отказ от этих надежд в: *Наге Richard. Pioneers of Russian Social Thought. L., 1951, ch. VI.*
- 11 Относительно подобных суждений см. статью "Русский народ и социализм" в: Герцен А. И. *Избранные философские произведения. М., 1946, т. 2, с. 128 — 159. О самом Герцене и его взглядах см.: Malia Martin. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. Cambr., 1961. В начале 40-х годов Герцен являлся одним из главных участников дискуссий, которые велись в кругах московской интеллигенции между "западниками" (к ним принадлежал Герцен) и "славянофилами", видевшими в европеизации России трагическое разрушение древней русской культуры, основанной на русском православном христианстве и деревенской общине. Об этом см.: Наге. R. *Pioneers...*, ch. I — IV.*
- 12 Цит. по: Покровский М. Н. *Русская история с древнейших времен. М., 1920, т. IV, с. 146 — 147.*
- 13 "Голоса из России". М., 1974, вып. 2, кн. 5, с. 32.
- 14 Покушение Каракозова. *Стенографический отчет. М., 1928, т. 1, с. 293.*

15 *Keep J. L. H. The Rise of Social Democracy in Russia. L., 1963, p. 6. В 1897 году население России насчитывало 129 миллионов человек. Крестьянство составляло 4/5 от общего числа*

16 *Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М. 1939, с. 59, 60, 65, 88 — 89.*

17 *Это вовсе не означает, что побудительные мотивы его дальнейшей жизни можно свести к столь простой формуле. Относительно реакции В. Ульянова на казнь Александра см.: Wolfe Bertram D. Three Who made a Revolution. Boston, 1948, p. 65 — 66. Об отношениях между братьями в детские годы, столкновениях их характеров см.: Valentinov Nikolai (Volsky N. V.) The Early Years of Lenin (Ann Arbor, 1969), p. 118 — 122. О преклонении Владимира перед казненным героем-братом см.: Fisher Louis. The Life of Lenin. N.Y., 1964, p. 17. Фишер убедительно показывает, что потрясение и возмущение Владимира, вызванное случившимся с Александром, усилило сожаление, что он не был близок со своим героем-братом. Более поздние исследования, проливающие свет на ранние годы жизни Ленина, см.: Theen Rolf H. W. Lenin: Genesis and Development of a Revolutionary. Philadelphia, 1973.*

18 *Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953, с. 103, 108. Автор ценнейших воспоминаний в 1904 г. постоянно сопровождал Ленина в Женеве. Позднее он разошелся с Лениным и примкнул к меньшевикам. После революции Валентинов вернулся в Россию и в начале 20-х годов работал в одной из советских газет, затем выехал за границу, где и прожил оставшуюся часть своей долгой жизни. Относительно других деталей биографии Валентинова см. комментарий Михаила Карповича и предисловие Леонарда Шапиро к английскому переводу его книги Encounters with Lenin, L., 1968, и комментарий Бертрама Д. Вульфа к книге Валентинова "The Early Years of Lenin".*

19 *Валентинов Н. Встречи с Лениным, с. 117.*

20. *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 119.*

21 *Ленин В. И. Там же, т. 33, с. 26.*

22 *По этому вопросу см.: Ленин В. И. Там же, т. 37, с. 241.*

Ленин и рождение большевистской харизмы

Ульянов приехал в Петербург в 1893 г., официально для того, чтобы заняться адвокатской практикой, а в действительности, чтобы посвятить себя социалистической деятельности. Он быстро приобрел репутацию знающего марксиста с Волги¹. Среди тех, кого он встретил в марксистских кружках столицы, были два будущих оппонента-меньшевика, Юлий Мартов и Александр Потресов. Здесь он также познакомился с будущей женой Надеждой Крупской, молодой дворянкой, служащей управления железной дороги, свободное время посвящавшей пропаганде социалистических идей среди рабочих. В начале 1895 г. Ульянов на четыре месяца выезжал за границу, в том числе в Швейцарию, где познакомился с Плехановым и его соратником П. Б. Аксельродом, на которых произвел сильное впечатление. Вернувшись, он вместе с Мартовым (и некоторыми другими) создал в Петербурге "Союз борьбы за освобождение рабочего класса". Подобная революционная деятельность послужила причиной его (и Мартова) ареста в конце 1895 г. После годичного пребывания в тюрьме в Петербурге его сослали на три года в Восточную Сибирь. Туда в 1898 г. к нему приехала Крупская, и они поженились². В июле 1900 г., через несколько месяцев после возвращения из ссылки, он вновь выехал за границу и вошел в руководство недавно созданной Российской социал-демократической рабочей партии в качестве одного из редакторов газеты "Искра" — нового, обосновавшегося за рубежом партийного органа, для организации которого он приложил много усилий. Если не считать приезда Ульянова в Россию во время вооруженных выступлений 1905 — 1907 гг., он оставался в эмиграции вплоть до 1917 г., проживая главным образом в Швейцарии. Такова чисто внешняя сторона его революционной биографии. Первое десятилетие в начале 90-х годов социалистическая деятельность в Петербурге сводилась к дискуссиям в "кружках", к публикации статей по проблемам революционного движения и к пропаганде среди рабочих идей социализма. Невероятная трудоспособность, плодотворное перо и мощный слог способствовали выдвигению Ульянова на первый план как автора статей в защиту революционного марксизма в период полемики, развернувшейся в социалистическом движении между народниками и марксистами, а также между воинственно настроенными и умеренными марксистами. В 1894 г. Ульянов обрушился на одного из ведущих "легальных марксистов", Петра Струве, критикуя его в статье столь же объемистой, что и сама книга Струве. Затем Ульянов написал обширный, с хорошей книгой, полемический ответ на антимарксистские статьи в журнале народников³. Критическая работа под названием "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?" с июля по ноябрь 1894 г. выдержала три гектографических и семь "печатных" изданий⁴. Откровенно социалистические произведения, которые в условиях тогдашней цензуры не могли быть опубликованы, обычно либо печатались за рубежом и затем переправлялись нелегально в Россию, либо, как в упомянутом выше случае, размножались и распространялись подпольно (практика, заимствованная нынешним "самиздатом" для распространения машинописных, нецензурированных сочинений). Научные труды такого стиля и объема, как книга Струве и обширная рецензия на нее Ульянова, издавались легально, хотя авторам нередко приходилось использовать различные

иносказательные выражения и словечки, то есть то, что радикалы называли эзоповым языком. Например, оказавшая большое влияние книга Плеханова "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" вышла в 1895 г. совершенно официально. Однако в данном случае слово "монизм" означало "марксизм", а автор выступил под фамилией Бельтов. Среди литературных псевдонимов, которые Ульянов использовал в первое десятилетие, были такие, как Ильин, Тулин и Ленин. Существует версия, что, выбирая последний, он имел в виду Лену, реку в Восточной Сибири. В таком случае фамилия Ленин должна была бы означать "человек с Лены". В полемике 90-х годов между народниками и марксистами доминировали совсем другие вопросы, чем те, которые поднимал Плеханов в 80-е годы в своих трудах, направленных против Русского яacobинства. Традиция конспиративного терроризма, которая все еще пользовалась известной поддержкой, представляла собой лишь одну из нескольких тенденций, свойственных народническим группировкам, которые в конце концов объединились и в 1901 — 1902 гг. образовали опирающуюся на крестьянство партию социалистов-революционеров (эсеров). В 90-е же годы два социалистических лагеря разделяло неприятие народниками марксизма как социалистической идеологии для России, а также взгляды на экономические проблемы. Включившись в эту полемику, Ленин бескомпромиссно выступал в защиту марксистского толкования истории с позиций классовой борьбы как единственно верного учения для российского (и любого другого) революционного движения и основное внимание уделял экономическим проблемам. Особенно резкой критике он подвергал взгляды народников на капитализм в России как на регрессивное явление, с которым можно и нужно покончить, а также их веру (покоившуюся на идеализации крестьянской общины) в самобытность России⁵. Главным трудом Ленина, направленным против подобных взглядов, стала книга "Развитие капитализма в России", написанная во время ссылки в Сибири с использованием справочной литературы из библиотек, которые он имел возможность посетить по пути к месту ссылки, а также материалов, привезенных Крупской или присланных по почте сестрой. В этой работе предпринималась попытка на марксистский манер доказать несостоятельность позиции народников и с помощью статистических выкладок показать, что капитализм в России, который, невзирая на его болезненные последствия, является исторически "прогрессивным", уже подорвал старую систему хозяйствования даже в деревне. "Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка, — писал Ленин, — стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка"⁶. В спорах между народниками и марксистами Ленин оттачивал свое полемическое мастерство на народниках 90-х годов; он не нападал на раннее народничество времен Чернышевского. Как бы желая подчеркнуть огромное значение, которое он придавал этому различию, Ленин в одной из статей доказывал) что у марксистов больше прав, чем у народников, на интеллектуальное наследие шестидесятников. Данный тезис базировался на очень шатком утверждении, будто теоретики 60-х годов (их Ленин называет не народниками, а "просветителями") не столько идеализировали деревенскую жизнь, не столько верили в самобытность, России, сколько стремились приобщить ее к "общеевропейской культуре"⁷. Очевидно, с помощью подобных рассуждений Ленин примирил собственное стойкое неприятие народничества своего времени с неизменной убежденностью в том, что марксистской партии следует многому учиться на опыте домарксовых русских революционных традиций. Он только не называл их народническими. Политические сочинения Ленина на рубеже столетий ознаменовали возникновение ленинизма (термин, который сам он никогда не употреблял), соединившего русское революционное наследие с марксизмом.

Первостепенное значение в этом течении отводилось практической стороне дела — программе организации и тактике. Он подчеркнул это в первой работе, изданной под фамилией Ленин, — брошюре "Задачи русских социал-демократов", написанной в 1897 г. в Сибири и опубликованной в обход цензуры за границей. Правда, в ней он выступил против жившего за рубежом видного деятеля народнического движения 60-х годов Петра Лаврова, который незадолго до того выразил неверие в возможность создания в России рабочей партии без организации "политического заговора против абсолютизма" в традициях "Народной воли". Уважительно назвав Лаврова "ветераном революционной теории", Ленин отверг идею ограничения революционной политической борьбы только заговорщицкой деятельностью небольших групп, нацеленных на захват власти. Борьба с самодержавием, заявил он, заключается не в организации заговоров, а в воспитании, дисциплинировании рабочих, пропагандистской и агитационной работе среди рабочих. Но Ленин хорошо понимал, что такой подход в какой-то мере представлял собой часть наследия народников. То же самое можно сказать о его определении "абсолютизма" как главного врага. После констатации того факта, что бюрократия ("особый слой лиц, специализировавшийся на управлении и поставленный в привилегированное положение перед народом") существует повсюду, он отметил, что нигде этот институт не действовал так бесконтрольно, как в "абсолютистской, полуазиатской России". Следовательно, против "всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тунеядствующего чиновничества"**8** выступал не только пролетариат, но и другие слои населения. Как было отмечено, общей чертой "классического народничества" во всех его формах являлось ощущение, что "российская разновидность бюрократического абсолютизма представляла собой исконного врага народных масс и внутренне присущих этим массам общественно-социалистических тенденций"**9**. В редакционной статье первого номера газеты "Искра", напечатанной в декабре 1900 г., Ленин вновь подчеркнул важное значение практических организационных вопросов и добавил: "Мы сильно отстали в этом отношении от старых деятелей русского революционного движения". По его словам, партии следовало учесть этот недостаток и направить свои силы на отработку вопросов конспирации, на систематическую пропаганду правил конспиративного поведения и на подготовку людей, решивших посвятить революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь"**10**. К организационным вопросам Ленин вновь вернулся в редакционной статье четвертого номера "Искры", вышедшего в мае 1901 г. На этот раз он говорил о необходимости выработать "план" революционной организации и предложил его набросок, пообещав изложить более детально в подготавливаемой к печати брошюре. "Организационные вопросы", особенно взгляды Ленина на них, стали яблоком раздора среди 57 делегатов (из России и других стран), собравшихся в июле 1903 г. в Брюсселе на II съезд Российской социал-демократической рабочей партии, который с большим правом, чем I съезд в Минске, можно было бы считать учредительным. Когда подошел черед принять партийный Устав, Ленин и Мартов представили различные редакции статьи 1-й, в которой давалось определение члена партии. Хотя на первый взгляд обе формулировки были весьма схожими**11**, небольшие различия отражали принципиальные расхождения. Ленин занял "твердую", а Мартов "мягкую" позицию. Сначала Мартов имел на своей стороне большинство, но утратил его в связи с тем, что съезд покинули делегаты "Всеобщего еврейского рабочего союза" (Бунд) и небольшие группы сочувствующих. (Этот союз, основанный в 1897 г. и представлявший интересы рабочих-евреев Литвы, Польши и России, присоединился к РСДРП на учредительном съезде в 1898 г., но затем вышел из нее). В результате Ленин и его сторонники вошли в историю как

большевики, а их противники — как меньшевики. Большевизм. Начальный этап После съезда, по мере осознания сторонами всей глубины разногласий из-за ленинской централистской концепции революционной партии, трещина между ними стала расширяться. Плеханов, присоединившийся к антиленинскому лагерю Мартова, Аксельрода, Троцкого и других, выразил сомнение относительно истинности марксизма Ленина, проведя параллель между ним и Бакуниным, также проповедовавшим централизм¹². Троцкий утверждал, что Ленин скорее якобинец, чем марксист, и сформулировал свою часто цитируемую мысль о том, что "подобные методы приводят, как мы еще увидим, к тому, что партийная организация "замещает" собой партию, ЦК замещает партийную организацию и, наконец, "диктатор" замещает собою ЦК"¹³. Вскоре в результате трений между сторонниками "твердого" и "мягкого" курса возникли две фракции. В течение нескольких лет немирного фракционного сосуществования предпринимались усилия, в том числе и Троцким, направленные на объединение. Окончательный раскол официально произошел в 1912 г., когда по инициативе Ленина в Праге открылась общепартийная большевистская конференция, на которой его фракция конституировалась как Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков). Рожденная в борьбе первозданная партия (русских марксистов) скончалась в расколе. Но факты, приведенные выше, не могут в полной мере объяснить причины возникновения большевизма как политического течения. В основе раскола на II съезде лежал организационный план Ленина, изложенный им перед съездом в специальной брошюре, которую он пообещал еще в статье "С чего начать?". Отпечатанную в Штутгарте в мае 1902 г. брошюру "Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения" переслали в Россию по обычным тайным каналам, и вскоре она разошлась среди марксистов по всей стране. В 1902 - 1903 гг. ее копии находили при обысках у социал-демократов, арестованных в Петербурге, Москве, Киеве, Нижнем Новгороде, Казани, Одессе. Реакция на брошюру была бурной. В ту пору марксистское движение в России испытывало серьезные внутренние сложности. Как заметил Ленин в своей брошюре, это движение вступило в период "разброда, распада, шатания". Шатание привело к появлению "экономизма", одного из направлений марксистской идеологии, представители которого считали революционную борьбу за социалистические цели в отсталой России преждевременной и поэтому полагали, что русские марксисты должны пока сосредоточить свое внимание на помощи рабочим в их борьбе за экономические блага. Это, конечно, совсем не устраивало воинствующих марксистов прямо-таки горевших желанием взяться за политическую задачу свержения самодержавия. Отказаться в обозримом будущем от активных политических действий было для них совершенно немыслимо. Поэтому в существовавшей тогда атмосфере колебаний и сомнений они оказались особенно восприимчивыми к идеям политической борьбы в страстном послании "Что делать?" с его революционной верой и надеждой. Каждая страница брошюры дышала жгучей ненавистью к "позору и проклятию России", как Ленин называл царское самодержавие. В ней высмеивались те деятели из марксистов, которые плелись в хвосте рабочего движения, вместо того чтобы шагать впереди и указывать путь. Ленин призывал марксистов создать "новую гвардию", под руководством которой русская социал-демократия вышла бы из кризиса окрепшей и возмужавшей. От этого произведения веяло духом революционного волюнтаризма, уверенности в способность небольшой, но хорошо организованной группы революционеров-марксистов развернуть в русском обществе массовое оппозиционное движение и привести его к победе над казавшимся неуязвимым царским режимом. Но самое главное, брошюра ясно и четко разъясняла, что нужно сделать для достижения поставленных целей, и, таким образом,

указывала русским марксистам путь от революционной фразы к революционному действию, ставила перед ними конкретные задачи и обеспечивала практической программой. В первую очередь следовало создать подлинную революционную партийную организацию, отвечающую специфическим условиям России. Как бы желая подчеркнуть, что его план вобрал в себя традиции народничества, Ленин посвятил несколько ярких строк "превосходной организации, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна была бы служить образцом". Он доказывал, что русская марксистская партия, в отличие от подобных партий в Германии и других более свободных странах Запада, не должна стремиться к массовому вовлечению рабочих в свои ряды, а стараться установить связь с массами трудящихся, другими недовольными членами общества через пронизанные партийцами профессиональные союзы, рабочие кружки самообразования и аналогичные промежуточные организации. Чтобы отвечать нуждам конспиративной работы в условиях самодержавного полицейского государства, партия должна была состоять главным образом из лиц, обученных искусству революционной борьбы и готовых сделать ее своей профессией. Бесспорно, именно эта мысль лежала в основе ленинской редакции статьи 1-й Устава, обсуждавшегося на II съезде партии. Различия в определениях члена партии, предложенных Лениным и Мартовым, были предопределены различиями в концепциях самой партии. Но до конца логически продуманной оказалась лишь одна концепция — ленинская. Ближайшая важнейшая задача партии сводилась, по существу, к вербовке сторонников. Чтобы противодействовать стихийному влечению рабочих к "сознанию тред-юнионистскому", связанному с надеждой на достижение классовых целей через реформу государственного устройства, члены марксистской партии должны были идти в массы рабочих, другие недовольные слои населения с проповедью революционного "социал-демократического сознания". Концентрируя миссионерскую деятельность в различных промежуточных непартийных организациях, им следовало проповедовать марксистское революционное слово то есть вести "пропаганду" идей Маркса, а также "агитацию", иными словами, разбирать с марксистских позиций конкретные случаи проявления несправедливости. Для координации этих усилий и создания общенационального форума для протестов и политических разоблачений партии требовался "коллективный пропагандист и агитатор" в лице общерусской революционной газеты, издающейся за границей и распространяемой нелегально по всей России членами партии. Предполагалось, что пробуждающийся народ будет поставлять все больше и больше участников массового антимонархического движения, которое в конце концов, после серии революционных взрывов, сменяемых периодами относительного затишья, свергнет самодержавие в ходе всенародного вооруженного восстания. Брошюру буквально пронизывала мысль о том, что лидерство необходимо для успеха революции. Партии как руководящей организации предстояло сыграть ключевую роль в осуществлении политической революции, обеспечивая массы идеологическими ориентирами и направляя революционное движение. Переиначив Архимедово изречение, Ленин заявил: "Дайте нам организацию революционеров и мы перевернем Россию!" Если классический марксизм провозгласил надвигающуюся мировую пролетарскую революцию, то ленинизм (в Советском Союзе после смерти Ленина стал употребляться термин "марксизм-ленинизм") исходил из того, что пролетарская революция возможна только под руководством партии. Помимо этого, ленинизм отстаивал еще один тезис: лидерство должно нести в себе героический дух. Чтобы перевернуть всю Россию, в партию должны входить революционеры особого склада. За идеал социал-демократам следовало брать не секретаря тред-юнионов, а "народного трибуна,

умеющего откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета". Эти "трибуны" должны были быть готовыми к великим революционным подвигам. Желая показать, какие "чудеса" может творить отдельная личность в революционном деле, Ленин упомянул вождя немецкой социал-демократии Бебеля, а также известных русских революционеров-народников Алексеева, Мышкина, Халтурина, Желябова. Затем он спрашивал: "Или вы думаете, что в нашем движении не может быть таких корифеев, которые были в 70-х годах?" Предсказав, что "социал-демократические Желябовы" и "русские Бебели" выйдут вперед и поднимут весь народ на расправу с царизмом, он заявил: "Именно теперь русский революционер, руководимый истинно передовой теорией, опираясь на истинно, революционный и стихийно пробуждающийся класс, может наконец наконец! — выпрямиться во весь рост и развернуть все свои богатырские силы"¹⁴. Совершенно очевидно, что, заимствуя у Чернышевского название "Что делать?", Ленин хотел показать, что для борьбы с царизмом нужны такие люди, как Рахметов. Призыв к революционному героизму был новым явлением в русской марксистской литературе. Ведь вопрос о роли личности в истории являлся одним из предметов прежних споров с народниками. Последние утверждали, что экономический детерминизм марксистов не позволит им осознать значение влияния выдающихся личностей на исторические события. Марксисты же со своей стороны обвиняли народников в пренебрежении классовым анализом социальных явлений ради теории "героя и толпы", согласно которой исторический прогресс - это результат столкновения идей выдающихся личностей с обыденным сознанием человеческих масс. Об этом шла речь в "Исторических письмах" Лаврова, первоначально опубликованных в 1868 — 1869 гг. в одном из русских журналов. У Лаврова главными двигателями перемен и прогресса в истории были критически мыслящие, ищущие справедливости отдельные личности, чье понимание несовершенства существующих социальных форм извечно тревожило сонную рутину "человеческого муравейника". Отвечая на гипотетическое возражение, что отдельным личностям никогда не преодолеть инертную людскую массу, он писал: "Но как же шла история? Кто ее двигал? Одинокие борющиеся личности. Как же они достигали этого? Они делались и должны были сделаться силой". Затем он описал, каким образом они превращаются в силу. По его словам, небольшое число критически мыслящих, преданных делу и энергичных личностей, осознав, что "организация партии для победы необходима", создадут "общественную партию" для борьбы за правду и справедливость, стараясь по ходу дела заручиться поддержкой союзников в общественных группах, еще не достигших степени критического мышления, "страждущих от зла, для борьбы с которым организовалась партия"¹⁵. Эта книга стала библией молодых русских радикалов 70-х годов и решающим образом повлияла на идеи народничества. Излагая противоположную, марксистскую точку зрения в брошюре "Роль личности в истории" (1898), Плеханов доказывал, что крупные исторические деятели могут изменить отдельные стороны событий, а не их общее направление. Если бы Наполеона Бонапарта сразила случайная пуля еще в самом начале его карьеры, то на первый план выдвинулась бы какая-нибудь другая личность сходных дарований, чтобы осуществить то же самое, и история пошла бы аналогичным курсом. Желая, однако, показать, что марксизм все же не может не принимать во внимание крупницы истины, содержащиеся в теории о великих людях, Плеханов допускал, что отдельные личности в состоянии оставить след в истории, ускоряя социально-экономически predetermined курс развития человечества. "Великий человек велик не тем, что его личные особенности придадут индивидуальную физиономию великим историческим событиям, а тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим

общественным нуждам своего времени"**16**. Таковой стала общая позиция русских марксистов. Хотя Ленин прямо и не выступал против подобной интерпретации, его собственная точка зрения была в корне иной. Тот роман, заголовок которого он заимствовал для своего революционного плана, можно было бы с полным правом считать драматическим изложением философии революции Лаврова, а Ленина автора "Что делать?" — назвать марксистским Лавровым. Ибо и Ленин верил, что победа возможна только при наличии организованности, он тоже хотел создать партию борьбы за перемены, чье влияние будет распространяться концентрическими кругами от ядра из преданных делу, энергичных и просвещенных вождей — в данном случае вождей, овладевших марксистской теорией. И он считал социальные болезни великой, отсталой, бюрократической и плохо управлявшейся Российской Империи источником физических страданий, которые позволили бы партии героев собрать под свои знамена массы сторонников. Несмотря на искреннюю и горячую приверженность марксизму, Ленин был настолько прототипом русского радикального интеллигента, настолько пропитан русскими революционными доктринами 60-х и 70-х годов, что его революционный план имел поразительное структурное сходство с планом, предложенным в "Исторических записках". И подобно тому плану был принят некоторыми за непреложную истину. Если вдуматься, манера аргументации Ленина должна была представляться Плеханову немарксистской. В плехановском мышлении не оставалось места для особой веры в способность социал-демократических Рахметовых творить чудеса в революционном деле и тем самым делать историю. Не удивительно, что Плеханов обвинил Ленина в возрождении старой теории народников о героях и толпе. Единственное отличие состояло якобы в том, что революционные герои Ленина должны были вести не крестьянскую, а пролетарскую толпу. Запоздалую критику книги "Что делать?" Плеханов объяснил тем, что только после II съезда ему стало ясно, какое "огромное влияние" данная брошюра оказывает на практических работников партии и в какой степени это влияние есть следствие содержащихся в ней ошибок. Плеханов заметил, что "Ленин написал для наших практиков катехизис, не теоретический, а практический, за это многие из них прониклись благоговейным уважением к нему и провозгласили социал-демократическим Солоном"**17**. Язвительный комментарий Плеханова стал невольным подтверждением силы ленинского труда, его удивительного воздействия на многих "практиков" движения. Особенно в период всеобщей деморализации нуждались они в том, что предложил Ленин: в практическом плане и программе, предназначенных для того, чтобы содействовать реализации революционных целей партии. Брошюра давала активистам движения четкую революционную перспективу, которой им так не хватало, и звала к революционной работе не только среди фабрично-заводских рабочих, а во всех слоях населения, недовольных деспотическим государственным строем. Но самое важное то, что она вселяла в них веру в реальную возможность победы народа над царизмом. Вскоре это наглядно продемонстрировал 1905 г. Поэтому не удивительно, что брошюра Ленина вызвала восторженную реакцию у многих русских марксистов. В докладе организации "Искра" на II съезде говорилось, что, по свидетельству многих в России, они сделались сторонниками "Искры" после ознакомления с этой брошюрой. "Она давала нам — практическим работникам — то, в чем мы особенно нуждались", рассказывал младший брат Мартова, который в то время был членом Харьковского комитета**18**. Валентинов, тогда член кружка молодых социал-демократов в Киеве, вспоминал, что вся группа с величайшим энтузиазмом приветствовала выход в свет труда "Что делать?", увидев в Ленине бесспорного кандидата на пост руководителя партии, которого следовало избрать на предстоящем II съезде. Валентинов также помнил, какой восприимчивой

оказалась группа к ленинской мысли об индивидуальном революционном героизме¹⁹. Хотя это и было чуждо духу исторического материализма, тем не менее ленинский призыв к богатырским усилиям революционных героев кружил головы молодым революционерам-марксистам, занятым нелегальной политической деятельностью в русской провинции в условиях, которые часто бывали отчаянными. К этим лицам принадлежал и будущий Сталин, тогда малоизвестный партийный функционер Закавказья. Он был одним из тех, кто стал читать Ленина как социал-демократического Солона. Сталин полностью принял взгляды Ленина и в 1904 г. в письме к товарищу, проживавшему в Лейпциге, грузинскому революционеру, признался, что считает его своим вождем. С презрением отменил он критику Плеханова в адрес работы "Что делать?". В ленинском сочинении его особенно привлекли учение о лидерстве и теоретический вывод о том, что миссия марксистской интеллигенции — возвысить пролетариат до сознания социалистического идеала, а не "разменивать этот идеал на мелочи или приспособлять к стихийному движению"²⁰. Принято считать, что большевизм как самостоятельное течение внутри русской социал-демократии возник в 1903 г. Но как уже указывалось выше, его появление нельзя в полной мере объяснить лишь тем расколом, в результате которого он получил свое название. Изначальный импульс большевизму дала и, по существу, вдохнула в него жизнь вовсе не ссора на II съезде, а выход в свет труда "Что делать?". Еще до его появления Ленин уже являлся автором широко известных сочинений и политическим деятелем, с которым считались в кругах русских марксистов. Но именно вдохновляющая сила брошюры, написанной в 1902 г., возвысила его в глазах многих, сделав центральной фигурой большевистского движения. Помимо убедительности идей Ленина на умы некоторых из его современников, все это свидетельствовало также о том, что на революционном горизонте России появилась харизматическая личность. Настоящий "ворон" наконец-то взлетел. Лидер и движение Харизматическую власть Макс Вебер противопоставляет "традиционной" и "рационально-правовой" и определяет ее как власть, которая отвергает все предшествовавшее и представляет собой "особую революционную силу". Она являет себя миру) провозглашая необходимость и возможность радикальных перемен. В классическом виде она проявляется в позиции религиозного пророка, который говорит: "Это записано... а я вдохну это в вас словом..." По мнению Вебера, харизматическая власть тесно взаимосвязана с социальным движением, возникающим вне существующего государственного порядка и всегда каким-то образом против него направленным, то есть радикальным движением религиозного, политического, культурного или какого-либо другого характера. Подобные движения обычно притягивают лиц, которые испытывают острый дистресс в той или иной форме (социальный, экономический, психический или их сочетание) и которые готовы на все за обещание избавить от него. Человек, олицетворяющий это обещание, — потому ли, что он выступает с проповедью необходимости радикальных перемен, или же из-за его способности указать дорогу, ведущую к переменам, — является потенциальным харизматическим лидером. Преисполненный чувством собственного предназначения, такой человек выдвигает себя, как наиболее подготовленного, в лидеры движения за перемены. Его последователи, которые обычно являются и его учениками, охотно соглашались с подобным лидерством, ибо видят в нем лицо, обладающее необычайными способностями и дарованиями. Факт "признания" особых качеств Вебер считает решающим для действительности харизмы²¹. Причем имеется в виду вовсе не какая-то иррациональность лидера или его последователей, а только то, что его харизматическая власть имеет определенные мессианские свойства. Поэтому она вызывает ревностное и восторженное преклонение.

Возникающая в подобных условиях сильная эмоциональная привязанность может найти свое выражение (еще при жизни лидера или после его смерти) в культе вождя. Таким образом, можно предположить, что стихийно возникающая на эмоциональной почве склонность последователей создавать вокруг вождя культ личности является одним из характерных признаков харизмы. Харизматические движения получили широкое распространение в различных цивилизациях, начиная с античных времен и до наших дней. И хотя данный феномен не зависит ни от времени, ни от общественного строя, тем не менее в разные времена и у разных народов эти движения значительно отличались: друг от друга по характеру особых свойств, которыми наделялись лидеры, а также по характеру узаконенного ритуала взаимоотношений между лидерами и их последователями. В религиозной среде, например, лидер может демонстрировать свою божественную силу, творя (или делая вид, что творит) чудеса. В условиях, где абсолютное почтение к носителям высшей власти является общепризнанным правилом поведения, последователи харизматического лидера всегда будут ему безоговорочно повиноваться, не допуская никаких отступлений от его взглядов по любому вопросу. А вот в непринужденной атмосфере современного радикального движения, которое пышно расцветает на ниве внутренних дискуссий и полемик, харизматическая власть лидера не исключает возражений со стороны последователей (особенно из числа занимающих более высокие посты) по поводу его той или иной точки зрения. Более того, может быть, именно необычайная убедительная сила рассуждений и доказательств, проявляемая лидером в спорах, является главным источником харизматического воздействия и одним из тех качеств, которое побуждает последователей избрать его вождем и подчиниться его власти. Как мы увидим, так было и с движением, у истоков которого стоял Ленин. Харизматические вожди, вероятнее всего, появляются в периоды кризисов, когда страдания делают людей восприимчивыми к движениям за перемены и к идеям тех, кто их возглавляет. В новейшей истории Запада таким периодом была эпоха индустриальной революции, которая сорвала с насиженных мест большое число людей и породила массовую нищету промышленных центров. Появившиеся в первой половине XIX века социалистические теории (включая марксизм) представляли собой проповеди радикальных перемен, обещавшие избавление от страданий. Фридрих Энгельс одним из первых указал на сходство данного исторического периода с тем временем, когда возникло христианство. Заметив, что христианство и современный социализм рабочего класса зародились как движения угнетенных, он писал: "И христианство и рабочий социализм проповедуют грядущее избавление от рабства и нищеты; христианство ищет этого избавления в посмертной потусторонней жизни на небе, социализм же — в этом мире, в переустройстве общества. И христианство и рабочий социализм подвергались преследованиям и гонениям, их последователей травили, к ним применяли исключительные законы... И вопреки всем преследованиям, а часто даже непосредственно благодаря им и христианство и социализм победоносно, неудержимо прокладывали себе путь"²². Условия для харизматических тенденций были весьма благоприятными, и те не замедлили появиться. Исследуя историю европейского социализма второй половины XIX столетия, Роберт Мичелз обнаружил, что одна из его характерных черт — "присущий массам культ почитания". Основатели, а затем вожди социалистических движений представлялись последователям "светскими божествами". Так, например, когда Фердинанд Лассаль в 1864 г. посетил Рейланд, то жители устроили ему прием, "как божеству". И Маркса, и Лассаля посмертно причислили к лику "социалистических святых" тех движений, рождению которых они способствовали. В центральной Италии родители из социалистов охотно нарекли мальчиков

именем Лассальо, а девочек — Марксина. Сицилианские сельскохозяйственные рабочие во время торжественных процессий несли рядом святой крест, красный флаг и плакаты с лозунгами, заимствованными из сочинений Маркса. Меняя протестантскую веру на социализм, индустриальные рабочие Саксонии заменяли в домашних алтарях портрет Мартина Лютера на портрет Августа Бебеля.²³ Революционное движение России XIX века выдвинуло своих героев, которые в большинстве случаев стали и его мучениками; однако из него не вышли явные харизматические лидеры. Между тем в среде русской интеллигенции существовала вполне определенная тяга к подобного рода лидерству. Для радикального интеллигента были характерны глубокое отчуждение от казенного русского общества и увлеченность идеальными социальными целями. Условия жизни в России вызывали у него такое отвращение, что все ниспровергающая революция стала зачастую остро ощущавшейся личной потребностью, делом, которому стоило посвятить жизнь и даже пожертвовать ею. Люди с подобными убеждениями были во всех слоях революционного сообщества, в том числе и в марксистских кругах. И когда наконец появился революционный лидер, наделенный исключительными, или харизматическими качествами, эти люди ответили ему горячей приверженностью. Большевизм в значительно большей степени, чем меньшевизм или другие русские радикальные течения того времени, оказался сосредоточенным на фигуре вождя. Вначале как фракция, а затем как самостоятельная партия большевизм включал в основном последователей Ленина в русском марксизме. По распространенному среди меньшевиков выражению, это была "ленинская секта". Конечно, с большевизмом связано определенное направление политической мысли и идеологии. Но для того, чтобы стать большевиком, особенно на первых порах, было не так важно принять конкретный набор убеждений, как попасть в сферу притяжения Ленина, политического наставника и революционного стратега. Притягательная сила Ленина как личности, по-видимому, была необычайной. В книге очерков большевистских деятелей, составленной много лет спустя, один из членов ленинской старой гвардии, А. В. Луначарский, писал об "очаровании" Ленина. "Очарование это колоссально, — утверждал Луначарский, — люди, попадающие близко в его орбиту, не только отдаются ему как политическому вождю, но как-то своеобразно влюбляются в него. Это относится к людям самых разных калибров и духовных настроений — от такого тонко вибрирующего огромного таланта, как Горький, до какого-нибудь косолапого мужика, явившегося из глубины Пензенской губ., от первоклассных политических умов, вроде Зиновьева, до какого-нибудь солдата и матроса, вчера еще бывших черносотенцами, готовых во всякое время сложить свои буйные головы за вождя мировой революции — Ильича" ²⁴. Свидетельства из множества источников подтверждают эти слова. Историческое ядро последователей Ленина — это небольшая группа политических эмигрантов, которая обосновалась в Женеве и приобрела известность как "большевистская колония". Яркое описание группы и самого Ленина, который являлся ее главной фигурой, оставил Валентинов. Принявший взгляды Ленина после прочтения "Что делать?" молодой революционер, совершивший побег из киевской тюрьмы, приехал в Женеву в начале 1904 г. и был принят в колонию большевиков. Как оказалось, это была группа людей, считавших себя учениками Ленина, которого они боготворили. Хотя тогда Ленину было всего 33 года, они привычно называли его "стариком", выражая тем самым глубокое уважение к его марксистской эрудиции и мудрости во всех вопросах, относящихся к революции. "Старик мудр, — сказал один из членов группы Валентинову, — никто до него так тонко, так хорошо не разбирал детали, кнопки и винтики механизма русского капитализма". Высказывалась вера в великую историческую миссию Ленина. Как заметил один из членов группы: "Ильич нам всем

покажет, кто он. Погодите, погодите — придет день. Все тогда увидят, какой он большой, очень большой "человек"». Несмотря на увлеченность Лениным, Валентинова поначалу смутила почти религиозная "атмосфера поклонения" в колонии. Постепенно, однако и он поддался необычайному обаянию личности Ленина. Валентинов, в частности, писал: "Сказать, что я в него "влюбился", немножко смешно, однако этот глагол, пожалуй, точнее, чем другие, определяет мое отношение к Ленину в течение многих месяцев"²⁵. Не все революционеры, которые встречались с Лениным, воспринимали его подобным образом; были и такие, которые, как и сам Валентинов, позже отошли от Ленина и отвергли его как наставника и вождя. И все же об удивительной притягательной силе личности Ленина свидетельствует тот факт, что ее испытали, пусть временно, не только те, кто разделял его политические взгляды, но даже те, кто не был склонен соглашаться с ним. Один из наиболее ярких примеров — Мартов, который, по рассказам, во время совместной работы в редакции "Искры" настолько попал под влияние личности Ленина, что вряд ли сознавал, куда его ведут²⁶. Другой редактор "Искры", а впоследствии лидер меньшевиков Потресов, опубликовал много позднее мемуары, которые примечательны с двух точек зрения: это и личная исповедь, и оценка харизматических качеств Ленина. Потресов, в частности, писал: "Никто, как он, не умел так заражать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личностью, как этот на первый взгляд такой невзрачный и грубоватый человек, по видимости не имеющий никаких данных, чтобы быть обаятельным... Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладал секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал - господства над ними. Плеханова — почитали, Мартова — любили, но только за Лениным беспрекословно шли как за единственным бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающейся фанатическую веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя. Если когда-то французский король Людовик XIV мог говорить: государство — это я, то Ленин без излишних слов неизменно чувствовал, что партия — это он, что он — концентрированная в одном человеке воля движения. И соответственно этому действовал. Я помню, что эта своего рода волевая избранность Ленина производила когда-то и на меня впечатление"²⁷. Как подчеркнул Потресов, во внешности Ленина не было ничего такого, что могло бы объяснить его "гипнотическое воздействие на людей". Невысокого роста, приземистый и лысый, он напоминал современникам русского крестьянина. Помимо исходившего от Ленина ощущения огромной физической энергии и силы, особо выделялись его глаза — "пронизывающие", "искрящиеся", "всевидящие", "удивительные" и "вспыхивающие синими огоньками в уголках"²⁸. По общему признанию, держал он себя очень просто, был человеком исключительной прямооты и искренности. Особые качества, за которые Ленина его последователи выделяли из среды обыкновенных людей, он проявлял на трибуне. И это не был талант блестящего оратора, который прославил Троцкого. Речь Ленина была совершенно лишена театральности и стремления произвести эффект. Говоря простым языком, вместе с тем отчетливо и чрезвычайно энергично, Ленин обычно сразу же приступал к обсуждаемой проблеме и давал ясный, логически обоснованный анализ, подкрепленный множеством фактов. На слушателей его выступления часто оказывали совершенно необыкновенное воздействие. Он неоднократно демонстрировал свою способность доводить партийную аудиторию до крайнего возбуждения, до состояния экзальтации. Например, слушая две речи Ленина на большевистской конференции в Таммерфорсе в 1905 г., обычно сдержанный Сталин поддавался всеобщему восторгу. Он вспоминал: "Меня пленила та

непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом берет ее в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: "Логика в речах Ленина — это какие-то всесильные щупальца, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал"²⁹. Подобными воспоминаниями полна мемуарная литература. Так, Макс Истмен, который присутствовал на публичном выступлении Ленина в 1922 г., дошел до состояния "пиндарического парения". Впоследствии он назвал Ленина "самым ярким из всех виденных мною когда-либо на трибуне людей". Ленин предстал перед ним "гранитным монолитом искренности", в отношении которого "вы чувствуете, что он весь перед вами, что вы воспринимаете всего человека". Создавалось впечатление, что наконец-то на подмостках истории появился бескорыстный интеллигент, который открывает нам свои мысли, показывая, как выглядит истина"³⁰. Поскольку Ленин писал так же, как и выступал, его политические сочинения сохраняли в какой-то мере тот необычайный стиль, который был присущ его политическим речам. Не удивительно, что с наибольшим эффектом он смог выразить себя в жанре таких объемистых политических брошюр, как "Что делать?". После 1902 г. с интервалами в несколько лет он написал "Шаг вперед, два шага назад", "Две тактики социал-демократии в демократической революции", "О праве наций на самоопределение", "Империализм, как высшая стадия капитализма", "Государство и революция", "Пролетарская революция и ренегат Каутский", "Детская болезнь "левизны" в коммунизме". Эти произведения сформировали стратегию и теорию большевизма и явились вехами его истории. Хотя они содержали многочисленные ссылки на теорию марксизма, в них, как правило, интересы теории были подчинены потребностям практики и насущным проблемам революционного движения. В этом отношении эти произведения продолжали тенденцию книги "Что делать?", в которой марксистское революционное учение воплотилось в теорию о том, как делать революцию. Поэтому можно утверждать, что данные произведения подняли практические потребности и проблемы движения до уровня теории. Даже в абстрактно-философском сочинении "Материализм и эмпириокритицизм" (1909) внимание Ленина было прежде всего приковано к практическим, в его понимании, нуждам движения; в тот момент, например, как он считал, существовала потребность в догматической марксистской теории мироздания, идеологического фундамента движения. Соответственно, одной из тем книги стал вопрос о "партийности" самой философии. Хотя у отдельных русских марксистов с отвлеченно-философским складом ума это произведение, да и многие другие, вызывало отвращение, оно тем не менее оказывало на многих гипнотическое воздействие именно потому, что было буквально пронизано духом партийной практичности. В ленинских речах и сочинениях отчетливо проступала не только непреклонная воля к революции, но и вера в нее, уверенность в том, что социалистическая революция в России произойдет и что он и его последователи будут ею руководить. Потресов верно указал на революционную веру как на качество, которое явилось главным источником харизмы Ленина. Чтобы в полной мере оценить это качество, мы должны вспомнить, насколько было трудно русским революционерам начала столетия сохранить веру в успех своего дела. В чеховской России, вспоминал поэт Валерий Брюсов в 1920 г., людям, подобным ему, революция рисовалась делом такого отдаленного будущего, что они не надеялись увидеть ее при жизни. "Вот теперь, — сказал он, — заговорили о возможности сношения с другими планетами, но мало кто из нас надеется там побывать. Так и русская революция казалась нам такой же

далекой. Предугадать, что революция не так далека, что нужно вести к ней теперь же, это доступно лишь человеку колоссальной мудрости. И это в Ленине меня поражает больше всего"**31**. Ленин сумел внушить людям, страстно желавшим социалистической революции, но не ожидавшим ее скорого прихода, чувство, что такая революция действительно возможна; тем самым он удовлетворял их глубокую потребность поверить в осуществимость собственных замыслов. Действительно, потрясения 1905 г. обнаружили внутреннюю слабость монархии, скрывавшуюся за представительным фасадом кажущейся мощи. Они же показали, что народная революционная волна пошла на убыль и царский режим консолидировался, произошел массовый выход рядовых членов из революционных партий. Многие представители радикальной интеллигенции начали подвергать сомнению революционные верования, которым они были привержены. У русских марксистов проявилась тенденция к отказу от подпольной политической деятельности; они, как считал Ленин, стали поддаваться искушению и впадать в ересь "ликвидаторства". Революционное движение переживало период упадка. Суровые испытания принесла и начавшаяся мировая война 1914 г. Последующие свидетельства видных большевиков говорят о том, что вера и сила духа, проявленные Лениным в те тяжелые времена, вероятно, имели решающее значение для большевистского движения. Сталин, например, подчеркивает огромное значение ленинской способности вселять уверенность в большевиков, упавших духом после того, как меньшевики взяли верх на Объединительном съезде в Стокгольме в 1906 г. Поражение, писал он, "превратило Ленина в сгусток энергии, вдохновляющий своих сторонников к новым боям, к будущей победе". Затем он вспоминал, как растерянные большевистские делегаты, на лицах которых были следы усталости и уныния, столпились около Ленина, спрашивая у него совета, и как "Ленин в ответ на такие речи едко процедил сквозь зубы: "Не хныкайте, товарищи, мы наверняка победим, ибо мы правы"**32**. Зиновьев, основываясь на личных воспоминаниях, следующим образом описывает роль Ленина в "черные дни" контрреволюции: "Он один сумел собрать тесный, сплоченный кружок борцов, которым он говорил: "Не унывайте, черные дни пройдут, мутная волна схлынет, пройдет несколько лет, и мы будем опять на гребне волны, рабочая революция возродится"**33**. Существенным элементом революционного учения Ленина была вера в грядущий революционный переворот в Европе; его мечты о русской революции приобретали дополнительный импульс, когда он видел ее как составную часть более широкой международной революции. Еще в книге "Что делать?" он предполагал, что русский пролетариат, свергнув царизм, станет "авангардом международного революционного пролетариата". Впоследствии он, как и Троцкий, пришел к выводу о диалектической связи русской и европейской революции. В 1905 г. Ленин нарисовал привлекательную картину огромных возможностей, которые откроются с победой революции в России. Он, в частности, писал: "Революционный пожар зажжет Европу... тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи в нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий..." **34** Вера в то, что основные европейские государства созрели для социалистической революции, была одним из факторов, побудивших Ленина выступить в поддержку радикального курса после февральской революции 1917 г., свергнувшей царя и создавшей Временное правительство в России. Когда весть о революции достигла Ленина в Цюрихе, он сразу же изложил свои радикальные взгляды в "тезисах", которые были отправлены в Стокгольм в качестве инструкций большевикам, возвращавшимся в Россию. Вскоре в "Письмах из далека" Ленина объявил, что революция в России — это только первая из тех революций, которые еще вызовет мировая война, и добавил, что сама русская революция находится лишь

на "первом этапе"³⁵. Он тесно взаимосвязывал эти два момента. Тема неизбежности социалистических революций в Европе занимала важное место в октябрьских посланиях большевистскому Центральному Комитету, в которых он требовал, чтобы партия незамедлительно осуществила вооруженное восстание и захватила власть. По словам Макса Вебера, харизматическому вождю время от времени нужно предъявлять "доказательства" своих харизматических качеств. Он должен показать, что у него на самом деле есть необыкновенные способности, которыми его мысленно наделяют последователи. Такое доказательство Ленин представил большевикам в 1917 г. В партийной анкете за 1921 г. Ленин указал свое основное занятие до 1917 г. — литератор. Между тем годы литературной деятельности были потрачены на подготовку к руководству революцией, которое он взял на себя по прибытии в апреле 1917 г. в Петроград. Участвовать в революции было самым горячим желанием Ленина. В послесловии к работе "Государство и революция", которую он написал в августе — сентябре 1917 г., скрываясь в подполье, и которую еще не окончил, когда в октябре вернулся в Россию, чтобы возглавить революцию, Ленин заметил: "Приятнее и полезнее "опыт революции" проделать, чем о нем писать"³⁶. Вышло, однако, так, что "писание о нем" стало для Ленина главным средством "проделывания" революции. Его непосредственное участие в развивающихся революционных событиях было прервано в июле, после неудавшегося массового восстания, ответственность за которое власти возложили на Ленина и партию. В связи с развернувшимся антибольшевистским террором он решил уйти в подполье вместе с Зиновьевым, чтобы уберечься от вероятных наемных убийц. В отсутствие Ленина общее руководство большевиками столицы перешло к Троцкому, который только теперь (наконец-то) стал членом большевистского Центрального Комитета и официально присоединил небольшую группу своих политических приверженцев, так называемый Межрайонный комитет, к партии большевиков. Избранный в сентябре председателем Петроградского Совета Троцкий использовал этот ключевой пост для того, чтобы в порядке подготовки к событиям конца октября осуществить ряд искусных политических маневров. Оказывала воздействие на массы и его зажигательная риторика. Приближалась развязка, и он готовил вооруженное восстание и захват власти большевиками. Когда Ленин вечером 24 октября прибыл в Смольный институт, где располагался штаб восстания, он нашел, что под руководством Военно-революционного комитета, возглавляемого Троцким, все делалось быстро и эффективно. Следующим вечером большевистские руководители появились на съезде Советов, который собрался в Смольном, чтобы торжественно провозгласить новый государственный строй. Джон Рид следующим образом описывает первое появление Ленина на трибуне: "Он стоял... и ждал, по-видимому не замечая нарастающую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал: "Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!" Новый потрясающий грохот человеческой бури... Ленин говорил, широко открывая рот и как будто улыбаясь... Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонился вперед. Никакой жестикуляции. Тысячи простых лиц напряженно смотрели на него, исполненные обожания"³⁷. Несмотря на отсутствие в Петрограде в ответственный период, Ленин сыграл в Октябрьской революции решающую роль. С самого начала, как только сообщение о февральской революции достигло Швейцарии, он сразу же понял, что появилась возможность осуществить более радикальную революцию. Политическое чутье подсказало ему, что уставшие от войны солдаты, недовольные рабочие и жаждавшие земли крестьяне поддержат партию, обратившуюся к ним с лозунгами: "Мир, хлеб, земля" и "Вся власть Советам!". И, вступив на русскую землю, он тут же развернул в Апрельских тезисах

стратегическую программу, нацеленную на более радикальную революцию. Убедив большевистское руководство утвердить эту стратегию в качестве партийной линии, Ленин затем возглавил усилия по претворению ее в жизнь, не прекращая руководить большевиками и после ухода в июле в подполье. В то время, когда Троцкий взял на себя руководство в Петрограде, Ленин продолжал делать революцию в привычной роли литератора. Его решающий вклад сводился к тому, чтобы побудить большевиков в критический момент сделать решающий революционный выпад. Эта главная мысль в основе всех его документов и посланий из места укрытия. На первый взгляд чисто теоретический научный труд "Государство и революция" преследовал преимущественно практическую цель: убедить большевиков (а возможно, и себя) в том, что насильственный захват власти и установление "диктатуры пролетариата" для подавления буржуазии и контрреволюционных элементов нисколько не противоречат марксистской теории. В последующей брошюре под названием "Удержат ли большевики государственную власть?" Ленин стремился рассеять сомнения и изгнать саму мысль о том, что, даже добившись политической власти, партия может оказаться не в состоянии ее удержать. Если, убеждал он, после 1905 г. 130 тыс. помещиков управляли Россией посредством насилия, то 240 тыс. членов партии большевиков, конечно же, смогут управлять в интересах бедных, особенно если большевики предпримут энергичные меры к расширению социальной базы своей власти, вовлекая через Советы миллионы трудящихся в повседневную работу государственного аппарата³⁸. В письме Центральному Комитету РСДРП "Марксизм и восстание", написанном в конце сентября, Ленин продолжал настойчиво доказывать, что победа большевикам теперь обеспечена, ибо для ее успеха существовали все объективные предпосылки: и в Питере и в Москве большинство за большевиков; налицо всенародный подъем революционного духа; сильные колебания в рядах других партий и, наконец, существует партия, четко знающая свой путь. Затем в октябре в серии посланий Ленин, можно сказать, буквально толкал партийное руководство к тому, чтобы принять историческое решение, несмотря на обуревавшие некоторых сомнения и несмотря на возражения таких видных деятелей, как Зиновьев и Каменев. В последнем обращении к членам Центрального Комитета, составленном 24 октября, он писал: "Нельзя ждать!!! Можно потерять все!!! История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все"³⁹. Произошла бы большевистская революция, не будь Ленина, или нет — это один из тех вопросов истории, которые люди постоянно ощущают потребность ставить, несмотря на их очевидную неразрешимость. Мнение, которое выразил Троцкий в 1935 г., находясь в изгнании, тем более заслуживает внимания, что сам он был еще одной личностью, чей вклад, возможно, также имел решающее значение. Если бы не было ни его, ни Ленина, доказывал Троцкий, Октябрьская революция не состоялась бы. В его отсутствие, писал Троцкий, революция совершилась бы при условии, что ею руководил бы Ленин. Без Ленина, однако, ему одному, вероятно, не удалось бы добиться от колебавшейся большевистской верхушки столь важного решения⁴⁰. Значительно раньше нечто похожее высказал и Зиновьев. Выступая в 1918 г. в Петроградском Совете вскоре после почти рокового покушения на Ленина бывшей эсерки Фанни Каплан, Зиновьев заявил: "Октябрьская революция — поскольку и в революции не только можно, но и должно говорить о роли личности — Октябрьская революция и роль в ней нашей партии есть на девять десятых дело рук тов. Ленина. Если кто-либо мог заставить колеблющихся встать в ряды и шеренгу — это был тов. Ленин"⁴¹. Подобные мнения, какова бы ни была их историческая достоверность, — красноречивые свидетельства оценки большевиками роли Ленина

в Октябрьской революции. Но "доказательства" своих исключительных дарований Ленин представил своим сторонникам не только при захвате, но и при установлении новой власти, действуя как революционер, сверху. Можно утверждать, рискуя, правда, впасть в преувеличение, что именно в роли революционного государственного деятеля Ленин наконец оказался в своей стихии и в полной мере продемонстрировал политическую гениальность. С той же самой спокойной самоуверенностью, которая отличала его и в молодые годы, Ленин составил и изложил съезду Советов первые Декреты о мире и земле, которыми новое правительство подтвердило свой революционный мандат и во всеуслышание попросило о поддержке как в самой России, так и за рубежом. Затем он возглавил большевистское правительство, осажденное со всех сторон и боровшееся за выживание. Не успела революция свершиться, как уже понадобилось ее защищать, и в первые два года беспорядков, гражданской войны и иностранной интервенции шансы на спасение были весьма неопределенными. С самого начала немецкий ультиматум на мирных переговорах в Брест-Литовске, которые вел Троцкий, сверж правительство Ленина в тяжелый внутри-и внешнеполитический кризис. Преодолев оппозицию в лице Бухарина и других "левых коммунистов", призывавших к революционной войне, Ленин в конце концов добился принятия немецких условий, надеясь обменять пространство на время. Последующие события подтвердили правильность такой политики. Уже по одной этой причине некоторые большевики стали считать его спасителем революции. Нет необходимости добавлять, что в большевистском руководстве Ленину не принадлежала монополия на героизм. Многие другие деятели сыграли важную роль, спасая революцию и утверждая новый советский строй. Следует особо сказать о Троцком, выдающемся организаторе Красной Армии, главном руководителе ее действиями на весьма протяженных фронтах гражданской войны. Лидер у власти В отличие от исторической модели русского самодержавия Советское государство в России возникло как инноваторская форма партийного правления. Политической властью в однопартийной системе были наделены такие коллективные органы, как партийный съезд, созывавшийся в первое время ежегодно, и избираемый им действующий между съездами Центральный Комитет. И тем не менее диктатура революционной партии имела в лице Ленина верховного руководителя столь огромного влияния, что ее было бы вернее назвать "ленинским режимом". В чем заключалась роль Ленина как лидера и на какой основе зиждился его огромный авторитет? Дело вовсе не в занимаемом им конкретном посту. Ведь в советской системе не существовало должности верховного руководителя. Конечно, Ленин являлся премьер-министром или председателем Совета Народных Комиссаров, центрального Советского правительства. Но советская внутренняя и внешняя политика решалась в высших партийных органах: в Центральном Комитете, в подчиненных ему отделах и в Политбюро; правительство же функционировало в качестве главного исполнительного органа партии. Ленин как сторонник подобного распределения обязанностей позаботился о сохранении его в практической работе. В 1923 г. он с похвалой отозвался о процедуре обсуждения внешнеполитических "ходов" в Политбюро, которые затем претворялись в жизнь министерством иностранных дел. Он указывал на это "гибкое соединение" партийного с советским как на модель, в соответствии с которой следует функционировать советскому партийному государству⁴². Были случаи, когда он разрешал свои разногласия с подчиненными государственными деятелями не путем использования собственной премьерской власти, а передавая спорные вопросы в Политбюро для принятия решения большинством голосов. Следует подчеркнуть, однако, что и как председательствующий в правительстве Ленин обладал большим влиянием. Один

из участников заседаний Совета Народных Комиссаров позднее вспоминал: "Ленин был не просто председателем, а признанным лидером, которому все несли свои трудные проблемы. Комиссары спорили между собой в повседневной работе, но здесь последнее слово принадлежало Ленину. И все, как один, покидали заседания успокоенными, как будто их ссора была ссорой детей, теперь улаженной мудрым родителем"⁴³. Поскольку партия в Советском государстве представляла собой господствующую политическую силу, Ленин осуществлял верховное руководство не как глава правительства, а как партийный вождь. В партии, однако, его верховенство не было закреплено постом, который соответствовал бы должности премьер-министра правительства, формально он являлся лишь одним из членов высших партийных органов: Центрального Комитета, в который в начале 20-х годов входило около 25 членов и около 15 кандидатов (с совещательным голосом), и Политбюро, в 1922 г. насчитывавшего 10 человек (членами были Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Сталин, Алексей Рыков и Михаил Томский, кандидатами — Бухарин, М. И. Калинин и Вячеслав Молотов). Заполняя годом раньше анкету делегата X съезда партии, Ленин указал свою партийную должность: "член ЦК"⁴⁴. И Центральный Комитет и Политбюро функционировали как коллегиальные органы, принимая решения большинством голосов. Ни в одном из них Ленин не был председателем. Формально он имел одинаковые с другими членами права, и его голос засчитывался так же, как и голоса остальных. Однако существовала глубокая разница между формальным и фактическим положением Ленина в этих, определявших политику, органах. В действительности он являлся доминирующей личностью, и его влияние было очень велико. Он был *primus inter pares**, признанный всеми остальными членами правящей группы в качестве их личного и партийного верховного руководителя. *Первый среди равных (лат.). Но что общепризнанная руководящая роль Ленина в партии и, следовательно, в партийном государстве значила на практике? Возможно, целесообразнее подойти к этому вопросу с другой стороны. Признание ленинского авторитета вовсе не означало, что другие руководители воздерживались от высказывания иного мнения или возражений по каким-либо конкретным вопросам. Будучи верховным руководителем, он не просто отдавал команды правящей группе, не просто руководил посредством своего диктата и не ожидал автоматического согласия с собственной позицией. Вся предшествующая история политики большевистского руководства говорила против подобных диктаторских отношений между вождем и его последователями. И не то чтобы Ленин стеснялся настаивать на своем мнении или легко шел на уступки, если позиции его самого и сторонников, как это довольно часто случалось, расходились. Наоборот, он был волевым и уверенным в себе руководителем и в вопросах революционной стратегии и политики неоднократно выступал против мнения партийного большинства. Ленин не шел на компромисс с теми, кто находился в оппозиции по проблемам, которые он считал жизненно важными для движения. Все дело в том, что, осуществляя волевое и индивидуальное руководство, он опирался на силу убеждения. Так было и в течение долгого периода, предшествующего приходу большевиков к власти, так было и после победы большевистской революции. Вероятно, лучшим доказательством данного утверждения являются многочисленные случаи, когда Ленину не удавалось добиться своего или если удавалось, то только преодолев сильную внутривнутрипартийную оппозицию. В апреле 1905 г. большинство большевистской фракции воспротивилось его намерению окончательно порвать с меньшевиками. В декабре ему пришлось согласиться с общим мнением фракции относительно бойкотирования выборов в I Государственную думу, хотя он лично выступал за участие. В августе 1907 г. Ленин оказался в меньшинстве во фракции опять же по

вопросу участия в выборах в III Думу. В том же году отклонили его возражения против плана организации совместного большевистско-меньшевистского печатного органа, а в 1910 г. он оказался не в ладах с большинством большевиков — "примиренцев", высказавшихся за воссоединение с меньшевиками. По словам Троцкого, к концу мировой войны Ленину понадобился целый год, чтобы получить согласие на свое предложение относительно изменения названия партии с "социал-демократической" на "коммунистическую", что знаменовало организационный разрыв с социал-демократическим марксизмом в международном масштабе⁴⁵. Во время последовавшего революционного кризиса Ленин занимал позицию, которая вначале смутила многих его сторонников и вызвала серьезное сопротивление в партии. Выдвинутое им после возвращения в Россию в апреле 1917 г. и нашедшее отражение в Апрельских тезисах требование радикальной стратегии, направленной на быстрейший захват власти, партийный орган "Правда" назвал неприемлемым, и потребовалась вся сила ленинского убеждения, чтобы быстро преодолеть внутривнутрипартийную оппозицию. В сентябре партийное руководство в Петрограде игнорировало, посчитав несвоевременным, призыв скрывавшегося Ленина к немедленному вооруженному восстанию и захвату власти, а когда он в октябре вновь стал на этом настаивать, против него выступила группа членов Центрального Комитета, включая Зиновьева и Каменева. В первые дни победившей революции эти два видных большевика объединились с другими, так называемыми колеблющимися, отстаивая, вопреки Ленину, идею преобразования правительства большевиков в широкую социалистическую коалицию. И наконец, в начале 1918 г. настойчивое требование, касавшееся принятия жестких условий Германии в Брест-Литовске, Ленину пришлось подкрепить угрозой собственной отставки и только таким путем обеспечить поддержку Центрального Комитета, который затем принял предложение большинством в семь голосов против четырех при четырех воздержавшихся. Однако и после подписания договора Бухарин вместе с левыми коммунистами продолжал агитацию в партии против его ратификации⁴⁶. События революционного периода так часто подтверждали правильность ленинских политических оценок, что в руководящих партийных кругах стала привычной поговорка: "Голосуй с Ильичем — не ошибешься" ⁴⁷. Между тем традиция дискуссий по спорным вопросам в большевистском руководстве продолжалась и после консолидации власти, и в высших партийных инстанциях взглядам Ленина не гарантировалось автоматическое одобрение. По этому вопросу мы располагаем его собственным свидетельством, нашедшим отражение в переписке с А. А. Иоффе. в марте 1921 г. Жалуясь в личном письме на частую переброску его Центральным Комитетом с одной работы на другую, Иоффе несколько раз повторил (имея в виду Ленина), выражение: "Центральный Комитет — это Вы". В ответ Ленин самым энергичным образом протестовал против этой фразы, говоря, что Иоффе мог так писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления. Ленин заметил: "Старый Цека (1919 — 1920) побил меня по одному из гигантски важных вопросов, что Вы знаете из дискуссии. По вопросам организационным и персональным несть числа случаям, когда я бывал в меньшинстве. Вы сами видели примеры тому много раз, когда были членом ЦК"⁴⁸. Как видно, здесь шла речь о поражении при голосовании 7 декабря 1920 г. по поддержанному Лениным предложению Зиновьева о ликвидации Центрального комитета союза транспортных рабочих (Цектран). Эта организация, где председателем был Троцкий, стала предметом острых дискуссий в ходе развернувшейся в то время в партии полемики вокруг задач профессиональных союзов. Предложение Зиновьева - Ленина было отвергнуто восемью голосами против семи⁴⁹. Хотя Ленин был прав относительно фактов, упомянутых в письме,

замечание Иоффе затронуло скрытые рычаги большевистской структуры власти. В известном смысле Ленин мог бы (хотя этого никогда бы не сделал) сказать: "Центральный Комитет — это я". Он был настолько влиятельным большевистским лидером, его авторитет в правящей группировке и в партии был так велик, что, ему, как правило, удавалось формировать и определять партийную линию по всем важным политическим вопросам. Что же касается голосования по предложению, касавшемуся Цектрана, то здесь следует иметь в виду, что это был единственный за весь период 1919 - 1920 гг. связанный с серьезным политическим вопросом случай поражения, который Ленин мог назвать. Кроме того, на это можно было бы возразить тем, во-первых, что результаты голосования были довольно неожиданными, во-вторых, что ленинская позиция в отношении профессиональных союзов вскоре возобладала на X съезде партии. Подлинные масштабы доминирующего влияния Ленина проявились во время дебатов по военному вопросу на XIII съезде партии в марте 1919 г. На закрытом заседании значительные силы из большевистского руководства предприняли решительную атаку на военную политику Троцкого, который еще до дебатов выехал из Москвы, чтобы руководить операциями против войск адмирала Колчака на Восточном фронте. Тем не менее поражение этой военной оппозиции оказалось предрешенным, после того как Ленин выступил в защиту Троцкого; причем он даже не считал нужным остаться на съезде, чтобы дождаться результатов голосования⁵⁰. Более того, его авторитет руководителя в партии не поколебало даже принятое в июле 1920 г. злополучное решение направить Красную Армию против Польши — решение, за которое в значительной степени нес ответственность сам Ленин и результаты которого оказались катастрофическими. Как заметил Зиновьев через несколько месяцев после смерти Ленина на XIII съезде партии, никто, кроме Ленина, не смог бы признать свою ответственность за подобную ошибку перед партийным съездом (он это сделал в марте 1921 г.) без всяких политических последствий для себя⁵¹. Наконец, следовало бы, пожалуй, отметить, что Ленин, не занимая официального поста в Коминтерне, лично влиял на его решения через русских представителей, из которых выбиралось руководство данной организации. Они спорили между собой, вспоминал бывший немецкий коммунист, участвовавший в заседании Исполкома Коминтерна в 1921 г., но, "когда высказывал свое мнение Ленин, вопрос считался решенным. Его авторитет воспринимался товарищами как что-то само собой разумеющееся. Я не имею в виду, что они механически повиновались или ощущали какую-то угрозу. Я признаю и теперь, что эта позиция являлась результатом его несомненного превосходства"⁵². Каким образом Ленину удавалось подчинять своей воле партию, не будучи всемогущим главой исполнительной власти, имеющим право отдавать распоряжения руководящим органам? Возможно, это объясняется авторитетом, который он завоевал, основав партию большевиков, и совершил замечательный подвиг, приведя ее к власти в 1917 г.? В какой-то мере это объяснение справедливо, хотя его вряд ли можно признать исчерпывающим. Ибо остается открытым вопрос о том, как Ленин приобрел авторитет еще в самом начале своей деятельности и каким образом он сумел сохранить его. Здесь полезно вспомнить, что престиж многих исторических вождей, достигнув вершины, затем быстро падал. Источником же феноменального авторитета Ленина в партии явились в конечном счете его необыкновенные качества как революционного вождя и политического деятеля. Если употребить упоминавшиеся ранее понятия, то можно сказать, что Ленин отвечал веберовской концепции харизматического лидера, когда лидер завоевывает авторитет не в силу занимаемой по закону должности или передаваемого по наследству титула, а благодаря своим дарованиям (харизматическим качествам), "согласно которым его выделяют из

среды обыкновенных людей и обращаются с ним, как с человеком, наделенным сверхъестественными, сверхчеловеческими или по крайней мере исключительными способностями или талантом" (в последнем случае "сверхъестественное" и "сверхчеловеческое" исключается)⁵³. С другой стороны, можно вспомнить слова Ленина из "Письма к товарищу о наших организационных задачах" (1902). Описав характер революционной организации, которую предусматривает его план, Ленин заявил, что ее задача — действовать, "сохраняя руководство всем движением, сохраняя, разумеется, не силой власти, а силой авторитета, силой энергии, большей опытности, большей разносторонности, большей талантливости" ⁵⁴. Это положение о путях сохранения партией руководства массовым движением можно рассматривать как достаточно точное описание тех качеств, посредством которых сам Ленин удерживал руководство партией в течение двух последующих десятилетий. В те пять лет активной жизни, которые ему еще оставались после взятия большевиками власти, Ленин был истинным центром большевистского руководства. Авторитет, энергия и такт руководителя позволяли ему управлять многими волевыми личностями из числа большевиков и оберегать работу от слишком серьезных сбоев из-за личных конфликтов и вражды, которые имели место, например, между Сталиным и Троцким в период гражданской войны. Ленин осуществлял верховное руководство в большевистской политике и в гражданской войне, на международной арене, в экономике и в организации новой государственной системы. В марте 1921 г., когда революция переживала глубокий кризис, он явился инициатором одного из тех крутых и далеко идущих изменений курса, которые были характерны для его политического стиля. К тому времени белые армии оказались разбитыми, однако в уставшей и истерзанной войной России крестьяне громко выражали недовольство, а местами и бунтовали против насильственных поборов зерна, к которым правительство осажденной со всех сторон страны постоянно прибегало при "военном коммунизме". В тот момент, когда в Москве работал X съезд партии, матросы и рабочие Кронштадтского военно-морского гарнизона подняли вооруженный мятеж под такими подстрекательскими лозунгами, как "Советы без большевиков!". Красная Армия подавила восстание, но правительство Ленина учло его политическую подоплеку. Под руководством Ленина X съезд принял новую экономическую политику (нэп), заменив принудительное изъятие хлеба прогрессивным продналогом, которым облагались примерно 25 млн. существовавших тогда в России мелких индивидуальных крестьянских хозяйств. Съезд ознаменовал собой переход не только от войны к миру, но и от "военно-пролетарской диктатуры"⁵⁵ первых лет к гражданскому миру в условиях новой экономической политики, которая длилась в течение почти всех 20-х годов. Советская внешнеполитическая стратегия, в соответствии с которой Коминтерн и Наркоминдел действовали как два инструмента двойственной политики (с помощью одного стремились свергнуть капиталистические правительства, а с помощью другого пытались устанавливать с ними деловые отношения), были, по сути, творением Ленина в такой же мере, как и курс советской дипломатии, имевший целью укрепить безопасность революционного государства путем усугубления трений между врагами. Более того, Ленин постоянно следил за внешнеполитическими делами и даже временами диктовал народному комиссару иностранных дел Георгию Чичерину тексты дипломатических нот иностранным правительствам⁵⁶. Наряду со всей этой деятельностью по прямому политическому руководству Ленин много выступал с речами, писал статьи для советской печати и создал такие важные политические труды, как "Очередные задачи Советской власти", "Пролетарская революция и ренегат Каутский", "Детская болезнь "левизны" в коммунизме". В конце жизни, когда болезнь сделала

Ленина частично неработоспособным, он в серии коротких писем, которые Бухарин позднее назвал "политическим завещанием" Ленина, продолжал давать руководящие указания относительно будущей советской политики. В них в основном речь шла о главной проблеме преобразования отсталой России нэпа в страну, которую можно было бы с полным правом назвать социалистической. Стоит ли удивляться, что в свете сказанного фигура Ленина в глазах большевиков выросла до гигантских размеров. Он олицетворял собой чудо удержания власти и последующих надежд на коммунистическую революцию на родине и за рубежом. Не только близкие соратники, но и великое множество членов партии не просто обожали, а буквально боготворили Ленина. Лучшим свидетельством тому являются рассказы очевидцев, наблюдавших за партийной аудиторией во время публичных выступлений Ленина. В своем репортаже Уолтер Дюранти писал: "Я видел Ленина, когда он говорил со своими сторонниками. Небольшого роста, энергичный, плотный человек под ослепительным светом, встреченный бурными аплодисментами. Я обернулся, их лица сияли, как у людей, вззирающих на божество. И Ленин был таковым, независимо от того, считали ли вы его заслуживающим проклятия антихристом или рождающимся раз в тысячелетие пророком. По этому вопросу можно спорить, но, если пять тысяч лиц способны засветиться и засиять при виде его (а я это наблюдал), тогда я заявляю, что он был необыкновенной личностью"**57**. Мемуарная литература изобилует подобными фактами. Один коммунист, который слышал Ленина на каком-то послереволюционном собрании, рассказывал о реакции присутствующих: "Лица их просветлели. Это было поистине интеллектуальное пиршество"**58**. Игнацио Силоне, впервые увидевший Ленина на конгрессе Коминтерна в 1921 г., вспоминает, что "всякий раз, когда он входил в зал, атмосфера менялась, делалась наэлектризованной. Это был почти физически ощутимый феномен. Он заражал энтузиазмом так же, как верующий среди сгрудившихся подле алтаря в соборе св. Петра излучает священное горение, которое волнами расходится по храму"**59**. Преклонение перед Лениным проявлялось в склонности последователей делать его центральной фигурой культа его личности. Об этом, например, свидетельствовала реакция общественности на ранение Ленина 30 августа 1918 г., когда какое-то время он находится между жизнью и смертью. В тот период в советские газеты приходили тысячи писем с выражением преданности и горячих пожеланий скорейшего выздоровления. Троцкий, впоследствии осудивший культ Ленина, в речи 2 сентября 1918 г. заявил: "Никогда собственная жизнь каждого из нас не казалась нам такой второстепенной и третьестепенной вещью, как в тот момент, когда жизнь самого большого человека нашего времени подвергается смертельной опасности. Каждый дурак может прострелить череп Ленина, но воссоздать этот череп — это трудная задача даже для самой природы". По словам Луначарского, Троцкий, по-видимому где-то в это же самое время, хотя и не публично, заметил: "Когда подумаешь, что Ленин может умереть, то кажется, все наши жизни бесполезны, и перестает хотеться жить"**60**. А через несколько дней Зиновьев, выступая в Петроградском Совете (о чем шла речь выше), заявил, что Советское государство нашло в Ленине "не только своего главного политического вождя, практика, организатора, пламенного пропагандиста, певца и поэта, но и своего главного теоретика, своего Карла Маркса", и далее характеризовал Ленина следующим образом: "...возьмите фанатическую преданность народу, которая отличала Марата, возьмите маратовскую неподкупность, возьмите его простоту и интимное знание народной души, возьмите его стихийную веру в неиссякаемую силу "низов"; возьмите все это от Марата, прибавьте к этому первоклассное образование марксиста, железную волю, глубокий аналитический ум — и вы получите фигуру Ленина такой, какой мы

ее знаем сейчас". Ничто не могло для самого Ленина, которому было так чуждо всякое стремление к личной славе, быть более неприятным, чем этот неиссякаемый поток публичных эмоций и восхвалений. И поэтому, когда состояние его здоровья улучшилось до такой степени, что он смог вернуться к работе, Ленин ужаснулся, читая напечатанное в советской прессе после покушения. Его помощник в Совете Народных Комиссаров В. Д. Бонч-Бруевич вспоминает, как его срочно вызвали к Ленину, который воскликнул: "Это что такое? Как же Вы могли допустить?.. Смотрите, что пишут в газетах?.. Читать стыдно. Пишут обо мне, что я такой, сякой, все преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком, а вот здесь какая-то мистика... Коллективно хотят, требуют, желают, чтобы я был здоров... Так, чего доброго, доберутся до молебнов за мое здоровье... Ведь это ужасно!... И откуда это? Всю жизнь мы идейно боролись против возвеличивания личности отдельного человека, давно порешили с вопросом героев, а тут вдруг опять возвеличивание личности! Это никуда не годится"⁶¹. Не довольствуясь высказанной в частном порядке тревогой, Ленин поручил Бонч-Бруевичу и еще двум помощникам посетить (начав с "Правды" и "Известий") все редакции советских газет и разъяснить, что восхваление его личности следует немедленно прекратить. "На другой же день газеты были все в другом тоне, — говорится далее в воспоминаниях, — и Владимир Ильич более не поднимал этого вопроса..." Однако прошло немногим более года, и последователи Ленина опять проявили склонность вознести его на пьедестал. В речах на одном из партийных собраний, состоявшемся в апреле 1920 г. в честь пятидесятилетия Ленина, и в опубликованных советской печатью по этому случаю статьях они провозгласили Ленина вождем⁶² русской и мировой революции. Максим Горький сравнил его с такими историческими фигурами, как Христофор Колумб и Петр Великий. Евгений Преображенский назвал его "душой и мозгом Октябрьской революции". А. Сольц изобразил Ленина историческим героем нового склада, вождем сознательно действующих масс, которые нуждались не в герое для поклонения, а в вожде, который, как Ленин, был бы "плотью от плоти их, их мыслью и словом". По выражению Троцкого, Ленин сочетал в себе марксиста-интернационалиста и русского революционного деятеля, чем-то "похожего на крепкого, умного мужика". Россия, заявил Троцкий, никогда не переживала ни своей буржуазной великой революции, ни реформаций, ее национальная революция вращалась вокруг рабочего класса, руководимого Лениным. "Наша история, — продолжал он, — не дала в прошлом ни Лютера, ни Фомы Мюнстера, ни Мирабо, ни Дантона, ни Робеспьера. Именно поэтому русский пролетариат имеет своего Ленина". Бухарин отдал дань Ленину как учителю, создавшему новую теоретическую школу марксизма, и в этой связи отозвался об остальных большевистских лидерах как о его "учениках". Сталин, выступивший одним из последних, заметив, что ему осталось мало что сказать, посвятил свое выступление скромности Ленина. Сталин напомнил о двух случаях, когда Ленин ошибался (в одном из них Ленин не желал затягивать с началом восстания до созыва съезда Советов в октябре 1917 г.), а позднее мужественно признал свои ошибки. Затем в статье, опубликованной в "Правде" к пятидесятилетнему юбилею, Сталин назвал Ленина "организатором и вождем" Российской коммунистической партии. Статья заканчивалась сравнением Ленина с пролетарскими вождями двух типов, известных истории, — с такими выдающимися вождями-практиками, самоотверженными в бурное время, но слабыми в теории, как Лассаль и Бланки, с вождями мирного времени, сильными в теории, но слабыми в делах организации и практической работы, каковыми являлись, например, Плеханов и Каутский. Величие Ленина как вождя в том, что он, по словам Сталина, соединял в себе оба таланта⁶³. Ленин вновь выразил, на этот раз публично, свое нежелание быть

объектом преклонения, когда вознамерились отпраздновать его день рождения. Он отсутствовал на юбилейном собрании до тех пор, пока не прекратились восхвалявшие его речи. Появившись после перерыва и встреченный бурными аплодисментами, он сдержанно поблагодарил присутствовавших, во-первых, за приветствия, а во-вторых, за то, что его избавили от выслушивания их. Затем Ленин выразил надежду, что со временем будут созданы более "подходящие способы" отмечать юбилейные даты, и закончил свою речь обсуждением будничных партийных проблем. В этом же коротком выступлении он предупредил партию об опасности головокружения от успехов и превращения в "зазнавшуюся партию"⁶⁴. Таким образом, большевистская партия, несмотря на значительный рост своих рядов после революции, продолжала, уже пребывая у власти, по существу, оставаться тем, чем она была в самом начале, на заре века, то есть сосредоточенным вокруг вождя движением. Но как относились к политическому лидерству Ленина беспартийные массы России? Нам известно, что встречавшиеся с ним русские рабочие и крестьяне ощущали притягательную силу его личности. Например, М. А. Ландау-Алданов, русский социалист и политический оппонент Ленина, рассказывает об одном рабочем, с которым имел короткую встречу: "Я видел этого рабочего в тот момент, когда он вернулся после беседы с Лениным. Рабочий был сильно возбужден, просто сам не свой. Обычно спокойный и рассудительный, он вдруг заговорил, будто в экстазе. "Вот это человек, повторял он вновь и вновь, — это человек, за которого я отдал бы жизнь! С ним для меня начинается новая жизнь! Эх, если бы у нас был такой царь!"⁶⁵. Можно привести и другие примеры. Нужно, однако, быть осторожными, обобщая эти свидетельства. С уверенностью можно лишь сказать, что, несмотря на недостаточное развитие средств информации в России того времени, Ленин как личность произвел в народных массах чрезвычайно глубокое впечатление и возбудил сильные чувства, как позитивные, так и негативные. Двойственный характер отношений обуславливался тем фактом, что простые русские люди, издавна привыкшие отождествлять политическую власть с царем, были склонны видеть в Ленине олицетворение большевизма, к которому в революционный период население испытывало довольно противоречивые чувства. Те, для кого большевистская революция представляла угрозу их религиозным и иным ценностям, принимали Ленина за воплощение сатаны; те же, для кого революция означала надежду избавиться от нищеты, видели в нем избавителя. В результате Ленин еще при жизни стал в буквальном смысле легендарной фигурой и героем фольклора. В Средней Азии, например, имели хождение легенды, которые изображали его освободителем, ниспосланным аллахом для того, чтобы сделать людей счастливыми⁶⁶. В глухих деревнях Урала писательница Сейфуллина слышала похожие сказки. В одной из них, созданной в духе древних русских былин о богатырях, говорилось о том, как человек "чину-звания неизвестного, без пашпорту, а по прозванию Ленин" поделил народ с "Миколашкой-царем", забрав себе простых людей и оставив царю всю знать, и как Ленин одерживал в борьбе верх, поскольку бояре ничего не могли делать без простого народа, а у генералов не было солдат, которые бы за них воевали. Сейфуллина обнаружила, что в сельских районах у Ленина были и обвинители и защитники. Причем и те и другие выражали свои чувства с необычайной горячностью. Она слышала глубоко религиозных крестьян, фанатичных приверженцев русской православной веры, изображавших Ленина ужасным злодеем. Вдохновенно читавшие наизусть целые страницы Библии старообрядцы и сектанты утверждали за Лениным число зверя, число шестьсот шестьдесят шесть, число антихристово. Другие сектанты, также с множеством ссылок на Священное писание, выступали за него, заявляя, что Ленин — это

носитель справедливого священного гнева праведности, что он пришел, чтобы исполнить предсказание пророка Исайи, что поступает он по Библии, отбирая "жирные пажити богатых". В старообрядческом поселке сухощавый, огненно-рыжий кержак, утверждая веру в Ленина, записался в партию. И на каждом сходе, грозно размахивая ружьем, выкрикивал священные тексты, доказывая справедливость политических деяний Ленина⁶⁷. Таким путем число сторонников Ленина увеличилось за счет простых русских людей, хотя для них марксизм оставался таким же загадочным, как и любая богословская система. Не всегда эти люди вступали в партию. Как уже указывалось, на отношение крестьян к новому строю оказывала сильное влияние проводившаяся правительством аграрная политика. В период "военного коммунизма" (1918 — 1921) советское руководство было как бы о двух головах: поощряя раздел оставшихся земельных угодий и гарантируя владение ими, оно в то же время национализировало землю, начало организовывать коммуну и силой отбирать хлеб в деревне, чтобы накормить городское население. В результате позиция крестьянина по отношению к новому руководству была также двойственной, что хорошо иллюстрирует популярный в то время лозунг: "Да здравствуют большевики, долой коммунистов!" Крестьянину казалось, что внутри руководства существует раскол между теми, кто хотел бы, чтобы крестьяне имели землю ("большевики"), и теми, кто желал бы эту землю у них отобрать ("коммунисты"). Примечательно, что крестьянин имел склонность отождествлять Ленина с первыми. Валентинов, вернувшийся в Россию во время революции и работавший в редакции "Торгово-промышленной газеты", зафиксировал следующее типичное выражение подобного мышления: "Ленин русский человек, крестьян он уважает и не позволяет их грабить, загонять в колхоз, а вот другой правитель — Троцкий, — тот еврей, тому на крестьян наплевать, труд и жизнь он их не знает, не ценит и знать не желает"⁶⁸. Одним из источников позитивного образа Ленина как прокрестьянского "русского человека" являлось его отождествление в народных умах с нэпом, при котором отношения между городом и деревней были поставлены на прочную основу торгового обмена и деревня начала вновь в какой-то мере преуспевать. Ленин умер 21 января 1924 г., после долгих месяцев нетрудоспособности из-за третьего инсульта. С момента оповещения о его болезни у народа было время заранее психологически подготовиться к подобному исходу. Тем не менее среди населения и в партии наблюдалось стихийно возникшее и широко распространившееся чувство скорби. На траурных митингах в городах и селах присутствовала масса народу. В Москве десятки и сотни тысяч людей стойко переносили самый жестокий на памяти данного поколения русских мороз, ожидая своей очереди, чтобы пройти в Колонный зал, где был установлен гроб с телом покойного, и побывать на Красной площади в день похорон. Елена Истмен, сестра видного большевика, получила пропуск, позволивший ей два часа находиться в Колонном зале. В письме мужу, которого тогда не было в Москве, она так описывала увиденное: "Матери высоко поднимают своих детей, чтобы взглянуть на него, женщины с криком "товарищ Ленин" в истерике падают на пол, здесь же находятся трое сильных мужчин в белых халатах, которые их поднимают и выносят, а женщины рыдают так ужасно, что кровь стынет в жилах". А город, по ее описанию, выглядел следующим образом: "Красные флаги с черной каймой, на правой руке множества людей красно-черные повязки, многие продают небольшие значки с портретом Ленина, его небольшие белые бюсты и статуэтки. Белый яркий снег, густой холодный воздух, покрытые инеем волосы и меховые воротники, белый пар от дыхания и красное пламя костров на ночных улицах. Такова Москва в эти дни"⁶⁹.

Примечание_2

1. Крупская Н. К. Воспоминание о Ленине. М., 1957, с. 9.
2. Их брак был бездетным.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 125 — 346.
4. Там же, т. 1, с. 656 — 657.
5. Там же, т. 2, с. 532 — 533.
6. Там же, т. 3, с. 597 — 598. Эта книга была в достаточной степени исторической и статистической, чтобы миновать цензуру, и была легально издана в Петербурге в 1899 году. Ленин, который все еще находился в Сибири, подписался псевдонимом Владимир Ильин.
7. "От какого наследства мы отказываемся?" (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 533). Написанная в Сибири в 1897 году статья была опубликована легально в Петербурге в следующем году. Чтобы получить разрешение цензора, Ленин широко использовал эзопов язык. Так, представителем людей 60-х годов он избрал малоизвестного писателя либеральных убеждений Скалдина. В 1899 году в письме Потресову он признал, что фамилию Скалдина он выбрал в качестве псевдонима для Чернышевского и что в вопросе о наследстве, возможно, несколько перехватил (там же, т. 4, с. 544), Хотя Чернышевский умер в 1882 году, после двадцатилетнего заключения и ссылки, его имя, с точки зрения цензуры, все еще было запрещено.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 455 — 456, 459 — 460, 462.
9. Dan Theodor. *The Origins of Bolshevism* New York, 1964, p. 143. Будучи видной фигурой русских меньшевиков. Дан участвовал в русской революции, в 1922 году депортирован и жил за границей до конца своих дней. Первоначально книга была опубликована на русском языке в 1946 году в Нью-Йорке.
10. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 376.
11. Формулировка Ленина требовала, чтобы член партии наряду с признанием ее программы и материальной поддержкой "лично участвовал в одной из партийных организаций", в то время как в соответствующем абзаце мартовской редакции говорилось лишь о том, что член партии должен оказывать ей "регулярное личное содействие под руководством одной из партийных организаций".
12. Плеханов Г. В. Соч., т. 13, М. — Л., 1926, с. 116 — 133, 134. Статья, озаглавленная "Рабочий класс и социально-демократическая интеллигенция", появилась в "Искре" в июле-августе 1904 г.
13. Троцкий Л. Д. О партии в 1904 г. М. — Л., 1928, с. 127. Еще один цитированный Дэнелсом критик осудил Ленина на страницах "Искры" за его культ профессиональных революционеров.
14. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 1 — 192. Андрей Желябов (1850 — 1881) — один из организаторов и руководителей "Народной воли". Август Бебель (1840-1913) один из основателей немецкой социал-демократической партии.
15. Лавров П. Л. Избр. произв., М., 1965, т. 2, с. 112, 119, 126 — 128. Следует отметить, что суть своей философии Лавров изложил в "Очерках вопросов практической философии" (там же, т. 1, с. 459 — 460). Взгляды Лаврова наиболее полно отразились в книге Чернышевского "Что делать?".

16. Плеханов Г. В. Соч. М. — Л., 1923, т. 8, с. 304.
17. Плеханов Г. В. Соч. М. — Л., 1926, т. 13, с. 133 — 134, 139. Реплику о "катехизисе" упоминает Н. Валентинов в книге "Встречи с Лениным" (Нью-Йорк, 1953, с. 55). См. также примечание в" — 18 (с. 14 — 15).
18. Левицкий В. О. За четверть века. М. — Л., 1926, ч. 2, с. 122. Настоящая фамилия Мартова и Левицкого была Цедербаум. Относительно доклада организации "Искра" на II съезде см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 456.
19. Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953, с. 103, 108.
20. Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 56-58.
21. Weber M. *The Theory of Social and Economic Organization*. N. Y., 1947, p. 359 — 362; Weber M. *The Three Types of Legitimative Rule*. — "Berkley Publications in Society and Institutions". IV, I, Summer 1958, p. I — II; Weber M. *Essays in Sociology*. ed. Jerth N. Y. and Mills C. W. N. Y., 1958, p. 52. Относительно концепции харизмы см.: Tucker R. C. *The Theory of Charismatic Leadership - "Daedalus"*, Summer 1968, p. 731 — 756.
22. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 467.
23. Michels R. *Political Parties*. N. Y., 1959, p. 64 — 67.
24. Луначарский А. В. Революционные силуэты. М., 1923, с. 12 — 13.
25. Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953, с. 72 — 73, 75.
26. Keep J. *The Rise of Social Democracy in Russia*. L., 1963, p. 29 — 31, 36 — 37.
27. Потресов А. Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937, с. 301.
28. Крутиков Н. И. Живой Ленин. Воспоминания писателей о В. И. Ленине. М., 1965, с. 48; Жук Г. (ред.). Таким был Ленин. Воспоминания современников. М., 1965, с. 104, 118, 499, 500. Л. Фишер пишет, что глаза Ленина обладали "свойством рентгеновских лучей".
29. Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 55.
30. Eastmen M. *Love and Revolution. My Journey Through an Epoch*. N. Y., 1964, p. 334 — 335. Истмен приехал в Москву в начале 20-х годов, будучи революционным энтузиастом; женился на дочери видного большевика и был в дружеских отношениях с Троцким.
31. Крутиков Н. И. (ред.). Живой Ленин., с. 238.
32. Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 56.
33. Зиновьев Г. Е. Ленин. Речь в Петроградском Совете в связи с выздоровлением Ленина после ранения 30 августа 1918 г. Харьков, 1920, с. 25.
34. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 14.
35. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 11. Об этих "тезисах" см. там же, 1 с. 1 — 6.
36. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 120.
37. Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958, с. 117.
38. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 313.
39. Там же. с. 435 — 436.
40. Trotsky's *Diary in Exile*, 1935. N. Y., 1963, p. 46. Это заявление соответствует той картине, которую рисует Троцкий в своей книге "History of the Russian Revolution". Ann Arbor, 1957. Исаак Дейчер следующим образом суммирует нашедшую выражение в "History" точку зрения Троцкого: "Его (т. е. Ленина) проницательность, реализм и концентрированная воля выступают в изложении как решающие элементы исторического процесса, по крайней мере равные, по своему значению, стихийному выступлению миллионов рабочих и солдат. Если их энергия была "паром", а большевистская партия — "поршневым цилиндром" революции, то Ленин был ее машинистом" (*The Prophet Outcast: Trotsky, 1929 — 1940*, London, 1963, p. 240 — 241). Оспаривая мнение Троцкого, что присутствие Ленина было непременным условием Октябрьской революции, Дейчер указывает на несоответствие данной точки зрения марксистскому мировоззрению Троцкого и добавляет, что если бы это было так,

то"... тогда культ вождя вообще не представлялся бы абсурдным. И его отрицание сторонниками исторического материализма (от Маркса до Троцкого) и всеми прогрессивными умами было бы лишено всякого основания" (*ibid*, p. 244). Тот факт, что данная точка зрения не соответствует мировоззрению Троцкого, скорее говорит против мировоззрения, чем против точки зрения. Не опровергает ее и довод, что с ее принятием культ Ленина перестал бы казаться "абсурдным", о решающем значении присутствия Ленина для исхода революции см.: Hook S. *The Negro in History*. Boston, 1955, ch. X.

41. Зиновьев Г. Е. Ленин. Харьков. 1920, с. 38.
42. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 398 — 399.
43. Liberman S. *Building Lenin's Russia*. Chicago, 1945, p. 13. Либерман, в прошлом меньшевик, в первые годы после революции работал в Советском правительстве как беспартийный специалист и в этом качестве присутствовал на заседаниях Совнаркома. Он подтверждает, исходя из собственного опыта, привычку Ленина передавать спорные вопросы для решения в Политбюро (p. 180 — 181). Когда Либерман прямо обратился к Ленину за содействием в получении разрешения сыну сопровождать его во время деловой поездки за границу, против чего возражала Чека, Ленин вместо того, чтобы своей властью премьера отменить решение этой организации, передал вопрос в Политбюро, где вопрос о выдаче паспорта был решен положительно тремя голосами против двух.
44. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 417.
45. Троцкий Л. Д. Уроки Октября. — В кн.: Ленинизм или троцкизм. М., 1925, с. 266.
46. Подробности об этом и более ранних внутривнутрипартийных оппозициях по отношению к Ленину см.: Schariro L. *Communist Party*, chs. 3 — 12, *passim*.
47. "Правда", 23 апреля 1920 г. (статья Преображенского).
48. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 100.
49. Schariro L. *The Origin of the Communist Autocracy*. Cambr., Mass., 1955, p. 280. Изложение предыстории инцидента у Шапиро в главе 14. Высказывания Ленина по этому вопросу в его статье "Кризис партии" (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 234 — 244:).
50. Deutscher I. *The Prophet Armed*. Trotsky, 1879 — 1921, L., 1954, p. 431.
51. Тринадцатый съезд ВКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М., 1963, с. 256.
52. Reichenbach V. *Moscow 1921. Meetings in Kremlin*. — "Survey", в" — 53 (October 1964), p.17. Рейхенбах являлся одним из основателей Германской коммунистической партии.
53. Weber M. *Theory of Social and Economic Organization*, p. 358.
54. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 14, Письмо вначале распространялось среди членов партии в России через существовавший тогда "самиздат". В июне 1903 г. сибирский социал-демократический союз отпечатал письмо на гектографе, а в следующем году его издали отдельной брошюрой в Женеве.
55. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1963, с. 560.
56. "Известия", 30 января 1924 г. (статья Чичерина).
57. Duranty W. *Duranty Reports Russia*. N. Y., 1934, p. 170. В 20-е годы Дюранти был корреспондентом "Нью-Йорк таймс" в Москве.
58. Крутиков Н. И. (ред.). Живой Ленин, с. 283.
59. *Dissent*, September — October 1970, p. 429. Статья была опубликована 22 апреля 1970 г. в "Corriere della sera".

60. Луначарский А. В. Революционные силуэты. М., 1923, с. 15. Текст выступления Троцкого 2 сентября 1918 г. в: "Известия", 4 сентября 1918 г., с. 7.

61. Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. М., 1963, т. 3, с. 296 — 298. Заявление свидетельствует о любопытной забывчивости Ленина относительно прежних собственных взглядов на решающую роль революционных героев. Как вспоминал Луначарский, поручив Бонч-Бруевичу и двум другим помощникам обойти все газетные редакции, Ленин добавил: "Мне самому было бы неудобно воспретить такого рода явления. В этом тоже было бы что-то смешное, претенциозное. Но вам следует исподволь наложить тормоз на всю эту историю" ("Известия", 14 февраля 1960 г.).

62. Для сильного русского слова "вождь" в английском нет точного эквивалента. Его можно было бы перевести как "верховный руководитель" или "Лидер" (с большой буквы). Здесь я буду часто использовать русское слово в английской транскрипции.

63. Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 314 — 315, 316 — 318 — "Правда", 23 апреля 1920 г. Луи Огюст Бланки (1805-1881) — французский коммунист-утопист, связывавший успех социальной революции с хорошо подготовленным заговором тайной организации революционеров. Подобная тактика стала называться бланкизмом.

64. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 325 — 327.

65. "Весь успех Ленина, — добавляет Фюлеп-Миллер, — следует отнести за счет притягательной силы его личности, которая захватывала всех, кто вступал с ним в контакт, и затем проникала в крестьянские избы самых далеких деревень".

66. Сагз Е. Н. Socialism in One Country 1924 — 1926, II. N. Y., 1960, p. 3.

67. Сейфуллина Л. Н. Собр. соч., М. — Л., 1928, т. 2, с. 271 — 277.

68. Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Стэнфорд, 1971, с. 88.

69. Eastman M. Love and Revolution, p. 399.

Коба. Годы становления Грузинский пролог

Прекрасен родной край Иосифа Джугашвили. Земля с древней культурой помнит героическое прошлое независимой грузинской монархии, достигшей в XI и XII веках своего расцвета. Православие пришло в Грузию из Византии в 330 году, или на шесть столетий раньше крещения Руси. Грузия богата литературными традициями, достижениями в области архитектуры и изящных искусств. Согласно источнику XVIII века, ее люди "храбры, оружейлюбивы, горды, отважно смелы, славолубивы так, что ради своего имени не остановились бы причинить досаду родине и природному своему царю. Гостеприимны, любят чужеземцев, жизнерадостны. Если их бывает вместе два или три, лишения им нипочем, щедры, не щадят ни своего, ни чужого, сокровищ не копят; благоразумны, быстро сообразительны, усваиваючи, любят учение. Они уступчивы, помнят добро и за добро воздают добром, стыдливы, к добру и злу легко склоняются, опрометчивы, славолубивы, вкрадчивы и обидчивы..." 1. Небольшие размеры, уязвимость границ и привлекательность для более сильных соседей были причинами того, что после героической эпохи царя Давида и царицы Тамары (XI и XII столетия) историю Грузии можно представить как череду сменяющих друг друга поработаний. В XIII веке ее покорили татаро-монголы. Долгий период монгольского гнета сменился в XVI и XVII веках турецким, а

затем персидским господством, которые сопровождалась опустошительными грабежами. В конце XVIII века маленькое разоренное княжество с населением в каких-то полмиллиона человек стало вассалом раздвигающей границы Российской империи, что явилось прелюдией к его захвату. В 1801 г. царь Александр I издал манифест, в котором объявил о присоединении Восточной Грузии. Грузинскую царскую семью отстранили от власти. Позже верховную политическую власть осуществляли наместники России на Кавказе, чья резиденция находилась в Тифлисе. В 1811 г. русские изгнали патриарха грузинской православной церкви и учредили экзархат Грузии во главе с католикосом-патриархом, вошедший в лоно русской православной церкви. Большое число русских чиновников заняло в Грузии административные посты. Вскоре русские войска отбили у турок Западную Грузию и, подавив сопротивление местного населения, установили контроль над всей территорией. Время от времени, однако, здесь вспыхивали восстания, а горцы под предводительством имама Шамиля вели затяжную партизанскую войну. Лишь в 1860 г. Россия смогла завершить военное умиротворение страны»². К этому времени в среде грузинской интеллигенции возникло литературное движение, имевшее целью содействовать пробуждению в народе национального самосознания. Его руководителями были молодые люди из числа грузинской аристократии, которые учились в русских университетах, а затем, вернувшись в Тифлис или в свои поместья, писали (на грузинском языке) рассказы, поэмы и романы, прославляя героическую эпоху Грузии и увязывая воедино темы национального угнетения и социального протеста. Видными членами этой группы были Даниэль Чонкадзе, Рафаэл Эристави, Акакий Церетели, а ее лидером князь Илья Чавчавадзе, который для укрепления движения (помимо прочего) основал в 1877 г. литературный журнал "Иверия" (древнее название Грузии). В этот период уже существовала еще одна группа "Меоре-даси" ("вторая группа"), которая продолжала эту работу, однако в более радикальном духе³. Примечательной чертой грузинской интеллигенции было то, что она увязывала идеи национального освобождения с идеями социальных перемен. В 70-е и 80-е годы под влиянием революционных сочинений русских народников и, конечно же, понимания, что без глубоких перемен в самой России освободить Грузию от гнета царского самодержавия невозможно, отдельные представители грузинской интеллигенции объединились ради общего дела с народниками. Другие позже вступили на марксистский путь. Ведущей фигурой последних, которые в 1892 — 1893 гг. приобрели известность как участники "Месаме-даси" ("третья группа"), был Ной Жордания. После обучения в Тифлисской духовной семинарии (которая благодаря стараниям грубых надзирателей, желавших любыми способами русифицировать учеников, скорее напоминала школу грузинского национализма, чем центр подготовки лояльных священнослужителей русско-грузинской православной церкви) Жордания отправился за границу. Во время учебы в ветеринарном институте Варшавы он познакомился с идеями марксизма по сочинениям немецкого социал-демократического теоретика Карла Каутского. В 1892 г. Жордания вернулся в Грузию убежденным марксистом и помог составить программу новой "Месаме-даси", которая стала ядром грузинской социал-демократии. Вскоре после ее создания Жордания, оказавшись под угрозой ареста, вновь выехал за границу на четыре года. На этот раз он встретился с Каутским и Плехановым. Вернувшись в 1897 г. в Грузию, Жордания и его товарищи начали редактировать еженедельную газету "Квали" ("Борозда") на грузинском языке, основанную ранее членами "второй группы". Через этот орган они пропагандировали марксистские взгляды, убеждая в том, что Грузии следует возлагать надежды не на реформы, за которые боролось поколение Чавчавадзе, а на объединение с международным рабочим движением. Как это ни парадоксально, но

сперва русские власти отнеслись к грузинским марксистам весьма снисходительно, ибо их рассуждения о классовых противоречиях казались им менее опасными, чем сепаратистские призывы либералов⁴. Хотя "Квали" и не являлась органом "легальных марксистов", тем не менее издавалась легально. Жордания и умеренное большинство "Месаме-даси", включая и таких видных деятелей, как Николай Чхеидзе и Сельвестр Джибладзе, в конце концов примкнули к русским меньшевикам, а более радикальное меньшинство, в том числе и будущий советский историк революционного движения в Закавказье Филипп Махарадзе, потянулись к большевизму. Жордания впоследствии возглавил правительство (1918) независимой Грузинской Республики, свергнутое Красной Армией в 1921 г. В начале XX столетия русские власти в Закавказье уже не без тревоги взирали на социал-демократическое движение. Хотя экономика Закавказья оставалась преимущественно аграрной, промышленность развивалась быстрыми темпами благодаря богатым залежам полезных ископаемых. На берегу Каспийского моря, в юго-восточной оконечности Закавказья, расположен город нефтяников Баку, будущая столица Азербайджанской ССР. В Тифлисе с населением примерно в 200 тыс. человек на промышленных предприятиях работало свыше 25 тыс. человек. В это число не входили рабочие крупных железнодорожных мастерских. Морской порт Батум на побережье Черного моря в Западной Грузии являлся конечным пунктом проложенного из Баку нефтепровода, центром нефтеперерабатывающей и другой промышленности. Большое число народа было занято на марганцевых рудниках Чиатуры в Центральной Грузии. Индустриальное развитие в значительной степени финансировалось за счет иностранных капиталовложений. Условия работы были, как правило, тяжелые, забастовки и профсоюзная деятельность — запрещены. Недовольные рабочие, по понятным причинам, охотно откликались на пропаганду революционеров-марксистов, и не удивительно, что главные центры Закавказья активно включились в те бурные события, которые охватили значительные регионы Российской империи в начале XX века.

Отрочество

Из четырех детей Виссариона и Екатерины Джугашвили остался в живых только последний, Иосиф, родившийся 21 декабря 1879 г. В раннем возрасте его звали Сосо, обычным грузинским уменьшительным именем для Иосифа. Полуграмотные родители из крестьян (потомки крепостных) были бедны и жили в небольшом, взятом в аренду домике на окраине Гори, в так называемом русском квартале, рядом со старыми русскими армейскими бараками. Гори (что по-грузински означает "холм") расположен в гористой местности на востоке Грузии, примерно в 45 милях к северо-западу от Тифлиса. В те времена он являлся уездным центром Тифлисской губернии. На протяжении всей истории его неоднократно разрушали землетрясения. В прошлом один из пунктов караванного пути, этот город стал станцией главной железнодорожной линии, построенной в 1871 г. и соединившей черноморский порт Потти с Тифлисом. К моменту рождения Сосо город насчитывал 8 — 9 тыс. жителей. В источниках XIX столетия Гори — живописный городок, раскинувшийся на берегу Куры у подножия высокого холма с крепостью на вершине. Максим Горький, посетивший Гори в 90-е годы во время одного из своих длительных скитаний, обнаружил в этих местах сильный колорит "какой-то обособленности и дикой оригинальности". В очерке для газеты своего родного Нижнего Новгорода он описывал "знойное небо над городом, буйные и мутные волны Куры, около него, неподалеку горы, в них какие-то правильно расположенные дыры — это пещерный город — и еще дальше, на горизонте, вечно неподвижные белые облака - это горы

главного хребта, осыпанные серебряным никогда не тающим снегом ⁵. Такие картины природы окружали Сосо Джугашвили в детстве. О его предках известно немного. Прадед по отцу, по имени Заза Джугашвили, в начале XIX века участвовал в крестьянском восстании против русских и затем нашел убежище в деревне Диди-Лило близ Тифлиса. Его сын Ваню развел в этой деревне виноградник, и здесь у Ваню родился сын Виссарион, по прозвищу Бесо. После смерти отца Бесо поселился в Тифлисе и нашел работу на кожевенном заводе Адельханова, где обучился сапожному ремеслу. Через некоторое время некий Барамов открыл в Гори сапожную мастерскую, и среди нанятых им на работу был и Джугашвили. В Гори Бесо познакомился и вступил в брак с Екатериной Геладзе, из семьи бывших крепостных, проживавших в соседнем селении Гамбареули. После отмены в Грузии в 1864 г. крепостного права (на три года позднее, чем в самой России) семья Геладзе переселилась в Гори⁶. Тогда Екатерине было 9 лет, когда же родился Сосо, ей было немногим более двадцати, к тому времени она уже похоронила троих детей. Джугашвили сняли домик, который состоял из единственной маленькой комнаты. Стол, четыре табуретки, кровать, небольшой буфет с самоваром, настенное зеркало и сундук с семейными пожитками — вот и вся его обстановка. На столе — медная керосиновая лампа. Белье и посуда хранились в открытых стенных шкафах. Винтовая лестница вела в подвальное помещение с очагом, на котором Екатерина, должно быть, готовила пищу. Бесо держал здесь кожу и сапожный инструмент. Из мебели были некрашеная табуретка да колыбель Сосо⁷. По описаниям, Бесо Джугашвили был худощавым, с черными волосами, бородой и усами. Современники отмечали, что в молодости Сосо внешне очень походил на отца. Достоверно известно, что Бесо был суровым, вспыльчивым человеком и большим любителем выпить. В конце концов он умер после драки в трактире. Екатерина и Сосо постоянно страдали от его побоев. В 1885 г., когда Сосо было пять лет, Бесо вернулся на фабрику Адельханова в Тифлисе, не порывая, однако, связи с семьей. Между тем Екатерина с трудом сводила концы с концами, работая прачкой, швеей и кухаркой в богатых домах Гори. Сосо Джугашвили оказался не по годам развитым, способным в учении, энергичным, физически подвижным ясноглазым ребенком, большим любителем всяческих забав. Обладая хорошим голосом, он пел в школьном хоре горийской церкви. Роста был небольшого, вероятно, не более пяти футов и четырех-пяти дюймов (или 1 метр 63 см)⁸. (Перенесенная в детстве оспа оставила на лице свои следы) Пережил он и свою долю мальчишеских злоключений. Как-то в возрасте 10 или 11 лет, когда Сосо стоял в толпе, собравшейся на берегу речки по случаю религиозного праздника, «в толпу врезался бешено мчавшийся фаэтон, который сбил мальчика; он потерял сознание и от полученных ушибов оправился только через две недели. Горестными воплями встретила Екатерина людей, принесших к дому бесчувственного Сосо»⁹. Тогда ли или в другое время заражение крови от загноившегося ушиба привело к тому, что левый локтевой сустав стал плохо сгибаться. Много лет спустя он рассказал свояченице, что во время мобилизации 1916 г. его из-за этого небольшого физического недостатка признали непригодным к военной службе¹⁰. Ценным источником информации о начальном периоде жизни Джугашвили являются опубликованные в Берлине мемуары его бывшего близкого друга и школьного товарища (в Гори) — Иосифа Иремашвили. Мальчики познакомились на школьном дворе как соперники в соревновании по борьбе, в котором Сосо Джугашвили одолел Сосо Иремашвили, схватив сзади в тот момент, когда последний стряхивал с себя пыль. Иремашвили, для которого квартира Джугашвили стала вторым домом, вспоминал приятеля как худого, но крепкого мальчика, с упорным безбоязненным взглядом живых темных глаз на покрытом оспинами лице, с гордо откинутой головой и внушительным, дерзко вздернутым

носом. Не такой по-ребячьи беззаботный, как большинство товарищей по училищу, он временами словно встряхивался и целеустремленно, с упорством принимался или карабкаться по скалам, или же старался забросить как можно дальше камень. Отличался равнодушием к окружающим; его не трогали радости и печали товарищей по училищу, никто не видел его плачущим. Характеристика заканчивалась словами: "Для него высшая радость состояла в том, чтобы одержать победу и внушить страх... По-настоящему любил он только одного человека — свою мать. Как мальчик и юноша он был хорошим другом для тех, кто подчинялся его властной воле"**11**. Иремашвили вспоминает о Екатерине Джугашвили как о благочестивой и трудолюбивой женщине, сильно привязанной к сыну. Она обычно носила традиционную одежду грузинских женщин, пользовалась в общине уважением и по старинному обычаю посвятила свою жизнь служению богу, мужу и сыну. Отсюда, однако, не следует, что Екатерина обладала мягким и покорным нравом. Подобное предположение противоречило бы тому образу, который сам Сталин нарисовал в беседе с дочерью Светланой в 40-е годы. По словам Светланы, Сталин на протяжении всей жизни был самого высокого мнения о матери, которую считал умной женщиной, хотя и не получившей образования. Рассказывал, что она поколачивала его в детском возрасте, так же как и Виссариона, когда тот выпивал. Она хотела, чтобы сын стал священником, и всегда сожалела о том, что этого не произошло. Когда Сталин навестил мать в 1935 г. незадолго до ее смерти, она, к его удовольствию, сказала: "А жаль, что ты так и не стал священником". На основании известных ей фактов Светлана пришла к заключению, что Екатерина была женщиной с пуританской моралью, строгой и решительной, твердой и упрямой, требовательной к себе и что все эти качества перешли к сыну, который больше походил на нее, чем на отца**12**. Привязанность, которую Сосо Джугашвили испытывал к своей матери, резко отличалась от его чувств по отношению к отцу. Иремашвили рассказывает о жестоких побоях, которыми часто награждал ребенка пьяный Виссарион, о постепенно возрастающей антипатии Сосо к отцу. Живя под постоянной угрозой выходов вспыльчивого Виссариона и наблюдая с возмущением, как матери приходилось ночами работать на швейной машине, так как Виссарион пропивал почти все свое небольшое жалованье, Сосо начал ненавидеть этого человека и по возможности избегать его. В характере Сосо появилась мстительность, свойственная ему и в дальнейшей жизни; он стал бунтарем против отеческой власти в любом проявлении. "Незаслуженные страшные побои, — писал Иремашвили, — сделали мальчика столь же суровым и бессердечным, каким был его отец. Поскольку люди, наделенные властью над другими благодаря своей силе или старшинству, представлялись ему похожими на отца, в нем скоро развилось чувство мстительности ко всем, кто мог иметь какую-либо власть над ним. С юности осуществление мстительных замыслов стало для него целью, которой подчинялись все его усилия"**13**. В 1890 г., когда Сосо было 11 лет, Бесо умер от ножевого ранения, полученного в пьяной драке. "Ранняя смерть отца не произвела на ребенка никакого впечатления, — замечает Иремашвили. — Он ничего не потерял со смертью человека, которого должен был называть отцом"**14**. От побоев Виссариона страдала и Екатерина. Вполне возможно, что волевая женщина порой перечила мужу, вызывая вспышки гнева. "Мать била мальчика, писала Светлана, основываясь на рассказах отца, — а ее бил муж"**15**. Однажды, сообщает она, ребенок навлек на себя гнев отца, безуспешно пытаясь защитить мать от нападок. Он бросил в Бесо нож и затем, убежав от погнавшего за ним разъяренного отца, спрятался у соседей. Нам не известно, были ли другие столь же тягостные эпизоды, примечательно, однако, то, что Джугашвили и в пожилом возрасте помнил эту историю. И ужас, который вселили в

него побои матери, помогает объяснить, почему впоследствии избивание (символическое или реальное) представлялось ему одним из видов наказания, которого заслуживали наиболее злостные отступники. Так, в письме Ленину, отправленном в 1915 г. из сибирской ссылки, Сталин, упоминая "ликвидаторов", заметил: "Бить их некому, черт меня дери! Неужели так и останутся они безнаказанными?! Обрадуйте нас и сообщите, что в скором времени появится орган, где их будут хлестать по рожге, да порядком, да без усталости"¹⁶. А к концу жизни, когда арестовали группу врачей, обвинявшихся в заговоре с целью умерщвления советских руководителей, Сталин будто бы вызвал следователя и проинструктировал его относительно методов получения признания следующими словами: "Бить, бить и бить"¹⁷. Таким образом, Сосо Джугашвили вырос в обстановке острого семейного конфликта и материальной нужды. К тому же одно из наиболее серьезных разногласий между матерью и отцом было связано с планами, касавшимися будущего Сосо. Екатерина хотела послать его в духовное училище Гори, что было бы первым шагом на пути к карьере священника. В 1888 г. Сосо зачислили в училище. Учитывая бедственное положение семьи, ему определили ежемесячную стипендию в 3 рубля и, кроме того, разрешили Екатерине зарабатывать в месяц до 10 рублей, прислуживая учителям¹⁸. Произошло это, однако, не без сильного сопротивления со стороны Бесо, который не разделял честолюбивого желания жены, чтобы их сын достиг в жизни более высокого положения, чем он сам. Неоднократно слышали, как он говорил ей: "Ты хочешь, чтобы мой сын стал митрополитом? Ты никогда не доживешь до этого! Я — сапожник, и мой сын тоже должен стать сапожником, да и все равно будет он сапожником!" По рассказам, Виссарион в конце концов решил осуществить свое намерение — сделать из Сосо сапожника. Приехав в Гори, он забрал мальчика из училища и в Тифлисе устроил на фабрику Адельханова, где Сосо, однако, проработал недолго. (Как оказалось, это был единственный пролетарский период в жизни Сталина) И учителя, и церковные служители посочинили историю, в которой Екатерина смирилась и, стремясь как-то ее успокоить, пообещали устроить Сосо в церковный хор экзарха Грузии в Тифлисе. Однако полная решимости женщина, не посчитавшись с советом, привела ребенка обратно в Гори и вернула в училище¹⁹. Основные детали этой истории впоследствии подтвердила сама Екатерина. В 1935 г. в интервью с советским корреспондентом она, говоря о сыне, заявила: "Учился он прекрасно, но его отец, покойный муж мой Виссарион, задумал мальчика взять из школы, чтобы обучать своему сапожному ремеслу. Возражала я, как могла, даже поссорилась с мужем, но не помогло: муж настоял на своем. Через некоторое время мне все же удалось его снова определить в школу"²⁰. Когда примерно через год после этого инцидента Виссарион умер, Сосо, должно быть, сразу ощутил, что из его жизни исчезла зловещая тень. Однако к тому времени у мальчика уже обнаружились мстительность и озлобленность, характерные для его отца, которого он презирал. Та чуждая сила, которую олицетворял отец, каким-то образом стала сутью Сосо. Полностью отождествляя себя Сосо только с матерью. Согласны мы или нет с утверждением, что он усвоил ее образ мыслей и черты характера, не вызывает, однако, сомнения тот факт, что он питал глубокую привязанность к матери, которая сильно повлияла на формирование его личности. Суть такого влияния раскрыл Фрейд, заметивший, что "мужчина, который был безусловным фаворитом своей матери, на всю жизнь сохраняет чувство победителя, ту самую уверенность в успехе, которая часто и приносит настоящий успех"²¹. В данном случае, однако, мы имеем дело не с предпочтительным (ведь других детей не было), а с чрезмерно восторженным отношением к сыну, который являлся средоточием всех материнских помыслов. Несомненно, Сосо и его будущее составляли главную цель ее

существования. Она всячески выражала свою привязанность к нему, привила ему постоянное стремление к успеху, который не выпал на ее долю. В результате у Сосо сформировались "чувство победителя" и "уверенность в успехе", о которых говорил Фрейд. Он начал рассматривать себя человеком, который обязан превосходить других в любой деятельности: в мальчишечьей борьбе, в преодолении крутого утеса или в учебе. Сыну передалась вера матери в собственную способность добиться многого. И для этой веры были веские основания, ибо, начав посещать духовное училище, он проявил незаурядные дарования. Привыкнув к постоянному восхищению матери, он с возрастом стал воспринимать подобное отношение как должное, не только ожидая почитания, но и стремясь быть достойным его. Поощряемый поклонением матери, Сосо и сам стал идеализировать себя. Это проявлялось в отождествлении с различными героями, о чем пойдет речь ниже. Постоянная боязнь отца, который мог нанести удар по его самолюбию, неотступно сопровождавшая его детские годы, должно быть, придала дополнительный импульс процессу самоидеализации, которому сопутствовало психологически неизбежное погружение в мир иллюзий. Такое объяснение процесса формирования характера Сосо Джугашвили подтверждается его поведением и успехами в училище. С самого начала он показал себя в высшей степени самоуверенным, обладающим чувством своей правоты во всем и сильной потребностью отличиться. Один из прежних друзей по училищу вспоминал Сосо "твердым, энергичным и настойчивым". Другой рассказывал: "К урокам он всегда был готов — лишь бы его спросили... Он всегда показывал свою исключительную подготовленность и аккуратность в выполнении заданий. Не только в своем классе, но и во всем училище считался одним из лучших учеников. На уроках все его внимание было обращено на то, чтобы не пропустить ни одного слова, ни одного понятия. Он весь был обращен в слух — этот в обычное время крайне живой, подвижный и шустрый Сосо"²². Говорили, что безусловные успехи Сосо в учении усилили существовавшую в школе напряженность в отношениях между детьми из богатых и бедных семей. Переходя из класса в класс как лучший ученик, он окончил школу в 1894 г. в возрасте 14 лет и получил диплом с отличием, который редко выдавался учащимся из бедных семей. После успешных вступительных экзаменов его приняли в Тифлисскую духовную семинарию на полное обеспечение. Одаренный, старательный и трудолюбивый сын сапожника, очевидно, твердо решил преуспеть. Поэтому тем более знаменателен тот факт, что он не питал особой почтительности к представителям школьной администрации. Вместо смиренной покорности перед старшими, которую система образования стремилась привить, Сосо демонстрировал независимость, например смело спрашивая учителя о причинах отставания того или иного ученика, о том, каким образом их оценки могли бы быть улучшены. Однако сам он с трудом воспринимал критику. Всегда уверенный в своей правоте, он никогда не отступал от однажды сказанного. По словам бывшего соученика, учитель Илуридзе, часто пытавшийся "срезать" Сосо как вожака группы "детей нищих и несчастных", однажды попросил его назвать расстояние между Санкт-Петербургом и Петергофом. Ответ был признан неправильным, но он продолжал настаивать на своем, а когда рассерженный учитель стал угрожать и требовать извинений, Сосо замолчал, а глаза его так и расширились от гнева. В другой раз, когда группа старших ребят отправилась с надзирателем училища за город, Сосо первым с разбегу перепрыгнул через широкий ручей, а когда один из учеников, встав посредине потока и подставив собственную спину вместо переходного мостика, помог боязливому надзирателю, Сосо проворчал: "Ишак ты, что ли? Я бы самому богу не подставил спину — не то что надзирателю"²³. (Как говорили, Сосо перестал верить в бога в 13 лет, после того как прочитал что-то написанное Дарвином или о самом Дарвине²⁴.)

Иремашвили пишет, что Сосо был зачинщиком инцидента, происшедшего в коридоре училища, во время которого группа учеников освистала и осыпала насмешками одного особенно ненавистного преподавателя, и называет этот инцидент "первым бунтом Сосо". Но, по-видимому, придавать данному эпизоду слишком большое значение не следует, Сосо едва ли имел бы отличные успехи в учении или получил почетное свидетельство, если бы его бунтарские наклонности проявлялись бы чересчур откровенно. Кроме того, Горийское духовное училище начала 90-х годов прошлого столетия буквально пронизывал мятежный дух, поэтому молодой бунтарь вряд ли мог привлечь к своей особе слишком большое внимание. Ведь администрация Училища действовала согласно установившейся практике, которая, казалось, была специально придумана для того, чтобы сделать всех учеников бунтарями, хотя мы знаем, что это не так. Когда Сосо в 1888 г. поступил в училище, преподавание в нем велось на грузинском языке, а русский изучали как иностранный. Через два года, в разгар проводившейся царским правительством политики русификации приграничных земель, обязательным разговорным языком в классах стал русский, а грузинский занял место иностранного (два урока в неделю). На первых порах от природы говорливые грузинские ребята не могли разговаривать по-русски и постоянно переходили на свой родной язык. За это их наказывали: били кулаком или линейкой, ставили на 1 — 2 часа коленями на мелкие камешки или заставляли стоять в углу. Или же провинившийся должен был держать на вытянутой руке деревянную палку, иногда вплоть до обеда, если она не доставалась другому проштрафившемуся. Некоторые из вновь назначенных государственных чиновников, похожих на инспектора училища Бутырского (объекта упоминавшегося коридорного инцидента), еще больше накаляли обстановку, открыто демонстрируя свое презрение к грузинскому языку и вообще ко всему грузинскому. Грубые методы, с помощью которых власти пытались сделать из грузинских ребят русских мальчиков, лишь укрепляли в них чувство национальной гордости. Изучая русский язык многие начали ненавидеть самих русских²⁵. Вне стен училища юноши с упоением читали грузинскую литературу. Книги грузинских авторов, которых было мало в библиотеке училища, доставали через местного книготорговца, державшего небольшую библиотеку. Первой взятой Сосо книгой была сентиментальная повесть Даниэля Чонкадзе "Сумарская крепость", осуждавшая крепостничество и по сюжету похожая на "Хижину дяди Тома". Книга так его захватила, что он читал почти всю ночь напролет²⁶. Сосо и его друзей увлекали также поэмы и рассказы Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели и Рафаэла Эривави. Любимым автором этой группы был и романтический писатель Александр Казбеги. Уроженец гор и страстный грузинский патриот, Казбеги сочинял будоражащие воображение рассказы о борьбе горских племен Кавказа с вторгшимися на их землю русскими войсками. Это были, по существу, выдуманные истории, очень похожие на схватки белых с индейцами, изложенные с позиций индейцев. Особенно глубокое, надолго сохранившееся впечатление произвел на Сосо Джугашвили роман "Отцеубийца". В романе любовь, интриги и приключения переплетались с подлинными историческими событиями, имевшими место в 1845 г., когда отряды горцев, руководимые имамом Шамилем, вступили в бой с экспедиционным корпусом русских, возглавлявшимся наместником царя на Кавказе графом Воронцовым. Книга рассказывает о Иаго и Нуно, молодой крестьянской паре, постоянно разлучаемой судьбою, и об их верном друге по имени Коба, который изо всех сил пытается им помочь, полагаясь главным образом на свою храбрость, находчивость, ясный ум и способность выйти с честью из любой ситуации. Иаго заключен в тюрьму, а Нуно похищена в результате козней деревенского предателя Гирголы, который сотрудничает с русскими. Стремясь помешать увезти Нуно, Коба убивает одного из похитителей и становится

разбойником, а затем устраивает дерзкий побег Иаго. Оба молодых человека живут в горах подобно Робин Гуду, водят дружбу с крестьянами, сражаются с казаками и захватывают несколько русских офицеров, которых доставляют Шамилю. И в тот момент, когда они уже готовы освободить Нуру и присоединиться к Шамилю, их постигает неудача. Попав в западню, расставленную Гирголой и его людьми, они бьются с во много раз превосходящими силами противника. Иаго убит, Нуру умирает после ложного обвинения в убийстве собственного отца, и только Кобе удается спастись. В эпилоге звучит выстрел мщения Кобы, и смертельно раненный Гиргола признается во всех своих злодеяниях. В Кобе, бесстрашном и немногословном, Сосо Джугашвили нашел одного из первых достойных подражания героев, чье имя и образ так соответствовали его представлениям о самом себе как о герое. По словам современника, "идеалом и предметом мечтаний Сосо являлся Коба... Коба стал для Сосо богом, смыслом его жизни. Он хотел бы стать вторым Кобой, борцом и героем, знаменитым, как этот последний. В нем Коба должен был воскреснуть. С этого момента Сосо начал именовать себя Кобой и настаивать, чтобы мы именовали его только так. Лицо Сосо сияло от гордости и радости, когда мы звали его Кобой"²⁷. Учитывая важную роль символического образа Кобы в жизни интересующей нас личности, стоит, пожалуй, подробнее остановиться на том, что в этом образе с самого начала привлекало Сосо. Коба из "Отцеубийцы" — вовсе не сложная и тонкая натура, а довольно прямолинейный идеализированный тип героя, постоянно встречающегося в романах подобного жанра, — сильный, молчаливый, бесстрашный рыцарь, доблестный в бою, меткий стрелок, ловкий и изобретательный в трудных ситуациях. Подобные качества, конечно же, должны были понравиться любому задиристому подростку, желающему вообразить себя в роли героя. Но в истории, рассказанной Казбеги, Коба обнаружил еще одно свойство, которое, несомненно, сделало его для Сосо Джугашвили особенно привлекательным: он выступает как мститель. Тема отмщения проходит красной нитью через весь роман. Так, обычай кровной мести кавказских горцев многократно упоминается с одобрением. В романе простые люди Грузии горят желанием отомстить высокомерным русским завоевателям, которые захватили страну, ограбили и унизили ее народ. Сам Шамиль — "железный человек", храбрый военачальник, обожаемый своими сторонниками, — предстает как руководитель народного движения мстителей, который "олицетворял собою гнев народный"²⁸. Иаго и Коба страстно желают отомстить не только непосредственным угнетателям (Гирголе и исправнику), но одновременно и русским властям, поддерживающим таких негодяев. И они видят в служении Шамилю ниспосланную небом возможность принять участие в коллективном акте отмщения. Таким образом, роман "Отцеубийца" не только дал Сосо идеализированный образ героя в роли мстителя, но и убедил его в том, что свершившийся акт — триумф отмщения достойное дело, которому можно посвятить жизнь. И наконец, в романе присутствовала очень важная социальная тема. Описывая конфликт между грузинами и русскими, автор показывал грузинское общество разделенным по классовым признакам. Войско Шамиля, писал Казбеги, состояло из горцев и простых крестьян, чьи селения были сожжены, урожаи уничтожены, а жены обесчещены русскими завоевателями. В то же время грузинские князья и другая знать, стремившаяся к почестям и выгодным назначениям, которые позволили бы им жить подобно европейским аристократам, сражались на стороне Воронцова. Крепко связанные с традиционными институтами крепостничества, грузинские феодалы были готовы ради своекорыстных интересов пожертвовать благополучием родины. Наблюдая это, неграмотный горец Шамиль понял, что следовало бы распространить на всех грузин ту свободу и равенство, которыми пользовались его соплеменники-чеченцы,

никогда не бывшие крепостными. Таким образом, с некоторой натяжкой можно сказать, что Шамиль у писателя Казбеги, как и Коба, выступает за новое социальное устройство. Когда, например, деревенская женщина обращается к Кобе с просьбой о защите от Гирголы, то в авторском комментарии говорится: "Странно! При организованном управлении, когда начальники, диамбеги, судьи, приставы и всякие другие чиновники наводнили страну, как муравьи, и делали вид, что чинят правосудие, простая, ни в чем не повинная женщина умоляла человека, совершившего убийство, защитить ее от несправедливости!"²⁹ Хотя подобные высказывания и не являлись прямыми призывами к социальной революции, они подталкивали мысль читателя в данном направлении. Подростку с таким происхождением, как у Сосо, хотевшему быть Кобой, они могли внушить (или по крайней мере подготовить почву для этого) представление о герое, как о революционере. Семинарист Когда четырнадцатилетний Джугашвили в августе 1894 г. вошел в каменное 3-этажное здание Тифлисской духовной семинарии, он оказался в мире, существенно отличавшемся от того, к которому привык в Гори. Около шестисот учеников, практически все время (за исключением примерно одного часа в послеобеденное время) находившихся взаперти в строении казарменного типа, которое некоторые называли "каменным мешком", вели строго регламентированную жизнь: в 7.00 — подъем, утренняя молитва, чай, классные занятия до 14.00, в 15.00 — обед, в 17.00 — переключка, вечерняя молитва; чай в 20.00, затем самостоятельные занятия, в 22.00 — отбой. Наряду с другими предметами изучали теологию, Священное писание, литературу, математику, историю, греческий и латинский языки. По воскресеньям и религиозным праздникам подросткам приходилось по 3 — 4 часа выстаивать церковные богослужения. Обучение велось в монотонной и догматической манере, которая подавляла всякие духовные потребности. Во главе угла, как и в Гори, была русификация. На занятиях не только вменялось в обязанность говорить по-русски, но запрещалось также читать грузинскую литературу и газеты, а посещение театра считалось смертельным грехом.³⁰ Положение усугублялось еще и тем, что в семинарии действовала система доносов, постоянной слежки со стороны монахов, угроз заключения в "темную комнату" за нарушение суровых правил. В 1931 г. в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом Сталин пояснил, что стать революционером-марксистом его побудили "издевательский режим" и "иезуитские методы" в семинарии. На вопрос Людвига, не признает ли он положительных качеств иезуитов, Сталин ответил: "Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе для осуществления дурных целей. Но основной их метод - это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство, — что может быть в этом положительного? Например, слежка в пансионате: в 9 часов звонок к чаю, уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе в комнаты, оказывается, что уже за это время все обыскали и перепотрошили все наши вещевые ящики... Что может быть в этом положительного?"³¹ Как видно, воспоминания все еще были мучительными. "Издевательский режим", вне всякого сомнения, способствовал превращению семинариста Джугашвили в революционера. Но здесь сыграли свою роль и другие обстоятельства, и прежде всего тот факт, что неповиновение превратилось в семинарии уже в традицию. Это заведение давно поставляло не только рожденных в Грузии священников русской православной церкви, но и молодых грузинских революционеров. Отчисления по политическим мотивам часто имели место еще в 70-е годы XIX столетия, когда многие студенты использовали полученные знания русского языка для изучения народнической литературы, поступавшей из России. С этого времени начали действовать тайные группы самообразования и дискуссионные кружки, возникать стихийные протесты. В 1885 г. был исключен слушатель, будущий руководитель "Месаме-даси" Сильвестр

Джибладзе, избивший русского ректора Чудецкого, который называл грузинский "собачьим языком"³², а на следующий год этого ректора убил другой исключенный семинарист. Недельная забастовка студенческого протеста возникла в 1890 г., еще одна — в конце 1893 г. В последнем случае семинаристы требовали прекратить слежку, уволить особенно ненавистных преподавателей и наряду с русским вести преподавание на грузинском языке³³. В ответ власти закрыли семинарию на месяц и отчислили 87 слушателей, причем 23 запретили проживать в Тифлисе. В числе высланных вожаков был и Ладо Кецохвели, посещавший в Гори то же самое училище, что и Джугашвили, и повлиявший на более молодого товарища при выборе им профессии революционера. Когда Джугашвили через несколько месяцев после забастовки прибыл в семинарию, отголоски бунта еще ощущались. С первых дней Сосо невзлюбил семинарию. Будучи в первый раз на каникулах в Гори, он в одной из кондитерских жаловался знакомому на семинарские порядки и поведение монахов³⁴. Вскоре вместе с другими слушателями, среди которых был и его приятель Иремашвили, Сосо принял участие в создании подпольного кружка молодых социалистов. К тому времени изменилось и его отношение к учебе. Он уже не старался быть первым; преуспевал только по двум предметам (гражданской истории и логике), которые его особенно интересовали, а остальным уделял лишь столько внимания, сколько требовалось, чтобы получить переходной балл³⁵. Его манера держаться и отношение к товарищам также переменялись. Друзья-семинаристы, которые помнили Сосо живым пареньком, довольно веселым и общительным, теперь видели его серьезным, сдержанным, погруженным в себя. Давид Папиташвили вспоминал: "После вступления в семинарию товарищ Сосо заметно изменился. Он стал задумчив, детские игры перестали его интересовать". В аналогичном смысле высказался и Ваню (младший брат Ладо Кецохвели), хорошо знавший Сосо. Он заметил: "В этот период характер товарища Сосо совершенно изменился: прошла любовь к играм и забавам детства. Он стал задумчивым и, казалось, замкнутым. Отказывался от игр, но зато не расставался с книгами и, найдя какой-нибудь уголок, усердно читал"³⁶. У молодого Джугашвили начали проявляться скрытность и угрюмая отчужденность, характерные для него в более поздние годы. Приобрел он известность и тем, что легко обижался даже на шутки. Серго Орджоникидзе, соратник по революционной работе в Грузии, вспоминал, что Сосо имел обидчивый характер" еще в юности и что друзья по Тифлисской семинарии удивлялись по поводу этой, по их мнению, совершенно негрузинской черты характера Джугашвили. "Коба не понимает шуток, — с грустью говорили они. - Странный грузин — не понимает шуток. Отвечает кулаками на самые невинные замечания"³⁷. Хотя вскоре после поступления в семинарию когда-то образцовый ученик и перестал стремиться к успехам в учебе, он тем не менее продолжал ощущать потребность отличиться. Свою жажду подвига он лишь перенес на другие сферы: на социалистическое самообразование и (со временем) революционную деятельность. Недавно обретенная самоуглубленность и сдержанность не помешали Сосо утвердиться в качестве вожака группы. Самонадеянное "чувство победителя" не покинуло его. Начав вместе с Иремашвили карьеру бунтовщика в кружке молодых социалистов, он нисколько не сомневался в своем праве принадлежать к руководству движением. Члены кружка самообразования избрали лидером семинариста-старшеклассника Девдариани, который составил для новичков шестилетнюю программу чтения, имевшую целью к моменту окончания семинарии сделать из них образованных социал-демократов. Но прошло совсем немного времени, как Джугашвили организовал несколько кружков и стал сам вести в них занятия³⁸. И вновь, теперь уже в семинарский период, проявилось стремление к личной власти, то есть то самое качество, которое отличало Джугашвили и в

более поздние годы. То же самое можно было сказать о его нетерпимом отношении к иным мнениям. По словам Иремашвили, во время дискуссий среди молодых социалистов в семинарии Сосо имел привычку упорно настаивать на собственной правоте и безжалостно критиковать другие взгляды. В результате группа раскололась на тех, кто, уступая давлению, согласился стать послушным последователем Джугашвили, и тех, кто мыслил более независимо и не желал уступать деспотическим методам Сосо **39**. По общему признанию, он стал усердным читателем "посторонних" книг. Семинаристы брали их в частной библиотеке или получали из других источников и тайно проносили в семинарию. Читали где только можно: ночью в постели при свече, в укромном месте за поленницами дров во дворе, на церковной лестнице и в самой церкви. Иремашвили рассказывает: "Тайно, на занятиях, на молитве и во время богослужения, мы читали "свои" книги. Библия лежала открытой на столе, а на коленях мы держали Дарвина, Маркса, Плеханова и Ленина"**40**. Вначале, вспоминает Иремашвили, он и Сосо, читали много грузинской литературы. Одним из любимых произведений была грузинская эпическая поэма XII века "Витязь в тигровой шкуре" Шота Руставели, в которой трое друзей-витязей вывозят прекрасную девушку из заточения в крепости и таким образом спасают от принудительного замужества. Следует отметить, что в первый год пребывания в семинарии Сосо сочинил ряд поэм на грузинском языке, которые были напечатаны в тифлисской литературной газете "Иверия" в 1895 г. Он интересовался русской и западной литературой, прочитал, помимо прочего, "Мертвые души" и "Ярмарку тщеславия" и приобрел немалые литературные познания**41**. Благодаря тому что монахи неоднократно ловили его за чтением запрещенных книг, нам теперь известны названия некоторых этих сочинений. Так, в журнале поведения за ноябрь 1896 г. имеется следующая запись инспектора Гермогена: "Джугашвили, оказалось, имеет абонементный лист из "Дешевой библиотеки", книгами из которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него соч. В. Гюго "Труженики моря", где нашел и названный лист". Дальнейшая запись гласит: "Наказать продолжительным карцером — мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги — "93-й год" В. Гюго". Следующая запись (март 1897 г.) сообщает, что Джугашвили вот уже в 13-й раз замечен за чтением книг из "Дешевой библиотеки" и что у него отобрали книгу "Литературное развитие народных рас"**42**. Как это часто случается при самообразовании через чтение, одна книга ведет к другой. Возможно, именно "93-й год" В. Гюго пробудил интерес Джугашвили к книгам о Великой французской революции, о событиях 1848 г., о Парижской Коммуне. Историческая и политическая, особенно социалистическая, литература все сильнее увлекала его. Рассказывали, что он прочитал 1-й том "Капитала" по рукописной копии (вероятно, сокращенной), которую студенты сделали с единственного имевшегося в тифлисской библиотеке экземпляра. Неизвестно, когда Сосо приступил к чтению русской марксистской литературы и когда впервые познакомился с произведениями Ленина. Имеются, однако, некоторые свидетельства о том, что Ленин (под псевдонимом Тулин) произвел на Джугашвили впечатление еще до того, как он покинул семинарию в 1899 г. Учившийся вместе с Сосо в духовной семинарии П. Капанадзе вспоминает горячую дискуссию в один из дней 1898 г. в сквере, возле здания семинарии. Тогда Джугашвили резко критиковал взгляды редактора газеты "Квали" Ноя Жордания. Как только прозвучал звонок и группа разошлась, Сосо сказал Капанадзе, что читал статьи Тулина, которые ему очень понравились, и добавил: "Я во что бы то ни стало должен увидеть его"**43**. Группа самообразования дала Сосо первый опыт подпольной работы, который вскоре стал еще богаче. Как рассказывал товарищ по семинарии Д. Гогохия, по совету Джугашвили студенты сняли в городе комнату за пять рублей в месяц

(средства представили семинаристы, получавшие от родителей деньги на мелкие расходы), на которой собирались один-два раза в неделю в послеобеденный перерыв на дискуссии⁴⁴. Но этим их деятельность не ограничилась. Как-то вечером Джугашвили и Иремашвили тайком выскользнули из семинарии и отправились в дом рабочего главных тифлисских железнодорожных мастерских на собрание социал-демократической организации железнодорожников. Совершивший побег революционер, в черной рубашке с красным галстуком, с запавшими горящими голубыми глазами на худом бледном лице, несколько часов безраздельно владел их вниманием, рассказывая о страданиях политических заключенных в суровых сибирских краях. Другим местом соприкосновения с социал-демократией служила редакция газеты "Квали", которую некоторые семинаристы регулярно посещали. Иремашвили вспоминал: "Коба несколько раз ходил с нами, затем издевался над членами редакции"⁴⁵. Его рассказ совпадает с более поздними воспоминаниями Жордания о том, как однажды в конце 1898 г. в редакцию "Квали" пожаловал юноша, который, отрекомендовавшись воспитанником семинарии Джугашвили и постоянным читателем марксистского еженедельника, заявил, что решил бросить семинарию и посвятить себя работе среди рабочих, и попросил совета. Поговорив с ним некоторое время, Жордания пришел к заключению, что для партийного пропагандиста теоретических знаний у него недостаточно, и поэтому порекомендовал остаться в семинарии еще год и продолжить марксистское самообразование. "Подумаю", ответил Джугашвили и ушел. Примерно через полгода Жордания посетил его коллега Джибладзе и вне себя от возмущения рассказал о том, что тому молодому человеку поручили рабочий кружок, а он начал вести пропаганду не только против правительства и капиталистов, но и "против нас"⁴⁶. Пример Ладо Кецховели, несомненно, явился одним из факторов, повлиявших на решение Джугашвили целиком посвятить себя социал-демократической деятельности. Кецховели после высылки перебрался в Киев, где намеревался учиться дальше. В 1897 г. он нелегально вернулся в Тифлис, примкнул к "Месамедаси" и начал вести конспиративную жизнь профессионального революционера. Поступил на работу в тифлисскую типографию, чтобы научиться печатному делу, и, работая здесь, сумел отпечатать отдельные нелегальные брошюры и прокламации, а также первую нелегальную грузинскую книгу: перевод сочинения Дикштейна "История куска хлеба". Убежденный в том, что издания "легальных марксистов" (например, "Квали") могут лишь развратить массы, этот энергичный радикал наладил в Закавказье выпуск подпольной марксистской литературы и обучил многих товарищей конспиративной технике нелегального печатания. Переселившись в начале 1900 г. в Баку, он основал там подпольную типографию (известную под кодовым названием "Нина"), которая с начала 1901 г. выпускала "Искру" и нелегальную газету грузинских марксистов "Брдзола" ("Борьба"). Перед этим в Тифлисе с Ладо установил контакт его восторженный поклонник и бывший сосед Джугашвили. Он дружил в семинарии с его младшим братом Ваню и часто приходил на квартиру Кецховели, чтобы читать. Здесь Джугашвили встретился и разговаривал с Ладо. Согласно более поздним воспоминаниям Ваню, Ладо, вернувшись как-то домой, нашел книгу Плеханова "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" раскрытой. Услышав, что ее читал Сосо, Ладо отметил пронзительный ум подростка и предсказал ему видную роль в революционном движении⁴⁷. Каким бы ни было отношение Ладо к Сосо, последний, как видно, испытывал к старшему Кецховели что-то похожее на чувство благоговения перед героем. Арестованный в 1902 г. Кецховели был в августе 1903 г. застрелен тюремным часовым в тот момент, когда выкрикивал через решетку своей камеры: "Долой самодержавие! Да здравствует свобода! Да здравствует социализм!"

Двадцать лет спустя, выступая в клубе старых большевиков в Москве, Абель Енукидзе, в прошлом известный революционный деятель Закавказья, а затем видный советский работник, отзывался о Кецохели следующим образом: "Товарищ Сталин много раз с удивлением подчеркивал выдающиеся способности покойного товарища Кецохели, который в то время умел правильно ставить вопросы в духе революционного марксизма. Сталин часто вспоминает, что Кецохели еще в тот момент стоял на совершенно правильной большевистской точке зрения. Я и т. Сталин не сомневаемся в том, что, если бы Кецохели удалось жить до раскола РСДРП, он бы целиком стоял в рядах большевиков и был бы одним из влиятельнейших и сильнейших работников нашей партии"⁴⁸. По-видимому, не столько деятельность, сколько сама личность Кецохели оказала влияние на формирование характера Джугашвили. Образ убежденного и пламенного революционера, который был старше его на четыре года, 18-летний семинарист нашел необычно привлекательным и достойным подражания. Горийское духовное училище, Тифлисская духовная семинария и затем конспиративный мир революционной политики — таков путь, который прошел Кецохели раньше Сосо. Он был живым примером человека, сделавшего революцию своей профессией, и подтверждением практической возможности аналогичного выбора для Джугашвили, который в 1898 г. также примкнул к "Месаме-даси". Решение оставить семинарию до ее окончания, по-видимому, явилось просто логическим следствием развития событий. Иремашвили убеждал Сосо не делать этого, напоминал, что завершение шестого (последнего) курса (1899 — 1900) позволит ему поступить в русский университет. Однако Джугашвили уже полностью овладела идея революционной карьеры. Кроме того, он опасался, что администрация семинарии не даст ему закончить последний учебный год⁴⁹. Такая мысль, возможно, была не лишена основания. К пятому курсу Сосо уже имел прочную репутацию смутьяна и больше не старался скрывать своих мятежных взглядов. Однажды инспектор Абашидзе застал его за чтением посторонней книги, которую выхватил у него из рук. Однако Сосо вырвал книгу у Абашидзе. Возмущенный монах воскликнул: "Ты разве не видишь, с кем имеешь дело?" Сосо протер глаза, пристально посмотрел на него и ответил: "Вижу перед собой черное пятно и больше ничего"⁵⁰. Фамилия этого инспектора указана в конце следующей записи в журнале регистрации поведения за 1898/99 г.: "Джугашвили Иосиф (V, I) во время совершения членами инспекции обыска у некоторых учеников 5-го класса несколько раз пускался в объяснения с членами инспекции, выражая в своих заявлениях недовольство производящимися время от времени обысками среди учеников семинарии, и заявил при этом, что-де ни в одной семинарии подобных обысков не производится. Ученик Джугашвили вообще непочтителен и груб в обращении с начальствующими лицами, систематически не кланяется одному из преподавателей (С. А. Мураховскому), как последний неоднократно уже заявлял инспекции... Сделан был выговор, посажен в карцер по распоряжению о. Ректора на пять часов"⁵¹. Поскольку дела приняли такой оборот, не удивительно, что Джугашвили в мае 1899 г. покинул семинарию. Нам неизвестно, как на это реагировала мать, но догадаться нетрудно. Согласно семинарским записям, опубликованным в "Духовном вестнике Грузинского экзархата" в июне-июле 1899 г., Сосо исключили потому, что он "по неизвестной причине" не явился на экзамены в конце учебного года⁵². Характерно, что позднее он драматизировал данный эпизод. В анкете делегата Московской районной партийной конференции, состоявшейся в 1931 г., бросивший учебу семинарист, отвечая на вопрос об образовании, указал: "Вышиблен из православной духовной семинарии за пропаганду марксизма"⁵³. Профессиональный революционер Готовиться к роли профессионального революционера Джугашвили начал еще до

того, как бросил семинарию. Порученный ему в 1898 г. организацией "Месами-даси" кружок самообразования состоял из рабочих Главных железнодорожных мастерских Тифлиса] В то время, вспоминая он позднее, "я на квартире у Стуруа в присутствии Джигладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Чодришвили, Чхеидзе, Бочоришвили, Нинуа и др. передовых рабочих Тифлиса получил первые уроки практической работы"**54**. Очевидно, на занятиях присутствовали более опытные товарищи-партийцы, которые при необходимости могли помочь Джугашвили справиться со своей задачей пропагандиста, которая сводилась к обучению рабочих марксизму. Возможно, исходя из собственного первоначального практического опыта, он в 1898 г. составил "Программу занятий в марксистских рабочих кружках"**55**. Оставив семинарию, Джугашвили продолжал работать пропагандистом кружка самообразования рабочих железнодорожных мастерских Тифлиса, в котором его знали как Сосо. В это время он, согласно опубликованной позднее официальной биографии, "перебивался", давая частные уроки**56**. В конце декабря 1899 г. он находит работу служащего и пристанище в Тифлисской физической обсерватории. Однако такое положение длится всего три месяца. В конце марта 1900 г., в период повальной безработицы и широких волнений в Грузии, полиция, проводя облаву на местных социал-демократических активистов, устроила обыски в его комнате при обсерватории. Когда пришла полиция, Джугашвили дома не было, и он, узнав о случившемся, ушел в подполье, избежав ареста ценою потери рабочего места в обсерватории. Единственным свидетельством, пролившим какой-то свет на то, как Сосо затем сводил концы с концами, являются воспоминания Ирешашвили, по словам которого часть товарищей, окончивших семинарию, "объединилась, чтобы время от времени при необходимости поддерживать его"**57**. О деятельности Джугашвили в последующие месяцы известно мало. Вместе с Джигладзе и другими он готовил в августе 1900 г. крупную, но безуспешную забастовку железнодорожных рабочих Тифлиса. В тот же период он познакомился с прибывшим в Тифлис другом Ленина, эмиссаром "Искры" Виктором Курнатовским и нашел в этом русском революционере-марксисте одного из первых своих наставников. Вместе с Ладом Кецохели и его единомышленником Александром Цулукидзе Сосо разрабатывал план создания грузинской газеты "Брдзола", которая начала печататься в 1901 г. в подпольной типографии "Нина" (вместе с копиями "Искры" на русском языке). Первые печатные сочинения Джугашвили появились в этой просуществовавшей лишь короткое время грузинской газете**58**. Постепенно он приобрел достаточное влияние в местных марксистских кругах, чтобы на партийной конференции, проходившей в Тифлисе в помещении подпольной Авлабарской типографии **59**, в ноябре 1901 г., быть избранным в состав Тифлисского социал-демократического комитета, который действовал с 1898 г. В эти первые годы Джугашвили участвовал в революционной деятельности и политических спорах местных марксистов. Они делились (примерно, по линии "мягких" и "твердых" искровцев) на последователей Жордания, численно преобладавших, и более воинственное меньшинство (Махарадзе, Кецохели, Цулукидзе, Цхакая и другие), которое отвергало политику "легальных марксистов", пропагандировавшуюся газетой "Квали", выступало за конспиративные методы работы и требовало, чтобы движение не ограничивалось тайной пропагандистской деятельностью, а перешло к новому, "уличному" этапу, основанному на массовой агитации. Это были, так сказать, протобольшевики, и Джугашвили присоединился к ним. Он отстаивал воинственную позицию в агрессивном, фракционистском стиле, что создало ему среди грузинских марксистов репутацию человека с тяжелым характером, вечно возмутителя спокойствия. Возможно, в этом кроется причина переезда Джугашвили в Батум вскоре после избрания его в

Тифлисский комитет. Перемена места проживания произошла при обстоятельствах, которые, хотя до настоящего времени и не совсем ясны, тем не менее не делают Джугашвили чести. Грузинские меньшевики в эмиграции упорно утверждали, что он переселился в Батум после исключения партийным судом из тифлисской организации за интриги и клевету на Сильвестра Джибладзе⁶⁰. Согласно другой, не лишенной правдоподобия версии, причиной переезда явились разногласия по вопросу о том, следует ли в Тифлисский комитет наряду с профессиональными партийными работниками (то есть в большинстве своем представителями интеллигенции) избирать рабочих. Джугашвили безуспешно пытался воспротивиться положительному решению, выдвигая такие аргументы, как конспиративные соображения, неподготовленность и несознательность рабочих. Эта версия изложена в работе по истории закавказской социал-демократии, изданной сперва в 1910 г. в Женеве, а затем — в 1923 г. в Москве⁶¹. Автор, будучи социал-демократом, участником указанных событий, прямо не назвал Джугашвили. Он лишь написал, что включению рабочих в комитет воспротивился один молодой интеллигент, позиция которого якобы мотивировалась личными причудами и жаждой власти. Потерпев в ходе голосования в комитете поражение, этот молодой человек выехал из Тифлиса в Батум, "откуда тифлисские работники получили сведения о его некорректном отношении, враждебной и дезорганизационной агитации против тифлисской организации и ее работников"⁶². Справедливости ради следует сказать, что в то время, когда Джугашвили в начале декабря 1901 г. прибыл в Батум, социал-демократическими лидерами там являлись два представителя умеренного курса, (Чхеидзе и Рамишвили), которые могли противодействовать его усилиям, направленным на организацию более боевой и конспиративной социал-демократической работы в духе Кецохели и Курнатовского. Серьезные волнения рабочих в Батуме подготовили благодатную почву для агитационных листовок, которые Джугашвили, как рассказывали, печатал на простейшем гектографе в своей лачуге. Нам не известно, в какой мере эти листовки способствовали возникновению забастовок на заводе Манташева и на нефтеперерабатывающем заводе Ротшильда в Батуме в феврале 1902 г. Последней предшествовало увольнение 389 рабочих. За прекращением работы на нефтеперерабатывающем заводе последовал 8 марта арест 32 рабочих, после чего 600 рабочих собрались у полицейского управления, требуя освободить арестованных или посадить за решетку их самих. Полиция арестовала собравшихся. На следующий день огромная толпа рабочих пришла к тюрьме с аналогичными требованиями. Поскольку рабочие не подчинились приказу разойтись, солдаты открыли по ним огонь. В итоге: 14 убитых и много раненых⁶³. Играл ли какую-то роль Джугашвили в этих событиях — не ясно. Волнения в ряде промышленных центров Закавказья нарастали, возможно, под влиянием батумской демонстрации 9 марта, и власти решили разделаться с социал-демократическими активистами. Ночью 5 апреля 1902 г. во время заседания Батумского социал-демократического комитета были арестованы Джугашвили и другие его члены⁶⁴. После годичного пребывания в батумской и шестимесячного заключения в кутаисской тюрьмах его отправляют на 3 года в ссылку в село Новая Уда Иркутской губернии (Восточная Сибирь). На место он прибыл в конце ноября 1903 г., а в начале следующего года уже совершает побег и добирается до Тифлиса. Впоследствии такое происходило неоднократно. По сведениям, приведенным в официальной биографии, между 1902 и 1913 гг. Джугашвили арестовывался восемь, отправлялся в ссылку семь и бежал с мест ссылки шесть раз⁶⁵. Не удалось ему бежать только из ссылки, к которой он был приговорен в 1913 г. и из которой его освободила февральская революция. Ибо в последний раз его заслали в такое отдаленное место на севере Сибири, сбежать

откуда было трудно. Вернувшись в Тифлис после первого побега в феврале 1904 г., Джугашвили скрывался на квартире социал-демократического активиста Михо Бочоридзе. Об этом нам известно потому, что здесь ему было суждено встретиться с будущим тестем Сергеем Аллилуевым, через много лет описавшим данный эпизод в воспоминаниях. Квалифицированный механик, он в начале 90-х годов переехал на юг, устроился на работу в железнодорожных мастерских Тифлиса, женился и обосновался на жительство. Он стал социал-демократом, а его дом в пригороде Тифлиса — излюбленным местом собрания революционеров. Когда Аллилуев однажды вечером по партийным делам посетил Бочоридзе, последний познакомил его с Джугашвили, который рассказал кое-что о недавнем побеге из Новой Уды. В частности, о том, что пытался бежать уже через несколько дней после прибытия, однако, не имея подходящей теплой одежды, он, обморозив лицо и уши, был вынужден вернуться. Вторая попытка увенчалась успехом⁶⁶. Как писала в своих мемуарах старшая дочь Аллилуева, Анна, которой в то время было восемь лет и которая слышала эту историю от отца, Джугашвили сначала не мог бежать, так как за ним установили слишком строгий надзор. Но потом, улучив подходящий момент и запасшись теплой одеждой, он отправился пешком и, едва не обморозив лицо, все-таки сумел вырваться⁶⁷. Еще меньше нам известно о последующих побегах. Нужно, однако, иметь в виду, что подобные побеги были обычным делом для русских революционеров. Систему административной высылки на север европейской части России или в Сибирь не следует смешивать с более строгими и суровыми, но и реже применявшимися каторжными работами. Да и охранка не имела того штата и опыта, какими впоследствии располагал ее советский наследник. Прибыв на место, ссыльные могли по своему усмотрению устраиваться на квартиру к местным жителям и жить как вздумается, правда под наблюдением, которое варьировалось и по интенсивности, и по эффективности. Им не возбранялось переписываться, хотя власти могли читать письма. Как мы видели на примере Ленина, ссыльные имели даже возможность писать серьезные научные труды, не говоря уже о революционных воззваниях, тайными каналами переправляемых за границу. Побег сам по себе был трудным, иногда очень рискованным, но довольно часто осуществимым предприятием. Вернувшись в феврале 1904 г. в Тифлис, Джугашвили снова с головой ушел в подпольную партийную работу. В его отсутствие социал-демократическое движение приобрело иную организационную форму. В начале 1903 г. в Тифлисе состоялся объединительный съезд представителей социал-демократических организаций Тифлиса, Баку, Батума, а также партийных групп менее крупных центров Закавказья. Съезд учредил "Кавказский союзный комитет" из девяти членов как постоянно действующую руководящую группу, и Джугашвили в какой-то момент после возвращения стал его членом⁶⁸. В последующие месяцы он ездил по Закавказью в связи с партийными делами и посетил в июне Баку, провел сентябрь и октябрь на западе Грузии в городе Кутаиси, сделал короткие остановки в Батуме и Чиатуре. Однако, пожалуй, вернее было бы сказать, что ездил он по "фракционным делам", ибо главное внимание в обозначившемся расколе партийных рядов он сконцентрировал на укреплении позиций своих сторонников. Позже писали (например, Троцкий), что Джугашвили начал свою деятельность меньшевиком и присоединился к большевикам после долгих колебаний только в канун событий 1905 г.⁶⁹ В подтверждение ссылаются на сообщение царской полиции за 1911 г., в котором указывалось: "По вновь полученным мною агентурным сведениям, Джугашвили был известен в организации под кличками Сосо и Коба, с 1902 г. работал в социал-демократической партии — организации, сначала меньшевиком, а потом большевиком, как пропагандист и руководитель 1-го района (железнодорожного)". Этот документ был опубликован

23 декабря 1925 г. в тифлисской газете Закавказского краевого комитета РКП "Заря Востока" вместе с воспоминаниями бывших товарищей Сталина в связи с его 46-летием. Копия сообщения находится среди архивов охраны в Гуверовском институте (Стэнфорд, Калифорния). Вызывает сомнение не подлинность документа, а само его содержание. Мало того, что в сообщении местом пребывания Джугашвили ошибочно назван Тифлис, хотя этот год он провел в Батуме, автор (начальник губернской жандармерии) допускает явную ошибку, называя Джугашвили меньшевиком с 1902 г. Дело в том, что меньшевизм как течение возник после II съезда российской партии, то есть после 1904 г. Полицейского офицера, по-видимому, ввел в заблуждение тот факт, что большинство социал-демократов, с которыми Джугашвили имел дело в Тифлисе в 1900 — 1901 гг., впоследствии стали меньшевиками. К немногим обстоятельствам ранних этапов революционной карьеры Джугашвили, которые не должны вызывать у нас ни малейшего сомнения, относится и тот факт, что он принял большевизм без всяких колебаний, как только уяснил себе суть вопросов, послуживших причиной внутрипартийных разногласий, Это удостоверяется независимыми свидетельствами двух бывших грузинских социал-демократов, написавших в эмиграции свои воспоминания⁷⁰. В поездках по Закавказью после возвращения из ссылки Джугашвили отстаивал ленинскую позицию. В одном из грузинских мемуарных сочинений подчеркивается, что он уже придерживался подобных взглядов, когда в 1904 г. прибыл в Кутаиси, чтобы возглавить местный социал-демократический комитет⁷¹. Еще одно неопровержимое доказательство этого содержится в двух личных письмах, посланных Джугашвили в октябре в Лейпциг проживавшему там грузинскому революционеру М. Давиташвили и переданных последним Ленину и Крупской (позднее эти письма были обнаружены в их переписке). В письмах Джугашвили предстает как безусловный сторонник Ленина. Понятие "большевик" тогда еще не было в широком употреблении. Вначале Джугашвили попросил друга выслать ему "Искру", которая тогда оказалась под контролем антиленинского большинства и печатала статьи, критикующие ленинские взгляды. Объясняя просьбу, он писал: "Здесь нужна "Искра" (хотя она без искры, но все-таки нужна: по крайней мере в ней есть хроника, черт ее возьми, надо хорошо знать и врага)". Термин "враг" Джугашвили употребил вполне сознательно. В письме он осыпал насмешками Плеханова за то, что тот подверг критике книгу "Что делать?", которая, очевидно, для Джугашвили являлась своего рода кредо. Возражая Ленину, Плеханов, помимо прочего, утверждал, что для того, чтобы обрести революционное сознание, рабочему классу не нужны социал-демократические интеллигенты-проповедники. На это пылкий ленинец из Кутаиси заметил: "Этот человек или совершенно рехнулся, или в нем говорят ненависть и вражда. Думаю, что обе причины имеют здесь место. Я думаю, что Плеханов отстал от новых вопросов. Ему мерещатся старые оппоненты, и он по-старому твердит: "общественное сознание определяется общественным бытием", "идеи с неба не падают". Как будто Ленин говорит, что социализм Маркса был бы возможен во время рабства и крепостничества. Теперь гимназисты и те знают, что "идеи с неба не падают". Но дело в том, что теперь речь идет совсем о другом... Теперь нас интересует то, как из отдельных идей вырабатывается система идей (теория социализма), как отдельные идеи и идейки связываются в одну стройную систему — теорию социализма, и кем вырабатываются и связываются. Масса дает своим руководителям программу и обоснование программы или руководители — массу?"⁷² И вовсе не удивительно, что первая же статья Джугашвили, опубликованная после его возвращения из ссылки, представляла собой страстную защиту ленинской точки зрения по спорному первому пункту партийного Устава. Она появилась в новой нелегальной газете грузинских марксистов "Пролетариатис

Брдзола" 1 января 1905 г.⁷³, когда на горизонте сгущались грозовые революционные тучи. Русская революция 1905 г., которую Ленин впоследствии назвал "генеральной репетицией", была массовым, стихийным общенациональным бунтом. Под влиянием экономического кризиса начала столетия и позорного поражения в русско-японской войне 1904 г. подспудное недовольство крупных социальных групп переросло в мятежные настроения. В такой атмосфере события петербургского Кровавого воскресенья в январе 1905 г., вызвали настоящий взрыв. По стране прокатилась волна забастовок, уличных демонстраций, крестьянских беспорядков и вооруженных выступлений — от мятежа на броненосце "Потемкин" в Одессе (увековеченного в кинофильме Сергея Эйзенштейна) до вооруженных восстаний в Москве и в ряде других административных центров. В октябре назревало что-то похожее на всеобщую политическую стачку. В это время в Петербурге сформировался Совет рабочих депутатов, в котором видную роль играл Троцкий, и политические партии впервые вышли из подполья. Манифестом от 17 октября царь провозгласил гражданские свободы и объявил о создании выборного законодательного органа — Государственной думы. Но революционные страсти полностью улеглись лишь к началу 1907 г. В Закавказье, где глубокое социальное недовольство усугублялось национальными притеснениями, волнения 1905 г. были особенно бурными. Крестьяне с оружием в руках поднялись против помещиков, выступления рабочих приняли массовый характер, состоялись уличные демонстрации. Жестокие репрессии со стороны русских войск и не жалевших нагаек казаков, в том числе и ужасная бойня, учиненная среди собравшихся в августе на митинг в тифлисском городском зале, не смогли сдержать брожения, и к концу года Грузия оказалась в состоянии почти полной анархии. Социал-демократы всецело использовали благоприятную ситуацию для достижения собственных целей. Вместе с тем здесь, как и по всей стране, раскол в их рядах увеличился, ибо к первоначальным причинам, породившим внутрипартийные разногласия, прибавились споры относительно революционной тактики. Таким образом, революция 1905 г. ускорила превращение двух противоборствующих фракций в две воюющие между собой партии. Джугашвили активно участвовал в грузинских событиях 1905 г., но его революционная роль не была особенно заметной. Он выступил на некоторых массовых митингах, выпустил несколько агитационных прокламаций и написал ряд статей, касавшихся революционной ситуации и внутрипартийных разногласий. Ездил по Грузии как организатор и пропагандист большевизма, затрачивая много энергии на фракционную борьбу. Так, в хронике его жизни за 1905 г., которую опубликовали позднее в 1-м томе сочинений Сталина, указывается, что в апреле он "выступает на большом дискуссионном собрании в Батуме против меньшевистских лидеров Н. Рамишвили, Р. Арсенидзе и др.", а в июле "выступает на двухтысячном дискуссионном митинге в Чиатуре против анархистов, федералистов, эсеров"⁷⁴. Однако Джугашвили участвовал в событиях того времени и в иной роли. В различных регионах страны, в том числе и Закавказье, боевые группы партии осуществили целую серию "экспроприации", то есть вооруженных ограблений банков, почтовых вагонов и т. п. Хотя эти операции (известные в революционных кругах как "эксы") вызвали протесты в партии, особенно со стороны меньшевиков, Ленин одобрял "эксы" и рассчитывал на них как на источник денежных средств, нужных для финансирования политической деятельности. С его молчаливого согласия экспроприации продолжались и после 1905 г., несмотря на то что их запрещала резолюция, принятая, по предложению меньшевиков, IV (Объединительным) съездом партии, состоявшимся в 1906 г. в Стокгольме. Широкою известность приобрело нападение на Тифлисский государственный банк в июне 1907 г., которое пополнило большевистскую кассу огромной суммой денег.

Тифлисской операцией руководил бесстрашный искатель приключений С. А. Тер-Петросян (Камо). Полагают, однако, что в действительности эти и другие "экссы" в Закавказье закулисно направлял Джугашвили. Это верно, что ни один из будущих биографов даже не намекнул на данный аспект его революционной карьеры, а сам он уклонился от прямого ответа, когда немецкий писатель Эмиль Людвиг в 1931 г. в интервью заметил: "В Вашей биографии имеются моменты, так сказать, "разбойных" выступлений"⁷⁵. Вместе с тем вполне достоверно засвидетельствовано, что, хотя Джугашвили лично никогда и не участвовал в различных "экспроприациях", он, оставаясь в тени, планировал и организовывал их ⁷⁶. В меньшевистских источниках утверждалось, что Закавказская организация исключила его из партии за участие в тифлисском ограблении в июне 1907 г. В марте 1918 г., когда деятельность меньшевиков не была полностью пресечена победившими большевиками, Мартов написал в московской газете, что Сталина в свое время исключили из партийной организации в связи с какими-то экспроприациями. Сталин подал на Мартова в революционный трибунал, отрицая, что когда-либо судился или исключался партийной организацией. Однако он не отрицал своей причастности к экспроприациям⁷⁷. В Грузии меньшевики вышли из революции 1905 г. как доминирующая социал-демократическая фракция. Успеху способствовала наряду с другими факторами та энергия, с которой они проводили меньшевистскую тактику участия в выборах в I Государственную думу. Большевики, собравшиеся в декабре 1905 г. на конференцию в Таммерфорсе, приняли решение (вопреки возражениям Ленина) бойкотировать выборы. В результате взятого грузинскими меньшевиками курса в I Думе пять из восьми грузинских мандатов, а во II Думе все эти мандаты оказались у меньшевиков. Успех грузинского меньшевизма объясняется, вероятно, его более националистической ориентацией и тем фактором, что меньшевистские вожди Грузии были более революционно настроены, чем лидеры русских меньшевиков. Влияние меньшевиков среди грузинских социал-демократов было столь велико, что из 16 грузинских делегатов, избранных на стокгольмский съезд партии, большевиков представлял только один Джугашвили. А на V съезде, проходившем в Лондоне в апреле — мае 1907 г., все делегаты Грузии с решающим голосом являлись меньшевиками. Двух большевистских представителей Грузии, Джугашвили и Цхакая, не располагавших достаточной поддержкой на местах для получения полноценных мандатов, допустили на съезд по более низкой категории делегатов с "совещательным голосом", да и то вопреки протестам со стороны меньшевиков. Когда Ленин, председательствовавший на 14-м заседании съезда, попросил проголосовать по предложению мандатной комиссии, высказавшейся за то, чтобы допустить на съезд с совещательными голосами Ивановича (Джугашвили), Барсова (Цхакая) и еще двух других делегатов, Мартов потребовал представить о них информацию и заявил: "Нельзя голосовать, не зная, о ком идет дело". На что Ленин ответил: "Действительно, это не известно. Но съезд может довериться единогласному мнению мандатной комиссии". Требование Мартова отклонили, а предложение комиссии приняли большинством голосов, причем многие воздержались. В этот момент Костров (Жордания) крикнул из зала: "Протестуем!"⁷⁸ Хотя в грузинской социал-демократии большевики представляли оппозиционное меньшинство, грузинский большевизм как движение все-таки существовал. На первых порах, однако, Джугашвили не играл в нем главной роли. Показателем его малозаметной роли в этот первый период служит тот факт, что он не оказался в числе 15 делегатов от местных групп, которые собрались в ноябре 1904 г. в Тифлисе на первую конференцию закавказских большевиков. Не было его и среди четырех делегатов Закавказья, приехавших в апреле 1905 г. в Лондон на большевистский III

Съезд партии, названный Троцким "учредительным съездом большевиков"⁷⁹. Дебют Джугашвили в более высоких большевистских органах состоялся в конце того же года на конференции в Таммерфорсе. К тому времени он уже стал влиятельной фигурой, правда не в общепартийных делах, а среди большевиков местного уровня. Между прочим, во время коротких поездок на партийные съезды в Стокгольм и Лондон Джугашвили впервые имел возможность познакомиться с жизнью за границей, однако сомнительно, чтобы он провел много времени вне пределов зала заседаний. Шестинедельное пребывание в Кракове и Вене в начале 1913 г. — это единственный другой известный выезд Джугашвили за рубеж, предшествовавший поездке в 1943 г. в Тегеран на переговоры с премьер-министром Черчиллем и президентом Рузвельтом. Вернувшись в июне 1907 г. из Лондона в Закавказье, Джугашвили лишь на короткое время остановился в Грузии, а затем обосновался в Азербайджане, в Баку. Социал-демократическая работа велась главным образом среди многонациональной массы нефтяников, которые составляли почти четверть 200-тысячного городского населения. Здесь, как и в Грузии после революции 1905 г., преобладали меньшевики, и большевики стремились изменить ситуацию. Джугашвили включился в фракционную борьбу в привычной роли партийного организатора-нелегала. Поскольку Бакинский социал-демократический комитет находился в руках меньшевиков, он поначалу являлся комитетчиком без комитета. Однако организационные усилия, предпринятые им совместно с такими ведущими бакинскими большевиками, как С. Шаумян, А. Енукидзе, П. Джапаридзе, С. Спандарян и С. Орджоникидзе, завершились созданием в октябре, конкурирующего большевистского Бакинского комитета, членом которого стал и Джугашвили⁸⁰. В последующие месяцы он сосредоточил внимание на новом для себя поприще революционной деятельности: на профсоюзной работе. Много позднее, оглядываясь назад, он скажет, что во время острых конфликтов между рабочими-нефтяниками и нефтепромышленниками на собственном опыте убедился, "что значит руководить большими массами рабочих"⁸¹. Это руководство включало практические действия по организации забастовок и оказанию влияния на профсоюзную политику, а также подготовку статей по вопросам труда для легальной большевистской профсоюзной газеты "Гудок". Вначале Джугашвили, по-видимому, занял воинственную левацкую позицию, выступая за максимум партийного контроля над профсоюзами и за бескомпромиссную ориентацию на всеобщую стачку, в то время как Джапаридзе и другие большевики более умеренных взглядов склонялись к признанию автономии профсоюзной деятельности, к использованию также и других, менее острых форм борьбы рабочих. В конце концов позицию Джугашвили отвергли, и он стал поддерживать более гибкую большевистскую политику, которая в начале 1908 г. способствовала заметному успеху социал-демократов, особенно большевиков, на выборах рабочих делегатов в совет, которому поручили подготовить платформу для запланированных переговоров с работодателями⁸². Но именно эти успехи послужили причиной ареста ряда социал-демократических активистов. Джугашвили (работавшего тогда под псевдонимом Нижарадзе) арестовали 25 марта 1908 г. и заключили в Баилдовскую тюрьму Баку, где, продержав до начала ноября, затем выслали сроком на два года в Вологодскую губернию. Туда он отправился обычным "этапным порядком", то есть двигаясь от тюрьмы к тюрьме в группе, в которую по пути вливались другие заключенные. В январе 1909 г. его отправляют из Вологодской городской тюрьмы на место ссылки в Сольвычегодск. По дороге, передвигаясь опять же "этапным порядком" и, по всей видимости, пешком, он заболевает тифом, какое-то время находится в больнице в Вятке и достигает Сольвычегодска только к концу февраля. Через четыре месяца Джугашвили бежит на юг и в июле 1909 г.

опять объявляется в бакинском подполье. В марте 1910 г. его вновь арестовывают и, продержав в Баиловской тюрьме, в начале сентября возвращают в Сольвычегодск, предварительно вручив предписание кавказского наместника, воспрещающее проживание на Кавказе в течение пяти лет. Отбыв двухгодичную ссылку в Сольвечыгодске, Джугашвили избирает Вологду местом жительства под надзором полиции. В сентябре он нелегально выезжает в Петербург по фальшивому паспорту на имя Чижикова, где устанавливает связь с Сергеем Аллилуевым и другими большевиками. После ареста в декабре его высылают в Вологду на три года, но в начале 1912 г. он снова бежит⁸³. И это был еще не последний побег. Завершая хронику жизни молодого Джугашвили, нужно сказать несколько слов о его первом браке. Повествование будет коротким, ибо мы располагаем очень скудными сведениями. В официальных биографиях об этом ничего не говорится, и то немногое, что нам известно, почерпнуто из мемуаров Иремашвили. С невестой Екатериной Сванидзе Джугашвили мог познакомиться через ее брата Александра, который учился вместе с ним в Тифлисской семинарии. Хотя Иремашвили утверждает, что бракосочетание состоялось в 1903 г., оно, по-видимому, произошло или в 1902 г., до первого ареста и высылки Джугашвили, или же в 1904 г., т.е. после этих событий. Вероятно, на характерную для него привязанность к матери (о чем шла речь выше) указывает и тот факт, что невеста не только имела такое же имя, но во многом походила на его мать. Екатерина Сванидзе происходила отнюдь не из интеллигентной среды и не разделяла революционных взглядов своего брата Александра. Она была простой грузинской женщиной, для которой обязанности жены составляли всю суть жизни. Как и Екатерина Джугашвили, она была глубоко религиозна и, по словам Иремашвили, даже молилась ночами о том, чтобы муж отказался от кочевой жизни профессионального революционера и занялся чем-то более основательным. Напоминала она старшую Екатерину и абсолютной преданностью Иосифу, на которого "глядела... как на полубога"⁸⁴. Где супруги жили во время редких встреч — нам не известно. Вполне возможно, что в какой-то части дома родителей Екатерины, который, как считают, находился в селении Диди-Лило близ Тифлиса, на родине далеких предков Джугашвили. В 1908 г. Екатерина родила сына Якова, а через год заболела и умерла⁸⁵. Любивший ее Джугашвили был глубоко опечален. Иремашвили, ставший уже меньшевиком и, таким образом, политическим противником, тем не менее пришел, чтобы выразить свое соболезнование и присутствовать на панихиде в церкви, которую отслужили в соответствии с последней волей покойной и пожеланиями семьи Сванидзе. Когда небольшая процессия достигла кладбища, рассказывал Иремашвили, "Коба крепко пожал мою руку, показал на гроб и сказал: "Сосо, это существо смягчало мое каменное сердце; она умерла и вместе с ней последние теплые чувства к людям". Он положил правую руку на грудь: "Здесь внутри все так опустошено, так непередаваемо пусто"⁸⁶. Их сына вырастила в Грузии сестра матери. К вопросу о связи с полицией Так случилось, что, уезжая после очередного неприятного инцидента, возникшего отчасти из-за склонности к ссорам, Джугашвили оставлял в душах людей различные сомнения и подозрения. Переезд из Тифлиса в Батум — первое событие такого рода. Второе, по всей вероятности (как указывалось выше), связано с переездом в Баку. А отъезд из Баку мог бы в определенной степени считаться третьим таким эпизодом. Во всяком случае, бакинский период был омрачен соперничеством, которое возникло между ним и Степаном Шаумяном, ходили слухи, что местные большевики подозревали Джугашвили в том, будто он, проинформировав полицию, способствовал аресту Шаумяна в 1909 г.⁸⁷ Это одно из нескольких сообщений, исходящих главным образом, из кругов грузинских меньшевиков, свидетельствующих о том, что Джугашвили подозревали в доносительстве в полицию на лиц, которых

ему хотелось убрать с дороги. По словам бывшего эсера Семена Верещака, который в 1908 г. вместе с Джугашвили был в Баиловской тюрьме, последний будто бы начал доносить (хотя еще не в полицию) вскоре после ухода из Тифлисской семинарии. В воспоминаниях, опубликованных в 1928 г. в русской газете в Париже, Верещак пишет, что среди заключенных в тюрьме были учившиеся с Джугашвили в одной семинарии, которые якобы рассказывали, что после отчисления он позаботился о том, чтобы исключили других членов действовавшей в семинарии тайной социалистической группы, сообщив ректору их фамилии. Они также говорили Верещаку, что Сосо признался в совершенном, но оправдывал свой поступок тем, что, потеряв право быть священниками, исключенные станут хорошими революционерами⁸⁸. Хотя других свидетельств, подтверждающих причастность Джугашвили к аресту семинаристов, нет, нам достоверно известно, что осенью 1899 г. семинарию были вынуждены покинуть около 40 учеников. Причем обстоятельства исключения говорят о том, что администрация семинарии узнала об их противозаконной подпольной деятельности⁸⁹. Другие, основанные на слухах сведения относительно возможных контактов молодого Джугашвили с полицией в свое время сообщили старые большевики. По свидетельству Роя Медведева, в личных бумагах некоего Е. П. Фролова, члена партии с 1918 г., есть данные о том, как в начале 30-х годов советский историк партии профессор Сепп, работая в ЦК Грузинской компартии, обнаружил старую подшивку материалов царской полиции, среди которых была просьба Иосифа Джугашвили об освобождении из-под ареста с пометкой: "Освободить, если согласится давать жандармскому управлению информацию о деятельности социал-демократической партии". А в кутаисских архивах будто бы нашли донос на группу социал-демократов, подписанный Иосифом Джугашвили. В третьем случае (опять же по бумагам Фролова) какой-то член партии однажды посетил молодого Джугашвили на конспиративной квартире в Тифлисе и застал его со старшим жандармским офицером. Позднее на вопрос о причинах присутствия этого чиновника Джугашвили якобы ответил: "Он помогает нам в жандармерии"⁹⁰. Джугашвили мужал в чрезвычайно суровой политической среде, и отсутствие у него щепетильности в выборе средств можно считать вполне доказанным. Кроме того, точно известно, что охранка часто пыталась, применяя давление, принудить арестованных революционеров, особенно молодых, стать осведомителями⁹¹. Несомненно, и Джугашвили во время первого ареста был объектом подобного давления, как это видно из приведенного выше одного непроверенного свидетельства. Более того, хотя ни одно из представленных до сих пор сообщений не является доказанным, вполне вероятно, что в какой-то момент Джугашвили действительно согласился передавать полиции информацию или в какие-то моменты поступал таким образом, причем не из желания помочь полиции, а ради достижения личных или фракционных целей. Весьма возможно, что подозрения бакинских большевиков были достаточно обоснованными. Но чтобы согласиться с этим, нам вовсе не обязательно принимать выдвинутый в последние годы в некоторых книгах тезис, что Джугашвили был агентом царской полиции, то есть таким же агентом-провокатором, как и Роман Малиновский, который поднялся на высшие ступени руководства в дореволюционных большевистских организациях, но в 1917 г. был разоблачен и расстрелян по решению Советского правительства. Доказательств подобной связи не обнаружила и Верховная следственная комиссия Временного правительства, которая с марта по ноябрь 1917 г. занималась изучением масштабов проникновения охранки в революционное движение. Фамилия Джугашвили не значилась в подробном списке полицейских агентов, который комиссия составила на основании архивных материалов и показаний бывших высокопоставленных чиновников полиции⁹². Между прочим,

процитированное выше жандармское сообщение за 1911 г. свидетельствует о том, что Джугашвили не был достаточно хорошо известен тифлисской полиции. В этой связи следует упомянуть еще одно обстоятельство. В 1918 г. московское издательство выпустило сборник документов из архивов охраны по истории большевизма. В них агентами полиции в социал-демократическом движении назывались 12 человек, включая Малиновского. Джугашвили среди них не было. Правда, подозрительно то, что один из двенадцати фигурировал только как Василий. Такой была одна из партийных подпольных кличек, которую в разное время, участвуя в революционном движении, использовал Джугашвили. Рассказывая об этом, Рой Медведев отмечает, что псевдоним Василий с таким же успехом мог быть у любого другого члена партии. Он также указывает на то, что по полицейским регистрациям Сталин проходит под более привычными партийными кличками Коба и Кавказец⁹³. К этому следует добавить: если бы Джугашвили служил агентом царской охраны в революционном движении, он едва ли счел возможным использовать для прикрытия один и тот же псевдоним. Пока единственным документальным доказательством, представленным в подкрепление тезиса о принадлежности Сталина к полицейской агентуре, является так называемое "письмо Еремина". Якобы отправленный в 1913 г. полковником петербургского полицейского управления А. М. Ереминым капитану А. Ф. Железнякову в Енисейск документ характеризует "Джугашвили — Сталина" как агента охраны с 1908 по 1912 г., после чего он будто бы порвал с нею всякую связь. В 1956 г. Исаак Дон Левин положил этот документ в основу книги "Великий секрет Сталина", в которой доказывал, что "большая чистка" 30-х годов в России имела целью ликвидировать всех, кто мог знать о прошлых связях Джугашвили с царской секретной полицией. Как было, однако, доказано, "письмо Еремина" является фальшивкой⁹⁴. Другая книга, Эдварда Смита, также посвящена вопросу, был или не был Сталин агентом полиции. Автор не полагается на "письмо Еремина". В книге доказательства базируются на ряде спекулятивных толкований поступков Джугашвили в молодые годы и событий, связанных с его биографией в тот период. Вся беда в том, что указанные Смитом поступки и события могут быть интерпретированы по-разному. Так, например, Смит раскрывает следующий эпизод, который в книге играет важную роль: тифлисская жандармерия могла предложить Джугашвили стать секретным агентом вскоре после его ухода из семинарии в мае 1899 г. и он, оставшись без работы, без копейки денег, в одиночестве и без друзей, не имел другого выбора, как только принять предложение. Шестимесячный период безработицы после ухода из семинарии это, по мнению Смита, как раз такой отрезок времени, который необходим для обучения новобранца офицером тифлисской жандармерии. Заметив, что "мы имеем право рассмотреть подобную возможность", Смит затем начинает обращаться с возможностью как с непреложным⁹⁵. Вместе с тем нет никаких данных о том, что Джугашвили в тот момент находился в таком бедственном состоянии и ему настолько не хватало дружеского участия, что полиции удалось (опять же допуская, что ему в самом деле это предлагали) склонить к сотрудничеству с ними. Напротив, мы располагаем, во-первых, цитированными выше показаниями Иремашвили о том, что некоторые бывшие товарищи по семинарии сообщая время от времени помогали Джугашвили, и, во-вторых, сведениями из его официальной биографии, где говорится, что на первых порах он немного зарабатывал, давая частные уроки. Более того, нет и намека на то, что Джугашвили когда-либо задерживался полицией до первого ареста в Батуме в начале 1902 г. А позднее, став комитетчиком социал-демократической партии, он получил доступ к денежным средствам, квартирам и т. п., которыми партия, исходя из собственных ресурсов,

могла обеспечить профессионального революционера подобного ранга. К тому времени, когда Джугашвили переехал в Баку, или, вероятнее всего, еще до переезда его роль в большевистской организации уже оправдывала такое отношение. Деньги для помощи черпались из различных источников. В статье "Партизанская война" Ленин утверждал, что средства, полученные в результате "экспроприации", идут на содержание "экспроприаторов" — "лиц, ведущих" революционную борьбу⁹⁶, — а Джугашвили, как мы видим, совершенно определенно принадлежал к данной категории. Другим важным источником финансов были пожертвования в партийную кассу со стороны состоятельных людей. Медведев отмечает, что, хотя большая часть архива петербургской полиции была уничтожена во время пожара 1917 г., сохранившиеся документы не подтверждают подозрения, что Джугашвили был полицейским агентом. Медведев представил копии двух писем Центрального государственного исторического архива СССР, которые говорят об обратном. В одном из них, датированном 17 августа 1911 г., начальник охранного отделения Москвы предупреждал начальника такого же отделения Вологодской губернии о том, что "активный и очень опасный член Российской социал-демократической рабочей партии" под псевдонимом Коба, в то время завершавший срок административной высылки в Вологду, поддерживает связь с зарубежным партийным центром, откуда получил распоряжение выехать за границу для получения инструкций относительно дальнейшей работы в качестве разъездного агента Центрального Комитета. Как мы увидим в дальнейшем, предупреждение основывалось на фактах. В ответном письме от 21 августа 1911 г. начальник охранного отделения Вологды, некий полковник Конисский, указав, что настоящая фамилия Кобы Джугашвили, описал его политическую деятельность в ссылке и сообщил, что при выезде из Вологды его будет сопровождать сыщик. Конисский, в частности, писал: "Учитывая тот факт, что Джугашвили очень осторожен и может поэтому уйти от одного сыщика, было бы лучше провести обыск и арестовать его уже теперь в Вологде. Для этой цели, пожалуйста, сообщите, располагаете ли вы информацией, необходимой для возбуждения против Джугашвили уголовного дела, и нет ли возражений с вашей стороны относительно производства у него обыска в Вологде, учитывая чрезвычайно конспиративный характер этой акции. Одновременно будет проведен обыск у всех людей, с которыми Джугашвили здесь поддерживает контакт". Медведев замечает (и, по-моему, совершенно справедливо), что трудно себе представить, чтобы подобная переписка касалась агента-провокатора полиции⁹⁷. Короче говоря, вопрос о возможной связи Сталина с полицией в самом начале революционной карьеры следовало бы разбить на два самостоятельных вопроса: 1) вступал ли Сталин в определенные деловые отношения с полицией, в процессе которых передавал информацию на других, пытаясь таким путем реализовать личные и фракционные замыслы, в то время как полиция старалась использовать эти контакты в собственных интересах; 2) был ли он полицейским агентом в полном смысле этого слова, методически подрывавшим изнутри то самое движение, которому он по всем признакам посвятил всю свою жизнь? Ввиду отсутствия в известных нынче исторических материалах бесспорных свидетельств мы вправе считать утвердительный ответ на первый вопрос только весьма вероятным. Что же касается второго вопроса, то отрицательный ответ на него обусловлен не только фактом полного отсутствия каких-либо доказательств столь прочных и длительных связей с полицией, но и нашей оценкой молодого Сталина как революционера.

Примечание_3

1. Царевич Вахушти. Географическое описание Грузии. Тифлис, 1904, кн.24, вып. 5, с. 29.
2. История Грузии изложена в кн.: Long David
3. Каминский В., Верещагин И. Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя. — "Молодая гвардия", 1939, в" — 12.
4. Очерк Горького напечатан в газете "Нижегородский листок" 26 ноября 1896 г.
- 5.
6. Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 24 — 25.
7. Там же, с. 27 - 28.
8. По свидетельству Хью Ланги, английского переводчика, присутствовавшего на встречах в верхах в период второй мировой войны, "Сталин, едва ли превышавший 5 футов и 5 дюймов — был правильного крепкого, но не грубого телосложения". (Stalin Face to Face. — In: "The Observer Weekend Review", 24 February 1963). Другие очевидцы подтверждают данную оценку.
9. Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 37. По словам авторов, Сосо открыл глаза и сказал: "Не бойся, мама, я чувствую себя хорошо".
10. Аллилуева А. С. Воспоминания. М., 1946, с. 167. Сталин сообщил Аллилуевой, что в октябре 1916 г. его вместе с другими политическими ссыльными привезли в Красноярск для призыва в русскую армию. Свою отставку он объяснил также и тем, что его сочли для армии "нежелательным элементом".
11. Iremaschwili J. Stalin und die TragГ̃die Georgiens. Berlin, 1932, S. 5 — 6. Иремашвили учился вместе с Джугашвили в Тифлисской духовной семинарии. Впоследствии, однако, он стал меньшевиком, и пути двух друзей разошлись. После революции Иремашвили преподавал в одной из тифлисских школ, а в начале 20-х годов эмигрировал. Подтверждения знакомства Иремашвили с Джугашвили в детстве и их принадлежности к подпольной группе в Тифлисской семинарии в кн: Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 39, 72.
12. Аллилуева С. Двадцать писем к другу. Нью-Йорк, 1981, с. 145, 189. С характеристикой Екатерины, которую дает Аллилуева, полностью совпадает ее описание в книге Иремашвили (Stalin und die TragГ̃die Georgiens, S. 10, 11).
13. Iremaschwili J. Stalin und die TragГ̃die Georgiens, S. 6, 11 — 12. Иремашвили объясняет (вероятно, несправедливо) грубый и жестокий характер Виссариона его осетинским происхождением. Горцы Осетии известны своими вендеттами.
14. Там же, с.12. Относительно обстоятельств смерти Виссариона см.: Аллилуева С. Двадцать писем к другу. В советском источнике (Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 44) указано, что Виссарион умер в 1906 г. Однако это утверждение, по всей видимости, ошибочно. Западные биографы, как правило, считают годом его смерти 1890-й.

15. Аллилуева С. Только один год. Нью-Йорк, 1969, с. 313.
16. "Пролетарская революция", 1936, в" — 7, с. 167. Почему-то Сталин не включил это письмо в собрание своих сочинений.
17. Хрущев Н. С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС. — "Известия ЦК КПСС", 1989, в" — 3, с. 155.
18. Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 34, 35. Местные священнослужители и администрация училища, должно быть, считали Екатерину очень набожным человеком.
19. Там же, с. 44 - 45.
20. "Правда", 27 октября 1935 г.
21. Freud Sigmund. Collected Papers. London, 1952, vol. 4, p. 367. Относительно влияния глубокой привязанности к матери на формирование личности см.: Fromm Erich. Sigmund Freud's Mission. N. Y., 1959, p. 20.
22. Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 36, 41. Иремашвили также вспоминает, что в училище Сосо был лучшим учеником (Stalin und die TragГ¶die Georgiens, S. 8).
23. Там же, с. 38, 41, 43, 64.
24. Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. М., 1937, с. 18, 20. Иремашвили также сообщает, что к тому времени религия для Сосо Джугашвили потеряла всякое значение, хотя он с удовольствием пел в церковном хоре.
25. Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 38 — 39.
26. Там же, с. 51 - 52.
27. Iremaschwili J. Stalin und die TragГ¶die Georgiens, S. 18. О том, что Сосо заимствовал кличку Коба из романа Казбеги, см.: Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 53.
28. Казбеги А. Избранные произведения в 2-х томах. Тбилиси, 1957, т. 1, с. 229, 237. О Казбеги см.: Lang David M. A Modern History..., p. 114 — 115.
29. Казбеги А. Указ, соч., с. 197.
30. Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 64 — 67; Iremasc hwili J. Stalin und die TragГ¶die Georgiens, S. 16.
31. Сталин И. В. Соч., т. 13, с. 113, 114.
32. Lang David M. A Modern History..., p. 109.
33. Махарадзе Ф. И. Очерки революционного движения в Закавказье. Тбилиси, 1927, с. 57-58.
34. Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 65.
35. Там же, с.68. Иремашвили рисует несколько иную картину (Stalin und die TragГ¶ie Georgiens, S. 20). По его словам, Сосо сперва решил в отличиться учебе, но затем оставил это намерение, когда после первой же стычки с руководством семинарии пришел к выводу, что об успехах в учении не может быть и речи.
36. Там же, с. 65, 67.
37. Дубинский-Мухадзе И. М. Орджоникидзе. М., 1963, с. 92.
38. Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 67.
39. Iremaschwili J. Stalin und die TragГ¶die Georgien s, S. 21 — 22.
40. Ibid., S. 20.
41. Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 69. В опубликованных после смерти Сталина мемуарах К. Е. Ворошилов писал, что, когда он впервые встретился с Джугашвили (и жил с ним в одной комнате) в 1906 г. на съезде партии в Стокгольме, молодой грузин мог на память цитировать отрывки из литературных произведений (Рассказы о жизни. Воспоминания. М., 1968, кн. 1, с. 247).

42. Каминский В., Верещагин И. *Детство и юность вождя*, с. 71. Книги западных авторов он читал в русском переводе.
43. Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине, с. 26. Капанадзе, ставший впоследствии преподавателем грузинского языка, добавляет: "Эти слова, произнесенные в 1898 г., я напомнил товарищу Сталину при встрече с ним в 1926 г., и он вспомнил этот эпизод".
44. Там же, с.13.
45. Iremaschwili J. *Stalin und die Tragf[ra]ge die Georgiens*, S. 22.
46. Вакар Н. Сталин (по воспоминаниям Н. Н. Жордания). — "Последние новости", Париж, 16 декабря 1936 г., с. 2. Холодным приемом, оказанным Жордания, можно объяснить эпизод в сквере, свидетелем которого был Капанадзе, и насмешки в адрес "Квали", о которых вспоминал Иремашвили.
47. Каминский В., Верещагин И. *Детство и юность вождя*, с. 83, 92.
48. Енукидзе А. Наши подпольные типографии на Кавказе. М., 1925, с. 24. Енукидзе также сказал: "Владимир Кецохвели, бывший воспитанник Тифлисской духовной семинарии, являлся в 1895 — 1897 гг. старшим нашим товарищем по нелегальным кружкам Тифлиса, и в частности старшим по кружку в семинарии, в котором, между прочим, участвовал и Джугашвили — Сталин, нынешний секретарь ЦК РКП" (там же, с. 5). Если это правда, то тогда Кецохвели, должно быть, вернулся нелегально в Тифлис раньше, чем указано в других советских источниках. Вместе с тем следует иметь в виду, что мало кто знал действительное положение вещей так, как Енукидзе.
49. Iremaschwili J. *Stalin und die Tragf[ra]ge die Georgiens*, S. 23 — 24.
50. Каминский В., Верещагин И. *Детство и юность вождя*, с. 66 — 67. Поскольку Абашидзе назначили инспектором в 1898 г., этот эпизод, вероятно, произошел в последние два года пребывания Джугашвили в семинарии.
51. Там же, с.84.
52. Там же, с.86. Причины исключения напечатаны в "Духовном вестнике Грузинского экзархата" (15 июня — 15 июля 1899г., в" — 12 — 13, с. 8).
53. Исторические места Тбилиси. Путеводитель по местам, связанным с жизнью и деятельностью И. В. Сталина. Тбилиси, 1944, с. 29. В официальной биографии Сталина указано, что он исключен как "неблагонадежный".
54. Сталин И. В. Соч., т. 8, с. 174. О прошлом он вспомнил, выступая 8 июня 1926 г. перед рабочими Главных железнодорожных мастерских в Тифлисе.
55. В предисловии Института марксизма-ленинизма к первому тому сочинений Сталина, опубликованному в 1946 г., указывалось, что еще не найдены два произведения: "Программа занятий в марксистских рабочих кружках" и "Кредо", — написанные в 1898 и 1904 гг. (Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 10). Ссылки на "Программу" имеются также в кн.: Очерки истории коммунистических организаций Закавказья. Тбилиси, 1967, ч. I, с. 47.
56. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. — В: Малая Советская Энциклопедия. М., 1940, т. 10, с. 321.
57. Iremaschwili J. *Stalin und die Tragf[ra]ge die Georgiens*, S. 24.
58. Первые два произведения (включенные в 1-й том сочинений) — это редакционная статья без подписи, опубликованная в сентябре 1901 г., и статья "Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи", которая также появилась без подписи в конце года в названной газете (в" — 2 — 3). Обе они очень отличаются от его последующих работ, а одна из них значится в списке литературы по истории партии, вышедшей в свет в послесталинский период, без

указания автора. Эти статьи, возможно, плод коллективного творчества. Причем не обошлось без участия Сталина. Третья статья из 1-го тома сочинений, посвященная национальному вопросу и напечатанная в "Пролетариатис Брдзола", несомненно, принадлежит перу Джугашвили.

59. Очерки истории коммунистических организаций Закавказья, с. 61. Авлабарская типография была подпольной в буквальном смысле, ибо находилась в пещере, прорытой в боковой стене колодца, устроенного в доме, расположенном в Авлабарском районе на окраине Тифлиса. Полиция не могла обнаружить ее до 1906 г.

60. "Брдзолис Хма", Париж, 1930, в" —3; Вакар Н. Сталин (по воспоминаниям Н. Н. Жордания). — "Последние новости", Париж, 16 декабря 1936 г.; Уратадзе Григорий. Воспоминания грузинского социал-демократа. Стэнфорд, 1968, с. 66 — 67. Исаак Дейчер, который не согласен с таким объяснением, считает, что переезд Джугашвили был обусловлен личными и политическими разногласиями между ним и Джибладзе (Stalin: A Political Biography. N. Y., 1966, p. 46).

61. Аркомед С. Т. Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе. Женева, 1910, с. 55 — 56. Во втором издании добавлены лишь предисловие и примечания. Настоящая фамилия Аркомед (Г. А. Караджян) указана в: Очерки истории коммунистических организаций Закавказья, с. 61, где также говорится, что он был избран в Тифлисский комитет в то же самое время, что и Джугашвили.

62. Там же, с.56. Троцкий, признававший справедливость версии Аркомед, заявил, что Джугашвили был единственным членом Тифлисского комитета, переехавшим осенью 1901 г. в Батум (Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence. N.Y., 1967, p. 30).

63. Махарадзе Ф. И. Очерки революционного движения в Закавказье. Тбилиси, 1927, с. 83 — 84.

64. Очерки истории коммунистических организаций Закавказья, с. 67.

65. Малая Советская Энциклопедия, т. 10, с. 329.

66. Аллилуев С. Я. Пройденный путь. М., 1956, с. 80.

67. Аллилуева А. С. Воспоминания. А. С. Аллилуева добавляет (там же, с. 36), что эта "первая встреча" между отцом и Джугашвили произошла в начале января 1904 г. Поскольку официальной датой удачного побега Джугашвили из Новой Уды называется 6 января, можно предположить, что А. С. Аллилуева допустила здесь ошибку. В момент первой встречи Аллилуева с Джугашвили его младшей дочери Надежде (на которой Сталин женился в 1919 г.) было три года.

68. Махарадзе Ф. И. Очерки революционного движения в Закавказье, с. 76. — Очерки истории коммунистических организаций Закавказья, с. 70 — 72. Сначала в число девяти вошли Бочоридзе, Джибладзе, Жордания, Зурабов, Кнунянц, Махарадзе, Топуридзе, Цулукидзе и Цхакая. Джугашвили был одним из девяти других, которые входили "разновременно" (там же, с. 72). Этот факт, указанный в издании по истории компартии Грузии, опубликованном в 1967 г., прямо противоречит утверждению советских историков 30-х годов, что в отсутствие Джугашвили его избрали в комитет первоначального состава. Ложное утверждение относительно избрания в отсутствие побудило Исаака Дейчера сделать ошибочный вывод о том, что "в возрасте 22 лет он для подполья своего родного края уже являлся чем-то вроде "серого кардинала"". (Stalin: A Political Biography, p.50).

69. Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 50 — 51.

70. Iremaschwili J. Stalin und die TragГdie Georgiens, S. 21 — 23; Уратадзе. Г.

Воспоминания грузинского социал-демократа, с. 67.

71. Бибинейшвили В. Е. (Барон). За четверть века. (Революционная борьба в Грузии). М. — Л., 1931, с. 80 — 81. В то время еще не вошло в моду задним числом вносить изменения в историю революционного движения в Грузии, приукрашивая роль Сталина.

72. Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 56 — 57. Два письма впервые опубликованы в этом собрании сочинений. В примечаниях говорится, что они были найдены в переписке Ленина и Крупской с большевистскими организациями в России. Это объяснение звучит правдоподобно. Их подлинность подтверждают стиль и грубая простота языка, которые вполне естественны, если иметь в виду, что Джугашвили писал их не для публикации, а в частном порядке друзьям.

73. Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 62 — 73.

74. Там же, с. 422, 423.

75. Сталин И. В. Соч., т. 13, с. 112. Согласно советской записи интервью. Людвиг связал указанное выше замечание с вопросом относительно взгляда Сталина на Стеньку Разина как на "идейного разбойника". Сталин ограничился разбором исторического аспекта вопроса и отрицал аналогию между большевиками и такими вождями крестьянских восстаний, как Разин.

76. С этим согласны, в общем-то, все западные биографы Сталина. См., например: Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 100 — 101; Deutscher Isaac. Stalin: A Political Biography, p. 87 — 88; Wolfe Bertram D. Three Who Made a Revolution. N. Y., 1948, p. 390 — 391.

77. Арсенидзе Р. Из воспоминаний о Сталине. — "Новый журнал", 1963, в" — 72, с. 232. Относительно эпизода с Мартовым см.: Г. Аронсон. Сталинский процесс против Мартова. — "Социалистический вестник", 1939, в" — 7 — 8, с. 84; Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 101 — 102; Wolfe Bertram D. Three Who Made a Revolution, p. 470 — 472.

78. Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель — май 1907 года. Протоколы. М., 1963, с. 241. Использование вымышленных фамилий на заседаниях и в протоколах съездов было установившейся партийной практикой.

79. Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 59. Этими четверьмя делегатами были Каменев, Цхакая, Джапаридзе и Невский. III съезд подготовило Бюро комитетов большинства против желания меньшевиков, и именно на этом съезде большевистская фракция неофициально образовала отдельный и самостоятельный блок.

80. Подробности, касающиеся этих маневров, а также последующей профсоюзной деятельности Джугашвили в Баку, см. в: Suny Ronald Grigor. A Journeyman for the Revolution: Stalin and the Labour Movement in Baku, June 1907 — May 1908. - ("Soviet Studies", January 1972, p. 382 — 384.

81. Сталин И. В. Соч., т. 8, с. 174.

82. Suny Ronald Grigor. A Journeyman for the Revolution, p. 382, 386 — 389. Сведения относительно первоначальной воинственности Джугашвили Суни почерпнул из опубликованных в 1923 г. воспоминаний А. Стопами, одного из бакинских большевиков, который писал: "...была уже своя "левая" (т. Коба — Сталин) и "правая" (Алеша Джапаридзе и др., в том числе и я); разногласия были не по существу, а в отношении тактики и способов осуществления этой связи". Суни убедительно показывает, что Джугашвили заботился прежде всего о сохранении верховенства за подпольем, и замечает: "Как комитетчик он последним приспособился к новым возможностям легальной деятельности рабочих". Воспоминания Стопани

- напечатаны в: Из прошлого. Статьи и воспоминания из истории бакинской организации и рабочего движения в Баку. Баку, 1923, с. 18.
83. Сталин И. В. Соч., т. 2, с. 411 — 416.
84. Iremaschwili J. Stalin und die TragГdie Georgiens, S. 30, 39.
85. Там же, с.40. Иремашвили, должно быть ошибся, указав, что она умерла в 1907 г. Нам известно из других источников, что Яков родился в 1908 г. Дочь Сталина Светлана (от его второго брака с Надеждой Аллилуевой) пишет, что Яков был лишь на семь лет моложе ее матери, которая родилась в 1901 г. (Двадцать писем к другу, с. 100). В немецком плену в 1941 г. Яков, служивший в Красной Армии офицером, указал, что родился в Баку 16 марта 1908 г. Относительно немецкого источника информации по данному вопросу, а также о доме Екатерины в Дуди-Лило см.: Smith Edward E. The Young Stalin: The Early Years of an Elusive Revolutionary. N. Y., 1967, p. 392. О небольшом домике супругов в Баку см.: Аллилуев С. Я. Пройденный путь, с. 109.
86. Iremaschwili J. Stalin und die TragГdie Georgiens, S. 40.
87. Уратадзе Г. Воспоминания грузинского социал-демократа, с. 67; Арсенидзе Р. Из воспоминаний о Сталине, с. 224.
88. Верещак С. Сталин в тюрьме. — "Дни", Париж, 22 января 1928 г.
89. Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 88.
90. Medve dev Roy A. Let History Judge: The Origins and Consequenses of Stalinism. N. Y., 1971, p. 319 — 320. Р. Медведев собрал ценный материал, лично проинтервьюировав оставшихся в живых старых большевиков. Следует отметить, что Медведев отвергает доказательства, основанные на слухах, поскольку они базируются на рассказах, полученных из вторых и третьих рук лицами, которые сами провели годы в сталинских лагерях и по понятным причинам настроены к Сталину крайне враждебно.
91. Подробное описание попытки подобного рода, предпринятой в Тифлисской тюрьме в 1900 г., см. в: Аллилуев С. Я. Пройденный путь, с. 50 — 52. Средствами давления служили одиночное заключение и угроза неприятными последствиями для семьи заключенного.
92. Aronson Gregory. Was Stalin a Tsarist Agent? — "The New Leader", 20 August 1956, p.24.
93. Medvedev Roy A. Let History Judge: The Origins and Consequenses of Stalinism. p. 315, 320. Речь идет о книге: Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Московского Охранного отделения. М., 1918.
94. О поддельном характере документа см.: Aronson Gregory. Was Stalin a Tsarist Agent?; Tytell Martin K. Exposing a Documentary Ноах. Доклад Тайтелла был представлен 29 декабря 1956 г. собранию Американской ассоциации содействия развитию науки. В письме в "New Leader" (1 октября 1956 г., с. 28) Дон Левин согласился с тем, что этот документ мог быть "сомнительного происхождения".
95. Smith Edward E. The Young Stalin..., p. 67 — 68. Относительно обращения с гипотетической возможностью как с фактом см. с. 70 и 76 указанной выше книги. Рецензия Д. Ф. Кеннана на эту работу напечатана в: "The American Historical Review", October 1968, p. 230 — 232. Библиография в книге Смита содержит наиболее полный перечень источников (на различных языках) о молодости Сталина.
96. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 4. По словам Дж. Купа, "отдельные активисты получали скромную плату (примерно 25 — 30 рублей в месяц) из партийной кассы, но это было скорее исключением, чем правилом" (The Rise of Social Democracy in Russia. London, 1963, p. 181). По мнению Леонарда Шапиро, "экспроприации" давали Ленину значительное преимущество над нищими меньшевиками в деле финансирования

профессиональных партийцев" (*The Communist Party of the Soviet Union. N. У., 1959, p. 108*).

97. Цит. по: Medvedev Roy A. *Let History Judge...*, p. 320 — 323.

От Джугашвили к Сталину. Марксизм Кобы

Поставленный выше вопрос о том, почему Джугашвили стал революционером, пока еще не получил исчерпывающего ответа. Вместе с тем мы отметили, что, во-первых, позднее он сам объяснил это протестом против иезуитского режима в семинарии; и во-вторых, в то время, когда он поступил в семинарию, бунтарство в данном учебном заведении уже было установившейся традицией. Способствовали этому и особенности характера Джугашвили. Конфликты с отцом в детстве выработали у него общее предрасположение к сопротивлению отеческой власти. Бунтарский дух проявился у Сосо еще в училище, обрел силу в семинарии и затем получил дальнейшее развитие. Когда Джугашвили в 1899 г. оставил семинарию, он уже был настоящим революционером, бунтарем против гигантской карательной системы патерналистской власти, именуемой царизмом. Вступая в большую жизнь, пишет Иремашвили, Джугашвили захватил с собой "злостную, лютую вражду к школьной администрации, к буржуазии, ко всему, что существовало в стране и воплощало царизм"¹. Нет ничего удивительного в том, что бунтарь стал марксистом: в те годы сам воздух Тифлиса был буквально пропитан марксизмом. В семинарии старшие ученики из социал-демократов (например, Девдариани) внушали своим младшим братьям (Джугашвили, Иремашвили и др.) идеи марксизма. Вне стен семинарии марксизм занимал доминирующее положение в помыслах грузинской радикальной интеллигенции. Рабочие Тифлиса, в первую очередь железнодорожники, весьма положительно воспринимали деятельность социал-демократических пропагандистов. Члены "Месаме-даси" писали статьи для газеты "Квали", которая под руководством нового редактора Жордания, вернувшегося из Европы в конце 1897 года, стала выходить еженедельно. Кроме того, в лице Жордания грузинская социал-демократия обрела влиятельного лидера. Устремившегося в том же направлении Джугашвили тоже глубоко интересовала марксистская теория, в которой он стал неплохо разбираться. Покинув семинарию, он продолжал марксистское самообразование, и, хотя в конце 1898 г. Жордания довольно низко оценил уровень его знаний, уже через несколько лет Джугашвили стал весьма сведущим марксистом. Подобное утверждение может показаться несколько неожиданным, особенно если иметь в виду что позднее, вспоминая этот период, он сам называл себя партийным "практиком", и если иметь в виду часто встречающееся представление о зрелом Сталине как о своего рода большевике-прагматике, которого больше интересовали конкретные, чем общетеоретические вопросы². Не следует, однако, забывать, что первоначальной деятельностью социал-демократического "практика" Джугашвили была пропаганда. Распространение идей марксизма среди рабочих представляло собой, по сути, одну из форм преподавания, тем более что пропагандисту обычно приходилось иметь дело с малообразованными людьми, которым требовалось объяснять материал очень доходчиво. В качестве учителя Джугашвили непременно должен был достичь в своем предмете высокой степени мастерства. Понимание основных принципов

марксизма и умение разъяснить их простым рабочим были главными достоинствами профессионального революционера Джугашвили. Обладая цепким умом и привычкой к постоянному чтению, он вскоре быстро усвоил марксистские тексты, а годы, проведенные в семинарии, выработали в нем катехистический подход к преподаванию, умение подбирать наглядные примеры из обыденной жизни, которые должны были производить впечатление на посещавших кружки рабочих. Находившийся в 1908 г. вместе с Джугашвили в Баиловской тюрьме Баку Семен Верещак вспоминал, что у Джугашвили всегда в руках была книга и что он был самым знающим марксистом среди тех, кто вел кружки самообразования и организовывал дискуссии, которым политические заключенные уделяли много времени. Верещак, в частности, писал: "Глядя на неразвитый лоб и маленькую голову, казалось, что если ее проткнуть, то из нее, как из газового резервуара, с шумом полетит весь "Капитал" Карла Маркса. Марксизм был его стихией, в нем он был непобедим. Не было такой силы, которая бы выбила его из раз занятого положения. Под всякое явление он умел подвести соответствующую формулу по Марксу. На непросвещенных в политике, молодых партийцев такой человек производил сильное впечатление. Вообще же в Закавказье Коба слыл как второй Ленин. Он считался "лучшим знатоком марксизма"³. Несколько ранее Джугашвили представил письменное свидетельство своей теоретической подготовленности, которую он потом продемонстрировал в бакинской тюрьме. В серии статей, опубликованных большевистскими газетами Тифлиса под общим названием "Анархизм или социализм?", он защищал марксизм от нападок грузинских последователей русского теоретика анархизма Петра Кропоткина. За первой серией статей, напечатанных в середине и конце 1906 и начале 1907 г. последовала вторая. Она осталась неоконченной в связи с отъездом Джугашвили в апреле на Лондонский съезд и последующим переселением из Тифлиса в Баку. Расширенный вариант этих статей занимает почти 80 страниц 1-го тома его сочинений. Если бы работа была завершена, то мы имели бы небольшую книгу по марксистской теории, изложенную в форме полемики с противниками-анархистами. Но даже будучи неполным, трактат не позволяет сомневаться в том, что голова автора была буквально нашпигована доступными в то время классическими произведениями марксизма. Он цитирует такие работы Маркса и Энгельса, как "Анти-Дюринг", "Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии", "Манифест Коммунистической партии", "Критика Готской программы", "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта", "Классовая борьба во Франции", "Гражданская война во Франции", "Ницета философии", Революция и контрреволюция в Германии", "Недавний процесс в Кельне", "Происхождение семьи, частной собственности и государства". Видно также, что Джугашвили хорошо знал несколько основных работ Кропоткина, "Историю социализма во Франции" Поля Луи, ну и, конечно же, сочинения грузинских анархистов, чьи взгляды подвергались критике. Данная работа показывала, помимо марксистской эрудиции автора, что именно привлекло его в марксизме в первую очередь. Три завершённых раздела касались, соответственно, диалектики, материализма и теории социализма, а также анархистской критики марксизма по всем трем направлениям. Изложить марксизм, пояснял автор в начале первого раздела, — значит изложить диалектический материализм, ибо "марксизм — это не только теория социализма, это — цельное мировоззрение, философская система, из которой само собой вытекает пролетарский социализм Маркса"⁴. Затем он пояснил принципы диалектики и марксистского материализма в выражениях, весьма схожих с теми, которые через 30 лет использовал при работе над разделом "Диалектический и исторический материализм", включенным в "Краткий курс" истории партии,

опубликованный в 1938 г. Работа не содержала ничего действительно нового; она была типичной для человека с пробудившимся к философии умом, для человека с хорошими знаниями основных произведений Маркса и Энгельса (например, "Анти-Дюринга"), философских работ Плеханова и опытом пропагандиста марксизма в рабочих кружках. Дело в том, что его ум действительно пробудился к философии и ощущал потребность в общеполитическом видении мира. Для молодого Джугашвили признаком особой силы марксизма, как социалистической идеологии, являлся, очевидно, диалектический материализм ("цельное мировоззрение"), выполнявший роль матрицы. Вне всякого сомнения, тяга Джугашвили к марксизму как системе видения мира, в какой-то мере обуславливалась полученным им в семинарии теологическим воспитанием. Влияние семинарии просматривалось также в догматическом стиле изложения, в манере использования цитат из классических марксистских произведений, иллюстрировавших отдельные положения философской доктрины. "Анархизм или социализм?" — продукт сформировавшегося под влиянием религии мышления, нашедшего в диалектическом материализме свою окончательную, доставляющую огромное удовлетворение интеллектуальную приверженность. Но марксизм привлекал не только как философская система. Для нашего бунтаря против законной власти, пожалуй, самым притягательным аспектом стала грандиозная тема классовой борьбы, пронизывающая все учение Маркса - Энгельса. Постоянное присутствие данной темы в ранних сочинениях Джугашвили, стремление заострить на ней внимание, свидетельствуют о том, что его сильно увлекал марксистский взгляд на прошлое и настоящее общества, как на поле битвы, где две враждующие силы — буржуазия и пролетариат — сошлись в смертельной схватке. Нет "единой и неделимой России... — заявил он в начале статьи, опубликованной 1 января 1905 г., и затем продолжал: — перед нами открылась величественная картина борьбы между двумя Россиями, Россией буржуазной и Россией пролетарской. На арену борьбы выступили две большие армии: армия пролетариев и армия буржуа и борьба между этими двумя армиями охватила всю нашу общественную жизнь"⁵. За кажущейся классовой пестротой современного общества, писал Джугашвили в конце 1906 г. в статье "Классовая борьба", кроется тот факт, что Россия разделена на два больших противоположных "лагеря" — лагерь капиталистов и лагерь пролетариев, — между которыми классовая борьба с каждым днем усиливается и вокруг которых собираются все остальные группы⁶. А первая строка статьи "Анархизм или социализм?" гласила: "Стержнем современной общественной жизни является классовая борьба". В этой же работе он писал, что пролетариат не придет к социализму, примирившись с буржуазией, а только вступив на путь классовой борьбы, которая должна завершиться победой одного класса над другим. "Либо буржуазия с ее капитализмом, — говорилось в сочинении, — либо пролетариат с его социализмом!" Затем Джугашвили с видимым удовольствием перечислил различные имеющиеся в распоряжении пролетариата средства борьбы. Он назвал стачку (частичную и всеобщую), бойкот, саботаж, манифестацию, демонстрацию, участие в представительных учреждениях. Но само по себе ни одно из этих средств не могло быть решающим, заявил он далее. В лучшем случае все они лишь подготовительные, за которыми следует главное средство разрушения капитализма — социалистическая революция. Ее, однако, нельзя рассматривать, как неожиданный и кратковременный переворот. Социалистическая революция, по его словам, представляла собой "длительную борьбу пролетарских масс", которая начинается с захвата власти и установления диктатуры пролетариата. Затем пролетариат продолжит революцию сверху путем экспроприации буржуазии (как того требует "Коммунистический манифест") и использует военную силу — свою "пролетарскую

гвардию" — для отражения контрреволюционных атак умирающего классового врага⁷. Совершенно очевидно, что в социализме Маркса молодой Джугашвили усматривал прежде всего Евангелие классовой борьбы. Вряд ли стоит сомневаться в том, что здесь нашли свое выражение потребности воинственно настроенной бунтарской личности. Итак, имелось в наличии социалистическое учение, которое делило весь мир на "мы" (униженные и угнетенные) и "они" (могущественные угнетатели, пока что господствовавшие во всех общественных институтах). Это учение побуждало первых непрестанно всеми доступными средствами беспощадно бороться со вторыми и усматривало в социалистической революции достигшую высшей точки серию схваток в затяжной социальной войне. Подобная идеология не только узаконивала ненависть молодого человека к различным формам официальной власти, она также отождествляла его личных врагов с врагами истории, придавала более возвышенное значение желанию жить борьбой с силами зла и одновременно освящала его стремление к триумфу отмщения. Это стремление отразилось в пламенной прокламации, составленной Джугашвили в январе 1905 г. под заголовком "Рабочие Кавказа, пора отомстить!" В ней была дана яркая картина "недовольной России", восставшей против царского самодержавия, о "старческой дряблости" которого свидетельствовали такие факты, как потери в войсках, гибель флота и позорная сдача японцам маньчжурской военно-морской базы Порт-Артур. Перед лицом растущих народных волнений, писал автор, самодержавие, сбросив, подобно змее, старую кожу, надело овечью шкуру (типичное для Джугашвили сочетание метафор) и провозгласило внутри страны политику примирения. И далее: "Слышите, товарищи? Оно просит нас предать забвению свист нагаек и жужжание пуль, сотни убитых героев товарищей, их славные тени витающие вокруг нас и шепчущие нам: "Отомстите!" Но к голосам теней следовало прислушиваться. Поэтому он писал далее о том, что пора отомстить за товарищей, зверски убитых царскими башибузуками и потребовать от правительства отчета за погибших в сражениях на полях Дальнего Востока, пора осушить слезы их жен и детей и свести счеты за долгие годы страданий и унижений людей, пора разрушить царское правительство!⁸ Прежде чем русские марксисты раскололись на противоположные фракции "большевиков" и "меньшевиков", они осознали наличие в их среде разъединяющих тенденций, связанных с большей или меньшей воинственностью, с "твердой" или "мягкой" линией. Как мы уже видели, в "Месаме-даси" наблюдалось похожее расхождение между подпольщиками и теми, кто вместе с Жордания предпочитал легальную политическую деятельность. К подпольщикам принадлежали Ладо Кецховели и его семинаристский протезе. Еще до того, как Джугашвили взял революционный псевдоним "Сталин", символизировавший стальную твердость⁹, он уже принадлежал к "твердым". В дискуссиях с Девдариани и другими молодыми марксистами семинарии он в противовес более умеренным левым взглядам проповедовал революционный экстремизм¹⁰. А как только Джугашвили узнал о фракционном расколе в русской социал-демократии и понял его политическое значение, он сразу же поддержал большевиков. Принявшего марксизм отчасти потому, что его боевой натуре сильно импонировала теория классовой борьбы, Джугашвили не потребовалось уговаривать следовать воинственным революционным курсом, который определил Ленин, по своему интерпретируя учение Маркса. Стать одним из главных сторонников большевизма в Грузии его побудил прежде всего тот факт, что в большевизме — этой доктрине "твердых" — он почувствовал себя в родной духовной стихии. Апостол Ленина По его собственным словам, Джугашвили начал знакомиться с деятельностью Ленина "с конца 90-х годов и особенно после 1901 г., после издания "Искры". Выступая 28 января 1924 г., через несколько дней после

смерти Ленина, на вечере воспоминаний Кремлевских курсантов, он сказал, что впервые установил связь с Лениным "в порядке переписки" из сибирской ссылки в 1903 г. после того как пришел к убеждению, что "он один понимает внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии". Об этом Джугашвили написал проживавшему за границей другу, и Ленин, которому этот друг показал письмо, прислал ответ, содержащий "бесстрашную" критику партийной практики и замечательно ясный, хотя и краткий план работы партии на ближайший период, изложенный сжатыми и смелыми фразами, каждая из которых "не говорит, а стреляет". В этой связи Сталин заметил: "Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика, я предал сожжению"¹¹. В данной истории переплелись факты с вымыслом. Джугашвили не мог отправить письмо за границу и получить ответ за тот короткий промежуток времени, который он провел в Новой Уде, а царская администрация не имела обыкновения заранее сообщать ссылкой, какой конкретно населенный пункт определен местом ссылки. С другой стороны, Джугашвили действительно в октябре 1904 г. отправил из Кутаиси проживавшему в Лейпциге своему другу Давиташвили письмо с восторженным отзывом о Ленине, и Ленин, как известно, в самом деле (после того как Давиташвили переслал ему письмо Джугашвили) ответил, назвав в своем послании кутаисского корреспондента "пламенным колхидцем"¹². Более того, существует сходное по содержанию ленинское письмо, которое, однако, не было адресовано лично Джугашвили. Речь идет о брошюре Ленина "Письмо к товарищу о наших организационных задачах", отпечатанной на гектографе сибирской социал-демократической организацией в июне 1903 г. и имевшей хождение среди политических заключенных тех мест как раз в то время, когда Джугашвили находился на пути в Иркутск и Новую Уду¹³. Что он знал и высоко ценил этот документ, подтверждает высказанная в конце письма из Кутаиси просьба: "Получили ли 6 руб.; или нет? На этих днях получишь еще. Не забудь прислать с тем субъектом брошюру "Письмо к товарищу", — здесь многие не читали ее"¹⁴. Явно неправдоподобный характер истории, рассказанной военным курсантам, несколько не умаляет ее значения. Сопоставляя факты, мы можем заключить, что Джугашвили тогда уже слышал о Ленине и что по пути к месту сибирской ссылки он получил копию "Письма к товарищу", которое произвело на него огромное впечатление. И не удивительно. Сквозь сжатые строки изложения организационного плана была ключом увлеченность Ленина проектом подпольной партийной организации. Как вспоминал Сталин в 1924 г., в брошюре смелыми точными штрихами была набросана программа с множеством организационных деталей, не имевшая аналогии в предшествующей марксистской литературе. Не могло не наполнить чувством удовлетворения и не произвести впечатления на молодого комитетчика из партийного подполья сделанное Лениным в "Письме" заявление о том, что состоящие из профессиональных революционеров местные партийные комитеты, "должны руководить всеми сторонами местного движения и заведывать всеми местными учреждениями, силами и средствами партии"¹⁵. Это настолько соответствовало умонастроению Джугашвили, что, читая "Письмо" в 1903 г. в Сибири, он легко мог вообразить, что послание адресовано лично ему, а пересказывая данную историю в 1924 г., почувствовать себя вправе несколько приукрасить факты. Кроме того, подчеркивая сразу же после смерти Ленина факт установления с ним личных отношений именно в 1903 г., то есть в год возникновения большевизма, Джугашвили таким путем как бы обосновывал правомочность своих притязаний на преемственность. Итак, в Тифлис он вернулся, должно быть, в начале 1904 г. и без промедления ринулся в гущу внутривнутрипартийной потасовки на стороне большевиков, а в конце года в корреспонденции из Кутаиси

выразил восхищение, которое ощущал по отношению к Ленину — своему избранному вождю и наставнику в революционном движении. К тому времени он уже прочитал изложенный в "Что делать?" ленинский план построения партии, и это, вероятно, стало для него самым захватывающим чтением после "Отцеубийцы". Во всяком случае, в переписке Джугашвили показал себя убежденным и горячим сторонником и защитником этой партии большевизма. Он не только безоговорочно воспринял аргументацию Ленина, но и высказал свое мнение относительно наиболее эффективных путей опровержения критиков ленинского плана (имелись в виду Аксельрод, Роза Люксембург, Вера Засулич и Плеханов). Теоретические выпады Плеханова против Ленина он назвал войной с ветряными мельницами, демонстрируя тем самым полное пренебрежение к установившейся репутации Плеханова как глубокого знатока марксизма (в то время довольно дерзкий поступок для неизвестного молодого провинциального подпольщика). В действительности речь шла о том, руководитель ли дает массам программу и ее обоснование или же масса руководителю, "кто кого возвышает до понимания программы, руководители руководимых или последние первых?" Если, дескать, теория и программа социализма вырабатываются в умах знающих людей, а не возникают непосредственно из стихийного движения масс, то тогда они должны быть внесены в движение извне. Пролетариат следовало возвысить до сознания истинных классовых интересов. В этом, подчеркнул Джугашвили, состояла идея, которую с полным правом можно было назвать ленинской, поскольку до него никто в русской партийной Литературе не высказывал ее так ясно, как он¹⁶. В письмах из Кутаиси Джугашвили предстает перед нами восторженным учеником, для которого Ленин является величайшим толкователем марксизма в русском движении, "горным орлом" (как указывалось в одном из писем). Причин же для восторгов было немало. Во-первых, ленинская концепция организации профессиональных революционеров как необходимого фактора политической революции подчеркивала важную роль людей, подобных Джугашвили. В соответствии с этой концепцией они становились подлинными творцами будущей революционной истории, а их деятельность в качестве агитаторов и пропагандистов, вносящих в рабочий класс марксистское революционное сознание, превращалась в тот момент в главное партийное поручение, в неперемное условие грядущей социалистической революции. Джугашвили был вполне удовлетворен такой идеей. В статьях "Коротко о партийных разногласиях" и "Ответ "социал-демократу"" он жестоко бичевал грузинских критиков "замечательной книги" Ленина "Что делать?"¹⁷. Во-вторых, на Джугашвили произвел глубокое впечатление воинственный характер учения Ленина. Ему, нашедшему в Марксовой теории классовой борьбы особую привлекательность, не мог не прийтись по душе ленинский вариант марксизма, в котором главный упор делался именно на классовую борьбу. Это был марксист не мирного, профессорского типа, похожий на Плеханова, а горевший ненавистью человек, призывавший русский народ на борьбу с казенной Россией во имя социализма. Со страниц своих произведений Ленин предстает перед нами непримиримым противником царизма и связанной с ним русской аристократии. Среди сочинений русских марксистов нет другого такого второго, столь глубоко проникнутого воинственным духом классовой борьбы. Это, кстати, нашло отражение и в терминологии, которую применял Ленин, рассуждая о революционной партии. Организация революционеров не раз сравнивалась с элитарной военной организацией, членам которой как профессиональным солдатам революции предстояло встать во главе "мобилизованной армии" всего народа. Им следовало превратить каждую фабрику в "крепость", создать "армию рабочего класса", которая "все теснее и теснее будет смыкать свои ряды" и наконец двинется на

штурм царизма в ходе "всенародного вооруженного восстания"¹⁸. Рассуждения Ленина относительно необходимости иметь небольшую централизованную, состоящую из отборных кадров и действующую из подполья партийную организацию, кружили голову молодому грузинскому последователю, который не только ненавидел казенную Россию, но и воображал себя таким же борцом и победителем, каким был Коба. В статьях Джугашвили о партии военная образность проступала даже еще сильнее, чем у Ленина. В работе "Класс пролетариев и партия пролетариев" от 1 января 1905 г. он рисовал две сражающиеся России как "две большие армии", каждая со своим "передовым отрядом" в виде политической партии. Авангардом "армии пролетариев", по его словам, являлась социал-демократическая партия, у "армии буржуазии" — либеральная партия. Как он писал, пролетарская партия — это не философская школа и не религиозная секта, а "партия борьбы", которая "руководит борющимся пролетариатом". "Боевая группа руководителей", — говорилось далее, — должна быть по количеству своих членов гораздо меньше класса пролетариев, по своей сознательности и опыту стоять выше его и представлять собой сплоченную организацию. Только в таком случае партия-де может обеспечить необходимое руководство "пролетарской армией". Последняя фраза повторялась в статье многократно¹⁹. Ленинская концепция революционной партии не только соответствовала воинственному складу ума Джугашвили, но и способствовала возникновению нового и важного в психологическом отношении чувства групповой солидарности, ощущения принадлежности к сообществу избранных. Чтобы в полной мере оценить значение данного обстоятельства, следует вспомнить, что, сделавшись бунтарем против общественных порядков в Грузии на рубеже столетий, он конечно же, почувствовал себя очень одиноким, особенно после ухода из семинарии. Вполне возможно, что именно острая потребность в дружеском общении побудила его спровоцировать в 1899 г. исключение некоторых товарищей из семинарии (если, разумеется, принять на веру версию Верещака) и таким путем вынудить их стать революционерами. С основной социал-демократической группой Тифлиса он не ладил, а Ладо Кецховели в январе 1900 г. переехал в Баку, чтобы избежать ареста тифлисской полицией. И хотя с приездом в город летом того же года ленинского эмиссара Виктора Курнатовского у Джугашвили появились новые контакты, все же создается впечатление, что у него не было какого-то определенного круга общения. Мы уже отмечали склонность Джугашвили к изоляции. Она в известной мере проявилась еще в детстве и стала более очевидной в семинарии, хотя он, как видно, сохранил способность к дружбе. Ворошилов, который в 1906 г. во время Стокгольмского съезда проживал с Джугашвили в одной комнате, нашел его весьма общительным и вспоминал, что "у него были удивительно лучистые глаза, и весь он был сгустком энергии, веселым и жизнерадостным"²⁰. Джугашвили удалось наладить довольно тесные отношения с целым рядом кавказских большевиков в первую очередь с Енукидзе и Орджоникидзе. Более того, он сумел, как мы знаем, создать семью. Вместе с тем совершенно очевидно, что, несмотря на собственную квазиизоляцию, Джугашвили ощущал потребность в общении. Однако по причинам, указанным выше, а также потому, что с ним было трудно ужиться, данная потребность не была удовлетворена. Этим прежде всего объясняется то воодушевление с которым он воспринял ленинскую концепцию партии, как элитарной организации революционных руководителей, связанных взаимным доверием. В книге "Что делать?" Ленин выступил против принятого в немецкой социал-демократии гибкого правила, касавшегося партийного членства. В особых условиях России, утверждал он, в партию следует принимать не всякого, кто признает ее программу, а только того, кто также готов и способен работать в одной из

партийных организаций, обычно как профессиональный революционер. В условиях нелегального существования Ленин считал такие демократические процедуры, как выборы партийного руководства, в принципе нецелесообразными. Вместо этого организация должна была основываться на "полном товарищеском доверии между революционерами". Если кто-то злоупотребит доверием, то для "избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни перед какими средствами". Кроме того, разве настоящий, не игрушечный демократизм не входил как часть в целом в это понятие товарищества?²¹ Ленин охотно признал, что существовавшая Российская социал-демократическая партия мало соответствовала нарисованной им идеализированной картине революционного братства. К концу своих рассуждений о боевой централистской организации он воскликнул: "Вот о чем нам надо мечтать!" Но имел ли право марксист мечтать, отрываясь от реальности? И как бы отвечая невидимому оппоненту, Ленин процитировал слова русского радикала 60-х годов прошлого столетия Дмитрия Писарева: "Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения со своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно"²². Деятельная, дружная и сплоченная общность революционеров-единомышленников существовала лишь на бумаге. Но даже как сугубо теоретическая концепция она приобрела для Джугашвили большой смысл, ибо утоляла неудовлетворенную потребность в единении. Это был тот самый боевой союз, к членам которого он мог с гордостью причислить и себя. Неважно, что союз этот только складывался и что причислять себя к нему можно было пока лишь мысленно. Почему бы, по-настоящему, не поверить в мечту и не постараться превратить ее в реальность? Почему бы не представить себя принадлежащим к нарождающейся общности революционеров, которым предопределено повести армию пролетариев на триумфальную битву с царизмом? Подобный ход мыслей Джугашвили подтверждает статья "Класс пролетариев и партия пролетариев". В ней он отстаивал большевистскую точку зрения в принципиальном споре (расколовшим партию надвое), относительно условий, которые давали право называться членом партии. Правильной он считал только "замечательную формулировку" Ленина. Партию следовало рассматривать как "организацию руководителей", а прием в члены — как ограниченную акцию, осуществляемую в интересах этой организации. Только "платонического принятия" партийной программы было недостаточно. Допустить в партию болтуна, готового на словах признать программу, было бы "осквернением святая святых партии". И далее: "До сегодняшнего дня наша партия была похожа на гостеприимную патриархальную семью, которая готова принять всех сочувствующих. Но после того, как наша партия превратилась в централизованную организацию, она сбросила с себя патриархальный облик и полностью уподобилась крепости, двери которой открываются лишь для достойных". Сравнение с крепостью упоминалось в статье неоднократно. "Мы должны, — говорилось в ней, — быть крайне бдительными и не должны забывать, что наша партия есть крепость, двери которой открываются лишь для проверенных". Ущербность формулировки меньшевика Мартова, касавшейся условий приема в члены партии, состояла якобы в том, что для него "партия — не крепость, а банкет, куда свободен доступ для всякого сочувствующего"²³. Образность данного изложения ленинской доктрины в гораздо большей степени раскрывает скорее мышление ученика, чем наставника. Джугашвили нашел у Ленина концепцию общности, отвечавшую его внутренним

потребностям, и переработал ее на свой лад. Партию не следовало представлять как аморфную ассоциацию плохо организованных сторонников программы, нет, это — слаженный союз избранных по своей преданности и компетентности. Его можно было бы даже сравнить с религиозной общиной, ибо, по выражению Сталина, членство в партии - "святая святых". Так временами бывший семинарист незаметно для себя переходил на религиозную терминологию. Это наводит на мысль о том, что членство в партии революционеров он представлял как что-то похожее на принадлежность к церковной иерархии. Такое впечатление усиливало следующее заявление: "...только партийные комитеты могут достойным образом руководить нами, только они осветят нам путь в "обетованную землю", называемую социалистическим миром!"²⁴. Но ведь партийная общность была прежде всего союзом борцов. Не банкетом и не гостеприимной семьей, а "крепостью", двери которой открывались только достойным и испытанным. Данная метафора переключалась с более поздней, когда Джугашвили назвал партию "своего рода орденом меченосцев внутри государства Советского..."²⁵. Сравнение соответствовало его представлению о партии, нашедшему выражение в выступлении в связи со смертью Ленина. Тогда он, в частности, сказал: "Товарищи! Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляют армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны невероятных лишений и героических усилий — вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии"²⁶. Таковой оказалась ленинская "мечта" о партии, пропущенная через сознание и окрашенная эмоциями его грузинского апостола. Как стать героем Будучи подростком, Джугашвили нашел в Кобе тот образ, который соответствовал его потребности перевоплотиться в героя. Поступив в семинарию и встав на путь бунтовщика, он не перестал ощущать эту потребность. Иремашвили приписывает ему безграничное желание быть героем масс и даже высказывает мысль, что Джугашвили отверг христианского бога именно потому, что сам мнил себя богоподобной личностью²⁷. Как бы там ни было, а он, бесспорно, был человеком с легкоранимым самолюбием и воспринимавшим себя чересчур серьезно. Как говорилось выше, об этом свидетельствует и закрепившаяся за ним в семинарии репутация "обидчивого характера", с несвойственной грузинам неспособностью воспринять шутку в свой адрес. В последующем это находит подтверждение в стихотворениях, написанных им вскоре после поступления в семинарию. Особенно примечательной является повторяющаяся тема великой "надежды". Иллюстрацией могут служить следующие строфы, взятые из двух различных поэм, которые он опубликовал в "Иверии" в 1895 г. под псевдонимами И. Дж-швили и Сосело:

... И эту надеждою томимый, Я радуюсь душой и сердце бьется с силой
Ужель надежда эта исполнима, Что мне в тот миг, прекрасная, явилась?
И знай, — кто пал, как прах, на землю, Кто был когда-то угнетен,
Тот станет выше гор великих, Надеждой яркой окрылен²⁸.
В той мере, в какой эти стихи в состоянии что-то рассказать о сокровенных мыслях поэта в момент их сотворения, они говорят о растущем честолюбии и страстном желании славы. Джугашвили представлял себе революцию полем, на котором добывается слава. Некоторые книги, прочитанные в начале пребывания в семинарии, вне всякого сомнения еще больше подхлестнули его воображение. В книге В. Гюго "93-й год", которую он предположительно прочел до или после конфискации ее инспектором Гермогеном, Великая Французская

революция разворачивается в виде грандиозной битвы противостоящих друг другу армий, как сага о героизме и подвигах. В галерее революционных героев романа главной фигурой представал бывший священник Симурдэн. Гюго писал, что в нем жили два человека — "один с нежной душой, а другой — мрачной", что "он носил в себе абсолют". Мятёжный семинарист, которому уже не составляло особого труда вообразить себя таким священником, должно быть, с интересом прочитал следующий абзац с характеристикой этого героя: "Он был праведник и сам считал себя непогрешимым. Никто ни разу не видел, чтобы взор его увлажнили слезы. Вершина добродетели, недоступная и леденящая. Он был справедлив и страшен в своей справедливости. Для священника в революции нет середины. Превратности революции могут привлечь к себе священника лишь из самых низких либо из самых высоких побуждений; он или гнусен или велик. Симурдэн был велик, но это величие замкнулось в себе, ютилось в недосыгаемых кручах, в негостеприимно мертвенных сферах: величие, окруженное безднами. Иные горные вершины бывают так зловеще чисты"²⁹. Будучи уверенным в том, что революционный строй должен быть безжалостно суровым по отношению к тем, кто не защищает новый порядок, а также к тем, кто является представителем старого, Симурдэн осуждает на казнь своего бывшего ученика, доблестного молодого революционного командира Говэна, отпустившего на свободу несколько взятых в плен врагов революции. Он поступает так, несмотря на то что Говэн единственный во всем мире человек, который ему по-настоящему дорог. Симурдэн руководит казнью, а затем лишает себя жизни выстрелом из пистолета. Какое бы глубокое впечатление ни произвел на Джугашвили священник, вступив на революционный путь, он остался верен своему прежнему прообразу героя и избрал партийную кличку Коба³⁰. Самые первые свои статьи он подписывал "Коба" и "Ко". Позднее этот псевдоним или его начальная буква присутствовала в таких известных комбинациях, как Коба Иванович, К. Ко и К. Като. Не отказался Джугашвили от него и тогда, когда примерно в 1910 г. взял партийную кличку Сталин я "К" или "Ко" продолжали появляться в качестве инициалов³¹. В революционном движении он приобрел известность как "Коба Сталин". Письмо, посланное Ленину в 1915 г. из сибирской ссылки он пометил: "Ваш Коба". В 1917 г. он все еще подписывался "К. Сталин", а свои настоящие инициалы он начал использовать только после Октябрьской революции, указывая в документах: "Народный комиссар И. Сталин". Нет ничего удивительного в том, что он вступил в революционное движение, воображая себя Кобой. У Казбеги Коба — отважный воин, защищавший униженных и угнетенных от притеснителей (тот факт, что последними были главным образом русские, имел второстепенное значение). И как мы уже видели, для Джугашвили революционное движение представляло собой прежде всего борьбу с классом угнетателей. Следовательно, быть одновременно и Кобой и революционером-марксистом становилось возможным. Еще естественнее это выглядело после знакомства с ленинским учением о партии, как о всероссийском союзе опытных и преданных борцов с царизмом. Разве отряд воинов, например Шамиля, не был прообразом революционной партии? Разве не требовался теперь молодой неустрашимый боец, способный взять на себя роль Кобы? Прочитав "Что делать?" Джугашвили больше не сомневался в том, что Ленин мечтал о выдвижении "из наших революционеров социал-демократических Желябовых, из наших рабочих русских Бебелей, которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятием России". Для марксиста Кобы это прозвучало как боевой призыв, и полный нетерпения Джугашвили записался в ленинский революционный отряд. В Ленине он нашел нового, достойного подражания героя, который определил всю его дальнейшую жизнь. Джугашвили видел в Ленине великого и бесстрашного борца, который зовет пролетарскую

Россию на борьбу с Россией буржуазной и сам идет во главе первой. В речи перед кремлевскими курсантами в 1924 г. он вспоминал, что в 1903 г. Ленин казался ему не просто одним из руководителей партии, а необыкновенным человеком. "Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, — сказал Сталин, — мне все время казалось, что соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения"³². То, что он думал действительно так, подтверждают написанные в 1904 г. письма из Кутаиси, в которых Джугашвили не только отличает Ленина от Плеханова, Аксельрода и других, но и называет своего героя орлом. На него произвела впечатление та твердая решимость, с которой Ленин отстаивал свои взгляды. "Человек, стоящий на нашей позиции, — писал Джугашвили своему другу Давиташвили, — должен говорить голосом твердым и непреклонным. В этом отношении Ленин — настоящий горный орел"³³. Такая витиеватая кавказская образность наводит на мысль о том, что в тот период Коба видел в Ленине Шамиля на социал-демократический лад. Дальнейшие высказывания Сталина перед кремлевскими курсантами только подтверждают это предположение. Относительно первой встречи с Лениным на Таммерфорсской конференции в 1905 г. он рассказал: "Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных". Его разочаровало и то, что Ленин, не появившись, как и подобает "великому человеку", попозже, а пришел раньше и запросто беседовал "с самыми обыкновенными делегатами конференции". Лишь впоследствии он будто бы понял, что эта простота и скромность, это стремление остаться незаметным или по крайней мере не бросаться в глаза и не подчеркивать свое высокое положение представляли собой "одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя, новых масс, простых и обыкновенных масс, глубочайших "низов" человечества"³⁴. Столь пристальное наблюдение за поведением Ленина в тот момент, несомненно, говорит о страстном желании молодого Джугашвили брать пример со своего героя³⁵. Ленин в глазах Джугашвили был истинным революционным руководителем, каким и ему хотелось бы стать в меру собственных способностей. На Кавказе Джугашвили прослыл "вторым Лениным", и не только потому, что настойчиво отстаивал ленинские позиции, но еще и потому, что копировал ленинский метод аргументации и стиль изложения. Арсенидзе, который в те годы хорошо знал Джугашвили, оставил следующее заслуживающее внимания свидетельство: "Он преклонялся перед Лениным, боготворил Ленина. Он жил его аргументами, его мыслями, копировал его бесподобно, настолько, что мы в насмешку называли его "левой ногой Ленина"³⁶. Не исключено, что идентификация с Лениным повлияла на решение Джугашвили избрать партийной кличкой фамилию "Сталин". Не в пример таким революционным псевдонимам, как Троцкий, Каменев, Зиновьев и Молотов, псевдоним Сталин был созвучен конспиративной фамилии Ленин. Преклонение Джугашвили перед Лениным несколько не шло вразрез с его честолюбием и самолюбованием. Напротив, оно усиливало эти черты. Во-первых, Ленин был живым примером возможности достижения на поприще революционной политики высокого положения. Во-вторых, Ленин убедительно доказывал, что в этой сфере было достаточно места не только для одного гиганта. Он ведь призывал других встать рядом с ним во главе движения и разделить славу победы, а

в книге "Что делать?" подробно излагал мысль о том, что социал-демократия нуждается в таких же "корифеях", которых выдвинуло из своей среды народническое движение 70-х годов прошлого столетия. Для Ленина партийное членство было синонимично руководству массами. По его словам, "идеалом" социал-демократа являлся не секретарь тред-юниона, а "народный трибун", умевший откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, владеющий искусством конспирации, закаленный в житейских невзгодах и трудностях. Так почему бы не завоевать себе видное место рядом с горным орлом? Почему бы не стать товарищем Ленину, его правой рукой, вторым "я", Лениным II? Мы не знаем, выразил ли Джугашвили свои размышления именно такими словами. Однако, настойчиво подчеркивая в ранних работах тему революционного героизма, он тем самым показал, что его мысли устремлялись в данном направлении. В 1910 г. в приветственной статье, посвященной 70-летию юбилею вождя немецкой социал-демократии Августа Бебеля, Джугашвили писал: "Кто не знает Бебеля, маститого вождя германских рабочих, когда-то "простого" токаря, а теперь знаменитого политического деятеля, перед критикой которого, как перед ударами молота, не раз отступали "коронованные особы", патентованные ученые, слову которого, как слову пророка, внимает многомиллионный пролетариат Германии?" Затем он поведал о том, как Бебель вышел из "рабочих низов", чтобы превратиться в "великого борца всемирного пролетариата", и добавил, что только марксизм мог обеспечить широкий простор кипучей натуре Бебеля, неумолимо рвущегося к разрушению старого, гнилого, капиталистического мира. И в заключение он, явно имея в виду ленинскую мечту о выдвигании "из наших рабочих русских Бебелей", заявил: "Да послужит он примером для нас, русских рабочих, особенно нуждающихся в Бебелях рабочего движения"³⁷. Ранее в статье, посвященной памяти умершего товарища Г. Телия, прозвучала похожая нота. Воздав должное этому "апостолу марксизма (большевизма)", которого отличали неиссякаемая энергия, глубокая любовь к делу, геройская непреклонность и апостольское дарование, Джугашвили продолжал: "Только в рядах пролетариата встречаются такие люди, как Телия, только пролетариат рождает таких героев, как Телия, и тот же пролетариат постарается отомстить проклятому строю, жертвой которого пал наш товарищ — рабочий Г. Телия"³⁸. В обеих статьях Джугашвили писал о лицах такого же низкого происхождения, как и он сам, которые, идя различными путями, стали революционными героями. Примечательно также и то, что, по его мнению, главная миссия революционного героя мстить. Статья о Г. Телия была подписана псевдонимом Ко. Совершенно ясно, что убедительная сила политической аргументация Ленина была не единственным фактором, способствовавшим превращению Джугашвили в пылкого ленинца. Здесь сказалась и ощущавшаяся молодым бунтарем потребность в психосоциальной идентификации³⁹. Он не только заимствовал у Ленина концепцию общности, которая помогала вести одинокую жизнь партийного подпольщика и изгоя; в то же самое время он создал концепцию самого себя, которая гармонировала как с потребностью в самоидеализации, так и с его антисоциальной социальной ролью революционера. Ленинизм утвердил его как Кобу, народного героя — мстителя и одновременно открыл возможность стать членом братства профессиональных борцов с существующим государственным строем, братства, названного Лениным "партией". Ленинизм, таким образом, помог ему смоделировать для себя величественный образ благородного революционера. В лице Ленина он дал Джугашвили высокочтимого вождя, живой пример вершины той славы, на которую он сам мог бы подняться как товарищ по оружию этого вождя. Не удивительно, что Джугашвили сделался самым ревностным сторонником Ленина на Кавказе и

старался, где только возможно, во всем подражать своему герою. Теперь у него был внутренний компас, которым он будет стараться руководствоваться до конца дней своих. Смена национальности Все это самым решающим образом повлияло на национальные чувства Джугашвили, серьезно ослабив духовную связь с грузинским народом. И вовсе не потому, что партия, в которую он вступил, называлась Российской социал-демократической рабочей партией. В конце концов, в ней было много других грузин, которые тем не менее не перестали чувствовать себя грузинами. В случае с Джугашвили столь разительные последствия партийного членства объясняются прежде всего его отождествлением со своим героем — Лениным. Горный орел был не только великоросом, но и ярчайшим примером истинно русского революционера-интеллигента. Походив на него значило, помимо прочего, сделаться русским. Для этого Джугашвили располагал нужными языковыми предпосылками. Хотя по-русски он говорил с грузинским акцентом, сам язык, однако, уже не был для него чужим. Ко времени переезда в 1907 г. в Баку он владел русским настолько, что свободно писал на нем статьи и использовал в качестве разговорного языка. Таким образом, чтобы стать русским, требовалось, в сущности, только начать рассматривать себя таковым и духовно порвать с собственной грузинской натурой. И если сделать первое Джугашвили побудило стремление к идентификации с Лениным, то пойти на второе его заставили совсем иные чувства. Как мы уже знаем, Джугашвили перессорился со многими видными грузинскими социал-демократами и в партийных кругах Грузии заслужил репутацию человека с трудным и скандальным характером. На грузинской революционной арене не имели успеха ни он сам, ни социал-демократическое течение, к которому он примыкал. В том, что Грузия ни ему, ни большевизму не раскрыла объятий, Джугашвили не был склонен винить ни себя, ни большевизм, а саму Грузию. Он, по-видимому, объяснял это ее относительной отсталостью. Так, манера сопоставления Тифлиса и Баку в одном из "Писем с Кавказа" в 1910 г. кое-что говорила как о его чувствах, так и об этих городах. Баку он с восхищением рисовал пульсирующим центром нефтяной промышленности, где твердая классовая позиция большевиков находила живой отклик у рабочих. А вот Тифлис, где было всего около 20 тыс. промышленных рабочих (то есть меньше, чем солдат и полицейских), представлял интерес лишь "как административно-торговый и "культурный" центр Кавказа". Отдаленность от крупных рынков России, по его словам вечно живых и бурлящих, накладывала на Тифлис отпечаток застойности, а отсутствие острых классовых столкновений, свойственных крупным промышленным центрам, превращало его в "нечто вроде болота, ждущего толчка извне"⁴⁰. В самих этих строках и между ними проступало этакое пренебрежение, как будто автор уже отмахнулся от Грузии, считая ее с революционной точки зрения провинциальным захолустьем. В них также отразилось благоговение перед всем величественным, которое по всем признакам, вероятно, наложило свой отпечаток на подсознание Джугашвили. Отождествить себя с Россией означало сделать полем своей революционной деятельности не какую-то маленькую Грузию, а всю огромную империю, занимавшую шестую часть земного шара. В то время для ощущения исторического предназначения ему большего и не требовалось. Будущему проповеднику социализма в одной, отдельно взятой стране, взиравшему на происходящие события из Баку 1910 г., эта гигантская страна казалась адекватной самым высоким устремлениям. Говоря о концепции, которая сложилась у Джугашвили о самом себе как большевике, не следует упускать из виду и классовый компонент. Отдельные места в его статьях того времени полны чувства гордости за большевиков подлинно пролетарскую фракцию социал-демократической партии. Вернувшись в 1907 г. с Лондонского партийного съезда, он сообщил в русской газете

"Бакинский Пролетариат", что среди большевистских делегатов было больше фабрично-заводских рабочих, чем среди меньшевистских. Затем он писал: "Очевидно, тактика большевиков является тактикой крупно-промышленных пролетариев, тактикой тех районов, где классовые противоречия особенно ясны и классовая борьба особенно резка. Большевизм — это тактика настоящих пролетариев. С другой стороны, не менее очевидно и то, что тактика меньшевиков является по преимуществу тактикой ремесленных рабочих и крестьянских полупролетариев, тактикой тех районов, где классовые противоречия не совсем ясны и классовая борьба замаскирована. Большевизм это тактика полубуржуазных элементов пролетариата"⁴¹. А в следующий момент Джугашвили заявил, что фракция настоящих пролетариев является также фракцией истинных русских. Анализируя национальный состав делегаций, он подчеркнул, что в то время, как среди 85 меньшевистских делегатов большинство принадлежало евреям, за которыми следовали грузины, затем русские, подавляющее большинство из 92 делегатов-большевиков были русскими, далее (по численности) шли евреи, грузины и т.д. Джугашвили привел шуточные слова большевика Алексинского, заметившего, что меньшевики — "еврейская фракция", а большевики — "истинно русская" и что не мешало бы большевикам "устроить в партии погром"⁴². Если судить по тому, насколько грубо он подошел к столь деликатной теме и как без всякого смущения повторил антисемитское высказывание Алексинского, то можно поверить Арсенидзе, который вспоминал следующие слова Джугашвили, обращенные к грузинским рабочим Батума в 1905 г. "Ленин, — говорил Коба, — возмущен, что бог послал ему таких товарищей, как меньшевики! В самом деле, что это за народ! Мартов, Дан, Аксельрод — жида обрезанные. Да старая баба В. Засулич. Поди и работай с ними. Ни на борьбу с ними не пойдешь, ни на пиру не повеселишься. Трусы и торгаши!"⁴³. Так через большевизм Джугашвили влился в русскую нацию. Вслед за осознанием самого себя как революционера, сторонника Ленина и члена "истинно русской" фракции, пришло ощущение принадлежности к русской нации. Возможно, поэтому он избрал партийной кличкой фамилию Иванович, под которой участвовал в партийных съездах в Стокгольме (1906) и Лондоне (1907)⁴⁴. Выбирая в качестве псевдонима фамилию Сталин (под которой он и приобрел широкую известность), Джугашвили, несомненно, понимал, что она не только ассоциировалась с представлением о человеке из стали и напоминала фамилию Ленин, но и звучала совсем по-русски. Поскольку у него, как члена российской пролетарской партии, вновь обретенное чувство тождества с русскими сливалось с сознанием классовой принадлежности, он не ощущал необходимости совсем отказаться от своего грузинского естества. В статье "Как понимает социал-демократия национальный вопрос", опубликованной в сентябре 1904 г. в газете "Пролетариатис Брძола", Джугашвили, указав на то, что социал-демократическая партия назвала себя российской, а не русской. Пояснил, что этим она хотела продемонстрировать собственное стремление собрать под своим знаменем не только русских пролетариев, но и пролетариев всех национальностей России и что, следовательно, она примет все меры для уничтожения воздвигнутых между ними национальных перегородок. Поэтому партия считает, продолжал будущий народный комиссар по делам национальностей, что "национальные интересы" и "национальные требования" не имеют особой цены и достойны внимания лишь настолько, насколько они двигают вперед классовое самосознание пролетариата, его классовое развитие⁴⁵. Статью отличало жесткое осуждение грузинского национализма во всех его проявлениях. Критика начиналась с полемики с группой националистически настроенных грузинских радикалов, которые незадолго до этого конституировались в партию социал-федералистов. Через издававшуюся в Париже

газету "Сакартвело" новая партия требовала не только национальной автономии Грузии в пределах империи, но и автономии грузинской партии в рамках социалистического движения. Джугашвили с сарказмом отметил, что грузинский национализм, пройдя дворянский и буржуазный этапы, теперь опять выходил на политическую сцену, обрядившись в пролетарские одежды. Он бичевал выдвигавшуюся грузинскими социал-федералистами и Армянской социал-демократической рабочей организацией идею разделения революционного движения в Российской империи на самостоятельные национальные партии, объединенные в союз, и обвинил эти группировки в том, что они подражают Всеобщему еврейскому рабочему союзу⁴⁶. В каждой строке этой первой статьи Джугашвили по национальному вопросу отчетливо проступало отвращение, которое он теперь испытывал к грузинскому национализму. К причинам, объясняющим его стремление отождествить себя с русской нацией, необходимо добавить и еще кое-что. Мы видели, как этот оказавшийся в неблагоприятных условиях, но одаренный ребенок, единственный из четырех детей оставшийся в живых, рос, веря в свое предназначение. Отметим, что он прямо-таки жаждал будущего триумфа и страшно боялся оказаться битым. И эти два чувства были в тесной взаимосвязи. В русском, как, впрочем, и в английском, языке слово "побить" имеет двоякое значение: отколотить или подвергнуть телесному наказанию, а также выиграть или победить. В решимости Джугашвили никогда не быть битым отразилось не только стремление по возможности избегать телесных наказаний или нежелание оказаться среди слабых (ибо слабость в чем-либо — это повод для наказания), но сильная потребность подтвердить свое превосходство, всегда быть на стороне победителей, страх перед поражением в борьбе, которая, как он понял, составляет главное содержание жизни. ⁴⁷ В упомянутой выше статье он писал, что "целью всякой борьбы является победа"⁴⁸. С этой точки зрения замена первоначальной идентификации с Грузией последующим отождествлением с Россией символизировала для Джугашвили переход со стороны, обреченной историей на поражение, на сторону будущих победителей. Слабую из-за своих небольших размеров, несчастную Грузию (неизменную жертву многовекового соперничества могучих соседей) в прошлом неоднократно били (в обоих смыслах), и она являлась объектом чужеземного господства — персидского, турецкого и, наконец, русского. Из того, что он узнал из прошлого, из собственного опыта в училище и семинарии Джугашвили не мог не прийти к выводу, что Грузия принадлежала к неудачникам истории, постоянно терпевшим поражение. Россия же, с другой стороны, сколько бы ее ни били в прошлом (трудно, правда, сказать, насколько глубоко Джугашвили сумел к тому времени ознакомиться с историей России), стала по территории самой большой страной мира, великой державой, вероятным победителем грядущих исторических битв. Подобные размышления сами по себе не могли обусловить психологическую перемену национальной принадлежности, но они во многом способствовали процессу его русификации, начавшемуся под влиянием Ленина и большевизма. Тот факт, что Джугашвили не просто отбросил свою национальную принадлежность, а энергично ее отверг, придает высказанному предположению дополнительную убедительную силу. Как видно, в какой-то мере он испытывал известную враждебность к Грузии именно из-за ее кажущейся незначительной роли в революционном движении России. Эта неприязнь не исчезла и позже, что, пожалуй, объясняет его жесткую политику в отношении Грузии в начале 20-х годов, когда он занимал пост народного комиссара по делам национальностей. Это также нашло выражение в одном из выступлений в 1923 г., когда он с сарказмом отозвался о "некотором куске советской территории, называемом Грузией"⁴⁹. В известной мере презрительное отношение ко всему небольшому и слабому явилось причиной

антисемитизма Джугашвили, который к концу жизни перерос в манию. Ведь евреи — это разбросанный по всему свету народ без собственной территории, нередко (особенно в России) объект погромов и преследований. Поскольку евреи были постоянно биты, он не мог относиться к ним с уважением, а сострадание он чувствовал, по-видимому, редко, если вообще когда-нибудь. Поэтому он с такой готовностью повторил грубую шутку Алексинского об "еврейской фракции, и целесообразности погрома в партии". Следует отметить, что резкое неприятие Лениным казенной России и всего связанного с ней позволило Джугашвили с большей легкостью обрести тождество с русской нацией. В ленинском мировоззрении существовало две России: одна, которую не только можно, но нужно было ненавидеть, и рядом с ней другая, которая звала к участию в классовой борьбе. Это позволяло грузинскому апостолу сменить национальную принадлежность, не отказываясь от приобретенных в детстве антирусских настроений. Теперь дело сводилось лишь к тому, чтобы выразить их через марксистские понятия. Он отождествлял себя в тот ранний период не с Россией — государством, а с Россией — буревестником революции. Идентификация с государством наступит позже. Следует добавить, что, избрав Ленина в качестве объекта преклонения и подражания, Джугашвили, однако, занял позицию, не лишенную определенной двойственности. Ведь часто бывает, что мы бессознательно испытываем чувство соперничества или ревности по отношению к тому самому человеку, которым восхищаемся и с которого берем пример. Возникновение подобных чувств тем более вероятно, если, как в нашем случае, соответствующий персонаж отождествляет себя с более старшим по возрасту лидером движения, вождем и хотел бы подняться выше. Поэтому, как мы еще увидим, идентификация Джугашвили с Лениным вовсе не исключала трения и конфликты между ними в будущем⁵⁰.

Примечания_4

1. Iremaschwili J. *Stalin und die Tragödie Georgiens*. Berlin, 1932, S. 24.
2. Сталин сам себя характеризует как практика, в предисловии к 1-му изданию своих сочинений (М., 1946, т. 1, с. 13). Образ Сталина — "прагматика" дает Исаак Дейчер следующими словами: "В известном смысле Сталин меньше, чем другие товарищи, зависел от Ленина. Его интеллектуальные потребности были ограничены. Он был больше заинтересован в практическом использовании ленинских идей, меньше в ленинской работе мысли" (*Stalin: A Political Biography*, 2nd ed., N. Y., 1966, p. 235).
3. Верещак С. Сталин в тюрьме — ("Дни", 22 января 1928 г.).
4. Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 297 — 298.
5. Там же, с. 62 - 63.
6. Там же, с.277.
7. Там же, с. 294, 344 — 346.
8. Там же, с. 74 - 77. Прокламацию отпечатали в Авлабарской подпольной типографии Тифлиса.
9. Воспоминания Жордания о расколе "Месами-даси" в: "Моя жизнь", Стэнфорд, 1968, с. 25, 29.
10. Iremaschwili J. *Stalin und die Tragödie Georgiens*, S. 22.
11. Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 52 — 54.
12. Автором истории с письмами является Д. Сулиашвили, участник лейпцигской группы большевиков (Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 396).

13. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 1 — 31. Мнение, что речь идет о данном ленинском документе, впервые высказал Бертрам Вулф (*Three Who Made a Revolution. Boston, 1948, p. 426*).
14. Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 61. "Письмо" было отпечатано отдельной брошюрой в Женеве в 1904 г.
15. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 9.
16. Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 57 — 61
17. Там же, с. 89 - 130, 160 — 172. Знал ли Ленин в то время, что Сталин являлся автором статей, точно не известно. Первая статья была напечатана от имени Кавказского союзного комитета, а вторая первоначально появилась без подписи. Ее Сталин начал несколько необычно, настаивая на своем авторстве. Он, в частности, писал: "Я должен еще заметить вот что: автором брошюры "Коротко о партийных разногласиях" многие считают Союзный комитет, а не отдельное лицо. Я должен заявить, что автором этой брошюры являюсь я. Союзному комитету принадлежит только редакция ее" (там же, т. 1, с. 160). Очевидно, в момент написания он намеревался статью подписать.
18. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 177; т. 8, с. 404.
19. Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 62 — 73.
20. Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. М., 1968, кн. I, с. 247.
21. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 141 — 142.
22. Там же, т. 6, с. 172.
23. Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 64, 65 — 67, 70, 73. В примечании (с. 68) Сталин представил Ленина кавказскому читателю как "выдающегося теоретика и практика революционной социал-демократии".
24. Там же, т. 1, с. 79. Заявление содержится в составленном Сталиным в январе 1905 г. воззвании к рабочим Кавказа.
25. Там же, т. 5, с. 71. Эта фраза появилась в наброске плана брошюры о политической стратегии и тактике.
26. Там же, т. 6, с. 46.
27. Iremaschwili J. Stalin und die TragГdie Georgiens, S. 23.
28. Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя. — "Молодая гвардия", 1939, № 12, с. 69 — 70. Отрывки переведены с грузинского на русский язык.
29. Гюго В. 93-й год. М., 1988, с. 216, 106, 112.
30. Основываясь на кавказских источниках, Анна Аллилуева писала, что называть себя Кобой (по-турецки "неустршимый") Джугашвили начал после организации уличной демонстрации батумских рабочих в 1902 г. (Воспоминания. М., 1946, с. 110). Эту версию повторяет Исаак Дейчер в: *Stalin: A Political Biography. N. Y., 1966, p. 46*. Однако это не соответствует действительности. Заявление Иремашвили о том, что Джугашвили еще в семинарии был Кобой, подтверждается другими свидетельствами (Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 87), где говорится, что псевдонимом Коба он пользовался еще в Тифлисе, когда примкнул к социал-демократической организации, то есть еще до переезда в Батум в 1901 г.
31. Подпись "Сталин" впервые появилась под статьей, опубликованной в "Социал-демократе" в 1913 г. Но он, по-видимому, взял этот псевдоним ранее, поскольку в 1910 г. некоторые его статьи имели подпись "К. С." и "К. Ст." (Сталин И. В., Соч., т. 2, с. 187, 196).
32. Там же, т. 6, с. 53.
33. Там же, т. 1, с. 56.
34. Там же, т. 6, с. 53, 54, 55.

35. Это часто случается в психологическом процессе идентификации. Джугашвили хотел походить на человека, которым восхищался и с которым себя отождествлял. Согласно З. Фрейду, разработавшему данную концепцию, "идентификация стремится к сформированию своего "я" по образцу другого человека, который берется за "идеал" (Психология масс и анализ человеческого "я". М., 1925, с.49). Невит Сэнфорд пишет, что идентификация в отличие от сознательного подражания есть процесс более или менее бессознательный. "Возможно, говорит он, — наиболее существенным является то, что идентификация стремится к тождеству; другими словами, субъект старается вести себя точно также, как и объект" (The Dynamics of Identification. — "Psychological Review", 1955, в" — 2, р. 100).
36. Арсенидзе Р. Из воспоминаний о Сталине, — "Новый журнал", июнь 1963, в" — 72, с. 223. В то время Арсенидзе знал Сталина, как товарища по социал-демократическому движению. По его словам (с. 220), Сталин повторял аргументы Ленина "с граммофонной точностью". И далее: "Сталин, пожалуй, лучше копировал Ленина и повторял его мысли, чем Шаумян" (с. 235).
37. Сталин И. В. Соч., т. 2, с. 201, 208. См. также статью "Партийный кризис и наши задачи", в которой он говорит о том, что движение нуждается в "русских Бебелях, в опытных и выдержанных вождях из рабочих" (там же, т. 2, с. 152).
38. Там же, т. 2, с. 30, 31. Статья появилась в марте 1907 г. в грузинской газете "Дро".
39. Относительно концепции психосоциального отождествления см.: Erikson H. Erik. Childhood and Society. N. Y., 1963, p. 261 — 263, 412; Insight and Responsibility. N. Y., 1964, chs. III, V; Identity: Youth and Crisis. N. Y., 1968, ch. IV.
40. Сталин И. В. Соч., т. 2, с. 188.
41. Там же, с. 49 - 50 (курсив автора).
42. Там же, с. 50 - 51. Выражение "истинно русский" использовал в своем выступлении в 1832 г. царский министр просвещения князь Уваров, когда говорил об "истинно русских консервативных принципах православия, самодержавия и народности". Впоследствии это выражение стало присловьем крайне правых националистических элементов России. В примечании к статье (с. 382) указано, что Алексинский, чью шутку повторил Сталин, позже отошел от большевиков, а "после Октябрьской социалистической революции — белоэмигрант".
43. "Новый журнал", Нью-Йорк, 1963, в" — 72, с. 221. Арсенидзе также вспоминает недоумение Сталина по поводу негативной реакции рабочих на подобный выпад.
44. Его записки о Лондонском съезде, опубликованные в "Бакинском Пролетарии", были подписаны псевдонимом Коба Иванович. Иванович — распространенное в России отчество. Следует иметь в виду, что отчество Виссариона Джугашвили было Иванович, поскольку его отца звали Ваню.
45. Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 42.
46. Там же, с. 37 - 40.
47. Я глубоко признателен Эрику Эриксону, который обратил мое внимание на значение этой двойной ассоциации.
48. Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 36.
49. Там же, т. 5, с. 232.
50. Последний абзац я добавил во втором издании этой книги в США, чтобы лучше осветить один из моментов, не совсем ясно изложенный в первом издании. В этой связи я выражаю искреннюю признательность доктору Роберту С. Уэллер-стейну, начальнику отделения психиатрии медицинского центра Сан-Франциско, который, исходя из своего клинического опыта и знаний, почерпнутых из психоаналитической

литературы, разъяснил, что "человек может бороться вместе с тем лицом, с которым он себя отождествляет, и одновременно против него"

На роль большевистского лидера В партийном подполье

С того самого момента, когда Сталин покинул семинарию, он всю свою жизнь посвятил марксистскому движению. Единственным занятием стала революционная политика, и ему пришлось перенести свою долю тягот тюремного заключения и ссылки, то есть в полной мере разделить обычную участь людей этой опасной в России профессии. Вместе с тем в революционной карьере Сталина того периода не было ничего выдающегося. Более десяти лет он оставался провинциальным революционным функционером в своем родном Закавказье и не мог похвастаться ни эффектными, направленными против самодержавия подвигами, ни значительными трудами (до 1913 г.), которые помогли бы формировать большевизм, как идеологическое течение. Он принадлежал к партийным "практикам": организаторам, конспираторам, пропагандистам и газетчикам. Поскольку на первых порах революционная деятельность Сталина ничем особенным не блистала, встает законный вопрос: каким образом он смог подняться до поста члена Центрального Комитета большевиков? Разумеется, никто не избирал Сталина "заочно" на Пражской конференции большевиков в январе 1912 г., как позднее уверяли сталинистские историки партии, его кооптировал уже избранный ЦК **1**. И это произошло по инициативе Ленина. Почему же он посчитал Сталина достойным стать членом столь влиятельного круга большевистских лидеров? Мы уже упоминали, возможно, не лишнюю достоверности историю о том, при каких обстоятельствах Ленин в конце 1904 г. впервые обратил внимание на Сталина. Тогда проживавшие в Лейпциге друзья переслали Ленину полученные из Кутаиси восторженные письма Сталина. В ответном послании Ленин назвал грузинского автора "пламенным колхидцем". Прямая переписка началась в мае 1905 г., когда Сталин, будучи членом Кавказского союзного комитета, информировал Ленина о степени влияния большевиков и меньшевиков в партийных организациях Закавказья **2**. Тем временем в полемике с грузинскими меньшевиками он зарекомендовал себя усердным учеником Ленина. В брошюре "Коротко о партийных разногласиях", отпечатанной весной 1905 г. в Авлабарской подпольной типографии Тифлиса на грузинском, армянском и русском языках, Сталин атаковал Жордания за критику взглядов, изложенных Лениным в "замечательной книге" под названием "Что делать?". Спор разгорелся в основном вокруг утверждения Ленина о том, что революционное сознание (в отличие от тред-юнионистского) должно быть внесено в рабочий класс организованной социал-демократией извне. Используя цитаты из произведения Карла Каутского, Маркса и Энгельса, Сталин решительно отстаивал ту точку зрения, что, вопреки утверждениям Жордания позиция Ленина нисколько не противоречила марксизму, а полностью согласовывалась с учением Маркса. В июле Крупская написала из-за границы в Тифлис и просила выслать несколько экземпляров брошюры; отсюда можно предположить, что Ленину о ней сообщили. В августе Сталин вновь вернулся к предмету спора в полемической статье, написанной в ответ на критику Жордания упомянутой выше брошюры. Эта статья так понравилась Ленину, что в рецензии на нее, опубликованной в русском издании грузинской газеты, ранее напечатавшей статью, он с особой похвалой отозвался о

работе Сталина и отметил "прекрасную постановку вопроса о знаменитом "внесении сознания извне"³. Какое впечатление произвел Сталин на Ленина, когда они впервые встретились на Таммерфорсской конференции в конце 1905 г., — не известно. Но на Стокгольмском съезде в 1906 г. оно, вероятно, было совершенно определенным (хотя и не совсем приятным). На заседании, на котором председательствовал Ленин, Сталин, выступая в прениях по аграрному вопросу, не поддержал ни ленинскую концепцию национализации земли, ни меньшевистский план ее муниципализации, а высказался за конфискацию помещичьих земель и распределение их среди крестьян. Такую позицию одобрило большинство делегатов-большевиков, но не съезд в целом⁴. Весьма вероятно, что, несмотря на разногласия по обсуждавшемуся вопросу (а возможно, именно благодаря им), Ленин в тот момент пришел к выводу, что в Ивановиче (псевдоним Сталина на съезде) он приобрел энергичного и острого на язык сторонника, которого не следовало упускать из виду. Подобная реакция была тем более понятна в связи с таким важным обстоятельством, как неудачи большевиков в Грузии. Мы уже отмечали в одной из предшествующих глав, что после революции 1905 г. грузинские меньшевики стали господствующей социал-демократической фракцией. Таким образом, Сталин оказался в выгодной позиции одного из немногих видных грузинских социал-демократов, исповедовавших большевизм. Помимо этого, он доказал, что может быть полезным большевикам в роли закулисного организатора "экспроприаций", проведенных во время и после событий 1905 г. в Закавказье. В результате Сталин, должно быть, зарекомендовал себя в глазах Ленина надежным подпольщиком, которому без раздумья можно было доверить весьма деликатные секретные задания большой важности. Такой человек мог быть совершенно уверенным в том, что в условиях кризиса, который переживала партия с 1907 по 1912 г., он займет подобающее положение среди сторонников Ленина. В период реакции партийная казна почти опустела. После революции 1905 г. повсюду распространились уныние, апатия и политическая пассивность. Из-за того что многие прежние активисты покинули партию, а большинство из тех, кто выражал готовность продолжать работу, было арестовано, партия практически распалась. Летом 1909 г. в России действовало не более 5 — 6 большевистских подпольных комитетов⁵. Тем временем часть партийцев, которых Ленин с презрением окрестил "ликвидаторами", высказалась против воссоздания нелегальной партии, считая, что в сложившихся условиях социал-демократам нужно сосредоточить внимание на использовании существующих ограниченных возможностей для легальной деятельности, например в Думе. То было время, когда Ленин ощутил острую потребность в людях, абсолютно преданных революционному делу и идее нелегальной партии как его организующего инструмента, — то есть в людях, подобных Сталину, которые в короткие промежутки между арестами и ссылками продолжали работать в сохранившихся подпольных организациях и готовиться к новому революционному подъему. В своих статьях, публикуемых уже в партийных органах, которые издавались на русском языке и которые читал Ленин, Сталин твердо отстаивал ортодоксальную революционную политику. Возможность сделать партию как можно более легальной и в то же время отказаться от революционных требований, писал он в газете "Бакинский пролетарий" в августе 1909 г., означало бы похоронить партию, а не обновить ее. Для преодоления партийного кризиса было необходимо, во-первых, покончить с оторванностью от широких масс и, во-вторых, связать воедино партийную деятельность местных организаций на общенациональной основе. И, говоря словами Ленина, автора "Что делать?", Сталин заявил, что лучшим средством для достижения этой цели явилась бы общерусская партийная газета. Правда, в отличие от Ленина он

настаивал на том, чтобы такая газета выходила в самой стране, а не за рубежом, поскольку заграничные партийные органы, "стоящие вдали от русской действительности", были якобы не в состоянии выполнить объединительные функции **6**. Закаленный профессиональный революционер, безусловно преданный большевик, кругозор которого ограничивался партийными делами, а подпольная деятельность представляла родную стихию, Сталин был слишком ценным работником, чтобы Ленин мог его игнорировать. Да Сталин и не позволял, чтобы его игнорировали. В проекте создания издающегося в России партийного органа улавливался намек на самовыдвижение Сталина в качестве редактора; этот пост он в самом деле занял, когда три года спустя в Петербурге была основана газета "Правда". В подготовленной Сталиным резолюции от 22 января 1910 г. Бакинский комитет не только повторил предложение относительно общерусского партийного органа, но и потребовал "перемещения (руководящего) практического центра в Россию" **7**. В письме, отправленном Сталиным в конце 1910 г. из Сольвычегодска за границу, скрытая претензия на включение в подобный практический центр переросла в открытое домогательство. Адресованное некоему товарищу Семену, оно, однако, совершенно недвусмысленно предназначалось Ленину, которому в самом начале письма Сталин передавал горячий привет. Сталин доказывал настоятельную необходимость образования в России центральной координирующей группы, которую можно было бы назвать "русской частью Цека" или "вспомогательной группой при Цека", и тут же предлагал свои услуги после окончания оставшихся шести месяцев ссылки или при необходимости раньше **8**. Возможно, что предложению придавал дополнительный вес тот факт, что в это время Сталина назначили "агентом ЦК", то есть разъездным функционером, который поддерживал связь с местными партийными организациями и давал им указания от имени большевистского центра **9**. Во всяком случае, когда фракция большевиков в 1912 г. на Пражской конференции преобразовалась в самостоятельную партию, Центральный Комитет, состоявший теперь из одних большевиков, не только кооптировал Сталина, но и избрал его одним из четырех членов Русского бюро, созданного для руководства партийной работой в России. И вполне возможно, что Ленин ввел Сталина в Центральный Комитет именно затем, чтобы он мог стать членом этого вспомогательного органа, на сформировании которого Сталин постоянно настаивал **10**. И все-таки, по-видимому, Ленин одобрял не все из того, что делал молодой революционер, которого он рекомендовал на столь высокие посты. Ленин, в частности, узнал о некоторых письмах Сталина, в которых тот отзывался о событиях в эмигрантских кругах в вызывающей, по мнению Ленина, манере. В письме, посланном в июне 1908 г. проживавшему в Швейцарии Михе Цхакая, Сталин назвал философскую полемику Ленина с группой Богданова о махизме ("эмпириокритицизме") "бурей в стакане воды" и заявил, что у махизма есть "хорошие стороны". Богданов являлся лидером группы партийных интеллигентов, пытавшихся заменить марксистскую философию теорией познания, частично выведенной из учения Эрнста Маха. Спустя некоторое время после выхода в свет книги "Материализм и эмпириокритицизм" в письме, посланном некоему М. Торошелидзе (также проживавшему в Швейцарии), Сталин, высоко оценивая книгу и называя ее компендиумом материалистической эпистемологии, одновременно с похвалой отозвался о Богданове, который указал на "отдельные промахи Ильича" и верно заметил, что "материализм Ильича во многом отличается от такового Плеханова, что вопреки требованиям логики (в угоду дипломатии?) Ильич старается затушевать..." Затем 24 января 1911 г. Сталин пишет из Сольвычегодска Владимиру Бобровскому: "О заграничной "буре в стакане воды", конечно слышали: блок Ленина — Плеханова с одной стороны, и Троцкого —

Мартова — Богданова, с другой. Отношение рабочих к первому блоку насколько я знаю благоприятное. Но вообще на заграницу рабочие начинают смотреть пренебрежительно; "пусть мол лезут на стену, сколько их душе угодно; а по нашему, кому дороги интересы движения, тот работай, остальное же приложится"**11**. Посещая летом 1911 г. партийную школу во Франции, Орджоникидзе от Ленина слышал, что его внимание привлекли и сильно раздосадовали письма Сталина. Однажды прогуливаясь с Орджоникидзе по Парижу, Ленин внезапно спросил его, известно ли ему выражение "заграничная буря в стакане воды". Орджоникидзе, который знал о письмах и сразу же понял, куда Ленин клонит, пытался защитить грузинского товарища и друга, однако Ленин продолжал: "Говорите — "Коба наш товарищ", дескать большевик, не перемахнет. А что непоследователен, на это закрываете глаза? Нигилистические шуточки "о буре в стакане воды" выдают незрелость Кобы как марксиста". Затем, смягчая упрек, Ленин сказал, что у него сохранились о Сталине самые хорошие воспоминания, и похвалил некоторые из его ранних посланий из Баку, особенно прошлогодние "Письма с Кавказа"**12**. Учитывая тот факт, что Орджоникидзе в скором времени предстояло вернуться в Россию, очень возможно, что Ленин воспользовался подходящим случаем для того, чтобы довести до сведения Сталина свое неудовольствие по поводу последних писем. Не исключено, что Ленин тем самым желал расчистить путь к совместной работе с человеком, которого он считал весьма ценным для движения, хотя и незрелым марксистом. Теоретик национального вопроса Вскоре после кооптации Сталина в новый полностью большевистский Центральный Комитет, его взаимоотношения с Лениным на политическом поприще скрепила совместная работа над национальным вопросом. Когда Сталин в ноябре 1912 г. прибыл в Краков, чтобы посоветоваться относительно партийных дел, Ленина уже сильно занимал этот вопрос. В том же месяце Ленин написал статью, в которой категорически возражал против, как он сказал, "приспособления социализма к национализму" и против превращения партии в "австрийскую федерацию"**13**. Здесь имелась в виду ситуация в Австрийской социал-демократической партии, которая с годами из единой партии преобразовалась в федеративный союз национальных социал-демократических групп (немецкой, чешской, польской, русинской, итальянской и южнославянской). Ленин опасался, что подобные тенденции возобладают и в России, где социал-демократическая партия с самого начала мыслилась как нефедеративный союз рабочих всех национальностей Российской империи**14**. На практике, однако, известной автономией в рамках российской партии обладал Еврейский рабочий союз (в 1906 г. вернувшийся в лоно партии) и социал-демократические организации Польши, Латвии и Литвы, которые, как указывалось в одной из резолюций Пражской конференции большевиков, навязывали партии "федерацию худшего типа". И вот в 1912 г. определенные социал-демократические круги, прежде всего бундовцы и грузинские меньшевики, попытались заставить российскую партию одобрить лозунг австрийских марксистов "культурно-национальной автономии". Ленина, считавшего, что национальный сепаратизм несовместим с социал-демократией, крайне возмутило еще одно, как он считал, проявление "ликвидаторства". Всякая попытка разделить российскую социал-демократию по национальному признаку только нанесла бы ущерб направленному против монархии революционному движению. Все социал-демократы, независимо от их национальности должны были работать вместе в партийной организации своей территории. Здесь образцом могла бы служить организация Закавказья, объединившая революционеров грузинской, армянской, русской и других **наций****15**. Приезд Сталина в Краков в этот самый момент, должно быть, пришелся с точки зрения Ленина, как нельзя кстати. Ведь если требовалось бороться со взглядами

нерусских "националов" в социал-демократическом движении, то для этой цели лучше других подходили сами "националы", которых было бы трудно заподозрить в равнодушии к нуждам национальных меньшинств. Более того, Ленин, по всей видимости, надеялся, что Сталин поможет разобраться в сложных национальных проблемах Закавказья. Если это так, то Сталин его не разочаровал, ибо хорошо разбирался в данном вопросе. И что еще важнее (как Ленину, вероятно, стало впервые известно): Сталин в течение длительного времени боролся с проявлениями местного национализма в революционном движении Закавказья. Мы уже видели, что в 1904 г. он выступил в печати против националистических тенденций в определенных грузинских и армянских социалистических группировках и отстаивал идею централизованной Российской социал-демократической партии, которая собрала бы под свои знамена пролетариев всех народов России и разрушила бы разделявшие их национальные барьеры. Этой позиции Сталин придерживался в 1906 г., когда на региональном съезде партийных организаций Закавказья группа социал-демократов из Кутаиси подняла вопрос о культурно-национальной автономии, а также в 1912 г., когда Жордания и грузинские меньшевики пошли по тому же пути. Ленин, таким образом, встретил в Сталине "национала", горячо принявшего его сторону в спорах по национальному вопросу и поступившего так в силу давно сложившихся личных убеждений. Свое удовлетворение Ленин выразил в следующих строках письма, посланного Максиму Горькому в феврале 1913 г.: "Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посерьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для "Просвещения" большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы"¹⁶. Большую часть статьи Сталин написал, находясь в Вене в январе 1913 г. В первом, теоретическом разделе он рассматривал проблему определения понятия "нации". По этому вопросу в марксистской литературе высказывались различные точки зрения. Отто Бауэр полагал, что нация — это относительная общность характера и общность культуры. А Карл Каутский считал, что нация представляет собой современный феномен — результат образования крупных территориальных экономик в условиях капитализма. Согласно его определению, отличительными чертами нации являются общность языка и общность территории, сложившихся в условиях капиталистического процесса консолидации экономики. Сталин критиковал бауэровский подход с каутскианских позиций, но присовокупил национальный характер (назвав его "общностью психического склада") в качестве четвертого признака нации. Тремя другими были: общность языка, общность территории и общность экономической жизни. Тем самым он воспроизвел не только содержание, но и форму дефиниции Каутского, правда без ссылки на источник, хотя к тому времени большая часть сочинений Каутского была переведена на русский язык¹⁷. Мы сможем еще не раз убедиться в том, что Сталин не имел привычки выражать кому-нибудь признательность за использование чьих-то идей за исключением Ленина. Завершив общетеоретическую часть работы, Сталин немедленно открыл огонь по австро-марксистской концепции "культурно-национальной автономии", разработанной двумя ее главными сторонниками — Карлом Реннером и Отто Бауэром. Социал-демократам, писал он, вместо организации наций, "сохранения и развития национальных особенностей народов" (как указывалось в программе австрийских социал-демократов) следовало бы организовать пролетариат для классовой борьбы. "Культурно-национальная автономия" представляла собой замаскированный национализм, прикрытый, по выражению Сталина, броней социализма. Она-де являлась анахронизмом в эпоху, когда, как предсказывал Маркс, национальные перегородки повсюду падали. Более того, идея национальной автономии создавала психологические предпосылки для разделения единой рабочей партии на отдельные,

организованные по национальному признаку партии и для аналогичного национального сепаратизма в профсоюзном движении. Такой путь, дескать, проделала австрийская социал-демократия, и опасные тенденции в этом направлении стали появляться и в России. В то время как Маркс, Каутский и Бауэр предусматривали для евреев не национальную автономию, а ассимиляцию, Бунд порвал с социал-демократическим интернационализмом, чтобы повести еврейских рабочих по дороге национального сепаратизма. И вот уже, говорилось далее, некоторые кавказские социал-демократы выдвинули требование культурно-национальной и областной автономии. Желая показать нелепость подобного требования, Сталин утверждал, что предоставить культурно-национальную автономию многочисленным малым народностям Кавказа (например, осетинам и мингрельцам) означало бы закрепить эти народности на низших ступенях развития и помочь местным силам политической реакции. Областную автономию Кавказа Сталин считал приемлемой, ибо она помогала бы отсталым нациям вылупиться из скорлупы мелконациональной замкнутости. Однако культурно-национальная автономия действовала бы в прямо противоположном направлении, замыкая нации в старую скорлупу. Национальный вопрос на Кавказе мог бы быть разрешен только путем вовлечения отсталых наций и народностей в общее русло высшей культуры. Касаясь довода о том, что требование (кавказской делегации) национально-культурной автономии не идет вразрез с провозглашенным социал-демократической программой правом наций на самоопределение, Сталин подтвердил право наций самим определять свою судьбу. Однако тут же оговорился, что, провозглашая и отстаивая это право, социал-демократии следует бороться и агитировать против вредных учреждений и нецелесообразных требований наций. Точно так же ей следует бороться и агитировать против католицизма, протестантизма и православия и в то же время отстаивать право людей на свободу вероисповедания. Социал-демократия была обязана влиять на волю наций, так чтобы нации выбрали форму, наиболее соответствующую интересам пролетариата; например, социал-демократия была обязана агитировать против отделения татар и против культурно-национальной автономии кавказских наций. Единственно верное решение национального вопроса в России было связано, по мнению Сталина, с областной автономией при одновременном предоставлении национальным меньшинствам всех регионов права пользоваться родным языком, иметь свои школы и т. п. Рабочая партия, однако, не должна создаваться отдельно по национальностям. На местах рабочим всех национальностей нужно было спланиваться в единую партию, осознавая себя не представителем определенной нации, а членом одной классовой семьи, единой армии социализма¹⁸. В беседе с Милованом Джиласом в 1948 г. Сталин заявил, что в работе "Марксизм и национальный вопрос" он выразил взгляды Ленина и что работа была Лениным отредактирована¹⁹. В самом деле, вполне возможно, что Сталин, взявшись за перо по предложению Ленина, извлек много полезного из имевших место в Кракове дискуссий по национальному вопросу и включил в свой труд различные конкретные замечания, высказанные Лениным в ходе обсуждения этой проблемы. С другой стороны, нет никаких оснований целиком приписывать авторство Ленину, как это сделал Троцкий. Критика Сталина культурно-национальной автономии вполне согласовывалась с его собственными взглядами, которые он излагал в статьях еще в 1904 г. Большинство специалистов считает стиль изложения работы и манеру аргументации явно сталинскими. Примечания к тексту свидетельствуют о том, что большую часть необходимого австрийского материала он имел в русском переводе²⁰. Ему вряд ли требовалась помощь в работе над важными разделами о Бунде и национальном вопросе на Кавказе. Кроме того, хотя Ленин уделял много

внимания национальным проблемам уже в 1912 г., он к тому времени еще не создал какого-либо фундаментального труда на данную тему. В опубликованном в 1914 г. наиболее значительном сочинении ("О праве наций на самоопределение") подход Ленина к национальному вопросу существенно отличался от сталинского расстановкой акцентов. Главная тема его работы — право наций на самоопределение, в смысле отделения и образования самостоятельного государства, — не получила столь глубокого развития у Сталина, который с видимой неохотой упомянул об этом праве в нескольких абзацах. "Марксизм и национальный вопрос" — это в основном его работа, а сотрудничество с Лениным при ее написании, по-видимому, пошло на пользу обеим сторонам. Во всяком случае, эта работа очень понравилась Ленину. Когда товарищ по партии, Александр Трояновский, предложил опубликовать статью в журнале "Просвещение" в дискуссионной рубрике (объяснив, что его жена, Е. Розмирович, — сторонник культурно-национальной автономии), Ленин написал Каменеву: "Конечно, мы абсолютно против. Статья очень хороша. Вопрос боевой и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи"**21**. Работой по национальному вопросу Сталин утвердил себя в мнении Ленина знающим марксистом. Можно без преувеличения сказать, что он представил своему ментору удачную диссертацию. И все-таки эта встреча — хотя и веха в партийной карьере Сталина — еще не была началом их тесного личного общения. Вскоре после возвращения в Петербург в середине февраля 1913 г. и до того, как работа по национальному вопросу вышла из печати, Сталин был арестован полицией на благотворительном вечере, организованном местными большевиками. Полагали, что о месте его нахождения информировал полицию провокатор Роман Малиновский **22**. Последующие годы Сталин провел в сибирской ссылке. Его имя несколько раз появляется в письмах Ленина военного времени, однако свидетельств близких отношений между ними нет. Ленин знал Сталина как Кобу и Кобу Ивановича, потому что свои письма Ленину, посланные из Сибири, тот подписывал псевдонимом Коба. В 1915 г. в письме Зиновьеву Ленин спрашивал: "Не помните ли фамилии Кобы?" Несколько позднее в том же году он писал В. А. Карпинскому: "Большая просьба: узнайте (от Степка или Михи и т. п.) фамилию "Кобы" (Иосиф Дж.....?? Мы забыли). Очень важно!!"**23** Сибирская интермедия После нескольких месяцев пребывания в петербургской тюрьме Сталина приговорили к четырем годам ссылки в Туруханский край на севере Центральной Сибири. В начале июля 1913 г. его отправили под конвоем по железной дороге в Красноярск, затем пароходом по Енисею в село Монастырское, административный центр Туруханского края. Здешняя колония ссыльных, заблаговременно извещенная о приезде Сталина, устроила ему радужный прием, приготовив жилье и провизию. Вновь прибывший, однако, ожиданий не оправдал. Вместо того чтобы, следуя сложившемуся ритуалу, рассказать собравшимся о политической ситуации в России, он удалился в свою комнату и не пожелал ни с кем разговаривать. И что еще хуже: при переводе в отдаленный населенный пункт он забрал с собой все книги недавно умершего члена колонии. Ссыльные уже решили, что эти книги составят библиотеку для общего пользования. Один из ссыльных, Филипп Захаров, который отправился поговорить со Сталиным по данному вопросу, был встречен с таким высокомерием, с каким генерал обычно принимает простого солдата **24**. Теплый прием Сталину в Монастырском организовал Яков Свердлов, хороший знакомый по предыдущей совместной ссылке. Он также являлся членом Русского бюро ЦК. Впоследствии Свердлов до своей преждевременной смерти в 1919 г. занимал посты секретаря Центрального Комитета партии и главы Советского государства. В начале 1914 г. власти, узнав о готовившемся побеге, перевели Свердлова и Сталина в дальний рыбацкий станок Курейку, расположенный за

Полярным кругом, где сперва они проживали вместе в одной комнате. В марте 1914 г. в письме одному из друзей Свердлов сообщал: "Устроился я на новом месте значительно хуже. Со мной грузин Джугашвили, старый знакомый, с которым мы уже встречались в другой ссылке. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда. Но это не так важно. Гораздо хуже то, что нет изоляции от хозяев. Комната примыкает к хозяйской и не имеет отдельного входа. У хозяев — ребята. Естественно, торчат часами у нас. Иногда мешают"**25**. В конце мая они разъехались, и Свердлов писал другу: "Со мной товарищ. Но мы слишком хорошо знаем друг друга. Притом же, что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех своих мелочах. Хуже всего, что только со стороны "мелочей жизни" и виден. Нет места для проявления крупных черт. С товарищем теперь на разных квартирах, редко и видимся"**26**. Значение такого отчуждения станет особенно понятным, если иметь в виду, что эти двое были единственными политическими ссыльными, проживавшими в то время в Курейке. В остальном то немного, что нам известно о жизни Сталина в туруханской ссылке, взято главным образом из воспоминаний членов семьи Аллилуевых. После знакомства в Тифлисе Сталин и Сергей Аллилуев вновь встретились в Баку. Вскоре Аллилуевы переехали в Петербург, где Сергей нашел работу в электрической компании, продолжая тайно поддерживать партийные связи. В 1911 г., в период короткого пребывания в Петербурге между двумя вологодскими ссылками, Сталин нашел убежище в этой всегда гостеприимной семье. С особым дружелюбием Аллилуевы встречали товарищей с Кавказа, и они не переставали заботиться о Сталине и тогда, когда он в 1913 г. прибыл в Туруханск. Аллилуевы посылали ему деньги из партийного фонда помощи, теплую одежду. В конце 1915 г. Сталин в письме жене Сергея Ольге сердечно благодарил за полученную накануне посылку и просил не тратить на него так нужные им самим деньги. Он просил прислать только почтовые открытки с видами природы. Поясняя, он писал: "В этом проклятом крае природа скудна до безобразия: летом река, зимой снег, это все, что дает здесь природа, — и я до глупости истосковался по видам природы хотя бы на бумаге"**27**. И верно, от Курейки до Гори было далеко. Позднее, после возвращения в Петроград (Петербург переименовали в 1914 г.), Сталин рассказал Аллилуевым несколько подробнее о своей жизни в Курейке. Жители поселка, принадлежавшие к одной из народностей Севера, привыкли звать его Осипом и научили ловить рыбу в Енисее. Благодаря успехам (которые объяснялись тем, что он постоянно переходил с места на место, в то время как местные жители имели обыкновение оставаться в одной точке независимо от того, был клев или нет) они считали, что Сталин обладает волшебной силой, и говорили: "Осип, ты слово знаешь!" Однажды, возвращаясь домой после подледной рыбной ловли, он попал в пургу и сбился с дороги. Впоследствии он узнал, что двое жителей деревни, с которыми он безуспешно пытался заговорить, убежали потому, что приняли его за **водяного****28**. Сталин завел среди местных жителей самые разнообразные знакомства, и позднее Аллилуевы слышали (от него ли самого или от кого-то еще), что он сожительствовал с местной крестьянкой и имел от нее сына**29**. Данная история, если она соответствует действительности, помогает объяснить, почему Сталин и Свердлов в Курейке жили отдельно друг от друга. Ввиду ухудшившегося положения на фронте правительство в октябре 1916 г. объявило политических ссыльных пригодными к военной службе. Сталин оказался в числе призванных от Туруханского края и выехал в Монастырское, чтобы затем проследовать в Красноярск для зачисления в армию. Здесь, он вновь продемонстрировал свое высокомерие и отчужденность, которые вызвали раздражение у ссыльных при его

первом приезде. Очевидно, ему было нужно подчеркнуть и добиться признания своего особого положения, которое, по его мнению, он занимал, будучи членом Центрального Комитета. Сталин не только держался в стороне от других ссыльных, но и не позаботился в возобновлении контактов со Свердловым и еще с одним членом Русского бюро, в тот момент находившимся в Монастырском. Как писал в неопубликованных мемуарах бывший ссыльный большевик Б. Иванов, "необходимого примирения не произошло. Джугашвили остался таким же надменным, как и всегда, замкнутым в себе, в своих мыслях и планах... По-прежнему он испытывал неприязнь к Свердлову и не шел на примирение, хотя Свердлов был готов протянуть руку дружбы и согласился обсудить проблемы рабочего движения в присутствии трех членов Русского бюро ЦК партии"³⁰. Из Монастырского подлежащих призыву ссыльных отправили вверх по Енисею в Красноярск. Передвигались на собачьих и оленьих упряжках и пешком. Медицинское освидетельствование состоялось в начале февраля 1917 г. Сталина на военную службу не взяли — из-за плохо сгибавшегося левого локтя (результат полученного в детстве ушиба), а также потому, что сочли его для армии "нежелательным элементом". Затем власти, приняв во внимание, что четырехгодичный срок ссылки Сталина близился к концу, разрешили ему поселиться в Ачинске, невзрачном городишке на транссибирской железной дороге. Среди ссыльных, проживавших в то время в Ачинске, находился Лев Каменев с женой Ольгой (сестрой Троцкого), и Сталин вечерами был постоянным гостем в их доме. Один из ссыльных (впоследствии эмигрировавший из России), встречавший его у Каменевых, вспоминал, что Осип (так звали Сталина в Ачинске) почти не участвовал в беседах, а когда изредка вступал в разговор, Каменев его сразу же обрывал какой-нибудь полупрезрительной короткой фразой, после чего Сталин вновь умолкал и сосредоточенно сосал трубку. Как-то раз разговор зашел о войне и ее исходе, и Каменев предсказал победу Германии, за которой последует буржуазно-демократическая революция. Что же касается социалистической революции, то, по мнению Каменева, для этого потребуются еще 20 — 30 лет. Здесь, по словам автора, можно было видеть, как Осип в знак согласия кивал головой³¹. 153 В конце февраля 1917 г. Россия уже была охвачена революцией. С увеличением трудностей, вызванных ужасной и, казалось, бесконечной войной, в значительной мере расстроившей работу важных отраслей хозяйства, росло беспокойство и среди городского населения. Волнения начались в Петрограде 23 февраля среди жителей, стоявших в очередях у продовольственных лавок. Затем по городу и пригородам прокатилась волна забастовок и уличных демонстраций, а когда солдаты гарнизона отказались выполнять приказ подавить беспорядки силой, ситуация стала неуправляемой. В этих условиях высшие сановники уговорили царя отречься от престола. Попытки сохранить династию путем учреждения регентства с младшим сыном царя в качестве будущего императора успеха не имели. 2 марта власть официально перешла к сформированному Государственной думой Временному правительству, которое возглавил князь Львов. Самодержавное авторитарное, полицейское государство Российское внезапно превратилось, как вскоре писал Ленин в Апрельских тезисах, в "самую свободную страну в мире из всех воюющих стран". Политические ссыльные в отдаленных уголках России первыми ощутили приход свободы. Группа ссыльных, включавшая Сталина, 8 марта села в Красноярске в курьерский поезд и четыре дня спустя прибыла в Петроград. Ликующие толпы приветствовали их на всем пути от вокзала. Сталин сразу же разыскал Аллилуевых, проживавших на окраине города, которые оказали ему сердечный прием. Дома были Сергей и Ольга, их сын Федор, старшая дочь Анна и младшая Надежда, шестнадцатилетняя гимназистка. Они засыпали вновь прибывшего вопросами о ссылке, Сибири и

обратном пути. Сталин обнаружил необыкновенные актерские способности, расписывая во всех подробностях, как поезд, шедший в Петроград, останавливался на провинциальных вокзалах и доморощенные ораторы били себя в грудь, повторяя выпренными словами, что "святая революция, долгожданная, родная... пришла наконец-то". На другое утро Сталин вместе с Федором, Анной и Надеждой поехал на поезде в город. Аллилуевы подыскивали другую квартиру, а Сталин направлялся в редакцию газеты "Правда". Кивнув на прощание, Сталин сказал: "Так смотрите же, обязательно. И для меня комнату! Не забудьте..."³² В партийной штаб-квартире (разместившейся в особняке бывшей балерины Кшесинской) его ожидал неприятный сюрприз. В то время большевистская партия выходила из подполья, и ее руководящий орган, Русское бюро ЦК, определял функции различных вернувшихся из ссылки или из тюрьмы руководящих партийных деятелей. Протоколы заседаний, впервые опубликованные в 1962 г., показывают, что вопрос о включении Сталина в состав Бюро рассматривался на заседании 12 марта, то есть в день его появления в Петрограде. Присутствовавшие выслушали сообщение о том, что Сталин ранее был уполномоченным ЦК и что поэтому являлся бы желательным в составе Бюро ЦК. Однако "ввиду некоторых личных черт, присущих ему, Бюро ЦК высказалось в том смысле, чтобы пригласить его с совещательным голосом"³³. Протоколы не раскрыли характер "некоторых личных черт". Однако нет сомнений в том, что имелись в виду его высокомерие, отчужденность и нетоварищеское поведение в Туруханской ссылке. 1917 год Революция 1917 г. была вызвана не только глубокими историческими причинами, но и затяжной неудачной войной, в которой плохо оснащенная, неумело руководимая русская армия, состоявшая в основном из крестьян, потеряла, по некоторым оценкам, семь миллионов человек. С продолжением бои в населении усиливались пораженческие настроения, армия все более деморализовывалась. В секретном докладе полиции за октябрь 1916 г., позднее обнародованном Советским правительством, говорилось: "Все с нетерпением ожидают конца "проклятой войны"". "Я твердо убежден, — писал 10 марта 1917 г. командующий 7-й армией генерал В. Ю. Селичев, — что простой солдат желает сегодня только одного — хлеба и мира, — так как он устал от войны"³⁴. Временное правительство было обречено прежде всего потому, что оказалось неспособным осознать страстного стремления уставшей от войны России к миру. Более того, столкнувшись со стихийно начавшимся движением крестьян за раздел помещичьих земель, новое правительство стало проводить политику сдерживания аграрной революции до созыва Учредительного собрания, предусмотренного на ближайшее время правительственной программой. В такой обстановке повторный политический переворот был весьма вероятен, особенно в условиях "двоевластия", создавшегося в результате одновременного существования органов Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — этой потенциальной политической базы радикального революционного строя. Но не все, включая и большевиков, сразу осознали этот факт. Сталин не долго мирился с правом иметь лишь совещательный голос в воссозданном Центральным Комитетом Русском бюро. После первоначального холодного приема он с успехом утвердил свои позиции. Вместе с Каменевым и Мурановым Ста-155 лин вошел в редакционную коллегию газеты "Правда", печатного органа Бюро, 5 марта возобновившего деятельность под руководством Вячеслава Молотова, с которым Сталин познакомился еще до войны. В отсутствие Ленина и других руководителей партии, находившихся еще в пути или собиравшихся вернуться в Россию, на партийные решения в Петрограде в марте и начале апреля в основном влияли Каменев и Сталин. При этом они действовали, ориентируясь на высказанную Каменевым в Ачинске мысль о длительном, охватывающем многие годы,

промежуточном периоде, который должен будет отделять происходившую в России буржуазно-демократическую революцию от последующей социалистической. Иными словами, по отношению к Временному правительству они отстаивали умеренную политику, исходя из того что демократическая революция еще не завершена и что, следовательно, свержение нового режима не является непосредственной практической задачей. Подобная политика не предусматривала и отстранения Временного правительства от власти в качестве предварительного условия выхода России из войны. Так, в редакционной статье газеты "Правда" Сталин 16 марта 1917 г. призвал лишь оказывать "давление на Временное правительство с требованием изъявления им согласия немедленно открыть мирные переговоры"³⁵. Сначала под руководством Молотова и в то время, когда Русское бюро ЦК возглавлял А. Шляпников, газета "Правда" занимала более радикальную позицию отказа от какой бы то ни было поддержки Временного правительства. Теперь же ее тон переменился. В своих мемуарах Шляпников писал: "Тт. Каменев, Сталин и Муранов решили овладеть "Правдой" и повести ее на "свой" лад... Редактирование очередного, 9-го номера "Правды" от 15 марта, на основании этих формальных прав, они взяли полностью в свои руки, подавив своим большинством и формальными прерогативами представителя Бюро ЦК т. В. Молотова". Как вспоминал далее Шляпников, этот "переворот в редакции" вызвал большое возмущение в рабочих районах Петрограда, где умеренная политика по отношению к войне и Временному правительству не вызывала симпатий и где даже требовали исключить трех новых редакторов из партии³⁶. Примерно в это же время редакция "Правды" получила первые два ленинских "Письма из далека". В этих письмах, а затем и в Апрельских тезисах, утверждалось, что демократическая революция в России уже свершилась и назревала социалистическая, что покончить с войной можно было только, свергнув Временное правительство и создав республику Советов. Отходя от революционной воинственности Ленина, Каменев и Сталин поместили в "Правде" лишь первое письмо, да и то сократив при-15б мерно на одну пятую и вычеркнув положения, в которых содержались нападки на Временное правительство, а политика его поддержки характеризовалась как измена делу пролетариата³⁷. Ничего не сказали они о письмах Ленина и делегатам Всероссийского совещания большевистских партийных работников, проходившего в Петрограде за закрытыми дверями в конце марта — начале апреля 1917 г. Докладывая Совещанию о политике партии в отношении Временного правительства, Сталин предостерегал от "форсирования событий" из-за опасности преждевременного разрыва с средними слоями буржуазии. Прибывшим из провинции нетерпеливым товарищам он заметил, что ставить вопрос о немедленном захвате власти несвоевременно, ибо Временное правительство еще "не так слабо". Сталин (опять же с подачи Каменева) настаивал на политике условной поддержки Временного правительства в той мере, в какой оно "закрепляет шаги революции". Партии следовало выжидать благоприятного момента и позволить самим событиям обнаружить "пустоту" правительства. Позднее Сталин внес и отстаивал предложение о переговорах с меньшевиками по вопросу объединения партии на платформе умеренной оппозиции к войне. После принятия четырнадцатью голосами против тринадцати этого вызвавшего споры предложения Сталину поручили руководить большевистской делегацией, уполномоченной вести переговоры³⁸. Однако переговорам об объединении с меньшевиками было не суждено состояться. С приездом 3 апреля Ленина (через день после окончания совещания) курс партии круто изменился. Еще не ступив на перрон Финляндского вокзала в Петрограде, Ленин совершенно ясно выразил свое отрицательное отношение к занятой Сталиным и Каменевым позиции. Раскольников и Каменев, которые подсади в поезд на станции Белоостров, в

1923 г. вспоминали, как Ленин, зайдя к ним в купе, обращаясь к Каменеву, сразу же спросил "Что у вас пишется в "Правде"? Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали"³⁹. В результате политику ограниченной поддержки Временного правительства Каменева — Сталина заменили революционной бескомпромиссностью, провозглашенной в Апрельских тезисах. Кроме того, разъяря 4 апреля собранию большевиков свои тезисы, Ленин в резкой форме отверг идею объединения с меньшевиками. В конце выступления Ленин заявил: "Я слышу, что в России идет объединительная тенденция, объединение с оборонцами. Это предательство социализма. Я думаю, что лучше остаться одному, как Либкнехту: один против 110"⁴⁰. Этим была подведена черта под первыми неделями не совсем удачного участия Сталина в большевистской революции. 157 Антибольшевистским кругам Петрограда радикальная позиция Ленина казалась признаком потерявшего связь с реальной действительностью разума. Подобные представления, типичным примером которых была критическая статья Плеханова "О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас весьма интересным", побудили американского посла в Петрограде Давида Ф. Френсиса послать в Вашингтон телеграмму следующего содержания: "Крайний социалист или анархист по имени Ленин выступает с неистовыми речами, укрепляя тем самым правительство; ему умышленно дают продолжать и в подходящий момент вышлют"⁴¹. Многих большевиков буквально ошеломил разработанный Лениным дерзкий план и повергло в смятение казавшееся на первый взгляд ошибочным объяснение сложившейся в России ситуации. Как вспоминал много позднее Сталин, он и другие "практики-большевики" до революции 1917 г. полагали, что между буржуазной и социалистической революциями будет длительный перерыв, и в силу "недостаточной теоретической подготовки" не поняли ленинской мысли о "перерастании" буржуазной революции в социалистическую ⁴². Возможно, этим объясняется тот факт, что поначалу и Сталин, и многие другие воспротивились стратегии, которую тогда отстаивал Ленин. При обсуждении Апрельских тезисов на заседании Русского бюро ЦК Сталин вместе с Каменевым выступили против них. В протоколах ЦК зафиксированы следующие его слова: "Схема, но нет фактов, а поэтому не удовлетворяет. Нет ответов о нациях мелких"⁴³. Критика Сталина совпадала со словами Каменева, заметившего на том же заседании, что тезисы не дают конкретных руководящих указаний. То же самое можно сказать и о заявлении Каменева на Всероссийской конференции большевистской партии, проходившей с 24 по 29 апреля, где он сказал, что в тезисах "общая социологическая схема не заполнена была конкретным политическим содержанием"⁴⁴. Вместе с тем к началу работы конференции Сталин (не в пример Каменеву) взял курс на поддержку Ленина во всех вопросах. Несмотря на важную (и, как оказалось потом, неудачную) роль, которую довелось сыграть Сталину в партийных делах в первые недели после февральской революции, его действия в марте не обернулись для него негативными последствиями. Переизбранный на Апрельской конференции в Центральный Комитет партии, он наконец становится не кооптированным, а выбранным членом. Более того, по числу полученных голосов Сталин оказался на третьем (после Ленина и Зиновьева) месте⁴⁵. Главная причина этого успеха крылась, вероятно, в том, что он теперь принимался за дело, к которому Ленин готовил его в 158 предшествующие годы: Сталин теперь занимался национальными вопросами; здесь он чувствовал себя в родной стихии и мог принести наибольшую пользу. Утверждая практику, которой он часто будет следовать в дальнейшем, Сталин выступил на Апрельской конференции с докладом по национальному вопросу. Еще до официального создания соответствующего ведомства он уже действовал в качестве большевистского комиссара по делам национальностей. И как показала

Апрельская конференция, национальный вопрос превращался для партии в одну из наиболее жгучих и трудных проблем. Желая поощрить революционный распад многонациональных империй (прежде всего России), Ленин в свое время в работе "О праве наций на самоопределение" выдвинул идею о том, что каждая национальная общность имеет полное право отделиться и образовать собственное независимое государство. И вот эта дезинтеграция начала реально осуществляться. Финляндия, которая являлась частью царской империи с особыми правами внутренней автономии, стала добиваться у Временного правительства санкции на отделение. Другим вероятным кандидатом была Польша; сепаратистские движения зрели на Украине, в Закавказье и в других местах. Следовало ли большевикам в данных условиях продолжать придерживаться предложенной Лениным формулы? Доклад Сталина и внесенный им проект резолюции отвечали на этот вопрос утвердительно, но с оговоркой. Право на отделение провозглашалось верным в принципе, и признавалась справедливость требования Финляндии. Но проект резолюции Сталина содержал существенные дополнения, которые сводились к тому, что право на свободное отделение нельзя было смешивать с вопросом о "целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент". Этот вопрос "партии пролетариата" следовало решать в соответствии с интересами всего "общественного развития и интересами классовой борьбы"⁴⁶ Короче говоря, право на самоопределение провозглашалось и подтверждалось для таких особых случаев, как Финляндия (или Ирландия, которую Сталин также взял в качестве примера), однако большевики не связывали себя обязательством проводить аналогичную политику в отношении многих других входящих в империю наций, которые могли поставить вопрос об отделении. И Сталин, осторожно обрисовав в общих чертах иную политику, заявил: "Я могу признать за нацией право отделиться, но это еще не значит, что я ее обязал это сделать... Я лично высказался бы, например, против отделения Закавказья, принимая во внимание общее развитие в Закавказье и в России, известные условия борьбы пролетариата и пр.". Кроме того, продолжил он, теперь, когда царизм и его политика угнетения больше не существуют, должно ослабнуть недоверие и расти тяготение к России национальных меньшинств. По его мнению, 9/10 народностей не захотят отделиться. Поэтому партия была готова предложить неотделившимся народностям с их особенностями быта и собственным языком областную автономию. Но как подчеркнул Сталин, это не означало признание австромарксистского принципа культурно-национальной автономии, которую требовал Бунд и которая превратила бы Россию в "союз наций", не основанный на территориальности⁴⁷. Проницательные слушатели, могли бы почувствовать, что автор этих замысловатых аргументов, изложенных с грузинским акцентом, является прорусским централистом из среды национальных меньшинств. Но как видно, никого из присутствовавших не интересовали подлинные взгляды Сталина. Содокладчик Георгий Пятаков, молодой перспективный большевик левых убеждений (тесно связанный с Бухариным, еще не вернувшимся в Россию), доказывал, что партия не должна поддерживать принцип права на национальное самоопределение. Пятаков был особо заинтересован в делах Украины, так как провел юные годы в Киеве. Он и поляк Феликс Дзержинский считали, что сепаратистские движения меньшинств — в Польше ли, на Украине или где-нибудь еще — могут быть использованы местной буржуазией для сдерживания революции. Дескать, бороться за социализм социал-демократам нужно под лозунгом "Прочь границы". Отвечая Пятакову, Ленин сказал, что с 1903 г. польские товарищи выступали против идеи национального самоопределения. По сути, заметил Ленин, они просили своих русских товарищей занять позицию русских шовинистов, отказывающихся Польше, Украине и

Финляндии в праве на отделение от России. Всякий русский социалист, не признающий финскую или украинскую самостоятельность, обязательно-де скатится в болото шовинизма. Существовала, однако, надежда, что, "если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся..."⁴⁸. В конце концов, отвергнув предложения Пятакова, резолюцию Сталина приняли 56 голосами против 16 при 18 воздержавшихся. Предметом спора, однако, была ленинская позиция, которую Сталин всего лишь изложил. И поэтому его речь почти не упоминалась в развернувшейся горячей полемике. В ходе революционных событий Сталин вновь взял на себя прежнюю роль специального помощника Ленина по особым поручениям. Его изворотливость, мастерство конспиратора и абсолютная надежность нашли хорошее применение. Навыки конспиратора особенно пригодились, когда большевики попали в тяжёлые условия после народных восстаний, имевших место в Петрограде в конце июня — начале июля 1917 г. И хотя большевики все-таки оказались замешанными в беспорядках, ни Ленин, ни большевистский Центральный Комитет, серьезно опасавшиеся преждевременного бунта, не желали и не планировали их заранее ⁴⁹. Тем не менее после июльской демонстрации Временное правительство распорядилось об аресте Ленина и Зиновьева по обвинению в заговорицкой деятельности и способствовало появлению в печати сообщений о принадлежности большевистских лидеров и их сторонников к агентуре германского генерального штаба. К этому времени Ленин скрывался на квартире Аллилуевых, переехавших на ул. Рождественка вскоре после первого посещения их Сталиным. Помимо безусловной надежности самих Аллилуевых, данное убежище было хорошо еще и тем, что семья проживала здесь всего два месяца и их квартира не была известна как партийная явка. Ленин занимал ту же самую комнату, которую Аллилуевы оставили по просьбе Сталина и которой он еще не пользовался⁵⁰. Некоторые видные большевики полагали, что Ленину и Зиновьеву следовало бы явиться в суд и опровергнуть выдвинутые против них правительством обвинения. Другие категорически возражали, опасаясь, что если Ленин и Зиновьев сдадутся властям, то их просто убьют. Данную проблему обсуждали с Лениным 7 июля на квартире Аллилуевых Крупская, Сталин, Орджоникидзе, Ногин и другие. Когда Ногин высказал мнение, что нужно бы перед гласным судом дать бой обвинителям, Ленин заметил, что никакого гласного суда не будет, а Сталин тут же добавил: "Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге"⁵¹. Когда же пришла Елена Стасова и рассказала, что правительство распускает слух о принадлежности Ленина к агентам полиции, он решил сдать властям и остался в укрытии только после того, как попытки Орджоникидзе и Ногина получить от Петроградского Совета гарантии безопасности и гласного суда для Ленина не увенчались успехом. Через неделю газета "Пролетарское дело" опубликовала письмо Ленина и Зиновьева в котором они объявили о своем решении не являться в суд, поскольку в тот момент в России не могло быть беспристрастного правосудия и революционеры не имели оснований питать конституционные иллюзии. Частые посещения товарищей по партии вскоре сделали необходимым сменить место укрытия. Было решено, что Ленин переедет в небольшой городок Сестрорецк, расположенный на берегу Финского залива, примерно в двадцати милях к северо-западу от Петрограда. Чтобы добраться до места неузнанным, требовалась маскировка. Ленин решил сбрить бороду и усы, и 161 Сталин взял на себя роль брадобрея. Затем Ленин нахлобучил кепку и надел длинное пальто Сергея Аллилуева. Похожий на финского крестьянина он в сопровождении Сталина и Аллилуева покинул квартиру, пробрался боковыми улочками к Приморскому вокзалу и сел в переполненный вагон пригородного поезда, следовавшего в нужном направлении⁵². К этому времени Сталин не только получил

возможность активно помогать революции, но и обрел домашний очаг. После отъезда Ленина в Сестрорецк Сталин стал при каждой возможности проводить у Аллилуевых по несколько часов и сделался чем-то вроде члена семьи. Однажды в сентябре он привел с собой одного из кавказских друзей, который, оказавшись легендарным Камо, начал потчевать Аллилуевых историями своих невероятных побегов из мест заключения. Сталин принес в отведенную для него комнату небольшую плетеную корзинку, в которой хранились все его вещи: книги, рукописи, что-то из одежды. Ольга Евгеньевна, типичная русская женщина, постоянно заботившаяся о том, чтобы все находившиеся в ее доме хорошо питались, пыталась улучшить его рацион; после напрасных стараний привести в порядок единственный, изрядно потрепанный костюм Сталина она пошла в магазин и купила новый. По его просьбе Ольга Евгеньевна вышила под пиджак теплые, с высоким воротом вставки, так как он не любил носить галстуки. Старшая дочь Анна уже работала в революционном штабе в Смольном институте, а Надежда еще посещала гимназию. Часто они засиживались до поздней ночи, надеясь на приход Сталина. В таких случаях он имел обыкновение приносить хлеб, рыбу или какую-нибудь другую провизию. Иногда они втроем пили чай в его комнате, стараясь не разбудить родителей, которые спали в столовой. Сталин рассказывал истории из сибирской ссылки или представлял лиц, которых встретил днем. Временами он доставал с полки томик сочинений Чехова и вновь демонстрировал свой актерский талант, читая вслух "Хамелеона" или "Душечку" — свои любимые рассказы. Последний он знал почти наизусть. Порой он читал сестрам что-нибудь из Пушкина или Горького⁵³. Весьма вероятно, что именно тогда Сталин начал с особым вниманием относиться к Надежде очаровательной, непосредственной девушке, чье музыкальное дарование сочеталось со склонностью к домашнему хозяйству и которая, как и все Аллилуевы, твердо стояла на стороне большевиков. Через два года они поженились. Волна реакции, последовавшая за июльскими днями, временно отстранила от активной деятельности многих революционных руководителей. В тот момент, когда Ленин и Зиновьев скрывались, а Троцкий и Каменев вместе с другими находились в тюрьме, Сталин оказался в числе менее значительных деятелей, которых ход событий выдвинул на передний план в большевистских делах. Июльские дни, подобно февральской революции, на какое-то время предоставили ему возможность серьезно влиять на процесс выработки общей партийной стратегии. Правда, во второй раз Сталин вполне заслужил эту роль, поскольку за прошедший период сумел научиться безошибочно повторять ленинские мысли; на него можно было положиться, что он сумеет отстоять в высших партийных органах взгляды отсутствующего вождя. И когда в начале августа 1917 г. 267 большевистских делегатов собрались на проходивший в подполье VI съезд партии, с Отчетным докладом ЦК (обычное первое выступление на съезде, являвшееся прерогативой Ленина) выступил Сталин, который также сделал доклад о политическом положении. На съезде Сталин уже нисколько не походил на того умеренного партийца, который в марте считал социалистическую революцию в России преждевременной. Конечно, подобные взгляды все еще имели довольно широкое хождение в партии и четко обозначились в прениях по текущему моменту. Теперь Сталин полностью стоял на ленинских позициях; для него проблема отношений между Временным правительством и революцией сводилась к формуле "кто кого?" Сталин, в частности, сказал: "Что такое Временное правительство? Это — кукла, это жалкая ширма, за которой стоят кадеты, военная клика и союзный капитал — три опоры контрреволюции. Если бы "социалистические" министры не были в правительстве, быть может, контрреволюционеры были бы уже свергнуты. Но характерная черта момента в том, что контрреволюционные мероприятия

проводятся руками "социалистов". Только создав такую ширму, контрреволюция может просуществовать еще месяц-другой. Но поскольку растут силы революции, взрывы будут, и настанет момент, когда рабочие поднимут и сплотят вокруг себя бедные слои крестьянства, поднимут знамя рабочей революции и откроют эру социалистической революции на Западе"⁵⁴. Заслуживает особого внимания заявление Сталина во время обсуждения проекта резолюции, предложенного в конце этого выступления. В заключительной части проекта говорилось, что с наступлением национального кризиса задача революционных классов будет состоять в том, чтобы захватить государственную власть и направить ее в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и социалистическому переустройству общества. Евгений Преображенский (впоследствии один из лидеров троцкистской фракции) предложил следующим образом сформулировать заключительное положение: "...для направле-163 ния ее к миру и при наличии пролетарской революции на Западе — к социализму". Сталин возразил и заявил: "Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась в условиях войны такой свободой, как Россия и не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас же рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитализма. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего (курсив мой. — Р. Т.)"⁵⁵. Это примечательное заявление, заслуживающее в силу своей спонтанности тем большего внимания, на какой-то короткий момент приоткрыло завесу над лежащим в его основе русоцентризмом Сталина. В обмене мнениями проступали контуры будущей дискуссии в партии относительно возможности построения социализма в Советской России без революции в Европе, а в сталинском "творческом марксизме" 1917 г. уже содержалась в зародыше идея построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Еще одним предзнаменованием будущих событий явилось поражение, которое потерпел Преображенский при голосовании по предложенной им поправке к проекту резолюции. В другом, возникшем на съезде споре Сталин был менее успешен. В заключительном слове к прениям по отчетному докладу Центрального Комитета он сказал о необходимости издания партийного манифеста с разъяснениями недавних событий, а затем перешел к вопросу о целесообразности явки Ленина и Зиновьева на суд. В данный момент, заявил он, все еще неясно, в чьих руках власть, кроме того нет никакой гарантии, что арестованные вожди будут в безопасности. Другое дело, полагал Сталин, если суд будет демократически организован и будет дана гарантия, что их не растерзают. В нынешних условиях, сказал он далее, нет смысла являться в суд, а вот при правительстве, которое смогло бы гарантировать товарищей от насилий, которое имело бы хоть некоторую честь, они явились бы⁵⁶. "Это противоречивое заявление, — писал в послесталинский период советский журнал по истории партии, — допускавшее при определенных условиях возможность явки Ленина в распоряжение буржуазного правительства, было глубоко ошибочным"⁵⁷. Такого же мнения, по-видимому, придерживалось подавляющее большинство делегатов VI съезда партии. В прениях Орджоникидзе доказывал, что партия ни в коем случае не должна допустить, чтобы Ленин явился на суд. Его поддержал Дзержинский. Николай Скрыпник возражал против идеи Сталина о явке Ленина на суд при

определенных условиях и предложил выразить протест против клеветнической кампании. Даже Володарский, который при поддержке двух членов Межрайонного комитета Троцкого, представил проект резолюции, разрешавшей Ленину и Зиновьеву при определенных условиях явиться на суд, нашел неприемлемым высказывание Сталина относительно "честного буржуазного суда". Потом взял слово Бухарин и заявил, что к данному вопросу не должно быть схоластического подхода. Он высмеял мысль о честном буржуазном суде ("Разве честный буржуазный суд не будет стремиться прежде всего отсечь нам головы?") и предложил проект резолюции, в которой осуждалась "возмутительная прокурорско-шпионско-полицейская травля вождей революционного пролетариата" и исключалась всякая возможность явки Ленина и Зиновьева на суд. Съезд одобрил эту резолюцию абсолютным большинством голосов⁵⁸. Вместе с тем (и на это справедливости ради следует указать) ничто не говорит о том, что Сталин серьезно ожидал развития событий по схеме, которая упоминалась в заявлении и которую многие нашли неприемлемой. Во всяком случае данная им в речи по текущему моменту характеристика Временного правительства совершенно исключала возможность признания его большевиками, "по крайней мере, в какой-то степени честным режимом". В действительности дело в том, что Сталин и здесь обнаружил тенденцию, которая проявилась в его выступлении на Апрельской конференции по национальной проблеме, — тенденцию к двойственности по тактическим вопросам, когда принципы и практический политический курс оказывались не в ладах. Он, например, провозглашал принципиальное право наций на самоопределение, и одновременно проповедовал политику, которая на практике противоречила этому принципу. В другом случае он предлагал партии занять позицию, которая бы в принципе предусматривала явку Ленина и Зиновьева в суд, но на условиях, которые не могли реально существовать. В то время, когда обстоятельства, по мнению многих большевиков, настоятельно требовали совершенно четкой позиции, Сталин предпочитал следовать извилистым путем. Впоследствии в сталинской литературе утверждалось, что в 1917 г. он работал в полной гармонии с Лениным. Факты, однако, не подкрепляют этот тезис. Помимо разногласий в начале апреля, из революционного периода известны еще два случая, когда Сталин расходился с Лениным по вопросам, которые по-165 следний считал исключительно важными. Первый эпизод имел место накануне октябрьских событий, когда Каменев и Зиновьев, нарушив партийную дисциплину, раскрыли в газете "Новая жизнь" план восстания. В письмах в Центральный Комитет от 18 и 19 октября Ленин осудил их за "штрейкбрехерство" и потребовал исключения из партии. Однако некоторые члены ЦК посчитали, что принимать столь крутые меры не стоит. При обсуждении этого вопроса 20 октября на заседании ЦК, на котором присутствовало восемь членов, Свердлов, доказывая неправомочность Центрального Комитета исключать из партии, высказался за то, чтобы ограничиться принятием заявления Каменева о выходе из ЦК. Сталин, в тот день по собственному почину опубликовавший в партийной газете письмо Зиновьева с ответами на обвинения Ленина и сопроводивший письмо редакционной заметкой (в которой писал, что "...вопрос можно считать исчерпанным..."), вначале предложил ничего не предпринимать по данному делу до предстоящего пленума ЦК. Когда же это предложение не прошло, Сталин, утверждая, что Зиновьев и Каменев подчинятся решениям Центрального Комитета, высказался против их исключения из партии и вывода из ЦК. После того как ЦК пятью голосами против трех принял отставку Каменева, Сталин выразил готовность уйти с поста редактора партийного органа, однако ЦК с этим не согласился⁵⁹. Второй эпизод относится к февралю 1918 г., когда над правительством Ленина нависла реальная угроза разгрома

наступавшими немецкими войсками. 10 февраля большевики отвергли исключительно тяжелые условия мира, переданные Германией Троцкому в Брест-Литовске. Неделью спустя, перед лицом готовящегося нового немецкого наступления раздираемый разногласиями Центральный Комитет проголосовал за то, чтобы проинформировать германское правительство о готовности большевиков заключить мир на ранее отвергнутых условиях. ЦК вновь собрался 23 февраля, чтобы рассмотреть ответ немцев, выдвинувших, по сути, ультиматум на еще более кабальных условиях. Ленин, который заявил, что "политика революционной фразы" окончена, предложил немедленно принять условия немцев и тут же предъявил собственный ультиматум: если условия мира не будут приняты, то он выйдет и из правительства и из Центрального Комитета. В процессе обсуждения Сталин заметил: "Можно не подписывать, но начать мирные переговоры". На это Ленин ответил: "Сталин не прав, когда он говорит, что можно не подписать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишите, то вы подпишите смертный приговор Советской власти через три недели"⁶⁰. В результате Сталин проголосовал вместе с большинством в поддержку ленинского 166 предложения. Тем не менее резкий упрек вождя в его адрес навсегда запомнился присутствующим, а также нашел отражение в протоколах заседания. Бурная политическая деятельность в массах в 1917 г. не отвечала натуре Сталина, поэтому он ничем особенным не проявил себя как политический руководитель, как яркая личность. Не обладая ораторским талантом, он не спешил выступать на массовых митингах. Его статьи в большевистской прессе не обнаруживали публицистического дара. Но что важнее всего, Сталин не проявил таких важных качеств выдающегося революционного вождя, действующего в кризисной и постоянно меняющейся ситуации, как умение быстро приспосабливаться к новой обстановке, творческое мышление, хорошее понимание настроений масс и умение на них правильно реагировать, решимость. Не удивительно, что в воспоминаниях многих большевиков Сталин не фигурировал в качестве одного из героев революционного периода. Не выступал он таковым в мемуарах и в исторической литературе первых послереволюционных лет. В одном из популярных меньшевистских журналов издававший его участник и очевидец тех событий Николай Суханов в довольно пренебрежительной форме комментировал появление Сталина в марте 1917 г. в Исполнительном Комитете Петроградского Совета. Заметив, что среди "генералитета" большевистской партии имелось много фигур покрупнее и вождей подстойнее, Суханов продолжал: "Сталин же за время своей скромной деятельности в Исп. Комитете производил — не на одного меня — впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно. Больше о нем, собственно, нечего сказать"⁶¹. Сталин не упоминается и в книге Джона Рида "10 дней, которые потрясли мир", изданной в России в 1923 г. с восторженным предисловием Ленина, рекомендовавшим "правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий..."⁶². Как мы уже видели, в не совсем выгодном свете он предстал и в таких первых воспоминаниях большевиков о революции, как мемуары Шляпникова. И все же, если на этом поставить точку, то может сложиться неверное представление о роли Сталина в революции. Год 1917-й явился важной вехой на пути Сталина к вершине. Находясь в центре революционных событий, участвуя в совещаниях большевистского Центрального Комитета, действуя как один из ведущих партийных организаторов, он накопил значительный опыт политика. Именно тогда, как заметил позднее Троцкий, Сталин получил статус признанного члена большевистского генерального штаба и наконец "стал окончательно Сталиным"⁶³. Он зарекомендовал себя главным специалистом партии по проблемам национальных меньшинств. И хотя Сталин и не покрыл 167 себя славой в год

революционного переворота, он приобрел достаточное влияние на дела партии. Превысивший опыт комитетчика, склонность к подобной деятельности пригодились в ЦК, возглавлявшем партию. С численным ростом Центрального Комитета (с 9 членов и 5 кандидатов в апреле до 21 члена и 10 кандидатов в августе 1917 г., после VI съезда партии) Сталин оказался среди десятка (или около того) наиболее влиятельных партийных руководителей. Когда, например, на одном из октябрьских заседаний ЦК создал Политическое бюро, которому в первое время предстояло осуществлять политическое руководство, Сталин был избран в его состав вместе с Лениным, Зиновьевым, Каменевым, Троцким, Сокольниковым и Бубновым. А когда через неделю ЦК организовал Военно-революционный центр, возглавляемый Троцким, в числе его пяти членов (вместе с Свердловым, Дзержинским, Бубновым и Урицким) был и Сталин⁶⁴. Ни одна из этих организационных мер не имела существенного влияния на разворачивавшиеся с головокружительной быстротой события. Однако обе они явились ступенями в возвышении Сталина как вождя партии.

Примечания_5

1. Из того факта, что Сталин вошел в ЦК "через заднюю дверь", Троцкий заключает, что на Пражской конференции его кандидатура встретила возражения (Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence. N. Y., 1967, p. 136 — 137). Возможно и другое, что будучи не достаточно известным, он не собрал необходимое количество голосов. Факт кооптации Сталина в ЦК был отражен в партийных документах 20-х годов и послесталинского периода, однако в годы сталинизма замалчивался.
2. Очерки истории коммунистических организаций Закавказья. Тбилиси, 1967, ч. I, с.141.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 386. Поскольку и брошюра и статья появились без подписи, трудно сказать, знал ли в то время Ленин, что автором обеих работ являлся Сталин. По этому вопросу см. выше с. 139, прим. в" — 17.
4. Позицию, которую отстаивал Сталин, изложил выступавший перед ним представитель большевиков С. А. Суворов.
5. Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. N. Y., 1959, p. 101. Бертрам Вулф пишет: "К 1909 г. партия уменьшилась настолько, что Крупская записала: "У нас совсем нет людей"". Впоследствии Зиновьев, человек, близкий Ленину, заявил: "В этот несчастный период партия как единое целое перестала существовать" (Three Who Made a Revolution. Boston, 1948, p. 486).
6. Сталин И. В. Соч., т. 2, с. 147.
7. Там же, с. 198 - 199.
8. Там же, с. 211 - 212.
9. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1947, с. 50. В книге говорится, что в должности агента или уполномоченного ЦК Сталин пребывал с 1910 по 1912 г. Можно было бы усомниться в правдивости этого утверждения, и 168 прежде всего потому, что оно отсутствует в более ранних официальных биографиях Сталина. Однако оно нашло подтверждение в примечании к протоколам заседания Бюро ЦК в марте 1917 г. ("Вопросы истории КПСС", 1962, в" — 3, с.156).
10. Поскольку другие члены Русского бюро (Орджоникидзе, Спандарян и Голощекин) являлись одновременно и членами вновь избранного на Пражской конференции

Центрального Комитета, получилось бы не совсем удобно, если бы Сталин стал членом Бюро, не будучи одновременно кооптированным в члены ЦК.

11. Эти письма не вошли в собрание сочинений Сталина. Текст третьего, перехваченного полицией и обнаруженного в ее архивах письма опубликован вместе с другими материалами о Сталине в тифлисской газете "Заря Востока" 23 декабря 1925 г. Полный текст двух других писем не публиковался, но выдержки из них содержатся в: Дубинский-Мухадзе И. М. Орджоникидзе. М., 1963, с. 93; Поспелов П. Н. (гл. ред.). Владимир Ильич Ленин. Биография. 2-е изд. М., 1963, с. 179 — 180.

12. Дубинский-Мухадзе И. М. Орджоникидзе, с. 92 — 94.

13. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 223 — 230. Хотя статья была написана в ноябре 1912 г., ее опубликовали лишь в августе 1913 г.

14. Поэтому партию назвали не русской, а российской, имея в виду всю Российскую империю. Относительно ленинского транснационального толкования понятия "российская" см.: там же, т. 23, с. 320.

15. Там же, с. 59. 314 — 322.

16. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 162. "Просвещение" — партийный теоретический журнал того периода.

17. Сталин И. В. Соч., т. 2, с. 292 — 302. О замалчивании Сталиным факта заимствования у Каутского см.: Med vedev Roy A. Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. N. Y., 1971, p. 509; Семенов Ю. И. Теоретическая разработка В. И. Лениным национального вопроса. — "Народы Азии и Африки", 1966, в" — 4, с. 119 — 121. Семенов пишет, что в первых двух разделах работы Сталин "даже стилистически "использовал" работы К. Каутского...".

18. Сталин И. В. Соч., т. 2, с. 290 — 367. Статья "Марксизм и национальный вопрос" была напечатана в 1913 г. в журнале "Просвещение" под заголовком (как и у Бауэра) "Национальный вопрос и социал-демократия".

19. Djilas Milovan. Conversation with Stalin. N. Y., 1962, p. 157. Сталин заявил об этом, отвечая на вопрос Джиласа о различии между "народом" и "нацией". Из английского текста беседы Джиласа нельзя с полной уверенностью сказать, имел ли Сталин в виду только это различие или всю работу, когда заявил: "Таков был взгляд Ильича... Ленина". Джилас сообщил мне, что по его мнению, Сталин имел в виду работу в целом.

20. Например, Сталин использовал книгу Отто Бауэра "Национальный вопрос и социал-демократия" в переводе М. Панина. Об этом он упоминает, указывая на допущенную неточность при переводе немецкой фразы "nationalen Eigenart" и тем самым давая понять, что хорошо владеет немецким, хотя в действительности почти его не знал. Относительно заявления Троцкого о том, что работа Сталина написана по подсказке Ленина и при содействии Бухарина и Трояновского, см.: Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 156 — 158. Эту работу считают, по сути, ленинской: Исаак Дейчер (Stalin: A Political Biography. N. Y. 1966, p. 117); Борис Суварин (Stalin: A Critical Survey of Bolshevism. N. Y., 1972, p. 133); Вулф (Three Who Made a Revolution. N. Y., 1948, p. 578 - 581). На противоположной точке зрения, которую я разделяю, стоят: Ричард Пайнс (The Formation of the Soviet Union, N. Y., 1968, p. 40 — 41); Роберт Мак-Нил (Trotsky's Interpretation of Stalin. — In: "Canadian Slavonic Papers", 1961, No 5, p. 9; Stalin's Works: An Annotated Bibliography, 1967, p. 43 — 44). 169

21. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 169. А 29 марта он вновь писал Каменеву: "Коба успел написать большую (для трех номеров "Просвещения") статью по национальному вопросу. Хорошо! Надо воевать за истину против сепаратистов и оппортунистов из Бунда и из ликвидаторов" (там же, т. 48, с. 173). В декабре 1913 г.

в редакционной статье, посвященной программе партии по национальному вопросу, Ленина писал, что "в теоретической марксистской литературе... основы национальной программы с.-д. уже были освещены за последнее время (в первую голову здесь выдвигается статья Сталина)" (там же, т. 24, с. 223).

22. Аллилуева А. С. Воспоминания. М., 1946, с. 117.

23. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 101, 161. Первое письмо опубликовано здесь впервые, а второе вошло в "Ленинский сборник" (т. 11), выпущенный в 1929 г. Что касается упомянутого Лениным важного дела, то, возможно, объяснение содержится в мемуарах А. С. Аллилуевой ("Воспоминания", с. 118). Она писала, что Сталин послал из Сибири ее отцу рукопись работы по национальному вопросу для передачи Ленину и что Аллилуевы эту просьбу исполнили. Весьма вероятно, что к Карпинскому Ленин обращался в этой связи.

24. Medvedev R. A. *Let History Judge...*, p. 5 — 6. В качестве источника этих сведений Медведев называет неопубликованные мемуары жены Захарова (Р. Г. Захаровой). Некоторые выдержки из ее воспоминаний напечатаны в: Ю. Трифонов. *Отблеск костра*. М., 1966, с. 47 — 48.

25. Городецкий Е., Шаранов Ю. *Свердлов. Жизнь и деятельность*. М., 1961, с. 84 — 86.

26. Свердлов Я. М. *Избранные произведения*. М., 1957, т. 1, с. 276 — 277. В примечании к первой фразе указано: "Речь идет о И. В. Сталине, вместе с которым Я. М. Свердлов был в ссылке в станке Курейка". Впервые письмо Свердлова было опубликовано в журнале "Печать и революция", 1924, кн. 2, с. 66.

27. Аллилуева А. С. *Воспоминания*, с. 117 — 118. О встрече Сталина и Сергея Аллилуева в Баку см.: Аллилуев С. *Пройденный путь*. М., 1946. с. 182.

28. Там же, с. 167, 189 — 190.

29. Аллилуева С. *Только один год*. Нью-Йорк, 1969, с. 330. Автор писала: "Тетки говорили мне, что во время одной из сибирских ссылок он жил с местной крестьянкой и что где-то теперь живет их сын, получивший небольшое образование и не претендующий на громкое имя". Речь может идти только о туруханской ссылке, ибо во время двух предшествовавших ссылок он не был в Сибири достаточно долго, чтобы успеть создать семью.

30. Цит. по: Medvedev R. A. *Let History Judge*, p. 7.

31. Байкалов А. *Мои встречи с Осипом Джугашвили* ("Возрождение", Париж, март — апрель 1950 г., с. 118). По словам Байкалова, в то время он являлся членом правления Енисейского союза кооперативов и часто ездил из Красноярска в Ачинск.

32. Аллилуева А. С. *Воспоминания*, с. 165 — 169.

33. "Вопросы истории КПСС", 1962, в" — 3, с. 143. В протоколе заседания Бюро ЦК от 15 марта (там же, с. 149) указано, что Сталина в тот же день избрали в президиум Бюро. Должно быть, в это время он уже располагал решающим голосом.

34. Цит. по: Florinsky T. Michael. *Russia: A History and an Interpretation*. N. Y., 1955, Vol. 2, p. 1377, 1378.

35. Сталин И. В. *Соч.*, т. 3, с. 8.

36. Шляпников А. *Семнадцатый год*. М. — Л., 1925, кн. 2, с. 180 — 183. См. также: Бурджалов Э. Н. *Еще о тактике большевиков в марте — апреле 1917 года*. — "Вопросы истории", 1956, в" — 8, с. 110 — 112. 170

37. Бурджалов Э. Н. *О тактике большевиков в марте — апреле 1917 года*, — "Вопросы истории", 1956, в" — 4, с. 48 — 50. См. также примечание к "Письмам из далека" (Ленин В. И. *Полн. собр. соч.*, т. 31, с. 503 — 504).

38. "Вопросы истории КПСС", 1962, в" — 5, с. 112; в" — 6, с. 139 — 140. Протоколы мартовского совещания, впервые опубликованные в России в 1962 г., появились в 1937 г. (правда не полностью) в: Trotsky L. The Stalin School of Falsification. N. Y., 1962.
39. "Пролетарская революция", 1923, в" — 3(13), с. 221.
40. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 112. Ленин имел в виду отказ лидера немецкой социал-демократической партии Карла Либкнехта присоединиться к остальным 110 депутатам Рейхстага от социал-демократической партии, голосовавшим в начале войны 1914 г. за предоставление военных кредитов кайзеровскому правительству.
41. Ганели Р. Ш. Россия и США. 1914 — 1917. Л., 1969, с. 194. Телеграмма была отправлена 8 апреля (по старому стилю). Согласно принятому в советских изданиях правилу, я для этого периода указывал даты по старому стилю; на новый календарь Россия перешла после Октябрьской революции, которая по старому стилю произошла 25 октября, а по новому — 7 ноября 1917 г.
42. Сталин И. В. Соч., т. 1, с. XII — XI П.
43. "Вопросы истории", 1956, в" — 8, с. 114. Протоколы не публиковались, а Бурджалов ссылается на архивные документы Московского института марксизма-ленинизма. Я полностью согласен с интерпретацией Бурджалова, процитировавшего высказывания Сталина (там же, с. 114).
44. "Вопросы истории", 1956, в" — 8, с. 114; Седьмая ("Апрельская") Всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП(б). Апрель 1917 г., М., 1934, с. 72.
- 4.5 Там же, с.190. Членами ЦК стали девять человек (Ленин, Зиновьев, Сталин, Каменев, Милютин, Ногин, Свердлов, Смилга и Федоров), кандидатами — пятеро. Ленин получил 104 голоса (из 109 возможных), Зиновьев — 101, Сталин — 97, Каменев - 95, другие — значительно меньше.
46. Там же, с. 230 — 231.
47. Там же, с. 192 — 193.
48. Там же, с. 194 — 203.
49. Относительно данного эпизода см.: Rabinowitch A. Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington, Ind., 1968, p. 234 - 235
50. Аллилуева А. С. Воспоминания, с. 170, 176 — 177.
51. Дубинский-Мухадзе И. М. Орджоникидзе, с. 178; Аллилуева А. С. Воспоминания, с. 181. Несколько позже Сталин рассказал сестрам Аллилуевым, что, когда этот же вопрос обсуждался на заседании ЦК, темпераментный Орджоникидзе, хватаясь за воображаемый кавказский кинжал, восклицал: "Кинжалом того буду колоть, кто хочет, чтобы Ильича арестовали!" (Аллилуева А. С. Воспоминания, с. 190).
52. Аллилуева А. С. Воспоминания, с. 183 — 184.
53. Там же, с. 184 — 190.
54. Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 114.
55. Там же, с.250.
56. Там же, с. 27 — 28. 171
57. "Вопросы истории КПСС", 1962, в" — 4, с. 47. См. также: Поспелов П. Н. (гл. ред.). История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967, т. 3, с. 1 78.
58. Там же, с. 30 - 36.
59. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 309 - 310. О редакционном примечании Сталина к письму Зиновьева в: Зиновьев Г. Соч., т. 7, ч. 2, с. 322.
60. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918, с. 211 — 213.

61. Суханов Н. Н. Записки о революции. Берлин — Петроград — Москва, 1922 — 1923, кн. 2, с. 265 — 266. В предисловии к сокращенному английскому изданию книги Суханова Джоуэл Кармайкл пишет, что появление книги в России в 1922 г. вызвало бурную реакцию и всем партийным кружкам самообразования вменялось в обязанность ее прочитать. О проявленном к книге интересе свидетельствует тот факт, что Ленин счел нужным посвятить ей одну из своих последних статей "О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)", в которой критиковал взгляды Суханова на русскую революцию.

62. Предисловие к американскому изданию Ленин написал в 1919 г. после получения от Рида экземпляра книги. В собственном предисловии и в пояснениях Рид назвал большевистскими вождями революционного периода Ленина, Троцкого, и Луначарского.

63. Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 238.

64. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918, с. 86, 104.

Революционер у власти Народный комиссар

На другой день после взятия большевиками власти, Ленин, формируя правительство, должно быть, уже имел в виду включить Сталина в состав Совета Народных Комиссаров в качестве ответственного за дела национальных меньшинств. В списке примерно из дюжины имен значился "председатель по делам национальностей — И. В. Джугашвили (Сталин)". Четырьмя строчками выше стоял нарком иностранных дел "Л. Д. Бронштейн (Троцкий)", а первым — "председатель Совета — Владимир Ульянов (Ленин)". Новое необычное учреждение, которым Сталину предстояло руководить, поначалу было задумано скорее как специальная комиссия, а не комиссариат¹. Однако в конце концов сформировали Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), и Сталин получил куда более громкий титул "народного комиссара", которым пришедшие к власти большевики, стремились подчеркнуть собственное отличие от министров буржуазных правительств. Но на первых порах никакого учреждения как такового не существовало, был лишь мандат на его образование. В этом деле Сталину помогал некий С. С. Пестковский, большевик польского происхождения, который обратился к нему с просьбой определить на работу в революционном правительстве и получил должность заместителя комиссара. Сначала они обосновались в одной из комнат Смольного, где Пестковский нашел свободный стол, придвинул его к стене и

прикрепил над ним записку "Народный Комиссариат по делам национальностей". Когда Пестковский сказал, что им потребуются деньги, Сталин навел справки и отправил его к Троцкому со словами: "У него есть, он нашел их в бывшем министерстве иностранных дел". Пестковский получил у Троцкого три тысячи рублей, и комиссариат начал функционировать². В марте 1918 г. оказавшееся в трудном положении правительство Ленина перенесло столицу из Петрограда в расположенную в центре России и менее уязвимую Москву. Как и дру-173 гимназистам, занимавшим высокие посты, Сталину предоставили рабочий кабинет и квартиру для проживания в Кремле. Перво-наперво он решил найти подходящее помещение для комиссариата. Вначале Московский Совет выделил два бывших особняка, расположенных на разных улицах. Желая, чтобы все учреждение находилось под одной крышей, Сталин попытался получить здание Большой сибирской гостиницы в Златоустинском переулке. Надежда Аллилуева, уже работавшая в комиссариате секретарем, отпечатала на машинке объявления: "Это помещение занято Наркомнацем". Сталин и Пестковский вызвали автомобиль и поехали к гостинице. На передней двери красовалась бумажка: "Это помещение занято Высшим Советом Народного Хозяйства". Сорвав ее, они прикрепили свою записку; затем с черного хода вошли в темное здание и, освещая дорогу спичками, в разных местах развесили наркомнацевские объявления. Но битву за здание выиграл все-таки ВСНХ. "Это был один из тех немногих случаев, заметил позднее Пестковский, — когда Сталин потерпел поражение"³. В первые лихорадочные месяцы большевистского правления Сталин мог уделять комиссариату только часть своего времени, так как вместе с другими ответственными работниками партии постоянно участвовал в обсуждении и принятии важных решений. На заседании 29 ноября 1917 г. Центральный Комитет предоставил четверке (Ленину, Сталину, Троцкому и Свердлову) право решать "все экстренные дела" с условием, что в этом будут непременно участвовать другие члены ЦК, в тот момент находящиеся в Смольном⁴. Созданное Центральным Комитетом накануне восстания Политическое бюро оказалось мертворожденным ребенком, а действительно функционирующее Политбюро появилось только в начале 1919 г. Поскольку львиную долю сил Свердлова забирала работа в Секретариате ЦК и другие, самые разнообразные обязанности, которые почти все время удерживали его вдали от Смольного, четверка, как вспоминал позднее Троцкий, фактически превратилась в тройку. В этот период Сталин активнее, чем обычно, действовал в теперь уже привычной роли верного помощника Ленина по особым поручениям. Кабинет, который он и Пестковский занимали в Смольном, находился вблизи от кабинета Ленина. Сталина часто вызывали к Ленину по телефону, или же Ленин просто появлялся в дверях и уводил Сталина к себе. Однажды Пестковский, войдя в кабинет Ленина, застал обоих стоящими на стульях перед висевшей на стене большой картой России, по которой оба водили пальцами в северной ее части, где-то в районе Финляндии⁵. Ночи Сталин часто проводил в одной из комнат Смольного, 174 где был установлен телеграфный аппарат, по необходимости связываясь с политическими функционерами в любой точке страны. Троцкий, оспаривая правомерность мнения Пестковского о Сталине как заместителе Ленина, тем не менее подтверждает, что он, являясь "членом штаба Ленина, выполнял разные поручения"⁶. Одной из первых миссий Сталина в должности народного комиссара была поездка в Хельсинки в качестве эмиссара новой России и адвоката ленинской политики признания права Финляндии на национальное самоопределение. Обращаясь 14 ноября 1917 г. к съезду Финляндской социал-демократической партии, он во всеуслышание заверил, что Советское правительство намерено проводить именно такую политику. В следующем месяце Сталин представил ВЦИК для ратификации

декрет, которым Совет Народных Комиссаров признавал независимость Финляндии. Вместе с тем он высказал сожаление по поводу того, что русским социалистам пришлось предоставить независимость стране, где правит буржуазия, и обвинил финских социал-демократов в "нерешительности и непонятной трусости", которые помешали им взять власть в свои руки⁷. В задачу Сталина не входило (если не считать Финляндии) руководить расформированием бывшей Российской империи. Напротив, под руководством Ленина он стремился сплотить как можно больше народностей в границах нового государства, названного в принятой в июле 1918 г. Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР). До принятия в январе 1924 г. второй Советской Конституции, в соответствии с которой страна стала официально именоваться Союзом Советских Социалистических Республик, Российская Федерация (РСФСР) состояла в договорных отношениях с формально самостоятельными Украинской, Белорусской и Закавказской республиками. В 1924 г. четыре союзные республики объединились в СССР. В подготовке обеих конституций участвовал и Сталин. Представляя Наркомнац в комиссии, созданной под председательством Свердлова для выработки Конституции 1918 г., он отстаивал разновидность федерализма, основанного на национально-территориальных формированиях⁸. Комиссия приняла проект Сталина, нашедший отражение в статье 11-й Конституции 1918 г., согласно которой регионы с особым бытом и национальным составом приобретают в рамках РСФСР областную автономию. Избрать политику национально-территориальной автономии Сталина (и, конечно же, Ленина) заставила необходимость соперничества с другими силами, также стремившимися заручиться поддержкой национальных меньшинств. В ходе революционного распада Российской империи в различных районах страны возникли движения за национально-территориальную автономию, которые не контролировались большевиками. Такое наблюдалось среди поволжских татар и уральских башкир, среди народностей восточных регионов и мусульман Туркестанского края (нынешней советской Средней Азии). В обращении Наркомнаца в апреле 1918 г. к Советам названных территорий Сталин объявил совершенно неприемлемым путь "буржуазной" автономии. Для того чтобы оторвать массы от буржуазного руководства, писал он, нужно ""взять" у них автономию, предварительно очистив ее от буржуазной скверны, и превратить ее из буржуазной в советскую". Другими словами, национально-территориальная автономия мыслилась в качестве инструмента советизации. По этому вопросу Сталин совершенно определенно сказал: "Необходимо поднять массы до Советской власти, а их лучших представителей — слить с последней. Но это невозможно без автономии этих окраин, т.е. без организации местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественно-политических и просветительных учреждений с гарантией полноты прав местного, родного для трудовых масс края, языка во всех сферах общественно-политической работы"⁹. Так сложилась национальная политика, которой в последующем было суждено воплотиться в формуле советской культуры, "национальной по форме и социалистической по содержанию". Главная задача Наркомнаца состояла в том, чтобы проводить в жизнь политику национально-территориальной автономии. С этой целью комиссариат был организован по национальным направлениям. В его рамках действовали польский, белорусский, латвийский, еврейский, армянский и мусульманский комиссариаты, а также отделы по делам небольших национальных групп, проживающих на территории России (эстонцев, немцев Поволжья, киргизов, калмыков и горцев Кавказа). После создания в 1918 г. в порядке эксперимента Татаро-Башкирской автономной республики мусульманский комиссариат получил

такое же название. Наркомнац выпускал еженедельную газету "Жизнь национальностей" и различные печатные издания на языках всех других народностей. В результате проведенной в 1920 г. реорганизации национальные комиссариаты превратились в обычные отделы, а при Исполкомах областных Советов появились соответствующие секции. В том же году был создан Совет национальностей, который являлся совещательным органом Наркомнаца и в котором заседали представители всех, проживавших на территории РСФСР, народностей. В соответствии с положениями 176 Конституции 1924 г. Совет национальностей стал второй палатой законодательного собрания СССР, а Наркомнац распустили, как выполнивший возложенную на него задачу¹⁰. В мае 1918 г. Сталин открыл совещание по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской автономной Советской Республики и в коротком выступлении с нарочитой прямотой вновь изложил свою централистскую философию советской национальной политики. Он отверг как антисоветскую и ведущую к размежеванию населения "чисто националистическую" автономию, при которой организация какой-либо национальной или этнической группы представляла бы интересы этой группы независимо от места ее проживания на советской территории. Единственно приемлемым типом автономии являлась, по его словам, автономия, осуществляемая через советские органы областей с преобладанием одной или нескольких национальностей. Не подходила для защиты прав национальностей и двухпалатная законодательная система (как, например, в Северной Америке или Швейцарии) с ее волокитой и удушением всякого революционного дела. В сложившихся исторических условиях, сказал Сталин, стране нужна "сильная общероссийская власть, способная окончательно подавить врагов социализма и организовать новое, коммунистическое хозяйство". Местные и областные суверенные органы власти только помешали бы решить эти задачи. Поэтому было необходимо оставить в руках центрального правительства "все важные для всей страны функции" и поручить автономным областям решать главным образом задачи, относящиеся к административно-политической и культурной сферам (школы, суды и т. п.), где употреблялся бы родной язык¹¹. Заместитель Сталина Пестковский проявил при создании Наркомнаца творческую инициативу, а поскольку Сталин не мог уделять этой работе много внимания, его заместитель, как видно, продолжал обеспечивать организационное руководство в течение 20 месяцев своей службы в комиссариате. Впоследствии Пестковский писал, что разделял взгляды работавших в Наркомнаце левых коммунистов. Они считали, что территориальное деление следует проводить по экономическому, а не по национальному признаку, как того хотел Сталин. Он также вспоминал, что Сталин осуществлял личный контроль за политикой в отношении восточных народностей, передоверив ему (т. е. Пестковскому) работу среди национальностей западной части страны: поляков, латышей и т. д.¹² Сталин также часто полагался и на И. П. Товстуху, тридцатилетнего украинца, революционера со стажем, вступившего в партию в 1913 г. Товстуха пришел в Наркомнац в начале 1918 г. и зарекомендовал себя на ре-177 должность талантливым организатором. Комиссариат он покинул в 1921 г., чтобы возглавить секретариат Сталина¹³. Этот способный и скромный человек, первый личный секретарь Сталина, позже стал и первым его биографом. Участие в войне Начиная с июня 1918 г. повседневная деятельность Сталина в правительственном аппарате отошла примерно на два года на задний план и уступила место усилиям по преодолению кризиса, в котором оказалась новая власть. Как и многие другие партийные руководители, он отдавал все силы решению первоочередной задачи спасения революции в условиях военной конфронтации с белыми. Короче говоря, Сталин отправился на войну. Хотя судьба

большевистской революции во многом зависела от поведения крестьян, она главным образом опиралась на городское население. Захватить власть в Петрограде, Москве и других крупных городах удалось за несколько недель без большого кровопролития. Однако при наличии общественных сил, не примирившихся с революцией, а также в условиях царившего на большей части огромной страны хаоса, трудностей на транспорте и в средствах связи, существования очагов вооруженной контрреволюции, относительно спокойный начальный этап революции неизбежно должен был смениться и действительно сменился ожесточенной гражданской войной 1918 — 1920 гг. Белые армии выступили под командованием бывших генералов царской России, таких как Деникин, Юденич, Врангель. Возникли местные антибольшевистские правительства, в том числе в Сибири, в Омске, во главе с адмиралом Колчаком. Военное вмешательство извне (главным образом со стороны Франции, Великобритании, Японии и Соединенных Штатов) не ограничилось поставками белым боеприпасов и снаряжения; была осуществлена и прямая вооруженная интервенция. У красных тем временем появился талантливый военачальник Троцкий, который оставил Наркоминдел, чтобы стать народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета Республики. В результате мобилизации (сначала проведенной среди рабочих Петрограда и Москвы) Красная Армия к концу 1918 г. уже насчитывала 800 000 бойцов, а через год их число выросло вчетверо. Наиболее критическое положение сложилось летом 1918 г. Германская армия оккупировала Украину и другие территории, 178 отторгнутые от России по условиям Брестского мира. На востоке и юго-востоке антибольшевистские силы контролировали часть Поволжья и Донскую область. Фактически власть Советов ограничивалась территорией исторически сложившейся центральной России — областями, примыкающими к Петрограду и Москве, а также к югу и юго-востоку от столицы. Кризисную ситуацию еще больше усугублял голод. Разруха в промышленности, инфляция нарушили нормальный обмен между городом и деревней. Практически отсутствовал всякий стимул, который мог бы побудить крестьян везти в город хлеб и другие продукты. В подобных условиях борьба за выживание нового строя стала, по существу, борьбой за хлеб. По деревням отправили вооруженные продовольственные отряды, которые силой отбирали хлеб. Желая при конфискации заручиться поддержкой части крестьян, власти создали во многих деревнях "комитеты бедноты". В них вошли беднейшие крестьяне (часто сами голодавшие), которые должны были помочь Советам организовать изъятие хлеба у кулаков и у других лиц, подозреваемых в укрытии излишков зерна. За это члены комитетов получали установленную долю конфискованного хлеба. В итоге сама деревня превратилась в арену кровопролитнейшей классовой борьбы. Таковыми были обстоятельства, при которых возникла система "военного коммунизма" и которые заставили декретом от 2 сентября 1918 г. объявить Советскую республику "военным лагерем". "Военный коммунизм" представлял собой соединение чрезвычайных военных мер с социалистическими догматами. Помимо изъятия зерна, его основными чертами являлись: крайняя централизация экономики, стремление государства почти полностью сосредоточить в своих руках промышленное производство и распределение, мобилизация трудовых ресурсов, попытки отменить деньги и перейти к прямому натуральному обмену¹⁴. "Военный коммунизм" сохранялся до 1921 г., когда правительство провозгласило новую экономическую политику, чтобы таким путем возродить разрушенную экономику. При нэпе изъятие зерна заменил продналог на крестьянские дворы; было также восстановлено денежное обращение, узаконено частное предпринимательство в сельском хозяйстве, сфере услуг и частично в легкой промышленности. 29 мая 1918

г., в самый тяжелый период Советской власти, Сталина поставили во главе продовольственного дела на юге России. Через несколько дней он в сопровождении отряда красноармейцев специальным поездом выехал из Москвы в Царицын. Этот ключевой пункт — ворота к хлебной житнице Северному Кавказу — защищала состоявшая в основном из партизанских соединений 10-я армия под командованием Ста-179 рого знакомого Сталина Климента Ворошилова, который в первую мировую войну служил в царской армии в чине унтер-офицера. Сам город приобрел известность как "красный Верден". Большевикам было очень важно удержать его, чтобы не допустить соединения белых сил, действовавших на Дону, на Северном Кавказе и в Сибири. На место Сталин прибыл 6 июня. На следующий день он телеграфировал Ленину о принятых чрезвычайных мерах по наведению порядка в хозяйственной жизни города и об отправке железнодорожным транспортом большого количества хлеба¹⁵. Распоряжался Сталин со свойственной ему деспотичностью и быстротой. Позже Ворошилов вспоминал, что вскоре после прибытия Сталина в Царицын была проведена реорганизация воинских частей на фронте и "железной беспощадной метлой прочищен тыл". В отношении приехавших из Москвы инженера Алексева и его двух сыновей заподозренных в контрреволюционной деятельности, приказ Сталина был коротким: "Расстрелять". По одному лишь подозрению в заговоре против большевиков сразу же расстреляли не только Алексева и его сыновей, но и ряд других лиц¹⁶. В этой связи следует иметь в виду, что критическую ситуацию, которую переживала новая власть усугубили события, происшедшие в Москве вскоре после отъезда Сталина. Левые эсеры, входившие в правительство Ленина, выразили свое несогласие с Брестским договором и некоторыми аспектами крестьянской политики большевиков тем, что организовали убийство германского посла графа Мирбаха и подняли в столице антиправительственный мятеж. Террор против революционного строя лишь усилил ответный террор, который не ограничился операциями официальных органов безопасности — ВЧК Дзержинского. 7 июля, то есть на другой день после убийства Мирбаха и попытки эсеровского путча Ленин телеграфировал Сталину: "Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров... Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще". На это Сталин ответил: "Ваше сообщение принято. Все будет сделано для предупреждения возможных неожиданностей. Будьте уверены, что у нас не дрогнет рука..."¹⁷. И она действительно не дрогнула. В августе 1918 г. Троцкий выехал в бронепоезде на восток и расположился в небольшом городе Свияжске, на берегу Волги близ Казани. Здесь он объединил деморализованные части красных в боеспособную силу, которая в начале сентября после сражения, названного "Вальми русской революции"¹⁸, захватила Казань. В результате этой победы от белых очистили все Поволжье. Однако под Царицыном красные оказались летом 1918 г. в 180 тяжелом положении. Белоказачьи отряды захватили окрестные населенные пункты, чем не только затруднили выполнение возложенной на Сталина миссии, но и создали угрозу для самого города. В этих условиях Сталин принял непосредственное участие в боевых действиях. 7 июля Сталин писал Ленину: "Спешу на фронт. Пишу только по делу. ... Линия южнее Царицына еще не восстановлена. Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого, ни себя, ни других, а хлеб все же дадим. Если бы наши военные "специалисты" (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им... Ввиду плохих связей с центром необходимо иметь человека с большими полномочиями на месте для своевременного принятия срочных мер". Через три дня, в следующем послании

Сталин сообщал: "Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит"¹⁹. Такое дерзкое домогательство Сталина увенчалось успехом. 19 июля Реввоенсовет Республики создал Военный совет Северо-Кавказского военного округа во главе со Сталиным. Ему поручалось "навести порядок, объединить отряды в регулярные части, установить правильное командование, изгнать всех неповинующихся". На телеграмме о назначении имелась пометка: "Настоящая телеграмма отправляется по согласованию с Лениным"²⁰. Очевидно, Троцкий не пожелал подписать ее. Таким образом, в Царицыне Сталин стал участником операций, направленных не только против белых, но и против Троцкого. Разногласия касались роли военных специалистов. В то время, опираясь на поддержку Ленина, Троцкий создавал Красную Армию как профессиональную военную организацию. Из-за нехватки офицеров (тогда называвшихся командирами) из среды рабочего класса в качестве "военных специалистов" привлекли большое число бывших царских офицеров. Они выполняли командные функции, однако под надзором большевистских политических комиссаров, которые должны были вместе с командирами подписывать приказы. Политика широкого использования старых офицерских кадров натолкнулась на сопротивление ряда красных командиров, с недоверием относившихся к "буржуазным" военным и предпочитавших партизанские методы ведения войны. Центром "военной оппозиции" (как ее вскоре окрестили) стал Северный Кавказ. Ее лидерами были Ворошилов и некоторые другие красные военачальники, включая такую колоритную фигуру, как бывший кавалерийский вахмистр Семен Буденный, прославившийся в гражданскую войну в качестве командующего Конной армией. В Царицыне Сталин действовал в русле "военной оппозиции". Несомненно, это явилось причиной нежелания Троцкого предоставить ему неограниченные полномочия, которых Сталин так настойчиво добивался у Ленина. Утверждая вновь приобретенные права, Сталин побуждал местных красных командиров не выполнять распоряжения главного командования. После восстановления железнодорожной линии к югу от Царицына он приказал арестовать старшего военного специалиста А. Е. Снесарева и большое число штабных работников. Последних заключили под стражу на барже, стоявшей на якоре посредине Волги. На протестующей телеграмме Троцкого, который требовал, чтобы военному штабу и комиссариату дали в Царицыне возможность спокойно работать, Сталин начертал: "Не принимать во внимание"²¹. С прибытием специальной комиссии, расследовавшей обстоятельства дела, Снесарева освободили и перевели командиром на другой участок фронта. Штабным работникам, однако, повезло значительно меньше. Баржа по неизвестным причинам внезапно затонула вместе со всеми находившимися на борту²². В нарушение распоряжений Москвы, запретившей вмешиваться в решения военных командиров по оперативным вопросам, Сталин сначала отменил приказы вновь назначенного командующего Южным фронтом Н. Н. Сытина, а затем отстранил его от командования²³. В ответ Троцкий 4 октября телеграфировал Ленину: "Категорически настаиваю на отозвании Сталина. На Царицынском фронте неблагоприятно несмотря на избыток сил. Ворошилов способен командовать полком, а не пятидесяти тысячной армией. Я оставляю его командующим царицынской армией на условии подчинения командующему Южным фронтом. До сего дня Царицын не посылает даже оперативных донесений на Козлов... Если завтра это не будет выполнено, я отдам под суд Ворошилова и объявлю об этом в приказе по Армии... Царицын должен или подчиниться, или же ответить за последствия. У нас колоссальное превосходство

сил, но в верхах полная анархия. Я могу покончить с этим в 24 часа, если буду иметь твердую и ясную поддержку. Во всяком случае, это единственный путь, который я себе представляю"24. 182 Ленин уступил, и во второй половине октября Сталина отозвали из Царицына. По словам Троцкого, Свердлов лично специальным поездом поехал в Царицын за Сталиным. По пути Свердлов организовал в вагоне встречу Сталина и Троцкого. Как вспоминал позднее Троцкий, речь шла о красных командирах в Царицыне. Он же воспроизводит следующий диалог: "Неужели Вы хотите всех их выгнать? — подчеркнуто смиренным голосом спрашивал меня Сталин. — Они хорошие ребята". "Эти хорошие ребята погубят революцию, которая не может ждать, доколе они выйдут из ребяческого возраста, — ответил Троцкий. — Я хочу одного: включить Царицын в Советскую Россию"25. Хотя Сталин сделал все, что в его силах, чтобы доставить хлеб с юга, его первые шаги на военном поприще были с военной точки зрения неудачными. Изучив после смерти Сталина архивные материалы, советские военные историки пришли к выводу, что Сталин оказался не в состоянии понять значение военные специалистов, придерживался партизанских методов борьбы и не проявил должной инициативы и умения в деле оказания помощи Северо-Кавказской армии и войскам, сражавшимся в Баку. И он, и Ворошилов проявили недисциплинированность в отношении командования Южным фронтом. Его вмешательство в дела этого фронта "осложнило" организацию и обеспечение воинских частей, их действия на поле боя. При решении задач снабжения войск, защищавших царицынский сектор, Сталин обнаружил "местничество и сепаратизм". Переоценивая значение своего участка фронта, он все время стягивал туда лучшие силы и боевые средства, ослабляя при этом другие, не менее важные участки26. Опубликованная переписка показывает, что, будучи в Царицыне, Сталин буквально бомбардировал Ленина настойчивыми просьбами относительно боевой техники и рисовал заманчивые картины успешного развития войны с ее помощью. В одном из посланий он обещал занять Баку, Северный Кавказ и Туркестан, если только Ленин "разобьет все преграды" и без промедления пришлет несколько миноносцев легкого типа и две подводные лодки. Письмо, датированное 31 августа 1918 г., кончалось словами: "Жму руку моему дорогому и любимому Ильичу"27. Бесславный конец военной миссии Сталина в Царицыне не имел серьезных последствий для его политической карьеры. 8 октября, перед самым отъездом в Москву, Сталина назначают членом Реввоенсовета Республики, вероятно чтобы успокоить его самолюбие. Не предавались гласности и весьма нелестные обстоятельства отзыва. По возвращении Сталин имел беседу с корреспондентом газеты "Правда", в ходе которой поделился 183 своими впечатлениями о положении дел на Южном фронте. Он назвал Царицын пунктом особой заинтересованности противника ввиду важного стратегического значения города, находившегося между белыми войсками, дислоцированными в Донской области, близ Астрахани и на Урале. Он с похвалой говорил об умелых организаторах тыла, чья работа по мобилизации и снабжению способствовала спасению Царицына, и объяснил успехи армии "прежде всего ее сознательностью и дисциплиной"28. Помимо работы в Наркомнаце, у Сталина появились и другие обязанности. В ноябре его избрали членом Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Но что еще важнее: когда ЦИК 30 ноября учредил под председательством Ленина Совет Рабоче-Крестьянской Обороны, который должен был руководить мобилизацией всех ресурсов страны на нужды войны, Сталина назначили членом этого органа, куда вошли также Троцкий, заместитель наркома продовольствия Н. Брюханов, народный комиссар путей сообщения В. Невский, председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии Л. Красин. Сталин вступил в новую должность как представитель ЦИК и стал в Совете заместителем Ленина29.

Комментируя это назначение, Троцкий впоследствии писал: "Ленин хотел дать Сталину известное удовлетворение за его удаление из Царицынской Армии. Я хотел предоставить Сталину возможность открыто формировать свою критику и свои предложения, без подрыва порядка в военном ведомстве"³⁰. Даже принимая это объяснение за чистую монету, трудно поверить, чтобы Ленин хотел видеть Сталина членом Совета, особенно своим заместителем, если бы он не ценил высоко организаторские способности Сталина, его надежность и абсолютную преданность делу. Весьма возможно, что конфликт между Сталиным и Троцким он относил на счет несовместимости характеров этих двух заносчивых и волевых помощников, каждый из которых был ему верен и по своему незаменим. Конфликт, естественно, быстро приобрел форму взаимных обвинений. Троцкий, например, жаловался Ленину в частном порядке на то, что Сталин восстанавливал в армии "порядки великих князей", намекая на обычаи царского времени, когда приказы, отдававшиеся войскам великими князьями через головы вышестоящих начальников порождали неразбериху в управлении войсками³¹. Как бы там ни было, но зачинщиком вражды являлся Сталин. Более того, вопрос о военных специалистах, при всей его важности, не был причиной конфликта, а лишь одной из многих сфер, в которых он выплескивался наружу. Причем со стороны Сталина к конфликту привели побуждения психологического свойства. К нападкам на 184 Троцкого его, по-видимому, толкало чувство сильнейшей неприязни к человеку, который в силу своей роли в революции, портил ему жизненный сценарий. Еще будучи очень молодым, Сталин привык идентифицировать себя с героем в образе Ленина. Он мечтал стать вторым "я" и ближайшим сподвижником вождя. И вот, несмотря на все усилия, направленные на реализацию давней мечты, несмотря на особые отношения сложившиеся с Лениным в 1917 г., и на близость к нему, на все надежды и планы легла тень Троцкого — этого, как считал Сталин, выскочки и чужака среди большевиков, этого попутчика меньшевиков, противника Ленина в революционном движении и еврея, который появился в Петрограде в самый разгар революции, играл видную роль в последующих событиях и стал наркомом по военным и морским делам. Троцкий вторгался в особые отношения Сталина с Лениным. Короче говоря, он пытался отнять у Сталина принадлежавшие ему по праву привилегии, лишить его с таким трудом приобретенного статуса Ленина II в революционном движении. Ощущение непосредственной угрозы вызвали у Сталина не какие-то действия Троцкого, а тот факт, что наряду с Лениным он стал героем революции и знаменитостью. Поскольку же Сталин был не в состоянии привести свои честолюбивые помыслы в соответствие с собственными реальными достижениями и возможностями, то его реакцией стала ревность, чувство обиды и вражды к источнику этой угрозы. Сообщения Сталина из Царицына ясно показывают, что он вознамерился принизить Троцкого, прежде всего в глазах Ленина. Ничего не ведая о внутренних переживаниях Сталина и не проявляя к ним никакого интереса, Троцкий облегал ему задачу реализации враждебных планов уже тем, что оставался самим собою, т. е. властно-непреклонным, не потакающим сталинскому самолюбию. Трудно, однако, представить, чтобы иная позиция Троцкого, серьезно повлияла бы на окончательный итог. Конфликт не был случайным. Стремление Сталина ниспровергнуть Троцкого в какой-то мере имело и ретроспективную направленность. Ему хотелось принизить и дискредитировать не только действия Троцкого на посту военного комиссара, но и приуменьшить его роль в важнейших событиях предшествовавшего года. Возможность начать действовать в данном направлении появилась вскоре после возвращения из Царицына в Москву. К первой годовщине Октября, ставшей национальным праздником, Сталин написал небольшую статью "Октябрьский переворот (24 и 25

октября 1917 г. в Петрограде)", напечатанную в "Правде". В ней содержался абзац (исключенный из более поздних изданий сочинений Сталина), в котором автор отдавал дань уважения Троцкому. "Вся ра-185 бота по практической организации восстания, — писал Сталин, — проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета, т. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками товарища Троцкого" 32. В общем же в статье очень тонко преуменьшался вклад Троцкого, чья роль в том же хвалебном абзаце оценивалась, по сути, как чисто организационная, а не как политическая и организационная, каковой она в действительности была. В сталинском изложении героем событий этих двух решающих дней (если не считать балтийских матросов и красногвардейцев с Выборгской стороны, сыгравших вспомогательную роль) был Центральный Комитет партии. Сталин, в частности, писал: "Вдохновителем переворота с начала до конца был ЦК партии во главе с товарищем Лениным". Троцкий не ошибся, когда много лет спустя заметил: "Цель статьи была нанести удар престижу Троцкого, выдвинув против него авторитет Центрального Комитета, возглавлявшегося Лениным" 33. Жажда воинской славы Как видно, после пережитого в Царицыне у Сталина проснулось желание сыграть совершенно определенную роль в войне; возможностей для этого было предостаточно. Прошло немного времени и он отправился в путь с новой миссией. В январе 1919 г. Сталин вместе с Дзержинским выехал в Вятку, чтобы по поручению ЦК расследовать причины сдачи уральского города Перми 3-й армией. А в мае его направили в Петроград, чтобы приободрить Зиновьева, запаниковавшего перед лицом опасных передвижений дислоцированной в Эстонии белой армии генерала Юденича, а также в связи с возникшей угрозой сдачи Петрограда и назревавшего мятежа в городе и его окрестностях. В Петрограде Сталин оставался весь июнь, действуя с привычной бесцеремонностью. После взятия 16 июня форта Красная Горка, гарнизон которого несколькими днями ранее взбунтовался, Сталин послал Ленину телеграмму со следующим текстом: "Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в 186 оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой" 34. Это хвастливое послание, которое оправдывало произвол Сталина военными успехами, можно расценить как попытку задним числом извинить собственное отношение к военным специалистам (и Троцкому) в Царицыне. Оно также примечательно тем, что раскрывает желание Сталина оставить свой след в военной истории. Явный подтекст послания — "штатские" могут преподать военным специалистам урок стратегического искусства. В том, что Сталина втайне обуревало военное честолюбие, нет ничего удивительного. Не вызывает сомнений и то, что он жаждал отобрать у Троцкого лавры, доставшиеся ему (еще одному "штатскому") в результате энергичного руководства Красной Армией. Полезно также вспомнить, что первые мечты Сталина о будущей славе связывались с военным поприщем, проистекая из потребности превзойти подвиги отважного воина Кобы, чьим именем близкие соратники продолжали называть Сталина. Этим же объясняется и интерес, который он с давних пор проявлял к военному аспекту революции. Воодушевленный событиями 1905 г., Сталин написал для газеты "Пролетариатис Брззола" статью "Вооруженное восстание и наша

тактика". В ней он критиковал идею, согласно которой роль партии при подготовке вооруженного восстания должна или может быть сведена только к политическому лидерству. Партия, по его мнению, была обязана взять на себя руководство также и "техническим" аспектом восстания — организовать мастерские по изготовлению взрывчатых веществ, создать специально обученные боевые дружины, способные повести в бой восставший народ, заручиться помощью военных из числа членов партии, а также других товарищей, "которые по своим природным способностям и склонностям будут весьма полезны в этом деле"³⁵. Вряд ли можно усомниться в том, что себя автор причислял к категории последних. Завершив свою миссию в Петрограде, Сталин 3 июля 1919 г. вернулся в Москву. С середины июня на Петроградском фронте наступило затишье, которое длилось до самой осени, т.е. до того момента, когда Юденич предпринял крупное наступление. И тогда для осуществления общего руководства на место выехал Троцкий. Он сплотил защитников революции, помог превратить назревавшее поражение в победу и, возвратившись в Москву, принимал со всех сторон поздравления, как спаситель Пет-187 рограда. На заседании только что созданного Политбюро, членами которого являлись Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев и Крестинский, а кандидатами - Бухарин, Зиновьев и Калинин, было решено вручить Троцкому, обеспечившему решающую победу под Петроградом орден Красного Знамени. По словам Троцкого, к концу заседания Зиновьев несколько смущенно предложил вручить такую же награду и Сталину. "За что?" — спросил Калинин. В перерыве Бухарин, разъясняя Калинин, в частном порядке, заметил: "Как ты не понимаешь? Это Ильич придумал. Сталин не может жить, если у него нет чего-нибудь, что есть у другого. Он никогда этого не простит". Через несколько дней на торжественном собрании в Большом театре Троцкий доложил о военном положении, и ему вручили награду. Когда к концу собрания председатель объявил, что Сталину также присужден орден Красного Знамени, Троцкий попробовал аплодировать, за этим последовало два-три нерешительных хлопка. "По залу прошел холодок недоумения, — вспоминал Троцкий, — особенно явственный после предшествовавших оваций. Сам Сталин благоразумно отсутствовал"³⁶. Следующее серьезное военное задание Сталина после Петрограда было связано с южным направлением, где войска генерала Деникина в сентябре-октябре 1919 г. заняли Курск, Воронеж и Орел и нацелились на Москву. Споры разгорелись вокруг стратегии контрнаступления против Деникина. Главком С. С. Каменев³⁷ отдавал предпочтение плану, предусматривавшему продвижение с юго-востока через донские степи. С июля Троцкий высказывался против плана Каменева и защищал план наступления в южном направлении на центральном участке фронта. В ответ на соответствующее послание Троцкого, Серебрякова и Лашевича Политбюро 6 сентября еще раз подтвердило план главкома. Однако уже 14 сентября ввиду дальнейших успехов Деникина Политбюро уполномочило Троцкого передать главкому новую директиву о необходимости освобождения Курска и продвижения через Харьков и Донецкий бассейн³⁸. Следовательно, когда Сталин 3 октября прибыл в Реввоенсовет Южного фронта, новый стратегический план уже действовал. Резервы сосредоточились для контрнаступления в направлении Курск — Харьков; решающим стал центральный участок Южного фронта. И хотя Сталин 6 сентября вместе с другими членами Политбюро поддержал главкома, а не Троцкого, он на месте оценил достоинства нового стратегического плана. Вместе с тем его встревожили признаки, свидетельствовавшие о стремлении главкома по-прежнему оказывать давление с юго-востока. И 15 ноября Сталин пишет Ленину, что "старый, уже отмеченный жизнью план ни в коем случае нельзя гальванизировать...". По-188 ясня, Сталин подчеркнул, что прежняя схема предусматривала наступление через враждебную казачью территорию, по

бездорожью, в то время как при нанесении удара через Донецкий бассейн Красная Армия окажется в регионе с сочувствующим населением и хорошо развитой железнодорожной сетью³⁹. Поскольку на основании данного письма Сталину позднее приписали авторство победоносной стратегии против Деникина, необходимо напомнить, что до него те же самые аргументы тщетно приводил в Политбюро Троцкий. В мае 1920 г. в связи с оккупацией Украины и овладением Киева польскими войсками маршала Пилсудского Сталина назначают членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта. После того как Красная Армия отразила нападение поляков, советскому руководству нужно было решить, продолжать ли контрнаступление на польской территории. Троцкий, поддержанный Дзержинским и Карлом Радеком (хорошо знавшим Польшу), высказался против похода на Варшаву, полагая, что такая операция могла бы иметь успех только в случае восстания рабочих в самой Польше, которое, однако, казалось, маловероятным. Сталин также высказал свои опасения, но, в конце концов, вместе с большинством проголосовал в поддержку намерения Ленина через Польшу распахнуть дверь коммунистической революции в Европе⁴⁰. В начале июля части Красной Армии на Западном фронте во главе с выдающимся молодым военачальником, бывшим царским офицером, большевиком Михаилом Тухачевским, перешли в наступление и в середине августа оказались в предместьях Варшавы. Тем временем войска Юго-Западного фронта под командованием А. И. Егорова отказались от плана наступления в северо-западном направлении на Брест и Люблин, а двинулись на юго-запад к Львову, рассчитывая, что с захватом этого крупного центра в Галиции вспыхнет революция. Разрешение на изменение направления движения дал главком из Москвы. Известно, что Ленин был против этого, говоря: "Ну кто же на Варшаву ходит через Львов?"⁴¹ Когда к концу июля стало ясно, что продвижение на Львов успеха не имеет, Политбюро 2 августа решило перебросить основные войсковые части Юго-Западного фронта, включая Конную армию Буденного, в район Бреста и Люблина (как и предусматривалось первоначальным планом), чтобы прикрыть опасно оголенный левый фланг Тухачевского. Оставшиеся части Юго-Западного фронта предполагалось передать вновь образованному Южному фронту, который противостоял сосредоточенным в Крыму войскам генерала Врангеля. Проинформированный Лениным Сталин не возражал против указанных выше директив, хотя в ответной телеграмме от 3 августа предостерег 189 от сильной ломки органов управления и снабжения Юго-Западного фронта. В посланной на следующий день телеграмме он говорил (как оказалось, чересчур самонадеянно) об ослабленной войной Польше и о возможности разбить Врангеля в ближайшие дни⁴². Несмотря на то, что Сталин новые указания не оспаривал, тем не менее воинские части, которым было приказано двинуться на север, продолжали сражаться за Львов. 11 августа главком Каменев направил еще одну директиву, требуя прекратить львовскую операцию и немедленно передать ранее названные боевые соединения в распоряжение Тухачевского. Приказ о передаче боевых соединений подписал и командующий Юго-Западным фронтом Егоров, однако для того, чтобы он вступил в законную силу, требовалась подпись по крайней мере одного члена Реввоенсовета. Но Сталин, открыто демонстрируя неповиновение, отказался скрепить приказ своей подписью. 13 августа после повторного представления главнокомандующего и прямого вмешательства ЦК подписать приказ согласился другой член Реввоенсовета Юго-Западного фронта Р. И. Берзин⁴³. Однако и после этого кавалерия Буденного (несомненно, по распоряжению Сталина) продолжала вести тяжелые бои в районе Львова. 17 августа Сталина) отозвали в Москву. Когда же через несколько дней Конная армия наконец-то отправилась на помощь Западному фронту, спасти положение было уже нельзя. Нанеся удар по

незащищенной территории между двумя фронтами, польская армия 16 августа перешла в контрнаступление и войска Тухачевского стали отходить⁴⁴. Поражение красных трудно объяснить лишь какой-нибудь одной причиной. И все же из приведенных выше трудов советских военных историков, опубликованных после смерти Сталина, видно, что его неповиновение явилось одним из существенных факторов. Исследования историков полностью подтвердили вывод Троцкого о том, что, считая взятие Львова важнее помощи при взятии Варшавы, Сталин "вел свою собственную войну"⁴⁵. Такого же мнения, по-видимому, придерживались в 20-е годы многие большевики. При обсуждении на закрытом заседании X съезда партии в 1921 г. причин поражения Сталин взвалил всю вину на И. Смилгу, главного политического комиссара Западного фронта. Не выполнив обещания взять Варшаву в определенный день, сказал Сталин, Смилга тем самым обманул ЦК. Протестуя, Троцкий заметил, что "обещание" Смилги в действительности было не более чем выражением надежды и не могло учитывать непредвиденные обстоятельства. Позднее Троцкий вспоминал: "Съезд с угрюмым недоброжелательством слушал угрюмого оратора с желтоватым отливом глаз; Сталин своей речью повредил только самому себе. Ни один голос не под-190 держал его"⁴⁶. В книге "Поход за Вислу", основанной на серии лекций, прочитанных в Военной академии РККА 7 — 10 февраля 1923 г., Тухачевский заявил: "Те усилия, которые были предприняты главным командованием для перегруппировки основной массы Юго-Западного фронта на люблинское направление, к сожалению, в силу целого ряда неожиданных причин успехом не увенчались и перегруппировка повисла в воздухе"⁴⁷. Так или иначе, данная точка зрения нашла выражение во многих произведениях советской военной литературы 20-х годов. В книге "Львов - Варшава", вышедшей в 1929 г. и имевшей целью оправдать командование Юго-Западного фронта, Егоров сетовал на то, что в советской военной науке роковая по своим последствиям роль этого фронта считается безусловно доказанной. Но и он не отозвался положительно о деятельности Сталина в польскую кампанию. Хотя в гражданскую войну Сталин и приобрел ценный опыт в военной области, тем не менее в партии он не пользовался репутацией первоклассного военного специалиста. Не принадлежал он и к главным организаторам Красной Армии и не обнаружил способностей выдающегося военного руководителя. Более того, Сталин представил достаточно доказательств наличия у него нежелательных личных качеств, которые упоминались в марте 1917 г., когда встал вопрос о его восстановлении в Русском бюро ЦК. Вражда Сталина к Троцкому стала непреложным фактом внутривнутрипартийной политической жизни. Выезжая на фронт, он часто, бравирюя своими полномочиями, действовал самочинно. Поведение Сталина в период польской кампании показало, что ради удовлетворения своей потребности сыграть роль героя он был в состоянии пренебречь самыми насущными интересами партии. Порой он грешил приступами крайнего раздражения. Так, 20 февраля 1920 г., отвечая на просьбу Ленина в срочном порядке ускорить переброску двух дивизий на Кавказский фронт, он писал: "Мне не ясно, почему забота о Кавфронте ложится прежде всего на меня... Забота об укреплении Кавфронта лежит всецело на Реввоенсовете Республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталине, который и так перегружен работой"⁴⁸. Подобные инциденты неизбежно усиливали в руководящих партийных кругах впечатление о Сталине как о человеке с тяжелым характером. С другой стороны, не было никаких сомнений относительно его приверженности делу партии, наличия у него природного таланта руководителя, сочетавшегося с проницательным умом и огромной работоспособностью. Несмотря на военные неудачи, он зарекомендовал себя на фронте сильным лидером, умеющим быстро оценить сложную ситуацию и предпринять решительные 191 шаги. Когда, например, Совет Обороны создал

комиссию по вопросу о снабжении армии патронами, винтовками и пулеметами, возглавлявший ее Сталин уже через неделю смог доложить о результатах проделанной работы. Посланные в январе 1919 г. в Вятку для расследования причин сдачи Перми Сталин и Дзержинский в том же месяце вернулись с обстоятельным отчетом, в котором не только анализировалась ситуация на месте и намечались необходимые меры, но и содержались выводы, касавшиеся всего процесса становления советского государственного управления. В Вятке они обнаружили, что между правительственными учреждениями Москвы и этого губернского центра практически не существовало никакой связи, что в комитетах бедноты окрестных деревень верховодили те самые кулаки, с которыми эти комитеты должны были, по идее, бороться, что фактически все советские служащие в Вятке (4467 из 4766) — это бывшие царские чиновники. Сталин и Дзержинский предложили создать "контрольно-ревизионные комиссии" для расследования так называемых "недостатков механизма" народных комиссариатов и их отделов на местах, а также для обучения и передачи опыта строительства социалистического государства преимущественно молодым местным кадрам, показавшим себя честными, энергичными и преданными работниками⁴⁹. Это предложение, как видно, было одобрено Лениным, желавшим привлечь лиц пролетарского происхождения, особенно женщин, в советскую инспекцию, которая бы стала своего рода школой подготовки служащих правительственного аппарата. Возможно, поэтому Сталин принял участие в планировании, реорганизации и расширения Народного комиссариата государственного контроля - ведомства, созданного в 1918 г. для надзора за деятельностью советских хозяйственных органов, за исполнением распоряжений правительства в этой области и за расходованием денежных средств. Будучи председателем комиссии, Сталин в марте 1919 г. представил Совнаркому проект перестройки этого учреждения и вскоре был назначен народным комиссаром той самой службы, которую он помогал преобразовывать. Одним из первых официальных актов Сталина в новой должности явилась публикация в газете "Известия" извещения о создании при комиссариате Центрального бюро жалоб и заявлений. Переименованное в 1920 г. в процессе дальнейшей реорганизации в Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции это учреждение приобрело известность под названием Рабкрин. Назначение Сталина на пост его руководителя свидетельствовало о значении, которое Ленин придавал данному органу, и о признании им сталинских способностей. Позднее ему представился случай открыто это подтвердить. На XI съезде 192 партии, проходившем в начале 1922 г., Преображенский заявил, что многие руководящие партийные функционеры уделяют слишком много времени второстепенным административным обязанностям и, указывая в качестве примера на Сталина, спросил, в состоянии ли один человек работать сразу в двух комиссариатах и вдобавок выполнять ответственные партийные поручения. Признав, что подобная проблема действительно существует, Ленин, желая показать, что этого не избежать, сказал: "Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомате, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это все политические вопросы!... Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина. То же относительно Рабкрин. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрозим, потонем в мелких интригах"⁵⁰. Для правильного понимания причин восхождения звезды Сталина в

гражданскую войну следует иметь в виду еще одно обстоятельство. В годы "военного коммунизма" грубая и властная манера Сталина вызывала в партийных кругах меньше возражений, чем в любое другое время. Тот "героический период Великой русской революции" (так позднее озаглавил свою книгу Лев Крицман) наложил глубокий отпечаток на стиль да и на сам дух большевизма. Политическая культура большевистского движения была в определенной степени милитаризована и стала еще авторитарнее. Воинственно-авторитарный тон заметен и в сочинениях Ленина того времени, причем несмотря на тот факт, что он завещал партии строить свои отношения с массами, используя преимущественно метод убеждения. Пролетарская диктатура нисколько не означает "киселеобразного состояния пролетарской власти", писал Ленин в 1918 г. По его словам, всякая великая революция, а социалистическая в особенности, немыслима без гражданской войны и, следовательно, без жестокого принуждения. "Диктатура, — продолжал он, — есть железная власть, революционно смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов. А наша власть — непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо". Предоставление диктаторских полномочий отдельным лицам не следовало, по его мнению, считать чем-то противоречащим демократическим принципам Советской власти, ибо "диктатура отдельных лиц очень часто была 193 в истории революционных движений выразителем, носителем, проводником диктатуры революционных классов...". В заключение Ленин писал: "Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата"⁵¹. Совершенно очевидно, что в "железный" период революции существовала огромная нужда и проявлялась максимальная терпимость к способному комиссару с диктаторскими замашками, чье имя ассоциировалось со сталью. И наконец, тот факт, что Сталину не удалось увенчать себя воинской славой на полях гражданской войны, вполне уравновешивался его успехами в деле усиления собственного политического влияния в Советском правительстве. В отличие от Троцкого, который без остатка отдался делу строительству новой армии и вопросам ведения войны (и в ходе этой работы наступил не на одну из большевистских мозолей), Сталин сочетал военную деятельность с политической. То есть он в полной мере использовал преимущества специальных поездок на фронт и в тыл для восстановления старых и приобретения новых политических связей. Кое-кого, чьей дружбы искал Сталин, Троцкий озлобил своим резким, нетерпимым отношением⁵². Таким образом, эти годы явились периодом формирования сталинской фракции в партии. И если после войны слава Троцкого была большой, а власть маленькой, то у Сталина, наоборот, слава оказалась маленькой, но зато власть большой. Между тем Сталин по-прежнему стремился к славе. Партийный политик Согласно широко распространенному на Западе взгляду, Сталин в начальный период Советской власти был великолепным "организатором", вовсе не мыслителем, а человеком, отличавшимся от блестящих революционных творцов большевизма своею склонностью к тяжелой практической работе по строительству однопартийного государства. Как и у многих других исторических стереотипов, и у этого есть серьезные изъяны. В той мере, в какой данный стереотип вообще применим, он скорее подходит не к Сталину, а к его товарищу по ссылке Свердлову, который стоял у основ создания партийного аппарата и самой структуры Советского государства. Некоторые интеллигенты из большевистского руководства (например, Бухарин и Радек) действительно не испытывали пристрастия к организаторской или административной деятельности. Но другие — и среди них Ленин, Троцкий и Каменев — продемонстрировали в этой области незаурядные способности. Сталин находился где-то посередине. Независимо от того, при-194 числяют ли его к партийной

интеллигенции или нет (а в те дни мало кто считал его таковым), он, как мы уже видели, хотел быть выдающимся теоретиком. С другой стороны, он не обладал особым талантом организатора и администратора, хотя и мог довольно эффективно и авторитетно улаживать критические ситуации. Ни одному из своих комиссариатов Сталин не обеспечил постоянного и творческого руководства, которого два таких новаторских по замыслу ведомства прежде всего заслуживали. Представление о рабоче-крестьянской инспекции, как общественной силе, направленной против "бюрократизма", исходило от Ленина, и Сталин, по всей видимости, не всегда был с ним согласен. В примечательном выступлении на совещании работников Рабкрин в 1920 г. Сталин заявил, что общественные контролеры должны отказаться от старого царского метода выискивания в управленческом аппарате преступников и стремиться к "совершенствованию" проверяемых учреждений⁵³. Еще до заявления о необходимости поставить во главе Рабкрин "человека с авторитетом" Ленин выразил свое недовольство тем, как Сталин управляет этим учреждением. В дальнейшем мы увидим, что Ленин изберет инспекцию в качестве главного примера того, как не следует руководить комиссариатом. Уже по своему темпераменту Сталин не мог успешно выполнять функции организатора и администратора. Ему не доставало терпения, уравновешенности, умения сотрудничать и способности подчинить себя, и в большом, и в малом, потребностям учреждения. Ведь на самом деле невысокий комиссар в русских сапогах и френче (его привычная одежда в 20-е и 30-е годы) вовсе не был человеком стальной выдержки, как можно было бы предположить, судя по партийной кличке и обычному поведению на публике. По свидетельству многочисленных источников, Сталин часто пребывал в дурном настроении и испытывал приступы раздражительности⁵⁴. Он мог работать с удивительной энергией, но и оставаться праздным. Его предрасположенность к мстительности стала в верхних партийных эшелонах притчей во языцех благодаря одному высказыванию, которое он себе позволил летом 1923 г. в беседе за бокалом вина с Каменевым и Дзержинским. Они затеяли разговор о том, что им нравится в жизни больше всего. Как Каменев позднее рассказал Троцкому, Сталин заявил: "Высшее наслаждение выявить врага, подготовиться, порядком отомстить и затем спокойно спать"⁵⁵. Среди товарищей-партийцев Сталина это высказывание приобрело известность как теория сладкой мести. Они считали реплику саморазоблачающим признанием. Резкая перемена образа жизни, когда революционер-подпольщик становится государственным деятелем, подействовала 195 на характер Сталина куда меньше, чем на характер многих старых большевиков (так стали называть членов партии с дореволюционным стажем). Он продолжал, например, время от времени проявлять отчужденность, которую мы отметили ранее, стремление обособиться. Многозначительный абзац в мемуарах Пестковского хорошо освещает данный факт. Пестковский вспоминает, как Сталин терял терпение во время бесконечных дискуссий в Наркомате. Вместо того, чтобы открыто высказать неудовольствие, он обычно говорил: "Я на минутку", и покидал комнату заседаний. Иногда в такие моменты звонил Ленин. Когда ему сообщали, что Сталин вышел, Ленин порой просил Пестковского срочно его найти. И заместитель наркома отправлялся по длинным коридорам Смольного или Кремля на поиски своего исчезнувшего начальника. Не раз и не два Пестковский находил его в квартире матроса Воронцова лежащим в кухне на диване, курящим трубку и обдумывающим свои "тезисы"⁵⁶. Трудно представить себе, чтобы строгие к себе коллеги Сталина рангом ниже поступали подобным образом. По правде говоря, административно-организационная сторона дела сама по себе не очень его интересовала. Не организационная работа (за исключением одного ее аспекта, о

котором еще пойдет речь), а общее политическое руководство движением манило Сталина. В конце концов, таковой была главная функция Ленина в качестве вождя, а Ленин служил ему моделью. Сталин хотел повести партию к новым великим революционным свершениям как в самой стране, так и за рубежом. Но как он мог продвинуться к самой верхней ступени руководства? Ввиду отсутствия тех выдающихся качеств, которые помогли Ленину приобрести сторонников и доминировать в политическом движении в силу своей исключительной личности, своих идей и теоретических трудов, Сталину оставалась единственная возможность — добиться руководящего поста, вербуя своих политических сторонников. Обозначенные здесь различия не были абсолютными. Ленин не чурался силовой политики, а Сталин, как покажут последующие события, вполне мог привлечь сторонников, демонстрируя мастерство политического руководителя. Но в самом начале, в первые годы Советской власти, он шел по пути взращивания собственной политической клиентуры. Такой курс в отличие от управленческих обязанностей был во вкусе Сталина. Рассказывали, что в последней сибирской ссылке он провел многие часы за чтением книги Макиавелли "Государь" — этого классического руководства для лиц, стремящихся к власти⁵⁷. Собственные сочинения Сталина 20-х годов показывают, что политика как искусство, с присущими ей правилами стратегии и тактики, чрезвычайно его занимала. Изъяны характера не мешали ему строить свои взаимоотношения с людьми, так как это подобает успешному политику. Временами несносный, он мог быть обаятельным и ласковым с человеком, на которого хотел бы произвести впечатление. Будучи хитрым, он умел, где нужно, промолчать. С интуитивной пронзительностью распознавал он достоинства и недостатки людей и обладал способностью определить их потенциал как политических союзников или врагов. И в течение всей своей жизни Сталин сохранял склонность относить своих политических коллег к той или другой категории. Многочисленные личные контакты, установленные за два десятилетия участия в большевистском движении, оказались теперь бесценным ресурсом. Большевики-революционеры прежней, дореволюционной России стали новым правящим классом, который направлял новый государственный корабль, руководил Красной Армией, управлял экономикой, надзирал за профсоюзами, союзом молодежи и другими общественными организациями. Их ряды пополнили многие тысячи более молодых членов партии из подрастающего поколения, к которым Сталин проявил особый интерес. Расширение и обновление партийного членства неизбежно сопровождалось изменением мотивации. Если лица, нацеленные главным образом на успешную служебную карьеру, едва ли до 1917 г. пошли бы в революционеры, то в дальнейшем среди вступавших в правящую большевистскую партию карьеристские устремления стали по понятным причинам обычным делом. Таким образом, данный период оказался весьма благоприятным для усиления личного влияния, чем Сталин и не преминул воспользоваться. Хорошим подспорьем оказалась прошлая фронтовая деятельность, связи и работа по руководству двумя комиссариатами. Но чтобы создать и удержать значительную группу своих сторонников, Сталину требовалась база для политических операций в родной стихии, т.е. партии. И тут помог случай: внезапно умер Свердлов, ведавший организационными делами партии в первый послереволюционный период. Подобно некоторым другим крупным бюрократическим структурам, центральный аппарат Коммунистической партии Советского Союза вначале был весьма небольшим. Сначала он весь умещался в квартире Ленина, жившего в эмиграции, а секретарские обязанности выполняла верная помощница Ленина Крупская, которая вела переписку, рассылала партийную литературу, поддерживала связь, используя шифры и невидимые чернила, вела

бухгалтерский учет, выдавала деньги, искала квартиры для товарищей по партии и заботилась о поддельных паспортах⁵⁸. После февральской революции эти обязанности 197 взяла на себя другая женщина: ветеран-большевик из дворян Елена Стасова. С переездом в марте 1917 г. партийной штаб-квартиры в особняк Кшесинской Центральный Комитет разместился на 2-м этаже, используя под склад партийной литературы просторную ванную комнату. Стасова, имея в качестве помощников двух-трех женщин, ведала перепиской, принимала посетителей, рассылала директивы, вела протоколы заседаний ЦК и распоряжалась финансами⁵⁹. В августе, после VI съезда партии, Центральный Комитет официально учредил Секретариат из пяти членов ЦК, на которых возлагалась "организационная часть работы". В его состав вошли Свердлов, Стасова, Дзержинский, Иоффе и Муранов. Последний выполнял функции казначея⁶⁰. Возглавил Секретариат Свердлов, прекрасно справившийся с организацией только что закончившегося партийного съезда. Он разместил часть Секретариата — Стасову и ее помощников — в бывшем доме Сергиевского братства на Фурштадской улице, а другую часть Секретариата (названную Стасовой "оперативной частью"), находившуюся под его непосредственным руководством, — в Смольном. Позднее, в Москве Секретариат и его аппарат обосновались в здании ЦК, недалеко от Кремля. Свердлов руководил партийной организацией без всякой посторонней помощи, одновременно выполняя множество обязанностей как председатель ВЦИК. Он лично назначал и перемещал партийных работников, делая соответствующие пометки в своих записных книжках. После того как он заболел испанкой и умер в марте 1919 г., накануне VIII съезда партии, потребность в реорганизации стала очевидной. Расширив Центральный Комитет до 19 членов и 8 кандидатов, съезд постановил образовать два рабочих органа (каждый из пяти членов ЦК): Политбюро и Оргбюро. Последнему поручалась "организационная работа", то есть партийные назначения, обеспечивавшие претворение в жизнь решений Политбюро и ЦК. Воссоздан был и Секретариат. Год спустя IX съезд партии своим решением определил, что Секретариат должен состоять из трех постоянно работающих членов ЦК, занимающихся текущими вопросами организационного и исполнительного характера. Общее руководство организационной работой оставалось за Оргбюро. Секретариат, таким образом, становился коллегией членов ЦК, осуществлявшей надзор за центральным аппаратом партии, а через него за областными и другими партийными организациями иерархической структуры, вплоть до многих тысяч партийных ячеек, сформированных в советских учреждениях самого разнообразного профиля. Аппарат Секретариата в 1919 г. включал 30 человек, затем он увеличился до 150, 198 (1920 г.), а в 1921 г. в штатах числилось уже 600 сотрудников, не считая охраны и работников связи. Так сложилось, что каждый из секретарей контролировал работу нескольких отделов. Основными являлись: учетно-распределительный (известный как Учраспред), занимавшийся кадровыми вопросами, а также мобилизацией партийных работников в чрезвычайных обстоятельствах; организационно-инструкторский, направлявший деятельность местных партийных организаций с помощью письменных указаний и корпуса разъездных инструкторов ЦК; пропаганды и агитации (Агитпроп), руководивший специальными школами и журналами, нацеленными на идеологическое воспитание членов партии, а также общей редакционно-издательской и пропагандистской работой среди населения, в том числе и особыми агитационными поездами под такими названиями, как "Красный Восток", "Советский Кавказ", которые несли революционное учение большевиков в отдаленные районы страны. При Секретариате были созданы: подотдел по работе среди женщин (входил в Агитпроп), секретно-директивная часть, административно-хозяйственный отдел

и типография⁶¹. Сталин стал членом Оргбюро с момента его образования в 1919 г., но ему потребовалось три года, чтобы используя Секретариат обрести верховенство в центральном партийном аппарате. На IX съезде партии в 1920 г. в Секретариат избрали Крестинского, Преображенского и Серебрякова, то есть сторонников фракции левых в партии, примыкавших к Троцкому. Вместе со Сталиным и Рыковым эти трое составили Оргбюро. Через год, на X съезде партии, в результате внутривнутрипартийного конфликта, который привел к столкновению между Лениным и Троцким, названные выше три секретаря лишились своих мест в Центральном Комитете и (как следствие) постов в Секретариате. Сталин, который не был главным действующим лицом в этом споре, показал себя искусным политиком и извлек из инцидента наибольшую выгоду. Партийный конфликт 1920 — 1921 гг. отразил серьезные проблемы переходного периода, переживаемого страной. В конце 1919 г. красные были на пути к окончательной победе в гражданской войне, но ценой этой победы стала разоренная страна с ее голодным и впадшим в отчаяние народом, с лежащей в руинах промышленностью, с обесцененными инфляцией деньгами, с почти разрушенным железнодорожным транспортом, с крестьянством, не имеющим никакого стимула для снабжения городов продовольствием. Кронштадтский мятеж в марте 1921 г. и другие опасные признаки нарастания народного недовольства в конце концов вынудили правительство в том же месяце на X съезде партии принять решение о переходе от "во-199 енного коммунизма" к новой экономической политике. Между тем Троцкий предложил свой план преодоления кризиса путем милитаризации рабочего класса, и это обстоятельство ускорило развитие кризиса в партии⁶². План Троцкого, изложенный в "Правде" в декабре 1919 г., включал такие меры, как перевод рабочих, проходивших службу в Красной Армии, в трудовые армии и использование военного комиссариата для целей управления промышленностью. И хотя Ленин поддержал этот план, многие в партийном руководстве открыто выступали против него. Следующий акт драмы развернулся в 1920 г., когда Троцкий по просьбе Политбюро взялся привести в порядок практически парализованную систему железнодорожного транспорта. Он это сделал отчасти путем мобилизации железнодорожников на основании закона о военном положении и создания новой транспортной администрации или Цектрана, причем невзирая на сопротивление профсоюза железнодорожников. Эта акция и последующие предупреждения Троцкого относительно необходимости "перетряхивания" и других профсоюзов привели Троцкого к конфликту с профсоюзными деятелями в партии. Ленин, встревоженный таким развитием событий, не поддержал Троцкого в данном вопросе, и последний оказался под огнем критики из-за предполагаемой подмены пролетарской демократии военно-бюрократическим централизмом. Вопрос о роли профсоюзов предстояло решить близившемуся X съезду, причем сторонники различных платформ искали себе поддержку. Троцкий, к которому примкнули Бухарин и другие, выступил за включение профсоюзов в государственное хозяйственное управление. Свою позицию Ленин выразил в "платформе десяти", которая допускала независимое существование профсоюзов как рабочих организаций. Им предстояло, однако, под попечительством партии функционировать в качестве "школы коммунизма" рабочего класса, пока еще не готового самостоятельно руководить экономикой. Платформа т. н. "Рабочей оппозиции", которую возглавил профсоюзный деятель Шляпников, содержала требование о передаче управления экономикой профессиональным союзам. И Троцкий и Ленин высказались против такой политики. В предсъездовских дискуссиях против Троцкого в защиту ленинских идей и "пролетарской демократии" активно выступил Зиновьев, человек честолобивый, по личным соображениям желавший

поражения Троцкого. Сталин, для которого вся сложившаяся ситуация оказалась прекрасным подарком, лукаво позволил Зиновьеву выдвинуться в первые ряды атакующих. В числе десяти Сталин подписал платформу Ленина и использовал открывшуюся в ходе дебатов благоприятную возможность 200 для опубликования своей первой полемической статьи против Троцкого. В ней он защищал "демократизм" профессиональных союзов от "военно-бюрократического метода" Троцкого и доказывал, что применение к рабочему классу метода убеждения тем более необходимо в условиях, когда военная опасность уступила место менее ощутимой, но столь же серьезной угрозе хозяйственной разрухи⁶³. Более того, за кулисами событий Сталин был одним из инициаторов антитроцкистской кампании. Недаром представитель оппозиционной группы "демократических централистов", выступая на X съезде, с иронией заметил, что кампания ведется в Петрограде под предводительством искусного полководца Зиновьева, а в Москве — под руководством "военного стратега и архидемократа т. Сталина"⁶⁴. Съезд подавляющим большинством одобрил позицию Ленина, нанес сокрушительное поражение Троцкому и осудил платформу "Рабочей оппозиции", как "синдикалистский и анархистский уклон" в партии. Съезд также принял резолюцию "О единстве партии", написанную Лениным, в которой утверждалось, что в сложившихся условиях, когда (как показал Кронштадт) власти большевиков угрожала мелкобуржуазная контрреволюция, более опасная, чем все белогвардейские армии, партия не может терпеть разногласия, имевшие место в последнее время. Соответственно, резолюция объявила "фракционность" недопустимой, предложила ЦК ее искоренить и предписывала распустить все партийные группы, сформированные вокруг той или иной платформы. В другой резолюции съезда говорилось о необходимости привлечь в партию больше рабочих и очистить ее от некоммунистических и колеблющихся элементов⁶⁵. На X съезде Троцкий потерпел политическое поражение. Он проиграл спор о профсоюзах, а нэп явился откровенным осуждением открыто пропагандировавшейся им хозяйственной политики. Все это, в сочетании с ловким маневрированием в вопросах внутривнутрипартийной политики, объясняет столь парадоксальный факт, что политическая звезда Сталина взошла на том самом съезде, который с молчаливой враждебностью выслушивал его попытки оправдать собственное поведение на польском фронте. Ряд лиц, объединившихся с Троцким в дискуссии о профсоюзах (в том числе Крестинский, Преображенский и Серебряков), не были избраны в новый Центральный Комитет, в то время как в него ввели некоторых сторонников Сталина; среди них оказались старые приятели: Ворошилов и Орджоникидзе, а также Валериан Куйбышев и Сергей Киров — два способных и подававших большие надежды молодых человека, принимавших активное участие, соответственно, в туркестанских и кавказских событиях и ставших ключевыми фигурами сталин-201 ской фракции. Союзник Сталина по фракции Молотов не только перешел из кандидатов в члены ЦК, но был избран кандидатом в члены Политбюро на место Зиновьева, который заменил Крестинского в качестве полноправного члена этого партийного органа. Вместо Крестинского, Преображенского и Серебрякова в Секретариат и Оргбюро ввели Молотова, Ярославского и Михайлова — людей, более подходящих, чем их либеральные предшественники, для проведения провозглашенной съездом политики жесткой внутривнутрипартийной дисциплины. Первая крупномасштабная чистка партии советского периода произошла в последующие месяцы под руководством секретарского трио, и в марте 1922 г. Молотов доложил XI съезду, что за счет исключений и добровольных выходов количество членов партии сократилось с 660 тыс. до (примерно) 500 тыс. человек. "Теперь, — заявил он, — нет тех многочисленных течений и полуоформившихся фракций"⁶⁶.

Продвижение Сталина в Секретариат предопределили итоги X съезда. Послесъездовская перетасовка Оргбюро сделала его бесспорно ведущей фигурой. Молотов прямо привлек его, как члена ЦК, контролирующего деятельность Агитпропа, к участию в делах Секретариата⁶⁷. Отныне весь вопрос сводился к официальному закреплению приобретенного Сталиным *de facto* контроля над партийной организацией. Это произошло при переизбрании Центрального Комитета на XI съезде. Сталина выбрали членом Секретариата и в знак признания старшинства в новом секретарском трио (остальными членами были Молотов и Куйбышев) присвоили ему титул Генерального секретаря. Таким путем он надежно завладел столь необходимой ему базой. Центральной партийной машины Сталин не создавал. Когда он весной 1922 г. вступил на пост Генерального секретаря, то оказался во главе обширного, хорошо функционировавшего аппарата ЦК, сформированного за пять лет Свердловым, Крестинским и Молотовым. Но это уже не было, как при Свердлове, небольшое учреждение, действующее лишь в чрезвычайных обстоятельствах, а хорошо отлаженный механизм, выполнявший все административные функции правящей партии, включая надзор за губернскими, городскими и уездными партийными комитетами по всей стране. Массовые общественные организации (комсомол, профсоюзы и т. д.) работали под его опекой. Внутренняя структура аппарата претерпела ряд изменений. Учраспред занимался переписью членов партии и "ответственных работников" губернских и уездных центров. Его сотрудники заполнили карточки на 26 тыс. кадровых партийных функционеров, собрали отдельно сведения на 7 тыс. работников губернско-202 го масштаба для изучения Центральным Комитетом с целью определения еще более узкого контингента руководящих лиц⁶⁸. Сталин нашел партийную машину уже на ходу. От предшественников в Секретариате он отличался тем, что сумел использовать свою позицию для собственной политической выгоды. С этой целью он начал создавать личный аппарат как неформальную политическую реальность внутри официального механизма, то есть приступил к строительству сталинской империи в партийном государстве. К тому времени он уже контролировал органы, которые, помимо прочего, являлись чем-то вроде всероссийской биржи труда для новой правящей элиты. Выполняя постановления Политбюро, Оргбюро перемещало руководящие кадры. Решения, касавшиеся партийных работников более низкого уровня, также относились к юрисдикции Секретариата, который через Учраспред мог влиять на назначения и перестановки в системе партийных организаций в масштабе всей страны. Здесь человеку сталинского честолюбия и способностей открывались безграничные возможности для создания своей империи. И как видно, Сталин с жаром принялся за дело. По-настоящему интересовала его и вызывала в нем прилив энергии лишь "организационная работа", под которой большевики понимали расстановку кадров. На данном поприще Сталин считал себя преемником Свердлова, которого он в посвященной его памяти статье, написанной в 1924 г., превозносил как "организатора до мозга костей, организатора по натуре, по навыкам, по революционному воспитанию, по чутью, организатора всей своей кипучей деятельностью". Быть в тех условиях вождем-организатором такого калибра, как Свердлов, писал Сталин, — это значит, во-первых, знать работников, уметь схватывать их достоинства и недостатки, уметь подойти к ним, во-вторых, уметь расставить работников так, чтобы каждый чувствовал себя на месте и мог отдать революции максимум своих способностей, чтобы эта расстановка породила согласованность в работе и помогала осуществлению той политической идеи, во имя которой производится распределение работников по поста⁶⁹. Однако сталинская школа организационной работы отличалась от свердловской одним существенным аспектом, о котором Сталин умолчал. При

отборе на выдвижение в партийной иерархии кандидатам предъявлялись определенные требования. И теперь было уже недостаточно продемонстрировать личные дарования, энергию и преданность делу большевиков. Помимо этого нужно было доказать свое одобрительное отношение к тому, как Генеральный секретарь управляет партией, свою полезность партийному аппарату Сталина. Одним из первых признаков важного значения данных качеств явилось избрание Сталиным своего 203 горячего сторонника Лазаря Кагановича в качестве заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК, который контролировал областные партийные организации. Бывший рабочий из бедной еврейской семьи с Украины и большевик с 1911 г., Каганович оказался на ответственном посту в Секретариате в 1922 г. в возрасте 29 лет и на следующий год стал кандидатом в члены ЦК70. Будучи способным, жестким, энергичным, почтительным к своему патрону и готовым безоговорочно связать собственную служебную карьеру с судьбою покровителя, Каганович вполне отвечал модели Сталина для политического протеза. Он достаточно успешно применял к подчиненным сталинские критерии пригодности на политическое выдвижение, поскольку сам в полной мере им соответствовал. Скоро многие в партии почувствовали, что Сталин действует как политический босс. Но не следует думать, что он сам видел себя в таком свете. И ничто не говорит о том, что Сталин считал себя "политиканом, тесно связанным с политической машиной" (в американском понимании). Факты, о которых уже говорилось выше, скорее свидетельствуют о том, что Сталин рассматривал себя в качестве вождя-организатора в лучших традициях Свердлова, как человека, всем сердцем преданного делу большевизма и революции. Формированию подобной точки зрения способствовала глубоко укоренившаяся привычка увязывать политические отношения с отношением лично к нему. Как мы увидим, по его понятиям, хорошим большевиком мог называться только тот, кто доброжелательно относился к Сталину, и наоборот — враг Сталина был также и врагом партии. Поэтому "организационная работа", которая представляется нам крайней формой "политиканства", казалась ему всего лишь процессом подбора и расстановки наиболее подходящих для того людей, способных "дать революции максимум" своих талантов. Следует еще отметить, что карьере Сталина в партии во многом помогла женитьба в 1919 г. на Надежде Аллилуевой. Непохожая на первую жену — простую грузинскую девушку, — Надежда была человеком, впитавшим большевизм с молоком матери, — человеком, для которого общественная деятельность являлась насущной потребностью. Вступив в партию в 1918 г., она какое-то время работала в Царицыне, одновременно выполняя партийные поручения. Не замкнулась она в домашнем хозяйстве и после вступления в брак, а начала в 1919 г. трудиться в личной канцелярии Ленина. В разгар гражданской войны Надежде приходилось проводить в канцелярии долгие часы, часто до поздней ночи, печатать на машинке, шифровать и расшифровывать телеграммы. Как впоследствии вспоминали 204 старшие сотрудники этой канцелярии, ей доверяли работу самого секретного характера. Позднее она устроилась в редакцию журнала "Революция и культура", публиковавшегося "Правдой", и активно участвовала в деятельности партийной организации издательства. Затем она поступила в Промышленную академию, собираясь стать специалистом по синтетическим волокнам71. Вместе с тем Надежда стала матерью двух детей и показала себя хорошей хозяйкой. Семья жила не по-пролетарски. Сохраняя квартиру в Кремле, Сталин и Надежда в 1919 г. получили просторную загородную дачу, недалеко от деревни Усово, в живописной местности на берегу реки Москвы, примерно в 20 милях от столицы. Дача называлась Зубалово, по имени нефтепромышленника, которому до революции принадлежала. В 20-е годы дом перестроили, и под наблюдением Сталина это место

превратили в процветающую усадьбу с различными надворными постройками, цветниками, плодовым садом, полянкой для индеек и бассейном для уток. Чтобы выкроить время для активной работы вне дома, Надежде приходилось во многом полагаться на няней и домашних воспитателей для сына Василия и дочери Светланы. Но верховенство в Зубалове она сохранила за собой, превратив его в уютное место общения, центр гостеприимства для неиссякаемого потока гостей из числа друзей в высших партийных кругах⁷². Для человека, делавшего карьеру в советской политике (особенно склонного к уединению) выбор жены не мог быть более удачным. Снова в Закавказье Годы революции были в истории Закавказья периодом тревог и волнений. После падения царизма здесь утвердились местные политические силы, однако не надолго. Усилия по созданию независимого федерального правительства для всего региона разбились о рифы национального сепаратизма и религиозной нетерпимости. В мае 1918 г. три составляющие Закавказье провинции провозгласили себя самостоятельными национальными государствами с правительствами мусаватистов в преимущественно мусульманском Азербайджане, дашнаков — в Армении и меньшевиков — в Грузии. Но и они затем потерпели крушение на подводных камнях мировой политики. После поражения германской коалиции немецкую и турецкую интервенцию сменила британская (правда, в меньших масштабах), в конце концов уступившая место войскам большевистского правительства, которые в 1920 — 1921 гг. вновь захватили данный 205 регион для России. Эти военные акции можно рассматривать как решающие победы красных в гражданской войне. Правда, некоμμунистические закавказские режимы не угрожали большевистскому правлению в самой России, а всего лишь воспользовались правом на национальное самоопределение, провозглашенным (в теории) Лениным и его партией. Бесспорно и то, что в период междуцарствия закавказские большевики играли определенную роль в политической жизни региона. Степана Шаумяна избрали председателем Совета, созданного в столице Азербайджана Баку после Февральской революции. В августе 1917 г. Шаумян стал членом большевистского Центрального Комитета, а в декабре правительство Ленина назначило его чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа. В самый разгар беспорядков, происшедших в Баку в марте 1918 г., местным большевикам удалось захватить власть и сформировать правительство во главе с Шаумяном, которое взяло себе название Бакинской коммуны в честь парижского предшественника 1871 г. Угроза неминуемого турецкого вторжения привела через 97 дней к падению коммуны. Двадцать шесть бакинских комиссаров, включая Шаумяна и видного бакинского большевика Джапаридзе при попытке к бегству на пароходе через Каспий попали в руки врагов Советской России и были расстреляны⁷³. После этого большевистская работа в Закавказье велась уже нелегально. Предпринять какие-либо решительные шаги без помощи извне было невозможно, а осажденное со всех сторон правительство Ленина не могло ее предоставить. Ситуация изменилась с прекращением летом 1919 г. английской интервенции и с крушением в начале 1920 г. планов Деникина на юге России. Готовясь использовать вновь открывавшиеся возможности, группа закавказских большевиков обратилась в конце 1919 г. к Ленину за финансовой и другой помощью. К этой группе принадлежал молодой армянин Анастас Микоян, а также Стопани и азербайджанец Нариман Нариманов. Их взгляды на политику партии на Кавказе рассмотрело Политбюро и передало затем для заключения Сталину и Орджоникидзе, которые в то время находились на фронте. По предложению Сталина Политбюро решило пока ограничить сферу деятельности Кавказского революционного комитета территорией Северного Кавказа и преобразовать комитет в "Бюро для восстановления Советской власти на Северном Кавказе" под

председательством Орджоникидзе. Его заместителем стал Киров, который из Астрахани направлял политическую работу на Северном Кавказе. Среди членов бюро значились А. Стопани, Нариманов, грузинский большевик Мдивани (Буду) и другие⁷⁴. 206 Командующим Кавказским фронтом назначили Тухачевского, а членами Реввоенсовета — Орджоникидзе и Кирова. В начале 1920 г. под их руководством 11-я армия предприняла на Северном Кавказе наступление против остатков деникинских войск и к концу марта взяла в плен 22 тыс. человек, часть которых перед этим пыталась спастись на стоявших в Новороссийском порту французских и английских боевых кораблях. В результате этой победы красные сохранили за собой инициативу. Орджоникидзе, который долго и настойчиво просил Ленина принять решение об отправке в Закавказье вооруженных сил⁷⁵, в конце апреля получил из Москвы разрешение двинуть 11-ю армию в Азербайджан. В разгар операции правительство мусаватистов бежало, и 28 апреля 1920 г. Орджоникидзе, сопровождаемый Кировым и Микояном, въехал на бронепоезде в Баку. Армению захватили в начале декабря, сочетая вооруженную акцию с успешным давлением на правительство дашнаков, боявшегося турецкой оккупации сильнее, чем советской⁷⁶. По разным причинам занять Грузию большевикам было труднее. Импульсивный Орджоникидзе был целиком за то, чтобы двинуться на родную землю немедленно, сразу же после триумфального вступления в Баку. Используя метод принудительного самоопределения, уже испробованного в Азербайджане, он начал претворять в жизнь план, согласно которому местные большевики должны были организовать в Грузии народное восстание, что явилось бы предлогом для вмешательства Красной Армии в поддержку внутренней революции. В телеграммах от 3 и 4 мая 1920 г. на имя Ленина и Сталина он настоятельно просил разрешения отдать приказ 11-й армии перейти грузинскую границу, заверяя, что все "пройдет блестяще", и обещая быть в Тифлисе не позже 15 мая. Однако Москва, оказавшаяся перед лицом польского вторжения на Украину, ответила отказом. В телеграмме от 5 мая, отправленной от имени Политбюро и подписанной Лениным и Сталиным, "самоопределять Грузию" запрещалось и предлагалось продолжить переговоры с грузинским правительством⁷⁷. В результате одного из тех резких поворотов, характерных для политического стиля Ленина, Москва заключила договор, которым формально признала грузинское правительство во главе с лидером меньшевиков Ноем Жордания. По условиям договора грузинской коммунистической партии гарантировался легальный статус. После этого Киров отправился в Тифлис, но не как одержавший военную победу комиссар, а в роли дипломатического представителя РСФСР в соседнем государстве. Но такое положение сохранялось лишь короткий период. 207 [Политикой Советской России на Кавказе руководил Орджоникидзе. Он возглавлял Кавказское бюро ЦК (Кавбюро), созданное в апреле 1920 г. как руководящий центр всех кавказских партийных организаций, и оставался в начале 20-х годов большевистским проконсулом Закавказья. Роль Сталина, хотя и важная сама по себе, была иного характера. Он функционировал при Ленине как начальник штаба, как главный советник по вопросам политики на Кавказе, и поддерживал связь с находившимися на местах Орджоникидзе, Кировым и другими. Не являясь членом Кавбюро, Сталин иногда участвовал в его заседаниях, а на главных большевистских совещаниях авторитетно выступал по проблемам Кавказа. Например, 18 ноября 1920 г. Ленин послал телеграмму (в то время Сталин находился во Владикавказе, совершая инспекционную поездку по Северному Кавказу и Азербайджану), в которой спрашивал его мнение о целесообразности военных действий против Грузии, рискуя при этом порвать отношения с Великобританией и начать "даже новую войну". Телеграмма заканчивалась следующими словами: "Ответьте, и я внесу в Политбюро". Мы не располагаем полным текстом ответа,

но по возвращении через пять дней Сталина в Москву Политбюро заслушало его доклад о положении на Кавказе и постановило "принять по отношению к Грузии, Армении, Турции и Персии максимально примирительную политику, то есть направленную больше всего к тому, чтобы избежать войны"⁷⁸. До визита во Владикавказ Сталин провел более недели в Баку, где его принимал Орджоникидзе. Во время первого посещения Закавказья после 1912 г. бывшему узнику Баиловской тюрьмы был оказан радушный прием. ЦК Коммунистической партии Азербайджана опубликовал заявление с такими проявлениями лести, которые не соответствовали обычаям большевиков того периода и, должно быть, отражали осознание Орджоникидзе наличие у гостя страстного желания быть признанным в качестве лидера. В заявлении, в частности, говорилось: "К нам в Баку прибыл тов. Сталин, рабочий вождь исключительной самоотверженности, энергии и стойкости, единственный испытанный и всеми признанный знаток революционной тактики и вождь пролетарской революции на Кавказе и на Востоке. ЦК АКП(б), зная скромность и нелюбовь т. Сталина к официальным торжественным встречам, должен был отказаться от специальных собраний, связанных с его приездом. ЦК АКП(б) считает, что наилучшим приветствием, лучшей встречей, которые могут оказать наши партия, пролетарии Баку и трудящиеся Азербайджана нашему дорогому вождю и учителю, будет новое и новое напряжение всех сил для всемерного укрепления партийной и советской работы. 208 Все за дружную, все за боевую работу, достойную закаленного пролетарского бойца т. Сталина — первого организатора и вождя бакинского пролетариата"⁷⁹. Будучи в Баку, Сталин провел рабочие встречи с местными партийными руководителями, а 6 ноября, накануне годовщины Октября, выступил на торжественном заседании Бакинского Совета. Эта речь дает представление о том, каким видел мир революционер после трехгодичного пребывания у власти. Сталин напомнил о том времени, когда 24 — 25 октября 1917 г. "маленькая группа большевиков, во главе с товарищем Лениным, имея в руках Петроградский Совет (он был тогда большевистским) и незначительную Красную гвардию, имея в своем распоряжении всего-навсего маленькую, не вполне еще сколоченную коммунистическую партию в 200 — 250 тысяч человек... сняв с власти представителей буржуазии, передала власть 2-му съезду Советов..." В тот момент, продолжал Сталин, многие смотрели на большевиков, в лучшем случае, как на чудаков, в худшем — как на агентов германского империализма. С тех пор, по его словам, революция прошла через первый период полного одиночества, второй период открытой войны с силами Антанты и затем вступила в третий период, когда ее не только признали, но и стали побиваться. "И вот, — сказал Сталин, — за этот период Россия, пройдя огонь и бурю, выковалась в величайшую социалистическую державу мира". Некогда слабое правительство, располагавшее лишь малочисленной гвардией петроградских рабочих, теперь имеет в своем распоряжении многочисленную Красную Армию. Не вполне сформированная партия коммунистов превратилась в выкованную из стали 300-тысячную партию, которая одним мановением руки Центрального Комитета может перестроить свои ряды и двинуться на врага. Партия, у которой три года назад на Западе были только небольшие группы сочувствующих, стала ядром международного социалистического движения в лице III Интернационала. А вождь II Интернационала господин Каутский был вынужден искать убежища от германской революции "в отсталом Тифлисе, у грузинских социал-духанщиков". И равнодушные три года тому назад страны Востока теперь зашевелились, возникли освободительные движения против Антанты и империализма. Несомненно, заметил Сталин, дальнейший путь не из легких, но трудностей не следует бояться. Завершил он свое выступление следующими словами: "Перефразируя известные

слова Лютера, Россия могла бы сказать: "Здесь я стою, на рубеже между старым, капиталистическим, и новым, социалистическим миром, здесь, на этом ру-209 беже я объединяю усилия пролетариев Запада с усилиями крестьянства Востока для того, чтобы разгромить старый мир. Да поможет мне бог истории""80. Мысли Сталина легко переключались с этого религиозного образа революционной России к взгляду на нее, как на силу в мировой политике, защищающую собственные интересы обычными для великой державы средствами. Например, через три дня после выступления в Совете, в частной беседе с бакинскими партийными лидерами он заявил: "Грузия сейчас в положении невесты, у которой много женихов — все с ней заигрывают, а она чванится. И мы с ней заигрываем, чтобы что-нибудь извлечь. Здесь Антанта хочет создать Союз против нас. Мы, конечно, Грузию на свою сторону не перетянем, но разложение в правительстве Грузии мы усилим и выдачей по капле нефти затормозим дело боевого союза между Грузией и Антантой. А потом факты покажут, как лучше"81. Вернувшись в Москву в конце ноября, Сталин начал интервью с сотрудником газеты "Правда" с такого описания значения данного региона, от которого загорелись бы глаза у доктора Хаусхофера, немецкого теоретика геополитики. Сталин, в частности, сказал: "Важное значение Кавказа для революции определяется не только тем, что он является источником сырья, топлива и продовольствия, но и положением его между Европой и Азией, в частности между Россией и Турцией, и наличием важнейших "экономических и стратегических дорог (Батум — Баку, Батум - Тавриз, Батум — Тавриз — Эрзерум). Все это учитывается Антантой, которая, владея ныне Константинополем, этим ключом Черного моря, хотела бы сохранить прямую дорогу на Восток через Закавказье. Кто утвердится в конце концов на Кавказе, кто будет пользоваться нефтью и наиважнейшими дорогами, ведущими в глубь Азии, революция или Антанта, — в этом весь вопрос"82. Можно не сомневаться, что Сталин не усматривал несоответствия между своим выступлением в Баку и интервью газете "Правда". Мистическое видение первого с геополитическим реализмом второго связывало его представление о России как о воплощении мировой социалистической революции и одновременно как о великом национальном государстве, которое и на международной арене ведет борьбу, по необходимости руководствуясь теми же соображениями, что и его противники. Примечательным в интервью газете "Правда" было и высказывание, которое давало ясно понять, что время передышки для грузинских меньшевиков подходило к концу. По словам Сталина, "Грузия, запутавшаяся в тенетах Антанты и ввиду этого лишившаяся как бакинской нефти, так и кубанского хле-210 ба, Грузия, превратившаяся в основную базу империалистических операций Англии и Франции и потому вступившая во враждебные отношения с Советской Россией, — эта Грузия доживает ныне последние дни своей жизни". Предсказание приобрело особое значение на фоне только что происшедших или происходящих событий. Победа красных в Крыму над белой армией барона Врангеля, одержанная в середине ноября 1920 г., ознаменовала окончание гражданской войны. В тот самый момент, когда Сталин произносил приведенные выше слова, шла полным ходом советизация Армении. В это же время (и, несомненно, с молчаливого согласия Сталина) Кавбюро стало настаивать на вооруженной акции против Грузии. В середине декабря Орджоникидзе, председательствовавший на заседании Бюро в Баку, на котором присутствовали представители 11-й армии, телеграфировал Ленину о том, что совещание приняло постановление "о немедленном оказании помощи трудящимся Грузии и установлении Советской власти". Один из советских историков грузинского происхождения, комментируя в своем труде данное событие, заметил, что в постановлении "основное внимание было обращено не на внутренние условия

немедленного взятия власти, а на XI армию⁸³. Ленин ответил, что такое решение в корне противоречит политике ЦК, что последствия могут быть катастрофическими и что он категорически требует отмены постановления, которое ни в коем случае нельзя претворять в жизнь. Через два дня, 17 декабря, пленум ЦК подтвердил "мирное направление" политики РСФСР на Кавказе. Давление с юга на ЦК затем ослабло, но не надолго. В начале января Орджоникидзе и Киров направили членам Центрального Комитета письмо, в котором продолжали настаивать на немедленной советизации Грузии. После этого следующий пленум вновь рассмотрел данный вопрос и решил, что для акции не созрели ни внутренние, ни внешние условия. Через неделю в дело на стороне Кавбюро вмешался Сталин. Он хорошо рассчитал время для своего хода. 20 января 1921 г. народный комиссар иностранных дел Чичерин послал Ленину подробное письмо с обвинениями в адрес правительства Жордания в нарушениях советско-грузинского договора. В письме утверждалось, что в Грузии назревал внутренний революционный кризис. Видевший документ Сталин использовал это обстоятельство, когда 24 января направлял членам ЦК собственное письмо. Ссылаясь на материалы Чичерина, а также на другие, якобы имевшиеся в его распоряжении сведения, он заявил, что революционная ситуация в Грузии уже существует и предложил дать директиву Орджоникидзе и коммунистическим организациям Грузии о подготовке воо-211 руженного восстания, а Реввоенсовету республики — быть готовым при необходимости немедленно оказать помощь грузинским повстанцам. В документе имелась приписка: "Прошу ответить до 6 часов". Кое-кто из членов ЦК хотел отложить рассмотрение этого вопроса на несколько дней. Однако пометка Ленина на письме Сталина ("Не отлагать") побудила к быстрым действиям, Пленум Центрального Комитета собрался 26 января и принял постановление, в котором Наркоминделу поручалось вести точный учет фактов нарушения мирного договора и потребовать от правительства Грузии разрешения на доставку через ее территорию припасов в Армению. Постановление предусматривало, в случае необходимости, оказание грузинским трудящимся военной помощи. Приготовления на Кавказе шли свои чередом, и 6 февраля Орджоникидзе в телеграмме Ленину и Сталину настойчиво просил разрешить немедленно начать вооруженное восстание. Ответные телеграммы Ленина от 8 и 14 февраля санкционировали операцию, правда с различными оговорками, в том числе и такой курьезной, как неперемное соблюдение международных норм⁸⁴. В ночь с 11 на 12 февраля возникли беспорядки в грузинской приграничной зоне, населенной частично армянами и русскими. И 15 февраля 1921 г. Красная Армия вторглась в Грузию. На своем посту в Тифлисе Жордания явственно ощущал растущее в декабре и январе давление со стороны России. На основании информации из разнообразных источников у него сложилось впечатление, что в Москве шла борьба между сторонниками и противниками войны. Во главе первых стояли Сталин и Троцкий, а вторых возглавлял Ленин. И Жордания пытался предотвратить вторжение с помощью уступок, совместимых с национальным суверенитетом страны⁸⁵. Какого-то внутреннего революционного кризиса в действительности не существовало. И хотя среди армян приграничного района имели место спровоцированные волнения, правительство меньшевиков благодаря политике земельной реформы, частичной национализации промышленности и насаждения грузинского национализма в области культуры, пользовалась у грузинского населения авторитетом. Но в финансовом и военном отношении правительство было слабым и не имело серьезной международной поддержки. И тем не менее плохо оснащенные и неумело руководимые вооруженные силы Грузии оказали сопротивление. Красной Армии понадобилось десять дней, чтобы с юга пересечь небольшую Грузию и занять Тифлис, а в западной ее части бои

продолжались еще три недели. Для грузинского "самоопределе-212 ния" потребовалась полномасштабная вооруженная интервенция. Тем временем Москва стремилась замаскировать свою неблагоприятную грузинскую операцию от международного сообщества (и одновременно от советского народа) и представить ее как всего-навсего вмешательство в армяно-грузинский конфликт, в процессе которого якобы и произошли внутренние революционные перемены. Ленин, выступая 28 февраля в Московском Совете по поводу событий на Кавказе, сказал: "Столкновение Армении и Грузии не могло не волновать нас, и эти события привели к тому, что армяно-грузинская война перешла в восстание, в котором участвовала и некоторая часть русских войск. И кончилось тем, что замысел армянской буржуазии против нас, до сих пор по крайней мере повернулся против них и повернулся так, что в Тифлисе, по последним сведениям, которые еще не проверены, оказалась советская власть"⁸⁷. Ленина тревожила реакция грузин на советизацию, а также реакция международного социалистического движения — на спектакль советского свержения социал-демократического правительства. Поэтому он требовал от своих товарищей осторожного обращения с поверженной Грузией. В беседе 9 февраля с Махарадзе, который готовился возглавить "революционный комитет", созданный в Грузии в качестве нового временного правительства, Ленин обратил внимание на мелкобуржуазный характер страны, на сильное влияние в ней меньшевиков, а также на то, что следовало действовать очень осторожно и механически не переносить опыт РСФСР на грузинскую землю⁸⁸. В письме от 3 марта Ленин призывал Орджоникидзе искать приемлемого компромисса для блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, не высказывающими откровенной враждебности к мысли о советском строе в Грузии на известных условиях. Одновременно он просил грузинских коммунистов отказаться от "применения русского шаблона, а умело и гибко создавать своеобразную тактику, основанную на большей уступчивости всяческим мелкобуржуазным элементам"⁸⁹. Предполагавшийся блок с Жордания не состоялся. Перед падением Тифлиса Жордания и его правительство выехали в западную Грузию и 17 марта на борту итальянского парохода отплыли за границу. Вслед за вторгшимися войсками в Грузию хлынул поток советских гражданских чиновников. По предложению Сталина, Оргбюро 27 февраля приняло решение без промедления мобилизовать партийцев для работы в Грузии. ВЧК и другие разные комиссариаты поступили аналогичным образом. Прежде чем прибыть на родину, Махарадзе 1 марта докладывал Ленину из Вла-213 дикавказ: "Я уже вижу, что из разных "центров" и "главков" (Советской России) к нам уже летят бесчисленные "главной" "особоуполномоченные", представители со сногшибательными мандатами"⁹⁰. Желая как-то сдержать поток устремившихся в южном направлении политических коммивояжеров (иначе не назовешь), Ленин ввел особую процедуру утверждения на высоком уровне всех командированных в Грузию представителей комиссариатов. Кроме того, он неустанно требовал от своих коллег осторожного подхода к Закавказью. В письме от 14 апреля 1921 г. к коммунистам всех закавказских республик Ленин указывал на отсутствие опасности интервенции со стороны Антанты, на то, что кавказские республики являются крестьянскими в еще большей степени, чем Россия, что Кавказ мог бы наладить товарообмен и сотрудничество с капиталистическим Западом быстрее и легче России. Требовалось больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и крестьянству. Более медленный, более осторожный и более систематический, чем в РСФСР, переход к социализму был возможен и необходим⁹¹. Однако сдержать силы, приведенные в движение при вторжении, было не так-то просто. Лобби кавказских большевиков, успешно оказавшее давление в пользу вмешательства в Грузию, теперь

контролировало ситуацию. Их лидер Орджоникидзе и его *étinence grise* Сталин не были расположены проявлять к своим сородичам и к кавказцам вообще примирительное отношение, которого требовал Ленин. Возглавлявшееся Орджоникидзе Кавбюро обосновалось в Баку и взяло на себя всю полноту власти в Закавказье, проводя в регионе далеко не умеренную политику. Орджоникидзе был жестким администратором, стиль которого больше подходил к героическому времени "военного коммунизма", чем к начавшемуся периоду нэпа. Безусловно, определенные элементы в партийном руководстве всех трех закавказских республик были сторонниками осторожного и дифференцированного подхода, рекомендованного Лениным. Но при мощной поддержке руководителя Оргбюро Сталина Орджоникидзе сумел обеспечить избрание на местные ключевые посты своих доверенных лиц. Например, в августе 1921 г. в Баку на должность секретаря Азербайджанской коммунистической партии прислали Кирова. Грузинской коммунистической партией стал руководить Мамия Орахелашвили, один из наиболее изворотливых сторонников Орджоникидзе. Грузия, однако, оказалась особым случаем. В отличие от Азербайджана и в отличие от Армении, чье население волей-неволей видело в России защитника от турок, она быстро приспособилась к роли независимого государства и преуспевала под руководством меньшевиков. Насильственная советизация глубоко потрясла многих, воспринявших ее как вопиющие нарушения национального суверенитета. Приезд с севера представителей ВЧК для выполнения полицейских функций, а также большого числа других партийных и правительственных работников создал в регионе атмосферу оккупированной территории. Умеренных из местного руководства (например, Махарадзе и бывшего шурина Сталина и наркома иностранных дел Советской Грузии Александра Сванидзе) повергла в ужас ситуация, с которой им пришлось столкнуться, и они вознамерились проводить политику, направленную на залечивание ран, нанесенных национальному чувству грузин. Но вышестоящее начальство думало иначе. Это стало особенно очевидным тогда, когда в Тбилиси в конце июня 1921 г. приехал Сталин, чтобы на пленуме Кавбюро обсудить с местными лидерами вопросы политики, касающиеся Грузии и Закавказья в целом. Первое после многих лет посещение родной земли было совсем не похоже на приезд в Баку восемь месяцев тому назад. Пленум, проходивший в соответствии с обычной партийной практикой за закрытыми дверями, начал свою работу 2 июля и продолжался шесть дней. В этот период Сталин согласился выступить на массовом митинге железнодорожных рабочих. Его появление на трибуне было встречено свистом. Находившиеся среди собравшихся пожилые грузинки осыпали его бранью, выкрикивая: "проклятый!", "предатель!", "изменник!" и т. п. Присутствовавшим на митинге двум ветеранам-революционерам из меньшевиков И. Рамишвили и А. Дгебуадзе толпа устроила овацию, и последний сказал Сталину: "Почему вы разрушили Грузию? Что вы можете предложить взамен?" По словам очевидцев, Сталин побледнел и покинул митинг в окружении своих русских телохранителей-чекистов, а на следующий день в ярости упрекал Махарадзе, якобы ответственного за пережитое унижение⁹². Согласно описанию одного советского историка, присутствовавшие на руках вознесли Рамишвили на трибуну, не дав говорить Сталину. Возмущенный этим эпизодом, Сталин в частной беседе потребовал проведения более жесткой политики и выразил недовольство слишком терпимым отношением к меньшевикам. Он также добился вопреки сильной местной оппозиции перемещения Махарадзе с поста председателя Революционного комитета Грузии на менее важную должность народного комиссара земледелия республики. Через несколько месяцев Махарадзе по просьбе Орджоникидзе отозвали в Москву и через ЦК⁹³ Оргбюро определили на работу в аппарат ЦК⁹³. По иронии

судьбы, назначенный Сталиным в качестве нового главы Революционного комитета Мдивани оказался еще более прямолинейным национальным лидером, чем Махарадзе. Свое раздражение Сталин продемонстрировал, выступая 6 июля с важным докладом об очередных задачах коммунистов в Грузии и Закавказье перед более послушной аудиторией — общим собранием тифлисской партийной организации. Он объявил, что Москва решила предоставить трем закавказским республикам заем в сумме, превышающей 6 млн. золотых рублей, что Азербайджан безвозмездно передаст нефтепродукты Грузии и Армении. Но главным содержанием доклада явилась суровая нотация грузинам относительно необходимости "раздавить гидру национализма". Вернувшись в Тифлис через много лет, сказал Сталин, он был неприятно поражен отсутствием солидарности, которая наблюдалась в 1905 - 1907 гг. между рабочими различных национальностей Закавказья, и развившимся среди рабочих и крестьян национализмом. Как видно, продолжает он, три года жизни при националистических правительствах не прошли даром. Поэтому очередной задачей коммунистов Грузии являлась "беспощадная борьба с национализмом". Нужно было "вытравить" националистические пережитки "каленным железом". Еще одна задача состояла в объединении хозяйственных усилий трех республик. Кроме того, коммунистам Грузии следовало сохранить свою стойкость и чистоту, помня судьбу германской социал-демократии, которая рухнула в пропасть потому, что расширяла свои ряды за счет всякой "мелкобуржуазной дряни". В этой связи Сталин заметил, что "Лассаль был прав, говоря, что партия укрепляется тем, что очищает себя от скверны"⁹⁴. Чтобы это послание достигло обширной местной аудитории, доклад через неделю, когда Сталин приготовился к отъезду, опубликовали в тифлисской партийной газете. Как мы видим, Сталин в течение многих лет относился к Грузии с известным пренебрежением. Недавно пережитое унижение, должно быть, ожесточило его еще больше и одновременно усилило ощущение, что подлинной родиной является не маленькая Грузия, а великая Россия. К длительному отрыву от места рождения добавилось еще и мстительное чувство. Все это помогает понять его реплику, брошенную во время мятежа, случившегося в 1924 г. в шахтерском городе Чиатура и его окрестностях. Грузию, сказал Сталин, приходится "перепаживать заново"⁹⁵. 216

Примечания_6

- 1 Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства (1917 — 1918 гг.). М., 1964, с. 158.
- 2 Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence. N. Y., 1967, p. 245.
- 3 Пестковский С. Воспоминания о работе в Наркомнаце. — "Пролетарская революция", 1930, N 6, с. 129 — 130.
- 4 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с.157. На этом же заседании Сталина (вместе с Троцким, Сокольниковым и Бухариным) ввели в состав редколлегии газеты "Правда".
- 5 "Пролетарская революция", 1930, N 6, с. 128.
- 6 Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 245. О деятельности четверки как тройки (из-за частого отсутствия Свердлова) см. там же, с. 240 - 241.
- 7 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 24.
- 8 Там же, с. 74 - 78, 79 — 80. Это была одна из нескольких соперничавших позиций. Михаил Райснер, например, представлял себе РСФСР как федерацию социально-экономических групп, не прикрепленных к какой-либо определенной территории. Он утверждал, что национально-территориальный подход — это "скрытый

централизм под маской Федеральной структуры". О различных точках зрения, изложенных в комиссии, см.: Pipes Richard. *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917 — 1923*. N. Y., 1968, p. 111 - 112.

9 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 75 — 76. Обращение было напечатано в "Правде" 9 апреля 1918 г.

10 Денисов А. Народный комиссариат по делам национальностей. — Большая Советская Энциклопедия. М., 1931, т. 41, с. 213 — 214. Относительно структуры и деятельности Наркомнаца см.: Сагг Е. Н. *The Bolshevik Revolution 1917 - 1923*. L., 1951, p. 281 — 291. О дезинтеграции Российской империи в 1917 - 1918 годах и ее восстановлении уже при Советской власти см.: Pipes Richard. *The Formation of the Soviet Union, chapters II — V*.

11 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 87 — 89.

12 "Пролетарская революция", 1930, N 6, с. 127, 130. Данные о роли Пестковского в создании Наркомнаца см. в: М. П. Ирошников. *Создание советского центрального государственного аппарата. Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 — январь 1918 г.* 2-е изд., Л., 1967, с. 237 - 239. Ирошников подчеркивает также организаторскую деятельность Ф. М. Сенюты, первого управляющего делами этого учреждения.

13 О карьере Товстухи см. некролог в "Правде", 16 августа 1935 г. и статью "И. П. Товстуха" в: "Вопросы истории КПСС", 1969, N 4, с. 128 — 130.

14 Декреты Советской власти. М., 1964, т. 3, с. 268; "Большая Советская Энциклопедия", М., 1971, с. 247.

15 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 116 — 117.

16 Ворошилов К. Е. *Сталин и Вооруженные Силы СССР*. М., 1951, с. 8 — 11. В качестве источника сведений о данном эпизоде Ворошилов указал статью некоего полковника Носовича, который к моменту приезда Сталина в Царицын являлся начальником оперативного управления 10-й армии, а затем перешел на сторону белых и 3 февраля 1919 г. поведал о своих царицынских злоключениях в антисоветском журнале "Донская волна". По словам Ворошилова, Носович указал в статье, что Алексеев действительно был замешан в антибольшевистской деятельности. 217.

17 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 118, 420.

18 Chamberlin William H. *The Russian Revolution 1917 — 1921*. N. Y., 1965, Vol. 2, p. 118. У Вальми французские революционные силы впервые остановили наступающую армию роялистов.

19 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 118 — 121. Второе письмо Ленину впервые было опубликовано в указанном томе в 1951 г.

20 Там же, с. 450; Ворошилов К. Е. *Сталин и Вооруженные Силы СССР*. М., 1951, с. 14.

21 Там же, с.19.

22 Medvedev Ro y A. *Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism*. N. Y., 1971, p. 13.

23 Там же.

24 Trotsky L. *Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence*, p. 288 — 289. На следующий день Троцкий отправил Ленину еще одну телеграмму, в которой сообщалось о полученной депеше от главкома Вацетиса следующего содержания: "Военный приказ Сталина N 118 должен быть отменен. Командующему Южным фронтом Сытину я дал исчерпывающие инструкции. Действия Сталина срывают все мои планы". Приказ N 118, вероятно, касался отстранения Сытина.

25 Там же.

26 Жилин П. А. (гл. ред.). *Очерки по историографии советского общества*. М., 1965, с. 181.

- 27 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 127. Столь прочувственная концовка явно объясняется тем, что накануне на Ленина совершила покушение эсерка Ф. Каплан.
- 28 Там же, с. 148 — 151. Текст беседы напечатан в "Правде", 30 октября 1918
- 29 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 455.
- 30 Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 291 — 292. Мотивировка Троцкого скорее подошла бы к назначению Сталина в Реввоенсовет Республики, который имел прямое отношение к военным операциям.
- 31 Там же, с.270.
- 32 "Правда", 6 ноября 1918 г. Без данного абзаца статья опубликована в сочинениях Сталина (т. 4, с. 152 — 154). В связи с переходом в феврале 1918 г. на новый календарь годовщина восстания отмечается не 24 — 25 октября, а 7 — 8 ноября каждого года.
- 33 Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 291.
- 34 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 261. По словам Троцкого, "Ленина коробило от этого грубого вызова и хвастовства" (Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 307).
- 35 Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 132 — 137. Впервые статью опубликовали в июле 1905 г.
- 36 Trotsky L. My Life. N. Y., 1930, p. 432 — 433.
- 37 Его не следует путать с лидером большевиков Львом Каменевым. Бывший царский офицер С. С. Каменев являлся при военкоме Троцком главнокомандующим Красной Армией.
- 38 Кузмин Н., Найда С., Петров Ю., Шишкин С. О некоторых вопросах истории гражданской войны. — "Коммунист", 1956, N 12, С. 64 — 66; Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 318 — 320, 324; Markin M. Stalin and the Red Army. — In: Trotsky L. The Stalin School of 218 Falsification. N. Y., 1962, p. 223 — 225; Chamberlin William H. The Russian Revolution 1917 — 1921, vol. 2, p. 210, 246 — 247.
- 39 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 275 — 277. Здесь письмо датировано 15 октября 1919 г. Однако советский военный историк Кузмин Н. Ф. продемонстрировал ("Вопросы истории", 1956, N 7, с. 30 — 32), что в действительности письмо должно было быть написано 15 ноября. Он сообщает, что хранящееся в архиве подлинное письмо явно ошибочно помечено 15 октября. Этот вывод подтверждает и высказанное Маркиным предположение о том, что "Сталин написал свое критическое письмо где-то в начале ноября и уж никак не ранее этого срока...". (Stalin and the Red Army, p. 226).
- 40 Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 327 — 328; Deutscher Isaac. Stalin: A Political Biography. 2nd ed., N. Y., 1966, p. 215 — 216. Биографию Радека см. в: Lerner Warner. Karl Radek: The last Internationalist. Stanford, 1970.
- 41 Материалы всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук. М., 1958, с166. В них профессор Найда С. Ф. ссылается на помощника Ленина В. Д. Бонч-Бруевича, как на автора указанной реплики. Впервые Бонч-Бруевич привел ее в 1931 г. в своей книге "На боевых постах Февральской и Октябрьской революций" (М., 1931, с. 175).
- 42 Материалы всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук, с. 163 — 164. Эти две телеграммы не вошли в собрание сочинений Сталина
- 43 Там же, с. 165 — 166; Жилин П. А. (гл. ред.) Очерки по историографии советского общества, с. 167 (прим.). Сначала Берзин не хотел подписывать приказ на том основании, что сфера его деятельности — тыловая служба, и что он не в курсе военных операций.
- 44 Материалы всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук. М., 1958, с. 166 — 167; Жилин П. А. (гл. ред.). Очерки по историографии советского общества, с. 167 (прим.); см. также: "Коммунист", 1956, N 12, с. 54 — 71.

- 45 Trotsky L. *Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence*, p. 329.
- 46 Там же. Троцкий добавляет: "Страшно расстроенный этими разногласиями, Ленин принял участие в прениях и выразился в том смысле, что не нужно винить кого либо персонально. Почему бы Сталину не опубликовать стенографический отчет этих дебатов?" В 1973 г. протоколы все еще не были опубликованы.
- 47 Тухачевский М. Н. Избр. произведения, 1919 — 1927. М., 1964, т. 1, с. 154.
- 48 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 409. На послание Сталина последовал упрек Ленина: "Надо вообще помочь всячески, а не препираться о ведомственных компетенциях" (там же, с. 139 — 140).
- 49 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 190 — 224.
- 50 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 122.
- 51 Там же, т. 36, с. 190, 195, 196, 198 — 199, 208.
- 52 Trotsky L. *Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence*, p. 289. Здесь имеется в виду обхаживание Сталиным царицынской группы красных командиров. В другом месте (с. 271) Троцкий пишет, что царицынская группа стала ядром сталинской фракции в партии.
- 53 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 367. Относительно различий в подходе Ленина и Сталина к общественному контролю см. Константинов А. П. Ленинские традиции партийно-государственного контроля. Л., 1963, с. 11, 18; Донской В., Иконников С. Развитие ленинских идей о партийно-государственном контроле. - "Коммунист", 1962, в" — 18, с. 32. 219
- 54 Один такой инцидент имел место в 1929 или 1930 г., в период карточной системы на продукты. Как позднее рассказывала дочери Сталина ее няня (которая была свидетельницей), он однажды с досады на однообразное меню выбросил в окно кремлевской квартиры вареную курицу. В другом случае он со злостью сорвал со стены телефонный аппарат только потому, что номер, по которому нужно было позвонить, был в тот момент занят (Аллилуева С. Только один год. Нью-Йорк, 1969; ее же: Двадцать писем к другу. Нью-Йорк, 1967).
- 55 Trotsky L. *Trotsky's Diary in Exile, 1935*. N. Y., 1963, p. 64.
- 56 "Пролетарская революция", 1930, N 6, с. 128.
- 57 Из личной беседы автора в 1965 г. с Николаевским Б. И., который слышал эту историю от Каменева Л. Б.
- 58 McNeal Robert H. *Bride of the Revolution: Krupskaya and Lenin*. Ann Arbor (USA), 1972, p. 101 — 102, 144.
- 59 Стасова Е. Д. Воспоминания. М., 1969, с. 133 — 134, 136.
- 60 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918, с. 13.
- 61 Источники сведений: доклад секретаря партии Крестинского Н. по организационным вопросам на X съезде (Десятый съезд Российской Коммунистической партии. Стенографический отчет. М., 1963, с. 805 — 813) и статья о Коммунистической партии в Большой Советской Энциклопедии (т. 60, М., 1934, с. 552).
- 62 Мое описание разногласий по вопросу о роли профсоюзов основывается на подробном изложении вопроса в: Deutscher Isaac. *The Prophet Armed: Trotsky, 1879 — 1921*. London, 1954, ch. XIV; Schapiro Leonard. *The Origin of the Communist Autocracy*. Cambridge (Mass.), 1955, chs. XIV — XV.
- 63 Сталин И. В. Соч., т. 5, с. 8 — 10.
- 64 Десятый съезд РКП(б). Стено отчет, с. 98. Речь произнес Рафаил Р. Б. По своей позиции "демократические централисты" были близки "Рабочей оппозиции".
- 65 Там же, с. 564, 571 — 573.
- 66 Одиннадцатый съезд РКП(б). Стено отчет. М., 1961, с. 46, 47.

67 Там же, с. 46, 47.

68 Там же, с. 49, 56.

69 Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 277 — 278.

70 Политический словарь. М., 1940, с. 235.

71 "Правда", 10 ноября 1932. Эти сведения указаны в некрологе в связи со смертью Надежды, которая, как полагали, покончила с собою. В некрологе не сообщалось, работала ли она в Царицыне в тот 3-месячный период, когда там находился Сталин.

72 Аллилуева С. Двадцать писем к другу.

73 Жвания Г. К. В. И. Ленин, ЦК партии и большевики.

74За Жвания Г. К. В. И. Ленин, ЦК партии и большевики Закавказья. Тбилиси, 1969, с. 228 — 231.

75 Дубинский-Мухадзе И. М. Орджоникидзе. М., 1963, с. 283.

76 Pipes Richard. The Formation of the Soviet Union, p. 234; Kazemzadeh Firuz. The Struggle for Transcaucasia (1917 — 1921). N. Y., 1951, ch. XIX.

77 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 424; Жвания Г. К. В. И. Ленин, ЦК партии и большевики Закавказья, с. 238 — 239. По словам автора (с. 240), в 220 ответе, присланном через два дня, Орджоникидзе и Киров выразили свое согласие, но указали на пять причин для безотлагательного вмешательства. Они доказывали, что несоветская Грузия станет пунктом сосредоточения контрреволюции на юге, что план с незначительными изменениями повторит успешную операцию в Азербайджане и что, "владея Грузией, мы вышибаем англичан с восточного берега Черного моря".

78 Хармандарян С. В. Ленин и становление закавказской федерации, 1921 — 1923. Ереван, 1969, с. 47 — 48.

79 Заявление было опубликовано в бакинской газете "Коммунист", 4 ноября 1920 г. Оно цитируется в: "Историк-марксист", 1940, N 11, с. 12; Pipes Richard. The Formation of the Soviet Union, p. 230.

80 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 382 — 393.

81 Хармандарян С. В. Ленин и становление закавказской федерации, 1921 — 1923, с. 47.

82 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 408.

83 Жвания Г. К. В. И. Ленин, ЦК партии и большевики Закавказья, с. 261 — 268. Мое описание процесса принятия решения, которое привело к интервенции в Грузии в феврале 1921 г., во многом базируется на книге Жвания, использовавшего архивные материалы, а также на его же статье "В. И. Ленин и партийная организация Грузии в период борьбы за Советскую власть" ("Заря Востока", 21 апреля 1961 г.).

84 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 71. В телеграмме от 14 февраля указывалось: "ЦК склонен разрешить 11-й армии активную поддержку восстания в Грузии и занятие Тифлиса при соблюдении международных норм и при условии, что все члены РВС после серьезного рассмотрения всех данных ручаются за успех". О вооруженной помощи, упомянутой в постановлении от 26 января, см.: Очерки истории коммунистических организаций Закавказья, ч. 1, с. 473. Об использовании Сталиным письма Чичерина см.: Жвания Г. К. В. И. Ленин и партийная организация Грузии в период борьбы за Советскую власть. — "Заря Востока", 21 апреля 1961 г.

85 Жордания Н. Моя жизнь, Стэнфорд, 1968, с. 109, 112. Жордания ошибался относительно роли Троцкого, который, по-видимому, занимал в этом вопросе умеренную позицию. Как впоследствии вспоминал Троцкий, он стоял на той точке зрения, что мир с Польшей и разгром Врангеля позволяли отложить неизбежную советизацию Грузии, провести "в Грузии определенную работу, чтобы подготовить восстание и затем прийти ему на помощь". (Stalin: An Appraisal of the Man and His

Influence, p. 268). Более того, хотя Троцкий и был комиссаром по военным делам, его полностью обошли при планировании вторжения. Поэтому 21 февраля 1921 г. он из Екатеринбурга (Урал) послал своему заместителю в Москве Склянскому следующую телеграмму: "Пожалуйста, составьте для меня короткую записку о военных операциях против Грузии, когда эти операции начались, по чьему приказу и т. д." (Mejer Jan M. (ed.). *The Trotsky Papers 1917 — 1922. The Hague*, 1971, vol. 2, p. 385).

86 Относительно меньшевистского правления в Грузии и ее покорения силой оружия см.: Lang David M. *A Modern History of Soviet Georgia. N. Y.*, 1962, chs. X — XI. В книге он пишет: "Отряды Красной Армии, руководимые Серго Орджоникидзе, вступили в Тбилиси 25 февраля. В городе начались грабежи, убийства и насилия" (с. 235).

87 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 356.

88 Хармандарян С. В. Ленин и становление закавказской федерации, 1921 — 1923, с. 59. 221

89 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 367. В приписке указывалось: "Сталину. Прошу отправить, а если возражаете, то поговорить по телефону". Письмо было опубликовано 6 марта в тифлисской большевистской газете "Правда Грузии".

90 Хармандарян С. В. Ленин и становление закавказской федерации, 1921 — 1923, с. 63. О принятом по предложению Сталина решении Оргбюро см. там же, с. 57.

91 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 198 — 200. Письмо было опубликовано в газете "Грузинская правда", 8 мая 1921 г.

92 Lang David M. *A Modern History of Soviet Georgia*, p. 238 — 239.

93 Хармандарян С. В. Ленин и становление закавказской федерации, 1921 — 1923, с. 238 — 239. От должности председателя Революционного комитета Махарадзе освободили 7 июля.

94 Сталин И. В. Соч., т. 5, с. 95 — 100. 95 Trotsky L. *Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence*, p. 268. 7

Конфликт с Лениным На пути к столкновению

Если иметь в виду, с каким трудом коллеги ладили со Сталиным, можно лишь удивляться, что его отношения с Лениным так долго оставались хорошими. Время от времени, начиная с эпизода в 1911 г., между ними возникала напряженность, но она никогда не достигала такого уровня, чтобы повредить их взаимоотношениям. Ленин, должно быть, чувствовал, что в обращении со Сталиным нужен особый такт и, как видно, полагал, что овчинка стоит выделки. Он ценил в Сталине его сильные стороны политического лидера, считался с его мнением по определенным вопросам и никогда не сомневался в его величайшей преданности делу. Не исключено также, что Ленин находился (возможно, лишь подсознательно) под влиянием тех чувств, которые питал лично к нему Сталин. Ленин едва ли мог оставаться равнодушным к тому, как этот грубоватый кавказец (моложе его на десять лет) постоянно взирал на него с восхищением ученика и верного последователя и даже питал к нему непривычную для себя нежность. Сталин со своей стороны в присутствии Ленина, вероятно, вел себя достаточно сдержанно, и поэтому Ленину не пришлось переживать (по крайней мере до определенного времени) такие неприятные моменты, которые выпадали на долю некоторых других видных большевиков. Но примерно в 1921 г. в их отношениях начали появляться первые признаки разлада. Наряду с другими факторами здесь сыграла свою роль победа, одержанная Лениным на X съезде партии. В результате благополучно разрешился

внутрипартийный конфликт — причина холодности между ним и Троцким. А это в свою очередь расчистило путь к возобновлению тесных отношений Ленина с человеком, которого Сталин считал своим заклятым врагом. Сближение Ленина и Троцкого пробудило в Сталине (иначе и быть не могло) злобные чувства. Наряду с этим, различные эпизоды периода гражданской войны, в которых обнаружались отрицательные качества сталинского харак-223 тера и которые показали, к каким последствиям все это может привести (например, к интригам и склокам), породили у Ленина недобрые предчувствия относительно Сталина как личности. "Сей повар будет готовить только острые блюда", — будто бы заметил Ленин, когда Зиновьев, все еще строивший козни против Троцкого, во время XI съезда партии стал в тесном кругу приближенных Ленина настаивать на кандидатуре Сталина для выборов в Секретариат¹. Вместе с тем в согласии на выдвижение Сталина на пост Генерального секретаря, вероятно, нашла отражение другая сторона двойственного отношения Ленина: признание ценных качеств Сталина как лидера. Однако дурные предчувствия не исчезли. По-видимому, в какой-то момент Ленин начал понимать, что личные качества могут представлять политическую проблему, и видеть в Сталине не только человека, с которым коллегам трудно работать, но также и политического деятеля, чьи недостатки могут повредить делу большевиков. Должно быть, по мере ухудшения здоровья тревога Ленина росла. Почти все лето 1921 г. Ленин провел в загородном доме в Горках, близ Москвы. В декабре он опять заболел и вернулся в Горки для восстановления сил, где оставался до 1 марта 1922 г. В апреле Ленину была сделана операция по удалению пули — последствие покушения Ф. Каплан в 1918 г. В конце мая, будучи на отдыхе в Горках, Ленин перенес удар, в результате которого наступил частичный паралич правой стороны тела. Однако вскоре он настолько оправился, что возобновил работу, но 13 и 22 декабря приступы болезни повторились, и Ленин был вынужден соблюдать режим резко ограниченной активности. В течение 1922 г. кризис в отношениях между Лениным и Сталиным быстро нарастал. К тому времени Сталин уже достаточно уверовал в свои силы, чтобы излагать собственные взгляды и настаивать на них даже тогда, когда они противоречили ленинским. Характерным примером назревавшего конфликта служит дискуссия вокруг предложенных мер по ослаблению монополии Советского государства во внешней торговле. Предложение исходило от Сокольников, Бухарина и других, которые стремились расширить советскую внешнюю торговлю и в то же время сомневались в способности Наркомата внешней торговли успешно решить эту задачу². Тогдашний нарком финансов Сокольников хотел заменить монополию внешней торговли режимом торговых концессий и добивался разрешения советским трестам и кооперативам закупать продовольствие за границей. Это очень встревожило Ленина, который предвидел опасные последствия ослабления внешнеторговой монополии. Поэтому он упорно отстаивал свою точку зрения, но натолкнулся на стойкое ²²⁴ сопротивление в верхних эшелонах, в том числе и на определенную оппозицию со стороны Сталина. Так, на письме Ленина от 15 мая 1922 г., адресованном Сталину и зам. наркома внешней торговли Фрумкину с предложением "формально запретить" все разговоры об ослаблении монополии, Сталин начертал: "Против "формального запрещения" шагов в сторону ослабления монополии внешней торговли на данной стадии не возражаю. Думаю все же, что ослабление становится неизбежным"³. Позднее Ленин призвал на помощь Троцкого и в конце концов одержал верх в закулисной борьбе вокруг монополии внешней торговли. В данном вопросе Сталин не был главным противником Ленина, но он все-таки занял противоположную позицию и цепко держался за нее, невзирая на ленинские атаки. Когда Троцкий напомнил об этом случае, выступая в конце 1926 г. на заседании Исполкома Коминтерна, Сталин

признал, что в вопросе монополии внешней торговли допустил ошибку. Стараясь принизить ее значение, он заявил, что действительно в период разрухи заготовительных органов он предлагал открыть временно один из портов для вывоза хлеба, и добавил "Но я не настаивал на своей ошибке и после переговоров с Лениным незамедлительно исправил ее"⁴. В этом заявлении, конечно же, преуменьшались как серьезность самой проблемы, так и значение вызванных ею трений. И все же разногласия относительно монополии внешней торговли не идут ни в какое сравнение с конфликтом, который разгорелся в связи с национальным вопросом. На этот раз Ленину пришлось схватиться со Сталиным в открытую. В размышлениях Ленина по национальному вопросу с самого начала присутствовали два важных момента. Один касался революционной партии, а другой — революции. Движимый желанием сохранить единое и строго централизованное русское революционное движение, он считал, что идея австрийских социал-демократов "национально-культурной автономии" грозит партии расколом. Именно данный аспект размышлений Ленина очень удачно развил Сталин в работе "Марксизм и национальный вопрос". Но как раз те самые центробежные силы национального сепаратизма, которые казались Ленину опасными с партийных позиций, вселяли надежду с точки зрения успеха революции, ибо они могли помочь разрушить царскую империю. Поэтому он со всей энергией отстаивал лозунг "о праве наций на самоопределение"; так поступать Ленину было тем легче, поскольку он испытывал глубокое отвращение к великорусскому шовинизму, к царской политике "единой и неделимой России". Когда же империя под влиянием войны и революции в самом деле рухнула и распалась, Ленин оказался перед политиче-225 ской дилеммой. Как враг великорусского национализма, он был склонен уважать право на национальное самоопределение, но, как революционный государственный деятель, он хотел сохранить под властью большевиков как можно больше от прежней империи. Не мог он игнорировать и такие факты, как, например, экономическая ценность бакинской нефти или стратегическое и политическое значение Закавказья и Средней Азии, населенных преимущественно неславянскими народами, или же огромная важность со всех точек зрения Украины со славянским, но не русским населением. Ленин попытался разрешить дилемму, с одной стороны уступая мощному давлению в пользу отделения Польши, Финляндии и Прибалтийских государств, а с другой — стараясь сохранить для революции остальную часть бывшей огромной империи. Обрусевшие представители национальных меньшинств (подобные Сталину и Орджоникидзе), которые не испытывали угрызений совести, навязывая малым народам советско-русскую власть, были послушным и эффективным инструментом в осуществлении второй линии. Как мы уже видели, Сталин всегда чувствовал себя неловко с лозунгом национального самоопределения, хотя иногда сам его повторял, и имел обыкновение занимать по этому вопросу уклончивую позицию. Так, например, на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г. он указал на необходимость "толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации. Принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма"⁵. Другими словами, на практике самоопределение означало советизацию. Ленин не был склонен разрешать проблему с помощью подобных казуистических формул. Позволяя революционным и практическим политическим соображениям превалировать над соблюдением принципа национального самоопределения (например, в Закавказье), он ощущал явное беспокойство по поводу подобного образа действий. Поэтому Ленин твердо решил предотвратить возврат к политике русификации, которую царское правительство проводило среди национальных меньшинств. Питая ненависть к прежнему русскому

национальному высокомерию, которое Ленин называл "великорусским шовинизмом", он постоянно заботился о том, чтобы Советская республика не подходила к подобным позициям к 65 миллионам (из 140 млн.) своих граждан, которые не являлись славянами или, если были таковыми, не принадлежали к великороссам. Более того, в прогрессивной политике по национальному вопросу он видел тот путь, на котором Советская Россия могла бы содействовать развитию мировой революции. Ведь если бы Рос-226 сия сумела продемонстрировать всему свету картину подлинного социалистического содружества наций, то идеи социализма показались бы более привлекательными, особенно народам Востока, все еще страдавшим под гнетом чужеземной власти. Выступая в феврале 1921 г. в Московском Совете и говоря с деланной искренностью о событиях, происходивших в Грузии, Ленин заявил: "И то, что нам удалось показать на Западе — это то, что, где Советская власть, там нет места национальному угнетению, — это мы покажем и на Востоке"⁶. На первых порах в национальном вопросе Ленину пришлось иметь дело с оппозицией группы левых коммунистов, которыми руководили Бухарин, Пятаков и другие, и, возможно, по этой причине он не сразу заметил еще более серьезные расхождения, существовавшие между ним и Сталиным. Как мы уже видели, у левых коммунистов было особое мнение относительно принципа национального самоопределения⁷. Они полагали, что марксист обязан подходить к обществу и политике с интернационалистских и классовых позиций и не должен слишком серьезно воспринимать идею национального самоопределения. Выступая в марте 1919 г. на VIII съезде по партийной программе, Бухарин, сославшись на цитировавшееся выше рассуждение Сталина, утверждал, что формулу самоопределения следует относить к трудящимся классам нации, а не к нации в целом, нужно уважать волю польского пролетария, а вовсе не польской буржуазии. Ради целей антиимпериалистической борьбы, однако, принцип национального самоопределения стоит признать, например, для готтентотов, бушменов, негров и индусов⁸. Возражая, Ленин заявил, что нации все еще неотъемлемый факт жизни общества и что партии необходимо с этим считаться. Затем он сухо заметил, что бушменов в России нет, а что касается готтентотов, он не слышал, чтобы они претендовали на автономную республику, но зато есть башкиры, киргизы и другие нерусские народы, которым нельзя отказать в признании. По его словам, в мире, и не только колониальном, нации — это политическая реальность. Удовлетворив право финнов на самоопределение, Советская Россия лишала финскую буржуазию возможности убедить трудящиеся массы в том, будто великороссы хотят их поглотить. Позднее, участвуя в дальнейшей дискуссии, Ленин вернулся к теме Финляндии. Он напомнил, что после сделанных по договору с недолговечным красным финским правительством территориальных уступок приходилось слышать от русских коммунистов возражения: "Там, дескать, хорошие рыбные промыслы, а вы их отдали". По поводу подобных возражений Ленин сказал: "Поскрести инога коммуниста — и найдешь великорусского шовиниста". Были также коммунисты 227 и даже в самом Наркомате просвещения, говорившие, что в единой школе можно обучать только на русском языке. "По-моему, — заявил Ленин, — такой коммунист, это — великорусский шовинист. Он сидит во многих из нас, и с ним надо бороться"⁹. Многие видные коммунисты разделяли беспокойство Ленина. Два года спустя на X съезде партии, на котором Сталин, будучи народным комиссаром по делам национальностей, доложил о политике партии в этой области, целый ряд выступавших выразил свою глубокую озабоченность великорусским национализмом. В содокладе представитель туркестанской делегации Г. И. Сафаров осудил существующие колониальные отношения между великороссами и населением Туркестана и предложил представленные Сталиным съезду тезисы по

национальной политике дополнить положением о "национально-культурном самоопределении" народов Советского Востока. Делегат Украины В. П. Затонский выступил против тенденции многих коммунистов думать о советской федерации как о российской. По его словам, революция пробудила к жизни национальные движения не только на окраинных нерусских землях, но и в центральной России. Тот факт, что Россия первой совершила коммунистическую революцию и из фактической колонии Западной Европы превратилась в центр мирового движения, породил среди некоторых русских коммунистов своего рода "русский красный патриотизм". Они не просто гордились своей принадлежностью к русской нации, но и смотрели на себя прежде всего как на русских и дорожили не столько Советской властью и советской федерацией, сколько тянулись к "единой, неделимой" России. Примечательно, что в заключительном слове Сталин игнорировал эти утверждения. Он отклонил предложенную Сафаровым поправку относительно национально-культурного самоопределения на том основании, что она "отдает" бундизмом. "Это бундовская формулировка: национально-культурное самоопределение, — сказал он. — Мы давно распростились с туманными лозунгами самоопределения — восстанавливать их не нужно" 10. Возможно, только теперь товарищи Сталина по партии начали осознавать, что сам комиссар по делам национальностей принадлежит к коммунистам, зараженным "русским красным патриотизмом", поскольку он имел склонность высказываться в духе единой и неделимой России. Поэтому можно считать парадоксальным, но вовсе не неожиданным тот факт, что Сталину и Ленину, в конце концов, было суждено разойтись по тому самому вопросу, который в свое время скрепил их отношения. Иначе и быть не могло еще и потому, что насколько чужд был русский национализм ленинской натуре, настолько глубоко он укоренился в характере Сталина. Раньше уже говорилось о том, что 228 Сталин обрусел, еще будучи молодым революционером, считая большевиков "истинно русской фракцией" марксистского движения. По иронии судьбы человек, который, по мнению Ленина, являлся ценным для партии в качестве представителя малых народов и который в течение длительного времени соглашался с таким определением этой своей основной роли в партии, представлял собою формирующегося русского националиста еще до их встречи и за многие годы до того момента, когда, к своему ужасу, Ленин обнаружил у него вполне сформировавшиеся русские националистические взгляды. Сталин отождествлял себя с Россией, в этом крылось его надменное отношение к культуре малых народов, прежде всего кавказских, обнаруженное нами в работе "Марксизм и национальный вопрос", — этим определялось то рвение, с которым он взял сторону Ленина и выступил против "национально-культурной автономии" в партии. Правда, в этой работе, доказывая "интернациональный тип" социал-демократической организации в России, он писал, что "рабочие прежде всего — члены одной классовой семьи, члены единой армии социализма", и добавил, что это имеет для них "громкое воспитательное значение" 11. Но первостепенное значение классовой принадлежности особо не подчеркивалось. Кроме того, как мы уже установили, в представлении Сталина не существовало противоречия между классовой категорией "истинный пролетарий" и национальной категорией "настоящий русский". Наоборот, эти понятия совмещались. По мнению Сталина, большевизм, или ленинизм, являлся подлинно марксистским, классовым революционным движением интернационального характера и в то же время насквозь русским. В апреле 1926 г. в одном из внутривнутрипартийных меморандумов, адресованном Кагановичу и другим членам бюро компартии Украины, Сталин определял ленинизм как "высшее достижение" русской культуры. В документе излагалось содержание беседы, состоявшейся между Сталиным и видным

украинским коммунистом Шумским, который настаивал на введении большего числа украинцев в руководство украинской компартией и профсоюзами и на принятии других мер по "украинизации", включая, по-видимому, использование украинского языка в государственном аппарате. Шумский полагал, что иначе движение интеллигенции за развитие украинской культуры пойдет помимо партии. Признав существование подобного движения, Сталин нашел предложение Шумского неприемлемым. Любая насильственная украинизация пролетариата сверху (правда, неясно, предлагал ли Шумский что-либо похожее), писал Сталин, лишь возбудит в неукраинских слоях пролетариата на Украине чувства антиукраинского шовинизма. Более того, нелепым, по его мнению, являлось требование некоторых украинских интеллигентов "дерусификации" украинского пролетариата и отрыв украинской культуры от Москвы в то самое время, когда западноевропейские пролетарии и их коммунистические партии с симпатией взирали на Москву, на знамя, развевающееся над цитаделью международного революционного движения и ленинизма. Шумский, дескать, не сумел разглядеть теневые стороны нового движения за украинизацию культуры и общественной жизни, не сумел увидеть опасности того, что "это движение, возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчужденность украинской культуры и украинской общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против "Москвы" вообще, против русских вообще, против русской культуры и ее высшего достижения ленинизма"¹². Ленину и его единомышленникам среди русских революционеров никогда бы не пришло в голову назвать большевизм (Ленин ни разу не употребил слова "ленинизм") высшим достижением "русской культуры". Как теория и практика пролетарской революции и диктатуры пролетариата ленинизм в их понимании представлял собою просто русский вариант марксизма, который в свою очередь являлся, в сущности, наднациональным и предусматривал окончательное слияние всех наций в общность более высокого уровня. Тот факт, что ленинизм нес на себе определенный русский отпечаток (благодаря месту своего возникновения), не вызывал у них тщеславия. А Сталин в отличие от них гордился русскими корнями ленинизма так же, как какой-нибудь патриотически настроенный французский радикал, возможно, гордится якобинством, усматривая в нем проявление глубокой сути Франции. Сталин считал ленинизм олицетворением славной исторической судьбы России. В то же время это обстоятельство, по его мнению, нисколько не ставило под сомнение всемирного значения ленинизма. В работе "Об основах ленинизма" Сталин настаивал на интернациональном характере ленинизма, который он определил как марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Из упомянутого меморандума 1926 г. совершенно ясно, что интернационализм Сталина ориентировался на Москву и Россию. На следующий год он вновь подчеркнул данный момент, определяя "интернационалиста" как человека, который "безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР"¹³. 230 В 1947 г. Сталин прославлял Москву (в связи с 800-летием основания) как исторический центр русской государственности, что было лишь подтверждением позиции, сформировавшейся в начале 20-х годов, т.е. его восхищения цитаделью международного революционного движения и ленинизма. Он чрезвычайно гордился тем, что мог считать себя жителем Москвы и русским. В телеграмме, отправленной в Тифлис в феврале 1922 г., он назвал себя "москвичом"¹⁴. Выражения "мы русские марксисты" и "мы — русские большевики" часто мелькают в его сочинениях 20-х годов. В интервью с Эмилем Людвигом в 1931 г. Сталин русифицировал даже свои революционные корни,

заметив, что к марксизму он приобщился в пятнадцатилетнем возрасте, когда "связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье"¹⁵. В действительности же, как Сталин сам признался в беседе с тифлисскими железнодорожниками в 1926 г., первый марксист, с которым ему довелось повстречаться, был грузином, а вовсе не русским. Однако и во время визита в Тифлис в 1926 г. он всячески демонстрировал свое русофильство. Будучи на спектакле тифлисского оперного театра, он, беседуя в антракте с композитором Баланчивадзе, отметил влияние произведений русских композиторов, в частности Чайковского, на грузинских композиторов¹⁶. В 1923 г. на XII съезде партии Сталин вместе с великорусским шовинизмом сурово осудил и местный шовинизм, который возникает, по его словам, как реакция на великорусский шовинизм. Определенные круги за рубежом намеревались будто бы "устроить в мирном порядке то, чего не удалось устроить Деникину, т.е. создать так называемую "единую и неделимую"" Россию. Основная опасность состояла в том, что "в связи с нэпом у нас растет не по дням, а по часам великодержавный шовинизм, старающийся стереть все нерусское, собрать все нити управления вокруг русского начала и придавить нерусское"¹⁷. Это было довольно верное описание русских националистических поползновений, встревоживших Ленина и других партийцев, которое, однако, не отражало истинной позиции Сталина. Как мы увидим, условия, при которых ему пришлось выступить на съезде, обязывали скрывать собственное предвзятое отношение к тому самому явлению, которое он осуждал. Другое заявление, ранее сделанное в несколько иной обстановке, позволяет лучше оценить реальную позицию Сталина в данном вопросе. Открывая 1 января 1921 г. совещание коммунистов тюркских народов РСФСР, он в импровизированном коротком обращении сказал, что перед этими и другими народами стоит проблема преодоления националистических пережитков и даже "националистического уклона". А вот в истории развития русского коммунизма, продолжал Сталин, борьба с националистическим уклоном никогда не имела серьезного значения. Будучи в прошлом правящей нацией, русские вообще и русские коммунисты в частности не испытывали национального гнета и, следовательно, не имели дела с националистическими тенденциями в своей среде (если не считать некоторых настроений великодержавного шовинизма) и поэтому не сталкивались с проблемой их преодоления¹⁸. Как видно, Сталин забыл исторические примеры проявления национализма правящими нациями и оказался не в состоянии увидеть великодержавного шовинизма, хотя сам же, правда бегло, указал на него, как на серьезную проблему. Между высокомерным русофильством Сталина и взглядами Ленина существовала глубокая пропасть, которая со всей беспощадностью открылась Ленину в 1922 г. Конституционная проблема Глубокие политические конфликты нередко выплескиваются наружу в вопросах, которые на первый взгляд кажутся второстепенными. Вопрос, который в данном случае сыграл именно такую роль, касался юридического оформления советской конституционной структуры. Он возник еще в январе 1920 г., когда Сталин, находившийся тогда на Южном фронте, прислал Ленину письмо с комментариями относительно проекта тезисов по национальному и колониальному вопросам, подготовленных ко II конгрессу Коминтерна. В седьмом пункте тезисов Ленин указал на "федерацию" как на переходную форму к полному единству трудящихся разных наций. Федерация, по мнению Ленина, уже на практике продемонстрировала свою целесообразность как в отношениях РСФСР с другими советскими республиками (например, с Украиной), так и в предоставлении внутри РСФСР автономии национальностям, ранее ее не имевшим (например, башкирам). Здесь подчеркивалось различие между "союзными республиками" (Украина, Белоруссия, Азербайджан), с которыми РСФСР имела договорные отношения, и "автономные республики", которым конституция

гарантировала некоторые политические полномочия, но которые формально не считались самостоятельными. В письме Ленину Сталин усомнился в том, что Советская Германия, Польша, Венгрия или Финляндия сразу пожелают пойти на федеративные отношения с Советской Россией, и предложил избрать формой сближения в будущем "конфедерацию" или "союз самостоятельных государств". По его словам, разные типы федеративных отношений внутри Советского государства вряд ли помогут решить проблему, поскольку "на самом деле этой разницы нет, или она так мала, что равняется нулю"¹⁹. В этой переписке уже видны признаки назревавшего конфликта Сталина с Лениным по вопросам национальной политики. В 1922 г. партийное руководство решило перестроить конституционную систему федеративных отношений. Сталина назначили главой комиссии ЦК по выработке проекта. Надо сказать, что в данном вопросе в высших партийных кругах выявились глубокие разногласия. Одни хотели включить Украину, Белоруссию и Закавказскую федерацию (в которую входили Азербайджан, Армения и Грузия) непосредственно в РСФСР на правах автономных республик. Другие (сторонники крайней централизации) выступали за слияние всех существовавших республик в "Российскую Советскую Республику" и отрицали всякую федерацию, то есть пропагандировали единую и неделимую Россию, но уже советскую. С другой стороны, существовали не только грузинские и башкирские, но и другие партийные лидеры, которые высказывались за более свободное федеративное государство, в котором даже автономные республики имели бы союзный статус. Для комиссии Сталин составил проект тезисов, которые отражали позицию первых двух групп. Украине, Белоруссии, Азербайджану, Грузии и Армении предстояло войти в Российскую Федерацию в качестве автономных республик, а высшие государственные органы РСФСР должны были стать таковыми и для этих республик²⁰. Сталин, безусловно, принадлежал к централистам. Переданный Центральным Комитетом приграничным республикам для ознакомления сталинский план "автономизации" был воспринят без особого энтузиазма. Партийные руководители Украины и Белоруссии не выступили против открыто, но встретили его более чем сдержанно. ЦК Азербайджана полностью поддержал проект, конечно же, благодаря влиятельной позиции Кирова. Так же поступило орджоникидзевское Кавбюро и Центральный Комитет Армении. ЦК Коммунистической партии Грузии, однако, однозначно высказался против. В резолюции от 15 сентября, невзирая на возражения присутствовавших на заседании Орджоникидзе и Кирова, голосовавших против этой резолюции, грузинский ЦК объявил предложенную Сталиным автономизацию преждевременной. Объединение хозяйственных усилий и общая политика признавались необходимыми, но "с сохранением всех атрибутов независимости"²¹. Тем не менее комиссия Центрального Комитета, заседавшая под председательством Молотова 23 — 24 сентября 1922 г., приняла план автономизации. При голосовании воздержался Мдивани, представлявший в комиссии Грузию. На следующий день проект Сталина, резолюцию комиссии и протоколы заседаний направили в Горки Ленину. Тогда же, не ожидая ответа Ленина, Секретариат ЦК (то есть Сталин), в порядке подготовки к пленуму, намеченному на 5 октября, разослал резолюцию комиссии всем членам Центрального Комитета²². Реакция Ленина оказалась быстрой и негативной. Поговорив со Сталиным 27 сентября, он суммировал свою позицию в письме Каменеву, отправленном в тот же день и предназначенном для членов Политбюро. Вопрос, писал Ленин, архиважный, а "Сталин немного имеет устремление торопиться". Сталин, продолжал он, уже согласился на одну уступку: в резолюции не будет говориться о "вступлении" остальных республик в РСФСР (то есть об их автономизации), а для выражения равноправия с Российской Федерацией пойдет

речь об их "формальном объединении с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии". Однако требовалось внести и другие изменения. Вместо превращения ЦИК РСФСР в высший правительственный орган всех Советских республик следовало иметь общесоюзный ВЦИК. Аналогичным образом определенные административные функции должны были выполняться общесоюзными наркоматами, расположенными в Москве, а не сохраняться за существующими комиссариатами РСФСР. Очень важно, пояснил Ленин, не давать пицци "независимцам", не уничтожать их независимости, а, наоборот, создать "новый этаж, федерацию равноправных республик"²³. Ленинское письмо Сталин воспринял враждебно. 27 сентября он разослал послание Ленина вместе с собственным письмом, содержащим некоторые возражения против предложений Ленина, всем членам Политбюро. Создание в Москве ЦИК федерации наряду с таким же органом РСФСР, заявил Сталин, приведет лишь к конфликтам и спорам, поскольку одно из учреждений неизбежно превратится в "нижнюю палату", а другое — в "верхнюю палату". Показывая, насколько его ранили слова Ленина о склонности к торопливости, Сталин далее заметил, что товарищ Ленин сам "немного поторопился", предлагая слияние некоторых существующих наркоматов с общесоюзными комиссариатами. "Нет никаких сомнений, — добавил Сталин, — что эта "торопливость" "дает пицци независимцам" в ущерб национальному либерализму товарища Ленина"²⁴. Однако несмотря на вспышку раздражения, Сталин переработал резолюцию комиссии ЦК в соответствии с рекомендациями Ленина. В ней в общих чертах давалось описание федеративной системы СССР, смоделированной позднее заново в соответствии с новой 234 Советской Конституцией 1924 г. В измененной форме резолюцию представили Центральному Комитету, собравшемуся 5 октября на двухдневный пленум. Острая зубная боль не позволила Ленину быть на заседании 6 октября, но он в тот день послал Каменеву короткую записку, в которой, явно имея в виду изложенные выше события, заявил: "Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть"²⁵. Грузинское дело Под влиянием событий в Грузии конфликт между Лениным и Сталиным достиг своего апогея. В 1921 г. Орджоникидзе поссорился с влиятельной группой грузинских коммунистических лидеров из-за спорных вопросов, касавшихся государственной организации Закавказья. Объединение само по себе представлялось желательным уже по хозяйственным соображениям, но не было согласия относительно наиболее подходящей формы. Предложенный Сталиным и Орджоникидзе план предусматривал образование Закавказской федерации, в рамках которой Грузия, Азербайджан и Армения продолжали бы существовать в виде самостоятельных, но тесно взаимосвязанных республик. В результате возник бы государственный орган всего Закавказья, подчиненное Кавбюро, чей контроль над политической жизнью всего региона усилился бы. Позднее Орджоникидзе совершенно недвусмысленно признал наличие подобных соображений, заявив на совещании закавказских партийных организаций: "Эту истину — о необходимости организации в Закавказье административно-политического центра - усвоил себе даже тупой русский царизм"²⁶. На пленуме, состоявшемся в Баку 3 ноября 1921 г., Кавбюро в присутствии секретаря ЦК Молотова решило приступить к реализации плана создания федерации. О принятом решении сообщили Политбюро, для которого это явилось полной неожиданностью, и оно запросило у Орджоникидзе дополнительную информацию по данному вопросу. Местные партийные круги также оказались захваченными врасплох, поскольку Кавбюро приняло решение без предварительного обсуждения с тремя закавказскими ЦК партии и в отсутствие Мдивани, одного из членов бюро. В последующем Кавбюро добилось согласия этих партийных органов, однако в Грузии пришлось преодолеть сильную оппозицию значительной группы

коммунистических руководителей во главе с Мдивани, который объявил план создания федерации "преждевременным"²⁷. 235 Испытывающие трудности в налаживании отношений со своим народом и стремившиеся сохранить хотя бы внешние атрибуты национальной независимости, грузинские коммунисты были обеспокоены скороспелой федерацией и не хотели быть свидетелями того, как Орджоникидзе усиливает свою власть. Их возмутила поспешная и высокомерная манера действий Кавбюро, и, желая притормозить образование федеративной структуры, они, вспыльчивые как все грузины, разгорячились еще больше. На заседании президиума ЦК Грузии Мдивани 23 ноября заявил, что весь грузинский Центральный Комитет, за исключением трех членов, считает Орджоникидзе "злым гением" Кавказа и полагает необходимым добиваться его отзыва. Через два дня Мдивани передал Сталину по телеграфу личное послание, в котором протестовал против существовавшей процедуры принятия решений, жаловался на то, что "Серго обвиняет грузинских коммунистов, главным образом меня, в шовинизме", и предлагал изменить персональный состав Кавбюро. Узнав о поступке Мдивани, Орджоникидзе и Орахелашвили вынудили ЦК компартии Грузии установить правило, запрещающее любому члену обращаться в вышестоящие партийные инстанции, если Центральному Комитету не представлена копия послания. Такой оборот дела вызвал сильные нарекания со стороны московского ЦК, который предложил Орджоникидзе отменить новое правило и предостеречь от введения какой бы то ни было цензуры. Все члены партии могли и в дальнейшем сообщать свою позицию по любому вопросу непосредственно в ЦК²⁸. Как и следовало ожидать, обращение через голову Орджоникидзе к Сталину ни к чему путному не привело, ибо творцом курса, который проводил Орджоникидзе, являлся сам Сталин. Когда к концу ноября Кавбюро в ответ на требование Политбюро предоставить дополнительную информацию выслало в Москву относящиеся к делу документы, Сталин, изучив поступивший материал, составил проект резолюции Политбюро, который направил на одобрение Ленину. Текст письма Сталина никогда не публиковался (по свидетельству советских историков его нет даже в Центральном партийном архиве), но, судя по ответу Ленина от 28 ноября 1921 г., Сталин согласился с планом создания федерации, обойдя, правда, предостережение относительно необходимости продвигаться постепенно и прилагать все силы, чтобы убедить местное население и партийцев на местах в преимуществах федерации. 23 ноября Ленин получил телеграмму от Михаила Фрунзе, большевистского лидера и члена ЦК, совершавшего поездку по Кавказу, в которой говорилось о существующей среди грузинских коммунистов оппозиции планам федерирования и об их недовольстве тем, как эти планы навязываются²³⁶. В записке Сталину, посланной через два дня, Ленин одобрил его проект постановления, но предложил сформулировать "чуть-чуть иначе". В частности, в редакции Ленина говорилось о необходимости признать федерацию закавказских республик принципиально абсолютно правильной, "но в смысле немедленного практического осуществления преждевременной", то есть требующей нескольких недель обсуждения, пропаганды и проведения снизу через Советы. Центральным комитетам трех закавказских республик предлагалось поставить вопрос о федерации на обсуждение партии, рабочих и крестьянских масс, организовать агитацию за федерацию через съезд Советов каждой республики, а в случае сильной оппозиции своевременно проинформировать Политбюро. В тот же день Сталин принял поправки Ленина, но предложил вместо слов "несколько недель" записать: "известный период времени". Он пояснил, что нескольких недель не хватит, чтобы вопрос о федерации решить в грузинских Советах, которые "только начинают строиться"²⁹. Проект резолюции Ленина с этой поправкой Политбюро одобрило на

следующий день. Но ни сопротивление грузинских коммунистов плану федерации, ни раздоры Орджоникидзе с их лидерами на этом не кончились. Незадолго до возвращения в Грузию в качестве наркома земледелия Махарадзе 6 декабря 1921 г. передал Ленину и ЦК докладную записку, в которой утверждал, что экономическое объединение Закавказья было проведено сверху без предварительной подготовки и "в порядке боевых приказов". Что же касается федерации, то это, по его мнению, представляло собой формальный акт политического объединения, точно так же навязанного сверху, который ничего не давал и означал "лишь создание на верхушке еще одного лишнего бюрократического аппарата, крайне непопулярного в глазах масс и совершенно изолированного от них"³⁰. 13 декабря Сванидзе направил личное письмо своему высокопоставленному родственнику следующего содержания: "Дорогой Иосиф! В последнее время не было ни одного заседания ЦК, которое бы не начиналось и не кончалось бурными сценами между Серго и Буду... (Орджоникидзе) колотит нас тяжелой дубинкой авторитета Центра, к которому, кстати, мы питаем не меньше уважения и доверия, чем товарищи из Кавбюро... Об одном прошу убедительно, примирить как-нибудь Серго и Буду, если это объективно возможно. Научи их относиться друг к другу с уважением. P. S. Я бесконечно буду тебе благодарен, если ты вырвешь меня из этой атмосферы и дашь мне возможность работать в какой-нибудь иностранной миссии"³¹. 237 Просьба Сванидзе относительно работы за границей была удовлетворена (его назначили советским торговым представителем в Берлине), однако нет свидетельств того, что Сталин постарался примирить Орджоникидзе и Мдивани. Действуя по старой привычке за кулисами и предоставляя другим сражаться в открытую, он был главным действующим лицом конфликта. К концу 1922 г. федерация все же стала реальностью. Но когда осенью того же года возник вопрос о конституции, конфликт вспыхнул с новой силой. Мдивани и его друзья, недовольные сталинским планом "автономизации", весьма приободрились, обнаружив в беседах с Лениным, что он также против такого плана и за союз (по форме) равноправных Советских республик. Мдивани встретился с Лениным 27 сентября, чтобы обсудить проблему выработки конституции, а через два дня у Ленина состоялся разговор с тремя сторонниками Мдивани: М. С. Окуджавой, Л. Е. Думбадзе и К. М. Цинцадзе. В этой беседе Ленин поинтересовался: "Если "автономизация" плохо, а как "Союз"?" Обрадованные грузины ответили, что если маленькая Грузия и Российская Федерация вступят в СССР на равных, то этим они будут "kozyрять" перед массами³². Состоявшийся 5 — 6 октября 1922 г. пленум ЦК одобрил ленинский план образования СССР при условии, что и Российская Республика и Закавказье войдут в него в качестве федераций. Хотя грузинская оппозиция, таким образом, получила лишь частичное удовлетворение, ее лидеров обрадовало, что в борьбе с теми, кого некоторые выступавшие на октябрьском пленуме клеймили "великодержавниками", у них есть такой мощный союзник, как Ленин. В этой связи один из грузин заявил: "Мы по Ленину, они за военный коммунизм"³³. "Они" относилось прежде всего к Сталину и Орджоникидзе. Новый поворот дела настолько приободрил грузинских представителей, что, вернувшись домой, они снова подняли вопрос о федерации, предложив на пленуме Тифлисского комитета партии, чтобы Грузия вступила в СССР в качестве самостоятельной республики. Орджоникидзе был вне себя и на заседании, состоявшемся 20 октября или на следующий день, заявил: "Верхушка ЦК КП(б) Грузии является шовинистической гнилью, которую надо немедленно отбросить". Этой же ночью семь человек из числа присутствовавших, включая Махарадзе, вызвали по прямому проводу Москву и продиктовали оказавшемуся на другом конце А. Енукидзе резкую жалобу на Орджоникидзе для передачи Ленину через Бухарина и Каменева (они явно не доверяли И. В. Сталину). На другой день грузинский

ЦК девятью голосами против трех высказался за то, чтобы ходатайствовать о непосредственном вступлении Грузии в СССР. Однако Ленин, 238 передав жалобу в Секретариат, то есть, по сути, Сталину, направил грузинам телеграмму, в которой еще раз подтвердил решение октябрьского пленума и упрекнул за выпады против Орджоникидзе. Сталин же 22 октября телеграфировал Орджоникидзе: "Мы намерены покончить со склокой в Грузии и основательно наказать Грузинский ЦК. Сообща, кого мы должны еще перебросить из Грузии, кроме отозванных четырех. По моему мнению, надо взять решительную линию, изгнав из ЦК все и всякие пережитки национализма. Получил ли телеграмму Ленина, он взбешен и крайне недоволен грузинскими националами"³⁴. В этот момент Грузинский ЦК в полном составе подал в отставку. Несогласное большинство послало Ленину телеграмму, в которой извинялось за резкий язык первого своего послания, но снимало с себя всякую ответственность за конфликт. Тем временем Орджоникидзе, опираясь на мощную поддержку Сталина, приступил к чистке грузинской партии, удаляя оппозиционеров с государственных постов. Но к этому моменту в высших партийных кругах Москвы поняли, что в Грузии сложилась ненормальная ситуация. Каменев и Бухарин предложили в Политбюро поручить ЦК создать комиссию по расследованию. Не будучи в состоянии возразить, Сталин сделал ловкий ход, заявив, что самым подходящим кандидатом на пост руководителя комиссии является Дзержинский, в то время поправлявший здоровье на берегу Черного моря в Сухуми. Енукидзе, которого Ленин прочил на эту роль, предусмотрительно отказался. В итоге Секретариат назначил Дзержинского председателем, а В. С. Мицкявичуса-Капсукаса и Л. Н. Сосновского — членами комиссии. Ленина, помнившего отрицательное отношение Дзержинского в прошлом к лозунгу национального самоопределения, состав комиссии не обрадовал, и при голосовании, проведенном среди членов Политбюро по телефону, он воздержался. Сталин, Каменев, Калинин и Зиновьев поддержали предложение, а Троцкий заявил: "Не возражаю". Только что вернувшийся из зарубежной поездки Мдивани высказался против такого состава комиссии, особенно против Сосновского. Сталин пошел навстречу и заменил Сосновского одним из своих сторонников, украинцем Мануильским³⁵. Не очень веря в объективность комиссии, Ленин попросил своего заместителя в Совнарком Рыкова отправиться в Тифлис и провести независимое расследование. В конце ноября 1922 г., перед началом работы комиссии Дзержинского, на тифлисской квартире Орджоникидзе произошел крайне неприятный инцидент. Рыков беседовал с неким А. А. Кобахидзе, единомышленником Мдивани. Когда Орджоникидзе вмешался в разговор, Кобахидзе упрекнул его в том, что он имеет собственного белого коня, и затем допустил оскорбительное выражение, за что пришедший в ярость Орджоникидзе ударил Кобахидзе по лицу³⁶. В опубликованных после смерти Сталина мемуарах Анастас Микоян пояснил, что белого коня Орджоникидзе подарили горцы, когда тот вернулся на Кавказ. Приняв подарок (к чему обязывал кавказский обычай), Орджоникидзе передал коня в конюшню Реввоенсовета и выезжал на нем только во время парадов в Тифлисе. Кобахидзе же несправедливо обвинил его чуть ли не в коррупции³⁷. Узнав от Дзержинского об инциденте, Ленин реагировал так, будто он сам получил пощечину. Его также привело в негодование сообщение о том, что на открытом заседании Сталин и Орджоникидзе пренебрежительно назвали большинство грузинского ЦК "уклонистами" и говорили о необходимости выжечь каленым железом националистические настроения³⁸. Ленин считал, что это переходит всякие границы. Он не мог смириться с мыслью, что члены его правительства так вели себя по отношению к малому народу. Поступок Орджоникидзе он считал недопустимым, а фигура Сталина, для грубых манер которого Ленин не раз находил оправдания, стала принимать зловещие очертания. Наконец-

то в душе Ленин встал на сторону грузинской оппозиции. Докладывая 12 декабря о результатах работы комиссии, которая в начале месяца провела в Тифлисе четырехдневные слушания, Дзержинский старался обелить Сталина и Орджоникидзе. Но это не успокоило Ленина. Он дал указание Дзержинскому вернуться в Грузию и собрать более подробную информацию об инциденте между Орджоникидзе и Кобахидзе. Вскоре после этого, 16 декабря, Ленина вновь разбил паралич. Оправившись в достаточной степени, чтобы ежедневно понемногу работать, Ленин 30 — 31 декабря продиктовал записку "К вопросу о национальностях или об "автономизации"". Эта последняя работа Ленина по национальному вопросу содержала суровое обвинение Сталина. Начав с признания собственной вины в том, что не вмешался достаточно энергично в вопрос об автономизации, Ленин напомнил о своей беседе с Дзержинским и о факте рукоприкладства Орджоникидзе. Если дело зашло так далеко, заявил Ленин, то можно себе представить, "в какое болото мы слетели". Видимо, вся эта затея автономизации оказалась в корне неверной и несвоевременной. Как говорили сторонники автономизации, продолжал он, требовался единый аппарат. Но откуда исходили эти уверения, если не от того самого "российского аппарата", который заимствован у царизма и только подмазан чуть-чуть советским мирром? Существовала огромная опасность, что ничтожный процент советских или советизированных рабочих 240 "будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке". При таких условиях, писал Ленин, объявленная свобода выхода из союза не способна защитить российских инородцев от нашествия того великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Не было принято никаких мер, говорилось далее, чтобы защитить меньшинство от подобных типов. "Я думаю, — заявил Ленин, — что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторская увлеченность Сталина, а также его озлобление против пресловутого "социал-национализма"". "Озлобление, продолжал он, — вообще играет в политике самую худую роль". Дзержинский, по словам Ленина, во время поездки на Кавказ также отличался своим истинно русским настроением. Здесь Ленин в скобках заметил, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения. "Русское рукоприкладство" Орджоникидзе нельзя оправдать никаким оскорблением, как это пытался сделать Дзержинский. Будучи человеком, наделенным властью на Кавказе, он не имел права терять выдержку. Орджоникидзе следовало примерно наказать, а Сталин и Дзержинский должны понести политическую ответственность за великорусско-националистическую кампанию. Рассматривая проблему в более широком плане, Ленин утверждал, что нужно отличать национализм большой угнетающей нации от национализма нации угнетенной, нации маленькой. В обращении с национальными меньшинствами лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости. Вред от разъединения аппаратов национальных с аппаратом русским был бы неизмеримо меньше, чем тот вред, который проистек бы от грубого и несправедливого отношения к собственным инородцам не только для Советской России, но для всего Интернационала, для сотен миллионов народов Азии, вот-вот готовых к выступлению. Тот грузин, который не проявляет сугубой осторожности и предупредительности, пренебрежительно бросает обвинение в "социал-национализме", который сам является настоящим "социал-националистом" и грубым великорусским держимордой, тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности³⁹. В порядке дальнейшей подготовки к докладу по национальному вопросу, с которым Ленин предполагал выступить на предстоящем XII съезде партии, он к концу января попросил своего секретаря Фотиеву достать для него материалы расследования

комиссии Дзержинского в Грузии. При этом она столкнулась с трудностями. Вернувшись из второй поездки, Дзержинский отослал ее к Сталину, который отказался передать материалы 241 без разрешения Политбюро и заметил, что она (т. е. Фотиева) нарушает установленный режим, согласно которому Ленину не следовало давать информацию по текущим вопросам⁴⁰. На заседании, состоявшемся 1 февраля, на котором Сталин не скрывал своего нежелания удовлетворить просьбу Ленина, Политбюро приняло решение позволить Ленину ознакомиться с материалами. Получив их, Ленин назначил комиссию в составе трех секретарей (Фотиевой, Гляссер и Горбунова) для изучения грузинского инцидента. Доклад этой комиссии, поступивший к Ленину 3 марта, побудил его предпринять дальнейшие шаги. 5 марта он продиктовал письмо Троцкому с просьбой разобраться с грузинским делом на намечавшемся предсъездовском пленуме Центрального Комитета. "Дело это, писал Ленин, — сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным". На другой день он отправил следующую записку лидерам грузинской оппозиции, Мдивани и Махарадзе (в копии Троцкому и Каменеву): "Всею душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь"⁴¹. В тот же день его состояние вновь резко ухудшилось, а 10 марта Ленин перенес еще один приступ, который подвел финальную черту под его активной жизнью. Вместе с письмом от 5 марта Троцкий получил копию ленинских заметок по национальному вопросу, составленных 30 — 31 декабря. Через Фотиеву он попросил разрешения ознакомиться с материалами Каменева, который готовился выехать в Грузию. Поговорив с Лениным, Фотиева вернулась с отрицательным ответом. "Владимир Ильич, — заявила она, — говорит: "Каменев сейчас же все покажет Сталину, а Сталин заключит гнилой компромисс и обманет!" На вопрос Троцкого, означает ли это, что Ленин не считает больше возможным заключать со Сталиным компромисс "даже на правильной линии", Фотиева ответила: "Да, Ильич не верит Сталину, он хочет открыто выступить против него перед всей партией. Он готовит бомбу"⁴². Однако в итоге, на "гнилой компромисс" пошел сам Троцкий, который проинформировал Каменева о том, что он против снятия Сталина, исключения Орджоникидзе и перемещения Дзержинского с поста наркома путей сообщения. Троцкий лишь потребовал изменить политику в национальном вопросе, покончить с преследованиями грузинских оппонентов Сталина и административным гнетом в партии, проводить более твердый курс на индустриализацию и на "честное сотрудничество" в руководящих органах⁴³. 242 Сталин был только рад в полной мере удовлетворить требования по всем пунктам и принять конкретное предложение Троцкого, касавшееся включения в тезисы по национальному вопросу (подготовленные Сталиным к предстоящему съезду) резкого осуждения великорусского шовинизма и идеи "России единой и неделимой". В Политбюро он даже предложил поручить Троцкому, как "наиболее популярному члену ЦК" выступить на съезде вместо Ленина с основным докладом⁴⁴. Троцкий со своей стороны согласился оставить за Политбюро право решить, следует ли вообще ознакомить съезд с записями Ленина. И Политбюро постановило вместо публикации материалов в качестве документов съезда зачитать их на закрытых заседаниях отдельных делегаций (эти материалы не публиковались до 1956 г.). Все это подготовило почву для довольно скучного XII партийного съезда, который собрался в апреле. Учитывая, что Троцкий безмолвствовал, Сталин без труда выдержал дебаты по национальному вопросу. Подчеркивая в соответствии с договоренностью особую опасность великорусского шовинизма, он одновременно

крепко ударил и по своим грузинским противникам. Прицеляясь "грузинский шовинизм", он использовал свой конфликт с "товарищами-уклонистами" для иллюстрации справедливости утверждения, что "оборонительный национализм" некоторых республик имел тенденцию превращаться в национализм "наступательный". Сталин обвинил грузинскую оппозицию в том, что ее сопротивление плану создания федерации обусловлено желанием в националистических целях извлечь выгоду из "привилегированного положения" Грузии в Закавказье. И, пересказывая историю с собственным предложением Ленину относительно предоставления больше времени для продвижения плана через грузинские Советы, Сталин представил дело так, как будто он, а не Ленин призывал к осторожности в данном вопросе. В одном из своих выступлений на съезде он, имея в виду группу Мдивани, с насмешкой заметил, что "у некоторых товарищей, работающих на некотором куске советской территории, называемом Грузией, там, в верхнем этаже, по-видимому, не все в порядке"⁴⁵. С записями Ленина (в некоторых выступлениях названными "письмом" по национальному вопросу) съезд ознакомили на заседаниях делегаций, однако документ не был опубликован, что во многом ослабило его политическое воздействие. Тщетно ссылаясь на Ленина Мдивани как на "школу Ильича по национальному вопросу"⁴⁶. Тщетно лидер украинских большевиков Николай Скрыпник жестоко критиковал присутствовавшее на съезде "партийное болото", то есть тех, кто, голосуя за резолюцию по национальному вопросу, в глубине сердца оставался ве-243 ликодержавником. Не много удалось сделать и Бухарину, говорившему в защиту грузин. "Я понимаю, — заметил он, — когда наш дорогой друг, т. Коба Сталин, не так остро выступает против русского шовинизма и что он как грузин выступает против грузинского шовинизма". Затем Бухарин испросил позволения в качестве лица негрузинской национальности сосредоточить огонь на российском шовинизме. По его словам, сущность ленинизма по национальному вопросу заключалась в борьбе с этим главным шовинизмом, который генерировал другие, местные формы шовинизма, возникшие в качестве ответной реакции. С тем чтобы "компенсировать" свое прошлое великой державы, продолжал Бухарин, великороссу следовало поставить себя в неравное положение в смысле уступок национальным течениям. В национальном вопросе соображения хозяйственной целесообразности и административной эффективности должны отойти на второй план. Ведь спиливать телеграфные столбы на баррикады и передавать крупные имения помещиков мужикам с экономической точки зрения было также неразумно. Так почему же Ленин с такой бешеной энергией забил тревогу по поводу грузинского вопроса и не сказал ни слова об ошибках местных уклонистов? Будучи гениальным стратегом, заметил Бухарин, он понимал, что нужно бить главного врага. Поэтому не было смысла говорить теперь о местном шовинизме, который являлся темой второй фазы борьбы. Это была смелая попытка Бухарина изменить направление дискуссии, однако нисколько не похожая на ту "бомбу", которую Ленин якобы намеревался взорвать, чтобы нанести удар Сталину. Бухарин сам намекнул об этом, заявив съезду: "Если бы т. Ленин был здесь, он бы задал такую баню русским шовинистам, что они бы помнили десять лет"⁴⁷. Прошло более трех лет, прежде чем Троцкий, в то время уже сражавшийся ради спасения собственной политической карьеры против превосходящего противника, решился атаковать Сталина по национальному вопросу. Записи Ленина обсудили за закрытыми дверями на пленуме ЦК в июле 1926 г., их отпечатали вместе с секретными материалами совещания, и они начали циркулировать в отдельных копиях. В конце того же года, в период серьезной конфронтации между Троцким и Сталиным на расширенном заседании Исполкома Коминтерна, Троцкий публично обвинил Сталина в том, что он совершил крупные ошибки в национальном вопросе. На это Сталин ответил: "Это неверно,

товарищи. Это — сплетня. Никаких разногласий по национальному вопросу с партией или с Лениным у меня не было никогда. Речь идет тут у Троцкого, должно быть, об одном незначительном инциденте, когда тов. Ленин перед 244 XII съездом нашей партии упрекал меня в том, что я веду слишком строгую организационную политику в отношении грузинских полунационалистов, полукommunistов типа Мдивани, который был недавно торгпредом во Франции, что я "преследую" их. Однако последующие факты показали, что так называемые "уклонисты", люди типа Мдивани, заслуживали на самом деле более строгого отношения к себе, чем это я делал, как один из секретарей ЦК нашей партии... Ленин не знал и не мог знать этих фактов, так как он болел, лежал в постели и не имел возможности следить за событиями. Но какое отношение может иметь этот незначительный инцидент к принципиальной позиции Сталина?"⁴⁸ Однако Троцкий был в состоянии подкрепить свои обвинения многими упоминавшимися выше материалами, и он поступил именно так в известном партийном документе — в "Письме в Истпарт", о котором пойдет речь ниже, в девятой главе. Несостоявшаяся чистка 12 декабря 1922 г. Ленин, выслушав Дзержинского, доложившего о результатах расследования в Грузии, на следующий день провел двухчасовую беседу со Сталиным, которая оказалась последней⁴⁹. Приступ болезни, последовавший 16 декабря, явился началом периода резко ограниченной активности, продолжавшегося до начала марта, то есть до того момента, когда Ленина парализовало в результате нового удара. Принимать непосредственное участие в политических делах он больше не мог, однако, преодолевая сопротивление лечащего врача, желавшего установить ему режим абсолютного покоя, Ленин добился разрешения ежедневно диктовать для своего так называемого дневника. После того как Сталин, Бухарин и Каменев 24 декабря проконсультировались с докторами, было решено, что Ленин может диктовать ежедневно в течение 5 — 10 минут (позднее этот промежуток времени увеличили), но что эти записи не должны носить характер почтовой корреспонденции, что ему не следует принимать посетителей и что окружавшие Ленина люди не должны информировать его о текущих политических событиях⁵⁰. Обстоятельному совещанию с врачами предшествовал, возможно спровоцированный, неприятный инцидент. С особого разрешения немецкого невропатолога, профессора Ферстера, консультировавшего врачей Ленина, он 21 декабря продиктовал Крупской короткое письмо Троцкому. В нем выражалось удовлетворение благоприятным исходом борьбы за сохранение монополии внешней торговли и содержалось предложение Троцкому ²⁴⁵ не останавливаться, а "продолжать наступление", для чего поставить на предстоявшем партсъезде вопрос об укреплении внешней торговли⁵¹. Узнав о письме, Сталин, которого, должно быть, тревожили признаки враждебного к нему отношения Ленина, пришел в ярость. Воспользовавшись тем, что Центральный Комитет возложил на него персональную ответственность (по-видимому, в силу занимаемого поста Генерального секретаря) за соблюдение установленного для Ленина врачебного режима, Сталин позвонил Крупской, грубо обругал ее и угрожал Контрольной комиссией (органом, утверждавшим партийную дисциплину) за то, что она нарушила врачебное предписание. На следующий день, 23 декабря, Крупская направила Каменеву следующее письмо: "Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше

Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию (Зиновьеву), как наиболее близким товарищам В. И. и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности"52. Мы не знаем точно, когда Ленину стало известно об этом инциденте, но он о нем узнал. И 5 марта 1923 г. вместе с письмом Троцкому, в котором просил его взять на себя защиту грузинского дела в ЦК, Ленин продиктовал короткую записку Сталину, помеченную грифом "Строго секретно" и "Лично", но посланную в копии Каменеву и Зиновьеву. В записке говорилось: "Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением Ленин"53. 246 Затем Ленин попросил Володичеву пока письмо не посылать, очевидно желая, чтобы Крупская предварительно с ним ознакомилась. Прочитав письмо, она в большой тревоге пошла к Каменеву. "Владимир только что продиктовал стенографистке письмо Сталину о разрыве с ним всяких отношений, — сказала она и добавила: — Он бы никогда не пошел на разрыв личных отношений, если б не считал необходимым разгромить Сталина политически"54. 6 марта Володичева в дневнике дежурных секретарей записала, что Крупская просила этого письма не посылать, но что она (т. е. Володичева) настояла на выполнении распоряжения Ленина и 7 марта передала письмо лично Сталину, который тотчас же продиктовал ответ, содержащий требуемые извинения55. Крупская не знала, что решение о политическом уничтожении Сталина созрело по крайней мере двумя месяцами ранее. В последнюю неделю декабря 1922 г. Ленин продиктовал записки, впоследствии ставшие известными как его "завещание". Начал он 23 декабря с раздела, в котором советовал расширить число членов ЦК до 50 — 100 человек. Эта запись была передана Сталину для информирования ЦК. Сохраняя в секрете (даже от Крупской) остальные разделы документа, Ленин продолжал диктовать в течение последующих двух дней. В этой секретной части он пояснил, что численное увеличение ЦК было необходимо для того, чтобы предотвратить раскол в партии, большую часть опасности которого составляют отношения между Сталиным и Троцким. И далее следовало: "Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела. Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно. Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому. 247 Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин

не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики). 25.XII. Затем Пятаков — человек, несомненно, выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе. Конечно, и то и другое замечания делаются мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая дополнить свои знания и изменить свои односторонности". К этому разделу Ленин 4 января 1923 г. сделал добавление, рекомендуя переместить Сталина с поста Генерального секретаря. И если, начиная диктовать, он, возможно, еще и не был полностью уверен в необходимости лишить Сталина власти, то теперь все сомнения рассеялись. Поэтому продолжение этого раздела записей имело следующее содержание: "Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или эта такая мелочь, которая может получить решающее значение"⁵⁶. Тот, кто станет изучать документы, объясняющие причины принятия Лениным по данному вопросу столь жесткого решения, легко обнаружит ключ к разгадке в слове "грубость", которое означает не только оскорбительную речь, но и оскорбительные поступки. И в последних высказываниях Ленина о Сталине это слово играет весьма существенную роль. Свое письмо к Сталину от 5 марта с требованием извинений Ленин начал с упоминания грубости по отношению к Крупской. Вполне возможно, 248 что Ленин узнал об инциденте в конце декабря или начале января, то есть вскоре после случившегося, и что грубость Сталина в отношении жены Ленина в какой-то степени повлияла на решение сделать уже упоминавшееся добавление⁵⁷. Но не следует полагать, что то была единственная причина. В конце своих записей по национальному вопросу, продиктованных 30 и 31 декабря, Ленин сказал о необходимости в обращении великороссов с малыми народами избегать всяких грубостей. И в это время он думал о скандальном случае рукоприкладства, допущенного Орджоникидзе по отношению к Кобахидзе. Как писала Фотиева в мемуарах, из грузинских источников до Ленина доходила также информация о намерениях Сталина и Орджоникидзе выжечь националистические настроения каленым железом. Для Ленина все это было примером грубости не только в отношениях между отдельными людьми, но и в политических отношениях между некоторыми руководителями и целыми социальными группами — нерусскими народностями. Более того, в своих записях он дал понять, что за проявленную в Грузии коллективную грубость Сталин несет большую, чем Орджоникидзе, ответственность. Через четыре дня, когда все это было еще свежо в памяти, Ленин продиктовал добавление. Стоит ли удивляться, что он начал словами: "Сталин слишком груб..." Документ, в котором это добавление появилось, стал в известной мере "завещанием" Ленина (его так впоследствии и называли). Ленин, по-видимому, не исключал возможности, что записи будут его посмертным наказом партийному руководству. И все-таки

подобное определение может в какой-то степени ввести в заблуждение, ибо Ленин диктовал письмо тому самому съезду, на котором все еще надеялся лично присутствовать или которым, на худой конец, полагал руководить из Горок с помощью письменных директив. Сознвая, что может умереть или в любой момент полностью потерять работоспособность, Ленин, однако, надеялся прожить и сохранить достаточную активность еще некоторое время. И, проявляя в обращении с документом сугубую осторожность, стремясь сохранить его содержание в строгом секрете (что совершенно естественно, когда речь идет о завещании), Ленин тем не менее тешил себя надеждой, что не кто иной, а он сам вскроет запечатанный конверт и обнаружит его содержание, используя материалы в политических целях. Все упования Ленина были связаны с 30 марта, когда намечалось открыть XII партийный съезд. В какой-то момент врачи дали понять, что после недели абсолютного покоя он, возможно, окажется в состоянии выступить на съезде. И вот перед тем, как 24-го декабря диктовать Володичевой, Ленин сказал: "Я хочу Вам продиктовать письмо к съезду. Запишите!"⁵⁸ Отсюда следует, что, по замыслу Ленина, "Письмо к съезду" (названное так Володичевой) отчасти и было той бомбой, которую он намеревался взорвать на XII съезде и устранить Сталина с поста Генерального секретаря партии. Деятельность Ленина на данном отрезке времени и в последующий период свидетельствует о том, что он методически продвигался к этой цели. Все материалы, которые он готовил к съезду, предназначались, помимо прочего, для того, чтобы создать почву для смещения Сталина путем развертывания политической критики, за которой эта мера последовала бы как естественный организационный вывод. Критику намечалось главным образом сосредоточить на политической ответственности Сталина за грузинское дело и за раздувание великорусского национализма. Для этого Ленин располагал предварительными записями от 30 — 31 декабря и новым материалом — докладом своих секретарей по работе комиссии Дзержинского в Грузии. Вместе с тем Ленин планировал построить обвинение на основании и других политических проблем. Как отмечалось выше, Ленин хотел использовать съезд в качестве платформы для продолжения наступления в вопросе внешнеторговой монополии, которой Сталин упорно противился. Еще одна откровенно нацеленная на Сталина атака касалась бюрократизма в советских учреждениях. В двух последних статьях, продиктованных в январе и в первых числах февраля, Ленин развернул кампанию против бюрократии, избрав в качестве примера Рабкрин, которым (прежде чем стать в апреле 1922 г. Генеральным секретарем) руководил Сталин. Первая из них, озаглавленная "Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)", начиналась с утверждения, что советский госаппарат, за исключением Наркоминдела, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого. Подобно тому как в самые опасные моменты гражданской войны правительство искало спасения, мобилизуя в Красную Армию лучших рабочих, ему, по мысли Ленина, следовало опять обратиться за помощью к массам. Как полагал Ленин, чтобы превратить Рабкрин в эффективную службу преобразования государственного управления, его аппарат следовало бы сократить до 300 — 400 проверенных служащих, хорошо знакомых с особенностями управленческого и канцелярского труда, и слить Рабкрин с ЦКК, состоящей из 75 — 100 вновь избранных рабочих и крестьян, обладающих всеми правами членов ЦК. Определенному числу членов ЦКК нужно было присутствовать на заседаниях Политбюро и проверять все документы, поступающие на рассмотрение. И тогда, заметил Ленин, уменьшится влияние "чисто личных и случайных обстоятельств" в ЦК и понизится опасность раскола. Более того, членам ЦКК следовало "составить сплоченную группу, которая,

"невзирая на лица", должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог бы помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел". Выражение "ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК" было стрелой, пущенной непосредственно в Сталина, и все это так и поняли. Вероятно, лучше всего это подтверждает тот факт, что при переиздании статьи в сталинский период данное выражение опускалось⁵⁹. Во второй статье, названной "Лучше меньше, да лучше", Ленин перешел от колючих фраз к прямым обвинениям. Значительная часть сочинения представляла собой сокрушительную критику Сталина, которая развертывалась на основе ленинских идей о реорганизации Рабкрина. Дела с госаппаратом, говорилось в начале статьи, до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что следовало искать пути борьбы с его недостатками. Необходимо было, по мысли Ленина, сделать Рабкрин орудием улучшения аппарата и образцовым учреждением, которыми он пока не является. "Будем говорить прямо, — писал Ленин. — Наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать". И чтобы никто не усомнился в том, что под огнем критики находится именно Сталин (поскольку официально он больше не руководил этим учреждением), Ленин по ходу изложения задал вопрос "любому из теперешних руководителей Рабкрина или из лиц, прикосновенных к нему, может ли он сказать мне по совести — какая надобность на практике в таком наркомате, как Рабкрин?" (курсив мой — Р. Т.). И прежде, чем перейти к выводам, Ленин еще раз ударил по Сталину как главному попечителю партийного аппарата. Он, в частности, заметил: "В скобках будь сказано, бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных"⁶⁰. Статью "Лучше меньше, да лучше" Ленин начал диктовать 2-го, а закончил 7 февраля. Через два дня он сказал Фотиевой, что намерен поставить вопрос о Рабкрине на партийном съезде. 10 февраля Ленин поручил Фотиевой передать статью на два дня Цюрупе (преемнику Сталина на посту комиссара Рабкрина) для прочтения. Здесь в работе Ленина наступил перерыв, и он вновь занялся окончательной отделкой статьи лишь 2 марта⁶¹. Как видно, в этот промежуток времени предпринималась попытка 251 воспрепятствовать ее публикации. Как сообщил Троцкий в своем "Письме в Истпарт", Бухарин (тогда редактор газеты "Правда") не решался санкционировать печатание статьи. На специальном заседании Политбюро (созванном по требованию Троцкого после того, как Крупская по телефону попросила помочь в данном деле) Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Калинин и Бухарин выступили против публикации статьи, а Куйбышев даже предложил для успокоения Ленина отпечатать ее в единственном экземпляре "Правды". Однако Троцкий, поддержанный Каменевым, в конце концов одержал верх, доказав, что любое произведение Ленина просто невозможно утаить от партии⁶². "Лучше меньше, да лучше" появилась в "Правде" 4 марта. На следующий день Ленин продиктовал короткие письма Троцкому и Сталину. Очевидная цель первого, в котором он просил Троцкого выступить в Центральном Комитете в защиту грузинского дела, состояла в том, чтобы подвергнуть Сталина критике на предсъездовском пленуме — этом высшем партийном совете. Не столь понятно место в плане действий Ленина короткого послания Сталину. Вопреки распространенному мнению, в нем не говорилось о разрыве отношений со Сталиным, а лишь содержалась угроза такого разрыва, если Сталин не извинится и не возьмет назад грубые слова, сказанные Крупской 22 декабря. Следовательно, можно предположить, что цель послания заключалась в том, чтобы заставить

Сталина признать вину за имевшую место грубость⁶³. Зачем Ленину понадобилось подобное заявление, да еще и в письменном виде, догадаться нетрудно. Как мы уже видели, он готовил затрагивающее многие аспекты письмо против Сталина, имея в виду сместить его с должности Генерального секретаря. В качестве главного обвинения выдвигалась чрезмерная грубость Сталина. И чтобы, несмотря на возможные попытки некоторых кругов оправдать Сталина, сделать обвинение неопровержимым, Ленин (юрист по образованию) хотел этот факт задокументировать. Доклад комиссии по результатам разбирательства в Грузии, должно быть, предоставил Ленину достаточное для этой цели количество материала, который он, однако, решил дополнить сообщением (несомненно, на закрытом заседании) о грубой выходке Сталина по отношению к Крупской. В данном случае документация имела бы вид собственноручного признания Сталиным своей вины. Наверняка план Ленина удался бы, если здоровье позволило бы изложить суть дела перед судом партийного съезда. Но ко времени открытия съезда в середине апреля Ленин полностью утратил способность к активной деятельности. И бумаги с рекомендациями, касавшимися смещения Сталина с занимаемой 252 должности, были вскрыты только спустя некоторое время после смерти Ленина в январе 1924 г. Хотя паралич и смерть Ленина явились для Сталина политическим спасением, нет никаких свидетельств, что Сталин что-то предпринимал, чтобы ускорить подобный исход. Это нужно особо подчеркнуть в связи с подозрением, высказанным позднее Троцким. Как он писал, на заседании Политбюро в конце февраля 1923 г. Сталин в присутствии Каменева, Зиновьева и самого Троцкого сообщил, что его (Сталина) внезапно позвал к себе Ленин и попросил яду. На замечание Троцкого, что доктор Гетье (домашний врач Ленина и Троцкого) не отказался от надежды на выздоровление Ленина, Сталин ответил: "Я высказал ему все это... Но он не желает слушать никаких доводов. Старик мучается и хочет иметь яд под рукой. Он использует его только в том случае, если убедится, что положение безнадежно". По словам Троцкого, голосования не проводилось, но присутствовавшие на заседании разошлись с четким пониманием того, что просьбу Ленину они не вправе даже обсуждать. Троцкий добавил, что может ошибиться в некоторых деталях эпизода, но не в том, что он имел место⁶⁴. Вероятно, Троцкий перепутал даты, ибо, как видно из записей Фотиевой, единственными официальными лицами, с которыми Ленин встречался после 23 декабря 1922 г., были три личных секретаря и врачи. Кроме того, вставал естественный вопрос о том, почему Троцкий так долго молчал об инциденте, выставлявшем в зловещем свете его главного противника⁶⁵. Но независимо от ответа на данный вопрос ясно одно: откровенная фальсификация исторических событий противоречила характеру Троцкого. Кроме того, нет ничего невероятного в том, что Ленин, опасаясь длительного периода паралича, который мог предшествовать смерти, попросил яду, и именно у Сталина, уполномоченного партией следить за соблюдением больным предписанного врачами режима. Бесполезно гадать, действительно ли Ленин, как заявляет Троцкий, видел в Сталине единственного человека, который мог согласиться выполнить просьбу о яде. Если он и обращался к Сталину с подобной просьбой, то это могло произойти или до 13 декабря, или же в тот самый день, когда они встретились в последний раз. Ничем не подтверждается и гипотеза Троцкого о том, что Сталин, возможно, на свой страх и риск взялся исполнить просьбу Ленина. Поступить таким образом после обсуждения проблемы с остальными членами Политбюро, которые как один высказались против, было бы слишком рискованно в политическом отношении (если бы об этом узнали). К тому же у Сталина в то время было меньше оснований 253 опасаться выпадов Ленина, чем в начале марта. Помимо возможного влияния других сдерживавших факторов, Сталин не принадлежал к людям, готовым пойти на

подобный риск. Сталин и культ Ленина Как мы уже видели, в последние годы жизни Ленина только его протесты одерживали рост народного преклонения перед ним. Поэтому неудивительно, что возникновение культа Ленина совпало с периодом его болезни и кончины. Подобная тенденция четко проступила уже в той манере, в которой на XII съезде говорили о Ленине и его учении. Задал тон, открывая съезд, Каменев. Он, в частности, сказал: "Мы знаем только одно противоядие против любого кризиса, против любого неверного решения: это учение Владимира Ильича". Но все сдерживающие начала исчезли сразу же после смерти Ленина, и его культ расцвел пышным цветом, превратившись в один из институтов советского коммунизма. Толчком послужила целая серия изданных в это время правительственных постановлений. День смерти Ленина, 21 января, объявили ежегодным днем траура. Петроград переименовали в Ленинград. Памятники Ленину надлежало воздвигнуть в Москве и других крупных городах. Вновь созданному Институту В. И. Ленина поручалось подготовить массовое издание его трудов на различных языках. И якобы для того, чтобы предоставить всем, кто не смог прибыть в Москву в день похорон, возможность проститься с Лениным, было решено гроб с его телом установить в склепе, сооруженном у Кремлевской стены на Красной площади, и сделать доступным для посещения народом. Примечательное заявление в связи с последним решением сделал Зиновьев в статье, напечатанной в газете "Правда" 30 января 1924 г. "Как хорошо, сказал он, — что решили хоронить Ильича в склепе! Как хорошо, что мы вовремя догадались это сделать! Зарыть в землю тело Ильича — это было бы слишком уж непереносимо". Со временем, продолжал он, поблизости вырастет музей Ленина, и постепенно вся Красная площадь превратится в "Ленинский городок", и в грядущие десятилетия и века сюда начнет паломничество сотен миллионов людей не только со всех концов России, но и со всего мира. И забальзамированное тело было выставлено в небольшом деревянном склепе, который превратился в главную святыню культа Ленина. Толпы правоверных или просто любопытствующих текут с тех пор ежедневно нескончаемым потоком мимо стеклянного гроба, и на Красной площади длинные очереди тер-254 пеливо ждущих людей стали привычной картиной во все времена года. Когда в 1929 г. сооружение из дерева заменили мавзолеем из гранита, культ Ленина прочно вошел во все сферы советской общественной жизни. Институт В. И. Ленина готовил к печати собрания сочинений и проводил исследование его трудов, которые цитировались, подобно Священному писанию, для обоснования идей по бесчисленным проблемам. Жизнь и деятельность Ленина стала темой великого множества книг, с которыми знакомились советские люди уже в первые школьные годы. Всюду были его портреты, статуи, бюсты. По словам иностранцев, много путешествовавших по России во второй половине 20-х годов, даже в крестьянских избах можно было встретить дешевую репродукцию портрета Ленина, нередко висевшую рядом с иконами⁶⁶. Появился Музей Ленина, а "ленинские уголки" стали неотъемлемой принадлежностью любого советского учреждения — будь то школа, или деревенская изба-читальня, или место заключения. С помощью портрета или бюста Ленина как главного экспоната и выдержек из его сочинений в качестве пояснительного текста "ленинский уголок" должен был демонстрировать связь между соответствующим учреждением и учением вождя. Так чем же можно объяснить возникновение при советском коммунизме культа Ленина? Глубоко не вдаваясь в суть проблемы, западная наука предложила ряд объяснений. Одни ученые полагали, что большевистское руководство действовало, исходя из соображений практической политики. Создавая культ усопшего вождя, оно будто бы стремилось укрепить еще молодую Советскую власть среди населения, состоящего преимущественно из крестьян и привыкшего к отеческому правлению царя.

Существует похожее, но более замысловатое объяснение, согласно которому новый общественный строй, руководимый людьми, воспитанными в духе марксистского рационализма, вобрал в себя отдельные элементы древней русской культуры, и прежде всего присущую ей религиозность. С этой точки зрения культ Ленина с его священными символами и тщательно разработанным ритуалом представлялся соединением некоторых элементов византийской традиции и обычаев греческого православия с советским коммунизмом, а Сталин (марксист Востока и продукт греческой православной семинарии Тифлиса) — основной действующей силой данного процесса⁶⁷. Сторонники подобного объяснения обычно ссылаются на удивительную "клятвенную" речь Сталина, произнесенную 26 января 1924 г. на II Всесоюзном съезде Советов. И хотя, помимо Сталина, выступило много других видных большевиков, именно в его словах наиболее отчетливо прозвучало риторическое возвеличивание почившего вождя. Как мы уже отмечали⁶⁸, Сталин тогда начал с яркого определения членов партии как приверженцев харизмы Ленина. Затем от имени партии он дал клятву выполнить "заповеди" Ленина: держать в чистоте великое звание члена партии, как зеницу ока беречь единство партии, защищать и укреплять диктатуру пролетариата, всеми силами крепить союз рабочих и крестьян, упрочивать и расширять союз республик, быть верными принципам Коммунистического Интернационала. Обращает на себя внимание библейская фразеология речи Сталина, по своей форме (монотонный, единообразный обет, следовавший за каждой заповедью) похожая на литургию с характерными признаками православной молитвы⁶⁹. Выделение роли Сталина в создании культа Ленина вполне оправданно. Помимо того вклада, который он внес своей "клятвенной" речью, ему, по всей видимости, принадлежит главная заслуга в решении выставить забальзамированное тело Ленина для народного поклонения и тем самым дать коммунизму Гроб Господень. Этот шаг поверг в смятение многих большевиков. И должно быть, именно этот шаг побудил овдовевшую Крупскую поднять голос протеста против насаждения культа Ленина. В заметке, опубликованной в "Правде" 30 января 1924 г. якобы с целью отблагодарить всех тех, кто выразил свое соболезнование, Крупская умоляла не допустить того, чтобы траур по Ленину принял форму "внешнего почитания его личности". Она просила не воздвигать ему памятников, дворцов его имени, не устраивать пышных торжеств в его память. В заключение Крупская писала: "Хотите почтить имя Владимира Ильича — устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т. д. и самое главное — давайте во всем проводить в жизнь его заветы"⁷⁰. К тому времени решение поместить тело Ленина в склеп было уже обнародовано и стало необратимым. Есть вместе с тем свидетельства того, что значительно раньше, когда это решение еще можно было предотвратить, энергичные протесты со стороны лиц более влиятельных, чем Крупская, также оказались безрезультатными и что главным вдохновителем плана бальзамирования являлся Сталин. Об этом заявляет Валентинов, который ссылается на самого Бухарина. В его изложении идею бальзамирования впервые высказали Сталин и Калинин на совещании шести высших советских руководителей в конце 1923 г., то есть после того, как здоровье Ленина вновь резко ухудшилось. Подчеркнув необходимость заблаговременного тщательного планирования процедуры похорон, с тем чтобы быть готовыми к такому событию, Сталин, 256 по рассказам, сослался на некоторых "товарищей в провинции", по мнению которых Ленина, по национальности русского, следовало похоронить по русскому обычаю. Общепринятая практика кремации умерших партийных руководителей, утверждали они, не соответствовала бы сложившимся традициям, поскольку русские всегда видели в сожжении тела умершего как бы последний, высший суд над

теми, кто подлежал казни. Согласившись с подобной точкой зрения, Сталин напомнил, что современной науке известны способы сохранения тела усопшего (бальзамирование) в течение длительного времени, достаточно для того, чтобы народное сознание сумело свыкнуться с мыслью, что Ленина больше все-таки нет. Уловив, куда клонит Сталин, некоторые присутствовавшие руководители начали решительно возражать. Троцкий подчеркнул, что бальзамировать останки Ленина — это значит под коммунистическим флагом воскресить практику русской православной церкви поклонения мощам святых угодников. Далее он заявил, что неназванные товарищи из провинции с наукой марксизма не имеют абсолютно ничего общего. В полном согласии с Троцким и с не меньшим негодованием говорил Бухарин, доказывая, что делать из останков Ленина бальзамированную мумию — это оскорбительно для его памяти и совершенно противоречит ленинскому материалистическо-диалектическому мировоззрению. В этой связи Бухарин напомнил о предложении некоторых партийных кругов перенести останки Маркса из Лондона и перезахоронить у Кремлевской стены, чтобы тем самым прибавить святости этому месту, и заметил, что "странным духом" несет из каких-то щелей в партии. Каменев выступил в том же ключе. Он отметил, что присвоение Петрограду имени Ленина и издание миллионными тиражами его сочинений — это вполне подходящие способы почтить память Ленина, но что предложение относительно бальзамирования его тела — это отголосок того "поповства", которое Ленин бичевал в своем философском труде "Материализм и эмпириокритицизм"⁷¹. Несмотря на свидетельства особой ответственности Сталина за решение относительно бальзамирования тела Ленина, тенденция изображать его чуть ли не создателем культа Ленина является ошибочной. Если говорить в более общих чертах, то ни один из изложенных выше взглядов на происхождение культа, по-видимому, не отвечает в полной мере истине, хотя в каждом содержится какая-то ее доля. Большевикские руководители, конечно же, желали использовать символ Ленина как средство пропаганды для усиления народной поддержки своего режима, и это соображение, возможно, помогло преодолеть присущее им 257 как марксистам отвращение к мумифицированию тела Ленина. Есть также доля правды и в теории, согласно которой возникновение культа Ленина — это рецидив русской религиозности, имевший место при содействии (может быть, частичном) Сталина. Но все эти объяснения неисчерпывающи, по крайней мере по двум причинам. Одна связана со Сталиным, другая — с большевистским движением. Безусловно, Сталин имел большое влияние на весь процесс создания культа Ленина, однако указание на его восточную натуру и религиозное воспитание в духе русского православия еще не объясняет в полной мере, почему он так поступил. Совершенно очевидно, что Сталин не придерживался религиозных взглядов в общепринятом понимании. Хотя он временами и использовал традиционные церковные выражения, например назвав членство в партии "святая святых", Сталин, как и другие старые большевики, был тверд в своем марксистском атеизме. Он признавал и поклонялся единственному богу — "богу истории", к которому он взывал от имени революционной России, выступая в 1920 г. в Бакинском Совете. Но именно это обращение свидетельствует о том, что марксизм Сталина имел своеобразный религиозный налет. Он представлял себе историю как драму столкновения добра и зла, в которой классы, государства и отдельные личности играют чрезвычайно важную роль. Более того, марксизм Сталина был набором догм по фундаментальным вопросам. С этих позиций привнесение с помощью культа Ленина в нарождающуюся коммунистическую культуру России определенных обрядов и ритуалов могло показаться ему совершенно естественным, как, впрочем, и многим другим большевикам того

времени. Доктринерский марксизм Сталина почти с самого начала был марксизмом по Ленину, или "марксизмом-ленинизмом", если использовать выражение, которое в России 30-х годов само превратилось в догму. Эта побудительная причина возведения Ленина и его учения на пьедестал дополнялась практической политической заинтересованностью в том, чтобы еще выразительнее подчеркнуть права старых ленинцев, подобных Сталину, в противовес бывшим противникам Ленина, к которым принадлежал Троцкий. Но другая, и главная, причина связана со значением Ленина в жизни Сталина. Когда Сталин в молодости начал отождествлять себя с Лениным, взяв его за образец героя в революционном движении и намереваясь стать его боевым товарищем, он сформировал для себя собственный культ личности, ставший главной осью, вокруг которой вращался весь его внутренний мир. Это был двойной культ, при котором Ленин и Сталин как два прославляемых вождя оказывались неразрывно 258 связанными с исторической судьбой русского коммунизма. Следовательно, взяв на себя инициативу в деле создания народного культа умершего Ленина, Сталин выразил глубоко скрытые мысли и (возможно, подсознательно) подготовил почву для будущего культа второго вождя. Такое объяснение основывается на предположении, что Сталин вообще-то не испытывал враждебных чувств к Ленину, несмотря на моменты напряженности в отношениях между ними, о которых шла речь выше. В сущности, единственным официально зафиксированным свидетельством неприязни может служить вскользь упомянутый "национальный либерализм товарища Ленина", который к тому же явился следствием излишне горячей реакции на упрек Ленина в торопливости при решении конституционных проблем. Конечно же, Сталин в самом деле не одобрял "национальный либерализм" и больше не считал больного Ленина 1922 и начала 1923 г. прежним гигантом. Не исключено также, что ухудшение здоровья он относил на счет, как ему представлялось, политических упущений Ленина. Возможно, конфликт возник еще и потому, что Сталин слишком рано начал действовать в роли второго вождя или официального преемника, то есть в роли, давно предусмотренной его собственным жизненным сценарием. Во время конфликта, однако, он не занимал по отношению к Ленину агрессивно-враждебной позиции; скорее можно говорить о воинственном настрое Ленина против Сталина. Ведь ссора с единственным человеком, так много значившим в его сознательной жизни, — с человеком, к которому, судя по имеющимся в нашем распоряжении немногим свидетельствам, он питал что-то вроде любви, сопровождалась бы для Сталина чрезвычайно тяжелыми переживаниями. Такой оборот дела был бы чреват одними неприятностями, ибо даже и очень больной, но готовый к борьбе Ленин представлял собою грозного противника. И вряд ли у Сталина на этот счет были какие-либо иллюзии, когда он получил от Ленина последнюю холодно-враждебную записку, требовавшую извинений за грубую выходку по телефону в отношении Крупской. И когда через несколько дней Ленина парализовало, Сталин, должно быть, испытал чувство огромного облегчения. Но отношения, на которых покоится структура человеческого самоотождествления, обычно противятся разрушению. В рассматриваемом же случае это сопротивление должно было быть особенно сильным, поскольку объект личного культа имел не одну (Ленин), а двойную фамилию (Ленин-Сталин). И самооценка Сталина была, таким образом, тесно связана с его поклонением Ленину. По этой причине тяжелая болезнь и смерть 259 Ленина, возможно, принесли Сталину как политическое, так и психологическое избавление. Ленин, с которым не нужно было больше соперничать и которого теперь не было нужды опасаться, стал Лениным, которому можно было, как прежде, поклоняться и чьим заповедям можно было присягать на вечную верность, как это сделал Сталин в своей "клятвенной" речи. К такому Ленину

можно было снова питать те безраздельные чувства благоговения и восторга, о которых Сталин, обычно не расположенный открыто признаваться в сокровенном, говорил 28 января, выступая перед кремлевскими курсантами. Но Сталин вовсе не был единственным большевиком, испытывавшим к Ленину подобные чувства и выражавшим их в тот период народной скорби, когда возник культ Ленина. Поэтому нам кажется, что объяснения данного явления, которые не учитывают феномена большевизма, страдают крупным недостатком. Рассмотренные во второй главе книги факты свидетельствуют о том, что большевистское движение содержало в себе скрытые тенденции к созданию культа Ленина. Они стали заметны при проявлениях чрезмерного превознесения его личности, имевших место в партии по различным поводам в последние годы жизни вождя. Необходимо понять (как это, по-видимому, к своему ужасу, обнаружил Ленин), что то были лишь предвестники будущих событий, представлявшие культ личности в зародыше. Со смертью Ленина исчезли все препоны, которые он при жизни воздвиг на пути свободного выражения чувств большевиков по отношению к нему, и сразу же стали заметны упоминавшиеся выше тенденции. До нас дошли свидетельства о рыдающей людской массе, когда Калинин 22 января объявил о смерти Ленина сотням делегатов, собравшихся на заседание съезда Советов. Большевики скорбели; мало того — у всех появилось чувство, свойственное внезапно осиротевшим людям. Это чувство нашло образное выражение в заголовке одной из статей "Правды" за 24 января, названной коротко: "Осиротелые". В том же номере была напечатана статья Троцкого, спешно переданная с Кавказа по телеграфу. "Партия осиротела, — говорилось в ней. — Осиротел рабочий класс. Именно это чувство порождается прежде всего вестью о смерти учителя, вождя". В редакционной статье, написанной Бухариным и озаглавленной "Товарищ", присутствовал аналогичный образ. "Товарищ Ленин, — писал Бухарин, — ушел от нас навсегда. Перенесем же всю любовь к нему на его родное дитя, на его наследника — на нашу партию". Еще более примечательная символика содержалась в обращении Центрального Комитета ко всем членам партии и трудящимся. Умер человек, говорилось в начале обращения, 260 под боевым водительством которого партия водрузила красное знамя Октября по всей стране. Умер основатель Коминтерна, вождь мирового коммунизма, любовь и гордость международного пролетариата, знамя угнетенного Востока, глава рабочей диктатуры в России. Продолжая в том же духе, обращение неожиданно сбилось на полумистический тон: "Но его физическая смерть не есть смерть его дела. Ленин живет в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина. Вся наша коммунистическая семья есть коллективное воплощение Ленина". В своей траурной статье Троцкий сказал то же самое, но более простыми словами. "В каждом из нас, — писал он, — живет частица Ленина — то, что составляет лучшую часть каждого из нас". В свете подобных фактов, число которых можно приумножить, нельзя согласиться с той точкой зрения, что культ Ленина был чужд самой природе русского коммунизма и что его можно объяснить только влиянием пережитков прошлого, носителем которых явился получивший церковное воспитание восточный большевик по имени Сталин. Этот культ в момент формирования представлял собою коллективное проявление партийных чувств к своему вождю. Некоторые из наиболее просвещенных (с точки зрения западной культуры) большевиков выражали свои эмоции особенно живо и горячо. Возможно, что редакционной статье Бухарина и недоставало ритуального ритма сталинской "клятвенной" речи (текст которой появился в "Правде" лишь 30 января), но зато ее эмоциональное воздействие было значительно сильнее, и она, по-видимому, в большей степени способствовала возникновению культа Ленина. "Точно разрушилась центральная станция пролетарского ума, воли, чувства,

которые невидимыми токами переливались по миллионам проводов во все концы нашей планеты, — писал Бухарин. — Товарищ Ленин был прежде всего вождем, таким вождем, каким история дарит человечество раз в сотни лет, по именам которых потом отсчитывают эпохи. Он был величайшим организатором масс. Точно великан, шел он впереди людского потока, направляя его движение". Бухарин постарался объяснить величие Ленина как руководителя масс необычайной чуткостью к их запросам. Но он же подчеркнул и авторитарные качества его руководства. "Он был диктатором в лучшем смысле этого слова, заявил Бухарин. — Впитывая в себя, точно губка, все токи жизни, перерабатывая в своей изумительной умственной лаборатории опыт сотен и тысяч людей, он в то же время мужественной рукой вел за собой, как власть имеющий, как авторитет, как могучий вождь". И в заключение Бухарин следующим образом описал отношение к Ленину сподвижников: "Вряд 261 ли можно найти в истории такого вождя, который был бы так любим своими ближайшими соратниками. У всех у них было к Ленину какое-то особое чувство. Они его именно любили". Ссылаясь на ленинскую критику возвеличивания личности, советские публикации послесталинского периода осудили культ Сталина, процветавший в 30-е и 40-е годы, как не свойственное коммунистической идеологии явление. Культ личности якобы вообще противоречил самой природе коммунизма как движения и как системы⁷². Наше исследование заставляет усомниться в справедливости подобного утверждения. Оно по меньшей мере демонстрирует, что возникновение первоначального коммунистического культа личности не было какой-то аномалией. Напротив, этот культ явился естественным и непосредственным продуктом русского коммунизма, который как движение обрел в Ленине харизматического руководителя. Его собственная антипатия к восхвалениям ни в коей мере не обесценивает этот вывод. Данное обстоятельство доказывает лишь то, что первый и наиболее затяжной культ коммунистического лидера не был результатом стремления этого лидера к личной славе. Судьба "завещания" Хранившаяся в тайне в момент написания часть "Письма к съезду" несколько месяцев после того, как умер Ленин, оставалась нераспечатанной. Вероятно, для душевного равновесия Сталина было счастьем, что в те напряженные дни он продолжал работать, не ведая о том, что Ленин имел намерение сместить его с поста Генерального секретаря. Перенести этот удар было достаточно трудно и тогда, когда для него подошло время. В конце мая 1924 г. собрался XIII съезд партии, первый после смерти Ленина. Незадолго до этого, 18 мая, Крупская передала в Центральный Комитет секретную часть "Письма", присовокупив записи, продиктованные 24 — 25 января 1922 г., а также добавление от 4 января 1923 г. В сопроводительном документе она пояснила, что "Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эти записи после его смерти были доведены до сведения очередного партийного съезда". Видимо, материал сначала попал к Сталину как Генеральному секретарю. Со слов других, Троцкий рассказывал, что пакет вскрыл Сталин в присутствии своего помощника Льва Мехлиса и еще одного работника аппарата ЦК, Сергея Сырцова. После прочтения Сталин якобы разразился бранью по адресу Ленина⁷³. Затем 21 мая завещание представили Центральному Комитету, собравшемуся на пред-262 съездовский пленум. Один из сотрудников секретариата Сталина, присутствовавший в качестве технического секретаря и впоследствии эмигрировавший, следующим образом описывает реакцию зала, когда Каменев зачитывал документ: "Мучительная неловкость парализовала собрание. Сталин, сидевший в президиуме, чувствовал себя приниженным и жалким. Несмотря на самообладание и деланное спокойствие, по лицу Сталина было видно, что решалась его судьба" ⁷⁴. Избранный в предыдущем году XII съездом Центральный Комитет состоял из 40 членов и 17 кандидатов (с совещательным

голосом). И хотя среди 40 членов были такие твердые сторонники Сталина, как Молотов, Ворошилов, Киров, Микоян и Орджоникидзе, ЦК отнюдь не контролировался Сталиным. Ничто не мешало этому органу последовать конкретной рекомендации Ленина, изложенной в добавлении от 4 января. И то, что ЦК не выполнил волю Ленина, явилось вовсе не показателем силы влияния Сталина как Генерального секретаря, а результатом его ловких политических маневров среди членов руководящей группы. Во время болезни Ленина Сталин удовлетворился ролью младшего партнера в неофициальном блоке Политбюро, или триумvirате. В него также входили честолюбивый Зиновьев и его верный союзник Каменев, которые все еще смотрели свысока на Генерального секретаря как на человека с ограниченными политическими способностями и которыми прежде всего двигал страх (а в случае Зиновьева дух соперничества) перед Троцким. Боязнь прихода Троцкого к власти разделяли многие представители правящей группы. Ведь в случае низложения Сталина он в соответствии с завещанием Ленина явился бы логическим кандидатом на пост с огромным политическим влиянием. Поэтому правящая группа оказалась весьма восприимчивой к настойчивым призывам как Зиновьева, так и Каменева оставить Сталина в занимаемой должности. Зиновьев, в частности, сказал: "Товарищи, последнюю волю, каждое слово Ильича, мы, безусловно, должны считать законом... В одном вопросе, однако, мы с радостью можем сказать, что опасение Ильича не подтвердилось. Я имею в виду вопрос, касающийся Генерального секретаря. Вы все были свидетелями нашей совместной работы в последние месяцы. Как и я, вы могли убедиться в том, что опасения Ильича не оправдались"⁷⁵. По словам Бажанова, голосование по предложению Зиновьева и Каменева о прекращении прений проводилось простым поднятием рук. Сталин был спасен. Оставалось решить, как поступить с сенсационным документом, и прежде всего следует ли и в какой форме ознакомить с ним партийный съезд. Против предложения Каменева не сообщать о нем съезду выступила присутствовавшая на пленуме Крупская, и тридцатью голосами против десяти было принято решение — ознакомить с документом участников съезда в конфиденциальном порядке путем оглашения по делегациям основных партийных организаций и не обсуждать его на открытых заседаниях⁷⁶. И вышло так, что вопрос о Сталине обсуждался лишь за кулисами XIII съезда. Р. Терехов, старый большевик, переживший сталинские чистки, участник XIII съезда, впоследствии вспоминал, что "завещание" "бурно обсуждалось" на заседании украинской делегации в присутствии Зиновьева и Каменева, что его так же горячо обсуждали" и в других делегациях⁷⁷. Как видно, в момент оглашения "завещания" делегаты уже имели на руках проект постановления съезда относительно сохранения за Сталиным его партийного поста с условием, что он учтет критику Ленина в свой адрес. Сталин со своей стороны заверил, что устранит недостатки, о которых говорилось в завещании. "Решая этот вопрос, — заявил Хрущев в 1963 г., партия исходила тогда из реального соотношения сил внутри ЦК и, учитывая положительные стороны Сталина как деятеля, поверила его заверениям, что он сумеет преодолеть указанные Владимиром Ильичом недостатки"⁷⁸. Когда Сталин на послесъездовском пленуме вновь избранного Центрального Комитета предложил свою отставку, ее отклонение было, таким образом, делом предрешенным. На том основании, что "Письмо" Ленина адресовалось съезду и не предназначалось для прессы, решили его не публиковать. Но новость столь сенсационного характера, известная почти одной тысяче двумстам делегатам со всех концов страны, неизбежно должна была распространиться в партийных кругах, передаваемая из уст в уста. Она также стала известна за границей благодаря Максу Истмену, молодому американцу — стороннику Троцкого. Истмен изложил суть "завещания" и описал события,

связанные с последними месяцами жизни Ленина и последующим периодом, в опубликованной в 1925 г. книге "После смерти Ленина". Троцкий, на которого Истмен сослался как на источник, уступая изрядному давлению Политбюро, опубликовал в партийном журнале "Большевик" статью с критикой книги Истмена и назвал все разговоры о "завещании" Ленина злонамеренной фальсификацией. Однако очень скоро лидеры оппозиции, включая самого Троцкого, начали остро критиковать Сталина, упоминая, помимо прочего, "завещание" Ленина и требуя опубликовать этот документ. Подпольные типографии оппозиции стали выпускать копии "завещания", которые, по словам Зиновьева, 264 конфисковывались секретной службой в качестве доказательства нелегальной печатной деятельности. "Почему, — вопрошал Зиновьев, - "завещание" Ленина стало нелегальным документом?"⁷⁹.

Примечания_7

1 Trotsky L. *Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence*. N. Y., 1967, p. 357. Троцкий относит данный эпизод к X съезду (*My Life*. N. Y., 1930). Об этом же он говорил и в ЦК 23 октября 1927 г. (*The Real Situation in Russia*. N. Y., 1928, p. 7). Если это действительно произошло во время X съезда, то данный инцидент может объяснить, почему на послесъездовском заседании ЦК старшим по рангу секретарем избрали Молотова, а не Сталина.

2 Levin Moshe. *Lenin's Last Struggle*. N. Y., 1968, p. 35. Переписка, касавшаяся дискуссии по вопросу монополии внешней торговли, а также разъяснения относительно хода полемики см. в: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 188, 548 — 549.

3 Там же, с. 548.

4 Свидетельства того, что Сталин в самом деле настаивал на своей "ошибке", были впервые опубликованы в 1964 г. в мемуарах секретаря Ленина Фотиевой, по словам которой на письме Ленина от 13 октября 1922 г. Сталин написал: "Письмо тов. Ленина не разубедило меня..." (Фотиева Л. А. Из воспоминаний о В. И. Ленине. Декабрь 1922 г. — март 1923 г. М., 1964, с. 28).

5 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 31 — 32.

6 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 357.

7 См. выше, с. 160.

8 Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959, с. 47.

9 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 158, 183 — 184.

10 Сталин И. В. Соч., т. 5, с. 48.

11 Там же, т. 2, с. 365.

12 Там же, т. 8, с. 248.

13 Там же, т. 10, с. 51.

14 Pipes Richard. *The Formation of the Soviet Union*. N. Y., 1968, p. 281.

15 Сталин И. В. Соч., т. 13, с. 113.

16 Там же, т. 8, с. 396.

17 Там же, т. 5, с. 238 — 239, 245.

18 Там же, с. 2. Об импровизированном характере речи свидетельствует тот факт, что выступление было опубликовано в "Правде" 12 января 1921 г. по "протокольной записи".

19 Ленин В. И. Соч., 2-е изд., т. 25, с. 624.

20 Относительно трех позиций и точки зрения Сталина см.: Пентковская В. В. Роль В. И. Ленина в образовании СССР. — "Вопросы истории", 1956, в" — 3, с. 16 — 17; Pipes Richard. *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917 - 1923*, p. 271 — 272.

21 "Вопросы истории", 1956, в" — 3, с. 17 — 18.

22 Весь этот эпизод был обнародован лишь после смерти Сталина. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 556 — 560; "Вопросы истории", 1956, в" — 3, с. 13 — 24; Levin Moshe. *Lenin's Last Struggle*, ch. 4; Pipes Richard. *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917 — 1923*, ch. 6.

23 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 211 — 213.

24 Это письмо Сталина полностью не публиковалось. Ссылки на него, в особенности на обвинение Ленина в "национальном либерализме", см. в: Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 45, с. 558. Частично текст письма приводит Троцкий в: *The Stalin School of Falsification*. N. Y., 1962, p. 66 — 67.

25 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 214. Другая точка зрения на эту конституционную проблему и на разногласия между Лениным и Сталиным по национальному вопросу см. в: Levin Moshe. *Lenin's Last Sniggle*, p. 58 — 63. В работе Исаака Дейчера говорится о разделении большевистских лидеров на две категории: на уповавших на силу "активистов" и идеалистов — "теоретиков". Профессор Левин считает, что суть проблемы не в русском национализме Сталина, а в том, что его

подход к национальному вопросу с позиций сугубой управленческой эффективности противоречил более идеологическому подходу Ленина.

26 Хармандарян С. В. Ленин и становление Закавказской федерации, 1921 — 1923. Ереван, 1969, с. 361. Центральным органом управления при царизме являлась канцелярия наместника. Закавказский регион был разбит на пять губерний.

27 Там же, с. 96 - 98, 202 — 203. Об отсутствии предварительного обсуждения с тремя ЦК см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 565 — 566.

28 Хармандарян С. В. Ленин и становление Закавказской федерации, 1921 — 1923, с. 203 — 205, 214 — 215.

29 Там же, с. 206, 217. О проекте Ленина см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 255.

30 Хармандарян С. В. Ленин и становление Закавказской федерации, 1921 — 1923, с. 217.

31 Там же, с.218.

32 Там же, с.344.

33 Там же, с. 348, 369.

34 Там же, с. 351, 352 — 354.

35 Там же, с. 369 — 370. Возможно, в то время о близости Мануильского к Сталину не было широко известно.

36 Там же, с.370.

37 Микоян А. И. Дорогой борьбы. Книга первая. М., 1971, с. 433.

38 Фотиева Л. А. Из воспоминаний о В. И. Ленине, с. 54. Последнюю приведенную выше фразу использовал Сталин в своем выступлении в Тифлисе 6 июля 1921 г. В московской печати эта речь не публиковалась.

39 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 356 — 362.

40 Фотиева Л. А. Из воспоминаний о В. И. Ленине, с. 63.

41 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 328, 330.

42 Цит. по: Trotsky L. My Life, p. 484. Фотиева добавила, что слово "бомба" употребил Ленин. Немного позднее в тот же день, сознавая, что его состояние ухудшается, Ленин изменил свое решение и уполномочил Троцкого ознакомить с материалами Каменева (там же, с. 482).

43 Там же, с.486.

44 Trotsky L. *Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence*, p. 366. Троцкий, как и Сталин, отказался, и с политическим докладом выступил Зиновьев. 266

45 Сталин И. В. Соч., т. 5, с. 232, 249, 253, 256, 262, 279. Готовя тексты выступлений к включению в собрание сочинений, Сталин заменил в процитированной фразе выражение "кусочек" на "кусок". Первоначальная формулировка в: Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968, с. 204.

46 Двенадцатый съезд РКП(б), с. 95. По словам Л. А. Фотиевой (Из воспоминаний о В. И. Ленине, с. 56), письмо не только не было зачитано на съезде, но и ознакомление с ним глав делегаций накануне съезда Сталин организовал исключительно по настоянию работников личного секретариата Ленина.

47 Двенадцатый съезд РКП(б), с. 613 — 615, 573. Для иллюстрации преобладавшей на съезде атмосферы великорусского шовинизма Бухарин привел выдержку из беседы с одним из делегатов от окраинных регионов. "Ну, что у вас нового?" — спросил Бухарин. "Да что, ничего нового, — ответил он, — вот националов душим" (там же, с. 86).

48 Сталин И. В. Соч., т. 9, с. 65 — 66.

49 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 470 — 471. Сведения заимствованы из дневника дежурных секретарей, опубликованного в т. 45 (с. 457 — 486). Впервые материалы дневника были напечатаны в журнале "Вопросы истории КПСС" (1963, в" — 2). Записи в дневнике охватывают период с 21 ноября 1922 г. по 6 марта 1923 г. Как сообщает Фотиева (Из воспоминаний о В. И. Ленине, с. 63), Ленин сказал ей 24 января 1923 г., что рассказанное Дзержинским 12 декабря об инциденте с Орджоникидзе глубоко его расстроило. Это случилось накануне второго приступа инсульта.

50 Поспелов П. Н. (гл. ред.). Владимир Ильич Ленин. Биография. 2-е изд. М., 1963, с. 622. В последние месяцы жизни Ленин начал подозревать, что политические соображения - прежде всего, вероятно, стремление Сталина изолировать его от политической деятельности — влияли на решения, касавшиеся его лечебного режима. 12 февраля Фотиева записала в "дневнике": "По-видимому, кроме того, у Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкцию врачам" (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 485).

51 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 327 — 328. Над текстом письма Крупская написала, что письмо продиктовано с разрешения профессора Ферстера, а после текста добавила, что Ленин просил передать ответ по телефону (там же, с. 672).

52 Там же, с. 674 — 675. В примечании к этому собранию сочинений Ленина ссылка на Каменева и Зиновьева, наиболее близких товарищей Ленина, опущена. Полный текст письма впервые обнародовал Хрущев в своем секретном докладе, сделанном в 1956 г. Подробно этот инцидент разбирает Роберт Макнил в книге "Bride of the Revolution: Krupskaya and Lenin" (Ann Arbor, 1972).

53 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 329 — 330.

54 Tzo tsky L. My Life, p. 485.

55 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 486; там же, т. 54, с. 675.

56 Там же, т. 45, с. 345 — 346. Согласно недавно опубликованным материалам, Фотиева проинформировала Сталина о письме Ленина к съезду сразу же после того, как оно было им продиктовано. Однако не ясно: Фотиева или Володичева показала Ленину добавление от 4 января 1923 г.? См. об этом: К истории последних ленинских документов (из архива писателя Бека, беседовавшего с личными секретарями Ленина). — "Московские новости", 23 апреля 1987 г.; "Завещание Ленина" (беседа В. П. Наумова с Л. Куриным). — "Правда", 26 февраля 1988 г.

57 И в России и на Западе высказывалось предположение, что, поскольку Ленин не писал Сталину по поводу инцидента до 6 марта, Крупская, по-видимому-267 му, рассказала ему о случившемся лишь в первых числах марта. См., например: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 675 (примечание издателя); Daniels Robert V. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge (Mass.), 1960, p. 181. Из подобной аргументации, однако, следует, что Ленин писал письмо в припадке гнева, хотя это и не обязательно так. Предлагаемая мною ниже интерпретация побудительных мотивов Ленина, хорошо согласуется с предположением о том, что он узнал об инциденте почти сразу же. И тот безусловный факт, что в момент инцидента скрыть свое глубокое огорчение происшедшим Крупской было несравненно труднее, чем в начале марта, придает этому предположению дополнительную убедительную силу. Поэтому я склонен согласиться с Луи Фишером, который утверждает, что, по всей видимости, 4 января Ленин уже знал об инциденте (The Life of Lenin. N. Y., 1964, p. 647).

58 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 474. О надежде и намерении Ленина выступить на XII съезде см.: "Вопросы истории КПСС", 1963, в" — 2, с. 68. О том, что письмо предназначалось XII съезду, говорит его содержание. По этому вопросу см.: Поспелов П. Н. (гл. ред.). Владимир Ильич Ленин. Биография, с. 643. По словам Р. А. Медведева, письмо было отпечатано в пяти экземплярах: один лично для Ленина